БЕЛА КУН

О ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

БЕЛА КУН

О ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И РЕЧИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1966

От издательства

Настоящий сборник представляет собой перевод с венгерского с небольшими сокращениями вышедшей в 1958 г. в Венгрии в издательстве «Кошут» книги: *Kun Béla.* A Magyar Tanácsköztársaságról. Válogatott beszédek és irások. Kossuth Könyvkiadó, 1958.

В сборник вошли избранные статьи и речи видного деятеля венгерского и международного коммунистического движения, одного из создателей Коммунистической партии Венгрии, Бела Куна, посвященные Венгерской Советской Республике 1919 г.

Книгу открывает предисловие одного из старейших деятелей венгерского и международного коммунистического движения, члена Политбюро ЦК ВСРП тов. Ференца Мюнниха.

Текст снабжен примечаниями, частично взятыми из венгерского издания, а частично заново составленными Политиздатом.

Просим читателей присылать свои отзывы и пожелания по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция литературы по международным вопросам.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВЕНГЕРСКОМУ ИЗДАНИЮ

Выход в свет первого издания сборника статей, речей и других произведений Бела Куна — весьма знаменательное событие в истории венгерского коммунистического и рабочего движения. Труды наиболее подготовленного марксистски руководителя Венгерской Советской Республики помогут создать правильное представление о знаменательном, героическом периоде в истории венгерского рабочего класса, о его боях, победах и поражениях как до установления пролетарской диктатуры в Венгрии, так и после провозглашения Венгерской Советской Республики. Вместе с тем они показывают, что хотя революция временно и потерпела поражение, однако кровь, пролитая за нее, не пропала даром, подготовив почву для грядущих побед революции.

Перед знакомящимся с этими трудами читателем встает яркий образ несгибаемого революционера — коммуниста, трибуна, руководителя народных масс, теоретика, идущего вместе с народом — подлинным творцом истории. Мы видим, как он, руководствуясь принципом пролетарского интернационализма, в содружестве со своими соратниками энергично и неутомимо призывает к участию в гражданской войне в России, вдохновляет десятки тысяч новых борцов и тем самым готовит и воспитывает кадры для будущей социалистической революции в самой Венгрии.

Материалы, вошедшие в настоящий сборник, публикуются в хронологическом порядке.

Часть из них увидела свет еще в период Великой

Октябрьской социалистической революции. Уже в ту пору они показали взаимосвязь между борьбой венгерского пролетариата и историческими битвами русского народа. В статьях и брошюрах «Чего хотят коммунисты?», «Кому принадлежит земля?», «Кто платит за войну?», «Революция в Венгрии» Бела Кун поднимает основные проблемы социалистической революции. Он ставит вопрос: «Что может положить конец империалистической войне и наемному капиталистическому рабству?» И отвечает: революция, вооруженное восстание эксплуатируемых, диктатура пролетариата. Некоторые материалы первого раздела сборника являются важными документами, имеющими прямое отношение к созданию Коммунистической партии Венгрии (КПВ).

Второй раздел составили речи, статьи, высказывания Бела Куна периода диктатуры пролетариата, проникнутые горячей убежденностью и страстностью коммуниста-революционера. Они зажигали миллионы сердец, воодушевляли широкие массы угнетенных.

Третий раздел содержит работы, в которых даются обобщенные выводы, анализируются ошибки и просчеты, в том числе и собственные ошибки Бела Куна. Все это пронизано несокрушимой верой, боевым духом и твердым убеждением в том, что вслед за потерпевшей поражение революцией непременно придет революция победоносная.

Будучи историческими документами самоотверженной борьбы венгерских коммунистов, материалы сборника освещают, естественно, не только имевшие историческое значение победы и успехи, но и ошибки и заблуждения, которых, учитывая сложившуюся тогда международную обстановку и условия, в каких жил и боролся венгерский рабочий класс, а также теоретический уровень и опыт Коммунистической партии Венгрии и ее руководителей в то время, вряд ли можно было избежать.

В кратком введении к сборнику нельзя, разумеется, дать всесторонний анализ как допущенных ошибок, так и роли Бела Куна в венгерском и международном рабочем движении. Это должно явиться предметом специального исследования историков. Однако уже сейчас можно сказать следующее: корни ошибок лежат главным образом в том, что КПВ, несмотря на свой революционный порыв, еще не располагала достаточным опытом

и, будучи молодой партией, не имела революционных традиций. К тому же она была обременена грузом старого социал-демократического прошлого, в результате чего ее не уберегло от ошибок даже то обстоятельство, что часть ее руководителей прошла школу Великой Октябрьской социалистической революции.

Следы этих ошибок и заблуждений нетрудно обнаружить в речах и статьях настоящего сборника. Например, в определении взаимоотношений между партией и профсоюзами, между партией и Советами, в применении марксистско-ленинской национальной политики, в неправильном решении таких вопросов, как объединение рабочих партий, вопросы о земле, о стратегии и тактике партии после поражения революции, в оценке отдельных исторических событий, а также в других теоретических проблемах. Отмечая все это, мы вместе с тем должны заявить фальсификаторам и клеветникам, что указанные ошибки ни в коей мере не умаляют выдающейся роли товарища Бела Куна в истории венгерского рабочего движения. Сам Бела Кун, как правило, подвергал беспощадной критике допущенные им ошибки, в чем читатель сможет убедиться, прочитав его более поздние выступления и статьи.

Сборник статей и речей Бела Куна, который сейчас впервые увидит свет,— это далеко не полное собрание его произведений. Эти статьи, все без исключения, преследовали конкретную актуальную политическую цель: знаменовали собой либо начало какой-нибудь политической кампании, либо давали толчок ее дальнейшему развитию, либо подвергали ее критическому анализу. Без знания исторических фактов, раскрытых и проанализированных в этих статьях и речах, трудно понять сложные проблемы венгерского и международного рабочего движения того периода. Бела Кун первым из нерусских марксистов применил опыт Великой Октябрьской социалистической революции, принципы, положения и практические выводы ленинизма к рабочему движению другой страны, а именно Венгрии, и, возглавив молодую Коммунистическую партию Венгрии, руководил социалистической революцией, социалистическим государством.

Он стал во главе социалистического государства, которое, вступив в союз с советским народом, объявило войну империализму, изменило расстановку классовых

сил в Юго-Восточной Европе и предприняло попытку улучшить взаимоотношения между народами, которых веками натравливали друг на друга. Успехи, достигнутые благодаря героическим усилиям народа, рабочего класса, руководимых Коммунистической партией Венгрии, не могли свести на нет ни временно восторжествовавшая контрреволюция, ни фашистская демагогия, ибо эти успехи оставили неизгладимый след в сознании широчайших народных масс, продолжая жить в их чаяниях и оставаясь их заветной целью.

Настоящий сборник материалов о Венгерской Советской Республике нельзя считать исчерпывающим, поскольку еще не все опубликованные за границей труды Бела Куна обнаружены и не все его речи дошли до наших дней.

Как агитатор, Бела Кун вел разъяснительную работу в лагерях военнопленных, выступал на массовых митингах военнопленных, как воин, он вдохновлял своим пламенным словом отправлявшихся на фронт красных бойцов, а как партийный организатор, часто беседовал с солдатами, рабочими на заводах, выступал в качестве оратора перед народом, собравшимся на улицах и площадях. К сожалению, не все выступления, характеризующие замечательного революционного борца и его эпоху, записаны. Но и то, что удалось собрать, имеет исключительную ценность, так как позволяет ярко представить облик борца и обогащает историческим опытом. Ряд положений Бела Куна: об отношениях партии и класса, о союзе рабочего класса и крестьянства, о воздействии победоносной русской революции на борьбу народов всего мира за свою независимость — не утратили своего значения и поныне.

Повседневная борьба за осуществление ближайших задач никогда не заслоняла собой для него конечную цель — построение социализма и коммунизма. Настоящий сборник представляет собой ценнейшее учебное пособие по ленинизму, примененному на практике. Ознакомление с его материалами поможет разобраться во многих вопросах, не утративших своей актуальности и поныне. В трудах товарища Куна, написанных 30—40 лет назад, освещаются с позиций ленинизма подчас такие животрепещущие проблемы рабочего движения, что кажется, будто они написаны совсем недавно.

В трудах Бела Куна разоблачаются гнусные клеветнические домыслы врагов, с помощью которых они на протяжении десятилетий пытались умалить значение венгерской пролетарской революции 1919 г., очернить ее. Безусловно, вслед за выходом в свет настоящего сборника должно появиться — и непременно появится — историческое исследование о венгерском рабочем движении, об одной из самых блестящих страниц в истории Венгрии — о периоде венгерской пролетарской революции 1919 г. и о той исторической роли, которую сыграл в ней Бела Кун.

* *
*

Бела Кун родился 20 февраля 1886 г. в небольшом селе Лелле, где отец его был секретарем сельской управы. Школьные годы Бела Куна прошли в различных городах Трансильвании, входившей в то время в Венгерское королевство, а стало быть, и в Габсбургскую империю.

Еще в молодом возрасте Бела Кун постиг многие истины, которыми пренебрегали руководители социал-демократического движения. Живя в Трансильвании, он каждодневно наблюдал стихийное стремление трудящихся невенгерской национальности к независимости. Каждый раз, когда он возвращался в родную деревню, ему бросалось в глаза тяжелое положение безземельных крестьян, сельскохозяйственных рабочих. Он понял, каким надежным союзником рабочего класса могла бы стать влачившая жалкое существование и все чаще поднимавшаяся на бунт крестьянская беднота и какое бы это имело огромное значение.

Домашним учителем Бела Куна в его ученические годы был Эндре Ади [1], тогда еще гимназист. Позже из одного произведения Эндре Ади Бела Кун узнал о первой русской революции, и это пробудило в нем интерес к революционным событиям в России. Ему хотелось узнать о них больше и подробнее, но социалистическая пресса и издательства не знакомили читателей с проблемами русской революции, да, по всей вероятности, вряд

[1] *Ади Эндре* (1877—1919) — выдающийся венгерский поэт, революционный демократ.— *Ред.*

ли и сами-то имели ясное представление об этом. А если что и печаталось о русском рабочем движении, то там все связанное с деятельностью партии и приближающейся революцией трактовалось с меньшевистских позиций.

Молодой Бела Кун пытался найти ответы на интересовавшие его вопросы в трудах венгерских социал-демократов. Но не находил их там. Будучи студентом университета и занимаясь журналистикой, Бела Кун усиленно пополнял свои знания в области теории социализма, изучал труды основоположников марксизма. Но, несмотря на все свои старания, он, по его собственному признанию, не смог еще стать в тех условиях настоящим марксистом. «Проводниками» марксизма в Венгрии в то время были прежде всего Каутский и австрийские социал-демократы, которые преподносили марксистскую теорию, разбавленную водичкой и подчас в искаженном виде.

Шестнадцати лет Бела Кун вступил в социал-демократическую партию, а в 23 года он впервые предстал перед судом за призыв к классовой борьбе. Руководство социал-демократической партии пыталось изолировать от масс Бела Куна, как и других социалистов, протестовавших против оппортунистической политики лидеров партии. Но все эти попытки провалились, ибо к тому времени Бела Кун находился уже в самой гуще рабочего движения крупного провинциального города Клужа.

* *
*

Когда разразилась первая мировая война, Бела Кун, в противоположность руководству социал-демократической партии, занял антивоенную позицию. Его призвали в армию и отправили на русский фронт. В 1916 г. прапорщик Кун попал в плен и был направлен в томский лагерь военнопленных. Здесь он встретился с активно действовавшей венгерской революционной группой, которой руководили Имре Силади, Эрнё Зейдлер, д-р Ференц Мюнних, д-р Карой Рейнер и Бела Ярош. Эта группа занималась антимилитаристской и антимонархической агитацией среди военнопленных. Участие Бела Куна придало деятельности группы определенную марксистскую направленность. С его приходом повысился ее интерес к революционным событиям в России. Члены группы установили связь с сибирскими организациями

большевиков и там, в лагере, впервые ознакомились с некоторыми трудами Ленина. В них Бела Кун нашел ответ на многие вопросы, которые интересовали его уже на протяжении целого десятилетия. Вместе с венгерскими и австрийскими социал-демократами, находившимися в лагере военнопленных, он организовывал политические кружки.

После свержения царя по настоянию большевиков ворота лагерей военнопленных распахнулись и военнопленные — правда, с некоторыми ограничениями — получили разрешение жить в городах. Бела Кун и его товарищи переселились в город. В лагере у них к тому времени назрел уже острый конфликт с реакционным офицерством. Они обратились с просьбой принять их в местную большевистскую организацию и, таким образом, еще до Октябрьской революции стали членами коммунистической партии. Бела Куна избрали в состав руководства томской губернской партийной организации большевиков. Он писал статьи в большевистскую газету «Знамя революции».

С победой Великой Октябрьской социалистической революции военнопленные получили полную свободу и все права гражданства. В лице многомиллионной армии военнопленных революция, с одной стороны, обрела союзников, которые вскоре могли стать носителями ее идей на Западе. Но с другой стороны, военнопленные представляли собой известную угрозу, ибо в результате происков реакционного офицерства они легко могли стать резервом контрреволюции. Между силами революции и контрреволюции началась борьба за привлечение на свою сторону военнопленных. И подспудно назревавший до этого конфликт в среде военнопленных теперь прорвался наружу, вылился в открытую классовую борьбу. Инициативу по организации масс военнопленных — выходцев из рабочих и крестьян и привлечению их на сторону революции взял на себя Бела Кун, бывший самым выдающимся руководителем революционного движения военнопленных. По его почину создавались и вступали в бой первые батальоны военнопленных, называвшиеся интернациональными и действительно стоявшие на позициях интернационализма. Многие тысячи венгерских военнопленных, ставших коммунистами, были последователями Бела Куна.

В конце 1917 г. Бела Кун поехал в Петроград. Там он встретился с Лениным и другими руководящими деятелями революции. В Петрограде он изучал большевистские методы руководства, понял сущность ленинской революционной политики, основанной на союзе рабочих и крестьян, на нерушимом единстве партии и масс. Здесь, в революционном Петрограде, Бела Кун и стал настоящим большевиком.

Наступавшие немецкие войска угрожали Петрограду. Советское правительство переезжает в Москву, поехал туда и Бела Кун. К тому времени он стал постоянно сотрудничать в «Правде», помещая в ней статьи, главным образом по международным вопросам, особенно связанным с Венгрией.

В эту пору заметные сдвиги произошли и в Австро-Венгерской империи, прежде всего в Венгрии. Многое изменилось там после того, как Бела Куна отправили на фронт. Война принесла трудовому народу Венгрии невероятные страдания и лишения, а крупным землевладельцам, банкирам, фабрикантам и спекулянтам — баснословные барыши. Несмотря на почти открытую поддержку лидерами социал-демократической партии Венгрии правительства, участвовавшего в империалистической войне, классовая борьба в стране нарастала, приобретала все более целеустремленный характер и острые формы. Известия о Циммервальдской и Кинтальской конференциях, призвавших в своих резолюциях бороться против войны, хотя в полной мере и не дошли до Венгрии, но все же на основе решений этих конференций или на платформе, близкой к ним, создавались более или менее значительные социалистические пропагандистские группы, противостоявшие официальному партийному руководству и устанавливавшие связи с рабочими и солдатскими массами.

В январе 1918 г., во время брест-литовских переговоров, вопреки воле лидеров социал-демократической партии Венгрии удалось организовать совпавшую по времени со всеобщей забастовкой в Австрии массовую политическую стачку, участники которой требовали мира и заявили о своей солидарности с Октябрьской революцией. Эта многодневная стачка убедительно доказала, что подавляющее большинство венгерского рабочего класса готово последовать «русскому примеру». Сначала в Пече,

затем в Крагуеваце, а также в венгерских воинских частях, оккупировавших в составе армии Австро-Венгерской монархии Сербию, вспыхнули солдатские бунты.

Руководство социал-демократической партии выступило против политической забастовки, а солдатские бунты просто игнорировало. Лидеры социал-демократов с первых же дней войны стали сотрудничать с правительством, втянувшим страну в империалистическую бойню. Оппозиционные же группы в партии ни в идеологическом, ни в организационном отношении не были подготовлены к тому, чтобы возглавить рвавшиеся к пролетарской революции массы.

Классовые интересы венгерского пролетариата, антигабсбургские настроения всего венгерского народа и его стремление к независимости наиболее сознательно, последовательно и решительно выражала группа, работавшая в Москве под руководством Бела Куна. 24 марта 1918 г. она создала первую организацию венгерских коммунистов — венгерскую группу РКП(б), председателем которой стал Бела Кун. Вместе с Тибором Самуэли он принял участие в создании и редактировании газеты «Немзеткёзы социалишта» [1], выходившей на венгерском, немецком и чешском языках, а затем — венгерской коммунистической газеты «Социалиш форрадалом» [2]. Статьи, опубликованные Бела Куном в этих газетах, и ряд его брошюр заложили теоретические основы венгерского коммунистического движения. Его брошюры «Чего хотят коммунисты?» и «Что такое Советская республика?» стали программой развертывавшегося, но еще не вполне созревшего революционного движения в Венгрии. Возвращавшиеся на родину военнопленные нелегально провозили в Венгрию эти газеты и брошюры, а вместе с ними и идеи большевизма.

Уже с начала 1918 г. возвращавшиеся из России пленные доставляли немало хлопот занятому войной венгерскому правительству, ибо ни карантинами, ни концентрационными лагерями, ни штрафными ротами нельзя было вытравить из них революционные идеи, которые они впитали в себя на русской земле. Стремясь изъять нелегально завезенные брошюры Бела Куна, власти устраи-

[1] «Социалист-интернационалист».— *Ред.*
[2] «Социальная революция».— *Ред.*

вали повальные обыски. Но из Советской страны возвращались все новые и новые военнопленные, и социалистических брошюр, передаваемых венгерскими рабочими из рук в руки, становилось все больше и больше.

* *
*

13—14 апреля 1918 г. в Москве состоялся съезд военнопленных. На нем присутствовало более 400 делегатов, представлявших организации военнопленных. В своей резолюции съезд осудил империалистическую войну и приветствовал социалистическую революцию. Одним из докладчиков на съезде был Бела Кун. После съезда при Центральном Комитете Российской коммунистической партии (большевиков) была создана Федерация иностранных групп, председателем которой был избран Бела Кун.

«Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий,— указывал В. И. Ленин.— Сотни тысяч военнопленных... передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности невидной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии...»[1] Рядом с подписями Ленина, Карла Либкнехта и Розы Люксембург под воззванием подготовительного комитета I конгресса III Интернационала стоит и подпись Бела Куна.

Бела Кун наладил и возглавил централизованное руководство интернациональными батальонами. Интернационалисты отличились почти на всех фронтах гражданской войны. Многие тысячи венгерских рабочих и крестьян отдали свою жизнь за торжество Октябрьской революции, понимая, что ее окончательная победа явится предпосылкой освобождения венгерского народа и независимости Венгрии.

Летом 1918 г. так называемые социалисты-революционеры подняли в Москве контрреволюционный мятеж.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 148.

Важную роль в подавлении этого мятежа сыграли венгерские интернационалисты. Под командованием Бела Куна они отбили у эсеров Главный почтамт в Москве. После подавления мятежа на бойцов-интернационалистов была возложена охрана Кремля. В то же лето им пришлось участвовать — опять под руководством Бела Куна — в подавлении контрреволюционной вылазки анархистов.

* *
*

В октябре — ноябре 1918 г. развалилась Габсбургская империя. Война до предела обострила все социальные и национальные противоречия, те самые противоречия, в устранении или хотя бы смягчении которых лоскутная монархия на протяжении многих веков своего существования не продвинулась ни на шаг. Правящие круги Габсбургской империи все социальные и национальные проблемы пытались разрешить административными мерами: на стремление угнетенных наций к независимости они отвечали жандармскими штыками и полицейской расправой. Однако меч габсбургского милитаризма притупился за годы войны, к тому же разрозненные и стихийные прежде выступления против национального и социального угнетения под влиянием победы Октябрьской революции приобрели более сознательный, целеустремленный и острый характер.

В конце октября 1918 г. все бразды правления в Венгрии взял Национальный совет, состоявший из социал-демократов и левых буржуазных политиков. Образованное им правительство намеревалось вручить судьбу Венгрии в руки победоносным державам Антанты, предложив свои услуги американскому, английскому, французскому и итальянскому империализму. С помощью Антанты Национальный совет надеялся сохранить в неприкосновенности «исторические границы» страны и отстоять буржуазную Венгрию от самого венгерского народа.

«Революционное» правительство направляло карательные экспедиции на усмирение крестьян, захватывавших помещичьи земли, а на конференции II Интернационала в Берне делегация венгерской социал-демократической партии выступала с шовинистическими заявлениями, вторя правящим классам Венгрии. Делегаты

защищали «исторические границы» Венгрии, чтобы продлить господство венгерских эксплуататорских классов, угнетавших и закабалявших национальные меньшинства.

Как «революционное» правительство собиралось разрешать социальные проблемы, показал министр торговли социал-демократ Эрнё Гарами, объявивший требования рабочих о повышении заработной платы необоснованными и незаконными и вместе с тем предоставивший фабрикантам миллионы крон под видом угольной субсидии. А министр просвещения социал-демократ Жигмонд Кунфи обратился к венгерским рабочим с призывом «прекратить на шесть недель классовую борьбу».

Крестьянские бунты «революционное» правительство топило в крови, выступления национальных меньшинств объявляло противозаконными, а в борьбе между трудом и капиталом неизменно становилось на сторону капиталистов. Правительство хотя и включило в свою программу пункт о разделе земли, но вместо революционного захвата земли намечало «законный» (читай: бюрократический, казенный) раздел с соблюдением всех «правил», да и тот предполагало проводить со скоростью улитки. В то же время правительство сквозь пальцы смотрело на то, как бывшие офицеры сколачивали контрреволюционные организации, открыто выступавшие против демократических преобразований, в том числе и против раздела земли.

Стало очевидным, что «революционное» правительство не может и не хочет разрешить наиболее назревшие социальные вопросы, ограничиваясь лишь одними обещаниями реформ.

Чтобы заручиться поддержкой Антанты, венгерское правительство предложило использовать страну в качестве плацдарма для замышлявшегося вооруженного вторжения в Советскую Россию.

В ноябре 1918 г. Бела Кун через Украину и Польшу нелегально вернулся в Венгрию. Его приезд решил исход споров внутри левого крыла социалистов. Спор шел о том, как поступить левым социал-демократам и революционным социалистам: организовать ли оппозицию внутри социал-демократической партии или создать самостоятельную партию. 20 ноября 1918 г. была образована Коммунистическая партия Венгрии, в руководство которой вместе с Бела Куном вошли его соратники, вернув-

шиеся из Советской России: Тибор Самуэли, Ференц Янчик, д-р Ференц Мюнних, Шандор Келлнер, Матиас Ракоши, Карой Вантуш, Эрнё Пор, Эрнё Зейдлер, Йожеф Рабинович, а также товарищи, которые вели борьбу у себя на родине: Дюла Алпари, Отто Корвин, Ласло Рудаш, Бела Санто, Енё Ласло и другие. В декабре 1918 г. вышел первый номер газеты «Вёрёш уйшаг» — органа Коммунистической партии Венгрии.

Социал-демократы ориентировались на II Интернационал, во главе которого стояли социалисты империалистических стран-победительниц. Лидеры венгерской социал-демократии лучшим выходом в создавшейся обстановке считали оккупацию Венгрии какой-нибудь империалистической державой-победительницей, надеясь спасти таким образом эксплуататорские классы и удержать как можно большую территорию с невенгерским населением. И поскольку буржуазные классы и партии прятались за спину социал-демократов, глубоко веря, что последние успешнее их самих смогут постоять за их интересы и привилегии, противоречие между капитализмом и социализмом вылилось в борьбу между социал-демократами и коммунистами.

В течение января и февраля 1919 г. преобладающее большинство рабочих и значительная часть безземельного крестьянства одобрили программу коммунистической партии. Организаторская и агитационная работа Бела Куна среди рабочих и солдат во многом содействовала росту популярности коммунистической партии. Имя его стало знаменем. События развивались так стремительно, что партия не успевала организационно закрепить свои успехи. Значительная часть рабочих, признавших программу коммунистической партии, оставалась в рядах социал-демократической партии. В социал-демократической партии остались и такие левые социал-демократы, как Енё Варга [1], Енё Ландлер [2], Енё

[1] *Варга Енё* (1879—1964) — виднейший экономист. В период Венгерской Советской Республики — народный комиссар финансов, председатель Совета Народного Хозяйства. После поражения Советской власти эмигрировал сначала в Австрию, а затем — в 1920 г.— в СССР. Здесь он вступил в члены РКП(б). Являлся действительным членом Академии наук СССР.— *Ред.*

[2] *Ландлер Енё* (1875—1928) — юрист, выдающийся деятель венгерского рабочего движения. В период Венгерской Советской Республики — нарком внутренних дел, затем главнокомандующий венгер-

Гамбургер [1], Дьёрдь Нистор [2] и другие, хотя они в столь важном вопросе, как революционная экспроприация земли, по существу, соглашались с коммунистической партией.

Руководство социал-демократической партии отдавало себе отчет в том, что почва неотвратимо ускользает у него из-под ног. Безудержная злобная травля коммунистов и поднятая против них социал-демократическими лидерами клеветническая кампания встретили одобрение лишь у буржуазии, а на рабочие массы это оказало совсем обратное действие. И вскоре у лидеров социал-демократии осталось только одно средство, заимствованное из арсенала Габсбургов,— открытое насилие и провокации.

Во время одной демонстрации, когда рабочие подошли к зданию редакции газеты социал-демократической партии «Непсава», намереваясь выразить протест против травли коммунистов, полицейские отряды, выставленные для разгона демонстрантов, принялись «по ошибке» стрелять друг в друга. Среди полицейских оказалось много раненых, несколько убитых. Этим «инцидентом» и воспользовалось руководство социал-демократической партии, обвинив коммунистов в убийстве полицейских. Руководители коммунистической партии знали, что это обвинение послужит предлогом для преследования коммунистов и террора против них, но по предложению Бела Куна они все-таки решили не уходить в подполье, а

ской Красной Армией. После падения Советской власти в Венгрии стал одним из руководителей нелегальной Компартии Венгрии. Играл активную роль в международном рабочем движении. Его прах замурован в Кремлевской стене в Москве.— *Ред.*

[1] *Гамбургер Енё* (1882—1936) — врач, видный деятель рабочего движения в Венгрии. Весной 1919 г. руководил захватом батраками помещичьих земель. В период Венгерской Советской Республики — одно время народный комиссар земледелия. После падения диктатуры пролетариата эмигрировал в Австрию, а в 1922 г. переехал в СССР. Вступил в компартию.— *Ред.*

[2] *Нистор Дьёрдь* (1869—1956) — один из руководителей движения сельского пролетариата в Венгрии в начале XX в. Левый социал-демократ, вступивший в 1919 г. в компартию. Во время Венгерской Советской Республики — народный комиссар земледелия. По «делу венгерских народных комиссаров» был приговорен хортистским трибуналом к пожизненной каторге. В дальнейшем был освобожден из заключения в порядке обмена и приехал в СССР. С 1945 г. жил на родине.— *Ред.*

ждать развития событий. В ночь на 21 февраля многие руководители коммунистической партии были арестованы. Бела Куна полицейские до полусмерти избили прикладами.

Однако аресты и зверская расправа полиции с коммунистами обернулись против лидеров социал-демократии, способствуя росту популярности коммунистов, особенно Бела Куна, проявившего поразительное мужество и самообладание. Руководство социал-демократической партии дало указание своим организациям провести антикоммунистическую демонстрацию. Это была последняя успешная акция социал-демократических лидеров.

В конце февраля — начале марта рабочие массы *уже организованно переходили* на сторону коммунистов. Лидеры социал-демократической партии оказались изолированными. Буржуазия, на страже интересов которой они стояли, тоже перестала безоговорочно доверять лидерам социал-демократов, причем не потому, что сомневалась в их «благонадежности», а потому, что утратила веру в их силу и влияние. Для рабочих же становилось все очевиднее, что руководство социал-демократической партии меньше всего печется об их нуждах и интересах. Ошибочной оказалась и внешняя политика социал-демократических лидеров, делавших ставку на империалистов Запада. Хотя Антанта и воспользовалась услугами венгерского правительства, однако не проявляла особого желания вознаграждать его за это. Империалисты разработали план вооруженного нападения на Советскую Россию, наметив в качестве плацдарма Венгрию, на что венгерское правительство безропотно согласилось. Однако с экономической и политической поддержкой, на которую венгерское правительство так рассчитывало, Антанта не спешила. Социал-демократы, составлявшие костяк правительства, обладали в то время лишь номинальной властью.

Рабочие Будапешта все решительнее требовали освобождения арестованных руководителей коммунистической партии. Крупнейшие промышленные предприятия, как, например, Чепель, и самый крупный профессиональный союз — профсоюз рабочих металлургической и металлообрабатывающей промышленности — перешли на сторону коммунистов. Забастовали печатники. А между тем военный представитель Антанты, французский подпол-

ковник Викс, вручил венгерскому правительству ноту, требовавшую очистить новые территории. Полное фиаско политики коалиционного правительства и правого социал-демократического руководства стало для всех очевидным.

Левое крыло социал-демократической партии и вместе с ним большинство центристов предложили коммунистам договориться об объединении партий и приняли их предложение об установлении пролетарской диктатуры, а также о заключении союза с Советской Россией. Таким образом, они, по существу, стали на платформу коммунистов. Переговоры между представителями двух партий проходили в пересыльной тюрьме, где и было подписано соглашение об объединении, достигнутое под знаком пролетарского единства. Так была установлена диктатура пролетариата в Венгрии.

21 марта 1919 г. состоялось провозглашение Венгерской Советской Республики, которая предложила Советской России военно-оборонительный союз. В ночь на 23 марта В. И. Ленин вызвал по радиотелеграфному аппарату Бела Куна.

— Ленин у аппарата. Прошу товарища Бела Куна (тов. Куна не оказалось поблизости, беседа происходила с тов. Эрнё Пором).

— Вчера ночью венгерский пролетариат завоевал государственную власть, установил диктатуру пролетариата и приветствует в вашем лице вождя мирового пролетариата. Передайте наш привет и выражение революционной солидарности русскому революционному пролетариату... Социал-демократическая партия стала на платформу коммунистов, обе партии объединились... Венгерская Советская Республика предлагает российскому Советскому правительству военно-оборонительный союз. Мы готовы с оружием в руках выступить против всех врагов пролетариата...

— Здесь Ленин. Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской Республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм... [1]

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 216.

* *
*

После падения Венгерской Советской Республики, просуществовавшей 133 дня, социал-демократическая, мелкобуржуазные и буржуазные партии, а также шовинистические организации — предшественницы фашизма — и белые террористические банды начали распространять самые гнусные клеветнические вымыслы о пролетариате, коммунистической партии, ее руководителях, и особенно о Бела Куне. Эти истошные вопли и предпринятая в то же самое время партией критика собственных ошибок заслонили на время замечательные практические достижения венгерской пролетарской революции, поразительный героизм и самоотверженность ее борцов.

Совершенно очевидно, что слияние двух партий было проведено неправильно. Коммунистическая партия, будучи организационно значительно слабее социал-демократической и не имея столь опытных кадров, не могла после объединения с социал-демократами возглавить и повести за собой *весь* трудовой народ, а в критические минуты оказалась не в состоянии поднять на защиту революции даже большинство промышленных рабочих. В то же время руководители КПВ (в первую очередь я сам), указывает Бела Кун, совершили ошибку, приняв за чистую монету то, что социал-демократические лидеры на словах признали платформу коммунистов, диктатуру пролетариата, Советскую власть.

И все же соглашение с социал-демократами в значительной мере ускорило установление пролетарской диктатуры, а этот выигрыш времени сыграл огромную роль как во внутренней, так и во внешней политике. Что касается внутренней политики, то это соглашение позволило положить конец открытым вооруженным выступлениям сил контрреволюции, предотвратило захват французскими войсками венгерской столицы и помешало карательным экспедициям, посланным на подавление крестьянских волнений. Оно помогло приостановить дальнейшую дезорганизацию промышленности, которую вплоть до 21 марта усиленно проводила буржуазия не без содействия государственного аппарата. И, наконец, благодаря ему было достигнуто единство пролетариата, видевшего в русской революции образец для себя.

Образование Венгерской Советской Республики имело также громадное международное значение. Прежде всего оно помешало французским войскам, сосредоточенным на Балканах, вступить на территорию Венгрии и начать оттуда поход против Советской России. Красная Армия Венгерской Советской Республики отвлекла на себя эти военные силы. Далее, возникновение Советской Венгрии лишило Верховный совет Антанты возможности требовать от только что образовавшихся Югославии и Чехословакии войск для действий против Советской России. Правящие круги Чехословакии, Румынии и Югославии держали под неослабным наблюдением Венгерскую Советскую Республику и стянули к ее границам свои войска. Венгерская революция была потоплена в крови, но героический пример венгерского пролетариата оказал настолько огромное влияние на трудящихся и армии вновь образованных соседних государств, что об их использовании против Советской России не могло быть и речи.

Наряду с ошибочно проведенным объединением партий, была совершена и другая роковая по своим последствиям ошибка — при решении вопроса о разделе земли. «Когда дело дошло до захвата власти, сама коммунистическая партия в целом, несмотря на опыт, полученный частью ее руководящих кадров в ходе русской революции, не сумела правильно оценить роль партии в революции. Этому способствовало и то, что коммунистическая партия за недолгие месяцы своей деятельности смогла только-только поставить один из самых основных вопросов пролетарской революции в Венгрии — вопрос о крестьянстве: а о его теоретическом или политическом разрешении еще не могло быть и речи.

Из этих двух обстоятельств проистекают и две основные ошибки венгерской революции: объединение с социал-демократической партией и доктринерский, небольшевистский подход к вопросу о крестьянстве, подход, который лишил пролетарскую революцию и ее передовой класс, пролетариат важнейшего резерва в революции — крестьянства. Обе эти ошибки были роковыми»[1].

Вместо того чтобы революционным путем разделить землю между крестьянами, правительство решило *сразу*

[1] См. стр. 439—440 настоящего издания.

же создать на месте крупных поместий государственные хозяйства и производственные кооперативы, не считаясь с тем, что венгерское безземельное крестьянство жаждало раздела земли и что слаборазвитая и к тому же пришедшая за время войны в упадок венгерская промышленность не могла обеспечить производственные кооперативы необходимыми машинами. Если бы крестьяне получили землю, то с оружием в руках на защиту Советской Республики выступило бы подавляющее большинство, а не только наиболее сознательная часть крестьянства. А ведь уже через несколько недель после установления диктатуры пролетариата молодой венгерской Красной Армии пришлось защищать пролетарскую отчизну от превосходящих сил врага.

На первом этапе вооруженной борьбы Красная Армия потерпела в боях с войсками интервентов ряд поражений. 2 мая, когда враг угрожал уже Будапешту, Советское правительство и партия призвали рабочий класс и весь народ стать на защиту диктатуры пролетариата. Наиболее сознательная часть рабочего класса и трудового крестьянства откликнулась на призыв и взялась за оружие. Красная Армия, пополненная рабочими полками и вооруженными отрядами беднейших крестьян, отбила атаку полчищ интервентов и начала победоносное продвижение вперед.

Тогда-то притаившиеся в объединенной партии правые социал-демократы под руководством центристов нанесли Красной Армии Венгерской Советской Республики удар в спину. Главнокомандующий венгерской Красной Армией социал-демократ Вильмош Бём, ссылаясь на ноту Клемансо, потребовал прекратить победоносное наступление и отвести красные войска. И хотя коммунисты понимали, что выполнение требований Бёма поведет к неисчислимым потерям, к снижению боеспособности Красной Армии и вызовет недовольство рабочего класса, тем не менее им пришлось пойти на уступки во избежание раскола. Коммунисты не могли не учитывать, что в противном случае социал-демократы, воспользовавшись этим предлогом, выйдут из объединенной партии, в результате чего падение Советской Республики стало бы неизбежным.

На протяжении ряда лет Бела Куну ставили в вину то, что он «позволил шантажировать себя». Товарищ Кун

почти 10 лет не отвечал на эти несправедливые нападки, нередко носившие клеветнический характер. В 1928 г., возвратившись в Москву после нескольких месяцев заточения в австрийской тюрьме (вызволить его оттуда помогла широкая кампания протеста международного пролетариата), он выступил с докладом в Московском клубе венгерских политэмигрантов. Бела Кун затронул в докладе и вопрос о том, почему правительство Венгерской Советской Республики отозвало из Словакии части победоносно наступавшей Красной Армии.

— На отступлении настаивал Вильмош Бём. Против выступили Самуэли, Алпари, Корвин, Рудаш, Бела Санто, Ракоши и Ференц Янчик. В ходе прений большинство народных комиссаров из социал-демократов стало на сторону Бёма. К нему присоединилось и подавляющее большинство членов партийного руководства из бывших социал-демократов и почти вся профсоюзная бюрократия, стало быть, большинство. Под большинством я имею в виду,— продолжал товарищ Кун,— не большинство пролетариата, а лишь руководства. Так как у нас не было самостоятельной *настоящей* коммунистической партии, сложилась такая обстановка, когда правительство, руководства партии и профсоюзов решали все жизненно важные для всего народа вопросы, причем решали их без участия рабочих и народных масс, неизменно ссылаясь при этом на то, что они действуют от имени рабочих и народа.

Было очевидным,— указывал товарищ Кун,— что Бём стремится спровоцировать в подрывных целях раскол между социал-демократами и коммунистами в такой момент, когда он приведет к немедленному падению Венгерской Советской Республики. Мы же, коммунисты, хотели выиграть время, и мы получили временную передышку.

Я исходил из тех соображений, — писал спустя четыре года Бела Кун в своих воспоминаниях о Самуэли,— что мы должны добиться в целях передышки мирного соглашения типа Брест-Литовского мира и тем временем привести в порядок дела внутри страны, покончить в основном с контрреволюцией и, главным образом, укрепить свою армию, дождаться улучшения военного положения в Советской России и новых побед мировой революции на Западе.

Через несколько месяцев после упомянутого выше доклада Бела Кун писал: «Мы как-то слишком легко примирились с тем, что удел потерпевшей поражение революции — быть вдвойне оклеветанной. Под тяжестью ударов мы смирились на время даже с тем утверждением, что значение венгерской пролетарской революции состоит в первую очередь в ее негативных уроках. Такая точка зрения проникла к коммунистам от социал-демократов. Венгерская пролетарская революция примечательна не только своими ошибками. Она сверкает и своими достоинствами, своими положительными чертами» [1].

Создание Венгерской Советской Республики, героическая борьба венгерского пролетариата и беднейшего крестьянства, а также кровью скрепленный союз с Советской Россией принесли венгерскому народу богатые плоды. В 1944—1945 гг. доблестная Советская Армия освободила Венгрию от кровавого режима германского фашизма и его венгерских приспешников, вернула венгерскому народу независимость, утраченную им четыре столетия назад, предоставила возможность венгерским трудящимся установить народно-демократический строй и заложить фундамент социализма.

К сожалению, мы не выполнили указаний товарища Бела Куна, не извлекли уроков из замечательных свершений нашей пролетарской революции. После освобождения страны, вместо того чтобы познакомить венгерский народ с *подлинной* историей Венгерской Советской Республики, мы замалчивали ее. Более того, мы слишком долго терпимо относились к тем, кто по той или иной причине представлял в искаженном свете одну из самых славных страниц истории венгерского пролетариата и всего народа, клеветал на героев нашей пролетарской революции, затирал их, оттеснял на задний план и нередко даже преследовал ветеранов славной борьбы. За это наше упущение мы жестоко поплатились осенью 1956 г.

После 133 дней героической борьбы Венгерская Советская Республика пала. Ее предали и потопили в крови. В Венгрии несколько дней существовало «чисто социал-демократическое правительство». Оно вернуло

[1] См. стр. 433 настоящего издания.

заводы и фабрики их прежним владельцам, земли — помещикам и незамедлительно приступило к восстановлению испытанного орудия насилия в буржуазно-помещичьей Венгрии — полиции и жандармерии.

Но, вновь обретя силу и власть, буржуазия не проявила ни малейшей благодарности к изменникам пролетариата. Социал-демократическое правительство было сметено горсткой полицейских, и в Венгрии начались белый террор, жесточайшее преследование рабочих и чудовищный обман обреченных на нищету народных масс.

Реакционное правительство Венгрии представляло собой банду самых оголтелых и разнузданных врагов Советской власти. Оно понимало, что реакционная внутренняя политика должна подкрепляться не менее реакционной внешней политикой. Оно понимало также, что единственной надеждой жестоко угнетаемого и безудержно эксплуатируемого венгерского народа является Советский Союз.

* *
*

Бела Кун и большинство членов венгерского Советского правительства были интернированы в Австрии. Венгерские белые офицеры дважды посягали на его жизнь, но тщетно. Уже в концентрационном лагере Бела Кун приступил к воссозданию партии. Летом 1920 г. он объявил голодовку, добился освобождения и через Германию выехал в Советскую Россию. Сразу же по приезде его принял В. И. Ленин и направил на самый важный участок работы — на борьбу против интервентов. Бела Кун стал членом Реввоенсовета Южного фронта, войска которого освобождали Крым. Значительна его роль в разгроме белогвардейских частей Врангеля и войск интервентов, засевших в Крыму.

С 1921 по 1936 г. он работал в Коминтерне, неизменно занимая ответственные руководящие посты. На протяжении полутора десятков лет своими теоретическими трудами и практической деятельностью он оказывал помощь революционному движению разных стран. Будучи одним из руководителей Коммунистического Интернационала, он в общем и целом последовательно проводил ленинскую политику в борьбе с ревизионистским соглашатель-

ством и с сектантскими искривлениями, хотя по некоторым вопросам и сам допускал сектантские ошибки. Перечитывая сейчас дискуссионные статьи товарища Куна, посвященные актуальным в то время вопросам международного рабочего движения, или стенограммы его выступлений, можно убедиться, что жизнь в большинстве случаев подтвердила его высказывания.

Смерть В. И. Ленина Бела Кун переживал как самую тяжелую утрату, большую, чем смерть родного отца. Скорбь его нашла, в частности, выражение в том, что он с удвоенной энергией отдался работе. Исполком Коминтерна возложил на Бела Куна организацию издания основных произведений Ленина на всех европейских и азиатских языках. Многие труды Ленина были уже тогда известны во всем мире, их изучали, но к систематическому переводу и изданию его сочинений еще не приступали. Эту работу возглавил Бела Кун, проникнутый чувством любви и признательности к Ленину, граничащим с тем восхищением и почитанием, каким бывает преисполнен благодарный ученик к гениальному учителю. Имея всемирно-историческое значение, творения Ленина, несомненно, и без содействия Бела Куна проложили бы себе дорогу во все уголки земного шара. Но бесспорно и то, что он содействовал широкому распространению и систематической популяризации ленинских трудов. Эту работу он считал исключительно важной и до конца своей жизни гордился ею.

Постепенно оправившись после тяжелого удара, нанесенного ему контрреволюцией, венгерское коммунистическое движение снова перестраивало свои ряды. Большую роль сыграли в этом вынужденные находиться в эмиграции руководящие деятели компартии, на плечи которых легла задача воссоздания партии.

Как уже говорилось, Бела Кун начал заново организовывать Коммунистическую партию Венгрии уже спустя несколько месяцев после падения Венгерской Советской Республики. На протяжении последующих 16 лет с момента свержения Советской власти в Венгрии он с неослабевающей ни на миг энергией и воодушевлением участвовал в работе коммунистов. Это была нелегкая работа. Не вскрыв и не проанализировав просчеты и ошибки, совершенные в период создания и существования Венгерской Советской Республики, без самой беспо-

щадной самокритики нельзя было организовать боеспособную революционную партию. Но существовавшие в течение ряда лет в эмигрантских партийных кругах и среди коммунистов, налаживавших подпольную работу в Венгрии, разногласия затрудняли осуществление этой задачи. Товарищу Куну, с одной стороны, пришлось выступать против ликвидаторских тенденций, а с другой стороны, вести борьбу против иллюзий о возможности создания легальной массовой партии в условиях разгула белого террора.

В последующие годы почти по всем основным вопросам реорганизации партии, методов и форм нелегальной работы, оценки положения в Венгрии возникали расхождения в рядах руководителей партии, находившихся в эмиграции. Все эти вопросы ждут еще своего освещения. Их подробный анализ ныне при разработке истории Коммунистической партии Венгрии, проблем венгерского коммунистического движения является первоочередной задачей.

Бела Кун, несомненно, тоже ошибался по ряду вопросов. Однако это отнюдь не может служить оправданием тех нападок на него некоторых «критиков» внутри партии, которые подчас не уступали клеветническим выпадам реакции. Пожалуй, мало найдешь людей, которых бы с таким ожесточением и ненавистью подвергали нападкам и которые в то же время пользовались бы такой горячей, восторженной любовью и признанием, как Бела Кун. И нужно подчеркнуть, что последнее он вполне заслужил, точно так же как заслужил он и ненависть классового врага, предателей и колеблющихся, ибо неизменно проявлял непримиримость к врагам, ни на минуту не переставая презирать и ненавидеть предателей и колеблющихся.

Когда ему было уже под пятьдесят, Бела Кун, несмотря на пошатнувшееся здоровье, все еще не утратил удивительной работоспособности, неустанно трудился. Он очень давно задумал написать историю венгерской пролетарской революции, но, как ни огромна была его работоспособность, он, к сожалению, так и не сумел выкроить время на это. Создав такой труд, он не только заставил бы замолчать клеветников, не только разоблачил бы предателей и колеблющихся, но и вооружил бы каждого венгерского патриота, каждого подлинного венгер-

ского коммуниста-революционера программой борьбы на длительное время.

Каких бы успехов ни достигал он в работе и борьбе, это ни на миг не могло вскружить ему голову, так же как клевета и нападки никогда не приводили его в отчаяние. Он неизменно оставался по-молодому бодрым, по-боевому настроенным оптимистом. Когда какая-нибудь рабочая семья (Янчик, Клепко, Витез или Янкович) устраивала в Москве «венгерский ужин» и приглашала Бела Куна, он мог часами распевать со своими боевыми соратниками венгерские народные песни: Песни родного края, которые он очень любил слушать, могли до слез растрогать его. И что примечательно: он ни на минуту не сомневался в том, что вновь увидит свою горячо любимую отчизну и доживет до того дня, когда венгерский народ станет свободным.

Правда, был единственный случай, когда, как мне показалось, он все же усомнился в том, что доживет до освобождения Венгрии. Как-то я зашел к нему под вечер домой. Бела Кун сидел за письменным столом и читал. При моем появлении он отложил книгу в сторону. За разговором я случайно взял ее в руки. Это была книга о Лайоше Кошуте, в которой описывалась жизнь вождя венгерской буржуазной революции 1848—1849 гг. Эмигрант Кошут направлялся из Константинополя в Англию и Францию. На море стоял штиль, и парусное судно, на котором плыл Кошут, застряло неподалеку от малоазиатского берега, где-то против городка Текирдаг. Кошут часами всматривался вдаль, устремив свой взор туда, где в полном одиночестве провел в ссылке последние годы своей жизни Ференц Ракоци — вождь венгерской освободительной борьбы 1703—1711 гг. На полях книги, против строк, рассказывающих об этом эпизоде, Бела Кун поставил восклицательный знак. Не знаю, что он испытал и о чем думал, читая это место, но у меня почему-то до боли защемило сердце при виде этого восклицательного знака.

А ведь в те дни товарищ Кун вел огромную работу. Пролетариат Вены с оружием в руках выступил против распоясавшихся фашистов, и Бела Кун организовывал международную кампанию солидарности с австрийскими борцами.

Повторяю: Бела Кун до самого конца оставался опти-

мистом. Когда в 1936 г. он провожал венгерских коммунистов, уезжавших в Испанию сражаться с фашизмом, он не предполагал, что видит своих соратников в последний раз. Прощаясь, он говорил каждому из них: «До свидания в Венгрии!»

Однако вернуться на горячо любимую родину ему было не суждено, 30 ноября 1939 г. Бела Куна не стало.

* *
*

400 лет боролся венгерский народ за свою независимость. Бессчетное множество раз превосходящие силы врагов топили в крови освободительную борьбу венгров. Международная обстановка ни разу не складывалась так, чтобы борцы за свободу Венгрии могли найти себе активных союзников за пределами страны. Наоборот, иностранные державы всегда вставали на сторону ее врагов, а в лучшем случае пытались использовать венгерских борцов за свободу в своих корыстных интересах.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции положение в мире в корне изменилось, и борцы за освобождение Венгрии нашли в лице свободного советского народа сильного, верного и бескорыстного союзника. Первым это понял Бела Кун. Организовывая в 1918 г. интернациональные батальоны из военнопленных и предлагая в 1919 г. от имени Венгерской Советской Республики Советской России военно-оборонительный союз, он тем самым создавал предпосылки грядущих побед в борьбе за восстановление независимости Венгрии и освобождение венгерского народа.

Оппортунистическую политику венгерских правых социал-демократов, предававших интересы рабочего класса, критиковали многие и до Бела Куна, причем тоже открыто и смело. Но Бела Кун был инициатором создания пролетарской партии нового типа, рожденной и закалившейся в революционных боях, стоявшей на теоретически правильных позициях классовой борьбы и пролетарской революции и противостоявшей социал-демократической партии, проводившей реформистскую, предательскую политику.

Он первым ознакомил венгерских трудящихся с учением В. И. Ленина о союзе рабочих и крестьян.

Он жил в гуще рабочих и крестьянских масс, целеустремленно работал и, не щадя своих сил, боролся за их интересы. Он хорошо знал жизнь рабочего класса, и особенно, конечно, венгерского рабочего класса, понимал его нужды и чаяния.

Он никогда не шел вместе с теми горе-теоретиками, которые видели в рабочем классе лишь орудие осуществления абстрактной, надуманной революционной цели. Но ему было также не по пути и с политиками, грешившими узкоделяческим подходом, которые в ходе выполнения текущих задач забывали о конечной цели — о социализме, о коммунизме.

Он воспитывал и закалял ту когорту борцов, которая положила начало венгерскому коммунистическому движению. Своим личным мужеством и замечательным агитаторским талантом он не раз вызывал воодушевление и восхищение.

Но историческую роль обеспечило Бела Куну то, что он усвоил ленинизм, применил его к венгерским условиям и остался верен ему до конца. Потому-то и стал он мишенью яростных нападок реакции, люто ненавидевшей его.

Часть материалов, включенных в настоящий сборник, публикуется непосредственно по стенограммам, не просмотренным автором. Отдельные работы содержат положения, оценки, частично внесенные автором в процессе последующего просмотра и правки. Для детального же критического осмысления всех аспектов своей прошлой деятельности из-за огромной перегруженности и безвременной кончины у Бела Куна просто не хватило времени. Однако Бела Кун был человеком революционного действия, борцом. Он хорошо знал, что только тот не совершает ошибок, кто ничего не делает.

Издание настоящего сборника отнюдь не преследует цели вызвать полемику. Мы стремились лишь к тому, чтобы восторжествовала историческая справедливость, преступно попранная в годы культа личности, что выразилось в замалчивании или искаженном освещении важнейшего периода истории нашей партии и роли ее ведущего, руководящего деятеля.

Бела Кун был выдающимся публицистом, пропагандистом идей марксизма-ленинизма, и этим определяется важное значение его трудов. Однако еще важнее в дея-

тельности Бела Куна его боевые, последовательно революционные действия, его личный пример и та непосредственная воспитательная работа, которую он вел. Он воспитал целую армию борцов и тем самым способствовал прогрессу своего народа. Статьи и речи, публикуемые в настоящем сборнике, явятся действенным идейным оружием в руках венгерского народа, стоящего на страже своей независимости и строящего социализм.

Д-р Ференц Мюнних

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ВЛАСТЬ

СОВЕТЫ РАБОЧИХ В ВЕНГРИИ

Статья, опубликованная в газете «Правда» 26 января 1918 г.

В Венгрии пролетарии организуют свои рабочие Советы. То, что рабочие не поняли и не могли понять во время Парижской коммуны в Манифесте I Интернационала, они должны понять теперь:

«Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, владык земли и капитала» [1].

Утопия минимализма — ведь так можно назвать предательство бóльшей части руководства социал-демократии Центральной и Западной Европы — уже умирает. Повторяющиеся попытки создать Советы рабочих в этих странах вызвали антагонизм между рабочими массами и социал-демократическими партийными органами, они свидетельствуют, что трудящимся уже надоело терпеть постоянное пренебрежение их интересами. Старые социал-демократические партии и профессиональные организации, объятые страхом перед диктатурой пролетариата, не могут отделаться от мысли, что пролетарии уже сбросят не только свои цепи. Революционная энергия пролетариата ищет себе нового выхода.

Это новые органы, обеспечивающие свободное проявление революционной энергии, накопившейся уже не только в одной России, но и во всех капиталистических странах. Одной из величайших исторических заслуг

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 281.

русской революции является то, что она, создав Советы рабочих, солдат и крестьян, эти новые органы пролетарской диктатуры, освободилась от идеологии гнилого, буржуазного парламентаризма.

Венгерские рабочие пытаются теперь основать свои Советы. Это показывает, что левое социал-демократическое меньшинство, которое, несмотря на все попреки лидеров партии, опубликовало свою резолюцию [1], принятую на массовых митингах в Будапеште, уже ясно поняло: насущная задача пролетариата состоит не в том, чтобы играть роль помощника в лагере сомнительной «демократической» революции, к которой стремятся пацифистски настроенная мелкая буржуазия и ее литераторы, а в освобождении венгерских пролетариев и крестьян посредством социальной революции. Создание Советов рабочих является не простым подражанием русской революции, а выражением внутренней потребности. Советы возникли, с одной стороны, в результате вышеупомянутого антагонизма между партийными органами и рабочими, а с другой стороны, в результате социалистического характера революционного движения.

Новый проект избирательного права, подготовленный вождем венгерских демократических лавочников — министром по выборам Важони, после сорока лет борьбы за избирательное право далеко не осуществляет идей всеобщего избирательного права. Другой министр, тоже из «оппозиции», подготавливает закон, перечеркивающий все надежды венгерских крестьян на получение земли в ближайшем будущем. Полнейший финансовый кризис и милитаризация промышленности, делающие продовольственную политику аграриев еще несноснее для рабочих, не позволяют надеяться на то, что венгерский пролетариат и крестьянство могут добиться чего-либо в рамках капитализма.

---

[1] Речь идет о резолюции, принятой на массовых митингах, организованных социал-демократической партией 13 января 1918 г., на которых левые социалистические группы выдвинули предложение о создании рабочих Советов. Резолюция, одобренная рабочими массами, не была проведена в жизнь руководством социал-демократической партии Венгрии. Несмотря на это, в Будапеште и провинции, во многих промышленных центрах были созданы рабочие Советы, которые, однако, функционировали лишь непродолжительное время.— *Ред.*

Экономическое положение Венгрии очень похоже на положение России. Это — полуимпериалистическое, полуколониальное аграрное государство, где широкие слои населения состоят из совсем безземельных батраков, которые наполовину остались закрепощенными. Владельцы латифундий организационно связаны с магнатами капитала через крупные банки, находящиеся в руках иностранных капиталистов. Нет никакой надежды, что рабочая партия с помощью парламентских реформ, используя внутренние противоречия капиталистических групп, и даже при условии предоставления избирательного права сможет совершить хотя бы шаг вперед в направлении демократической социальной политики.

Как в России, так и в Венгрии демократические лозунги устарели прежде, чем они осуществились.

В настоящее время пацифистская группа буржуазии абсолютно не в силах взять власть в свои руки, ибо Венгрия имущих классов, подобно Австрии, находится в колониальной зависимости от Германии как в вопросе о мире, так и в экономическом отношении.

Руководство социал-демократической партии Венгрии во время войны испытывало сильное германское влияние. Но следует признать, что все-таки здесь социал-шовинизм не справлял таких оргий, как в Германии. Как показывают факты, руководство партии не решилось использовать против войны радикальные средства; в декабре 1917 г. оно саботировало требование будапештских рабочих об объявлении всеобщей забастовки.

В Бресте решается также судьба венгерской социал-демократии.

Революционную энергию венгерского пролетариата, взявшего на себя, подобно русскому, задачу освобождения крестьян, нельзя подавить «соображениями», похожими на соображения германских независимых социал-демократов о том, что, дескать, «пока нет еще объективных условий для социализма».

Если верно, что без известной степени зрелости капитализма невозможно осуществить социальное переустройство общества, то верно также, что классовая борьба неимущих представляет собой такой же объективный фактор, как и само капиталистическое развитие.

Тот факт, что венгерские рабочие в процессе классовой борьбы дошли до создания своих Советов, свидетель-

ствует, что они намерены завоевать власть — либо под руководством партийных кругов, либо наперекор им.

Это революционное движение есть не просто платоническое приветствие русской революции, а осуществление воли пролетариата в форме Советов.

Итак, лозунгом пролетариев в самом скором времени будет не только «Да здравствует III Интернационал!», но и «Да здравствует власть Советов во всем мире!».

НОВЫЙ ОЧАГ ЗАРАЗЫ

Статья, опубликованная в газете «Правда»
26 апреля 1918 г.

Недавно бывший министр иностранных дел граф Чернин высказался против моральных аннексий, якобы осуществляемых под влиянием русской революции. Тогда волнения в Австро-Венгерской монархии только еще начинались. Напуганные правительственные круги Дунайской монархии в то время еще прибегали к таким средствам, которые до поры до времени были в состоянии маскировать загнивание капитализма.

С тех пор, однако, прошло некоторое время, и Австро-Венгрия успела стать гнездом «революционной заразы». Германские империалисты устанавливают теперь карантин не только на границе с Россией; они защищаются и от революционных бацилл, распространяющихся со стороны народов Австро-Венгрии.

Нота германского правительства требует изоляции германских военнопленных не только от русских советских органов, но и от «союзных» австрийских и венгерских военнопленных. По мнению германского правительства, находящиеся в России подданные Габсбургской монархии сплошь «заражены». Для германских империалистов возникла новая опасность — опасность, исходящая от «союзной» страны и угрожающая соседним территориям.

Волнения в Австро-Венгрии являются уже реальной действительностью. Это не изолированные, там и сям вспыхивающие голодные бунты, а рождающиеся систематически во всех уголках монархии предвестники революции...

Почва для революции отлично подготовлена, несмотря на то что руководство социал-демократической партии всячески стремилось сдерживать эти выступления.

Германия ежедневно предъявляет Австро-Венгрии новые невыполнимые требования. Истощенная монархия не может удовлетворить этих требований, и германские империалисты обращаются с ней так же, как обращались перед войной «великие» державы с Турцией.

Бразды правления в Венгрии вновь находятся в руках у Тисы [1], этого «лучшего ученика» царских министров, ненавистного всей Венгрии.

Еще в 1912 г. он расставил перед венгерским парламентом пулеметы и приказал открыть артиллерийский огонь по демонстрации рабочих. Тиса — это последняя надежда монархии, последний козырь германского империализма в его попытках предотвратить революционный взрыв.

Венгерское правительство по требованию Тисы смещено, фанатичный сторонник Тисы, барон Бурьян, назначен министром иностранных дел.

Тиса вновь стал диктатором, но уже не при Карле IV австрийском, а при Вильгельме II германском.

Между тем в Галиции одно за другим вспыхивают пролетарские и крестьянские волнения. Социал-предатели в Венгрии потеряли с падением кабинета Векерле [2] последнюю возможность продолжать свою прежнюю компромиссную политику. Недовольство венгерских рабочих достигло предела, и «вожди» партии не в состоянии предотвратить всеобщей забастовки.

Венгерские части, которые раньше, вследствие подстрекательства националистов, являлись беспощадными угнетателями чешского пролетариата, уже превратились в «неблагонадежные». Вместо венгерских частей теперь не только в Праге, но также в Будапеште и Вене несут караульную службу тирольские стрелки.

---

[1] *Тиса Иштван* (1861—1918) — граф, крайне реакционный венгерский политический деятель, был дважды премьер-министром, в частности с 1913 по 1917 г. Втянул Венгрию в первую мировую войну. 31 октября 1918 г. был расстрелян восставшими солдатами.— *Ред.*

[2] *Векерле Шандор* (1848—1921) — венгерский консервативный политический деятель.— *Ред.*

Граф Тиса — главный стратег австро-венгерской контрреволюции; но он вместе с тем является и лучшим революционизирующим фактором.

У Германии есть, безусловно, причины для тревоги, и она тревожится. Уже стали прибегать к старому методу — опасность скрывают.

Выход «Vorwärts» запрещен на три дня. Не из-за того, что газета решилась энергично поднять голос против германских империалистов, этих убийц из-за угла. О нет, это никак не могло бы произойти с шейдемановцами! Причина следующая: социал-предательская газета рискнула очень осторожно написать, что в Австро-Венгрии положение стало весьма критическим. Вот за что она была прикрыта германской цензурой.

Германская империя прибегает к прежнему царскому методу — ко лжи и скрыванию даже всякого намека на революцию.

Но это так же мало спасает положение, как и диктатура графа Тисы в Австро-Венгерской монархии.

Указанные обстоятельства, напротив, являются залогом того, что Российская пролетарская республика не напрасно ожидает международную революцию... В Австро-Венгрии кризис назрел.

ЧЕГО ХОТЯТ КОММУНИСТЫ?

Брошюра, написанная в мае 1918 г.

Предисловие

Эта небольшая брошюра служила делу мировой пролетарской революции в нескольких изданиях на венгерском и немецком языках. Впервые она появилась в России, затем в издании различных групп спартаковцев в нескольких городах Германии, потом в Австрии и, наконец, теперь в Венгрии.

Она вышла в свет после того, как рабочее движение России приняло решение полностью порвать с социал-демократами и, изменив название партии, стало называть себя коммунистическим. Точно так же в свое время сделали Маркс и Энгельс.

Брошюра является кратким обзором большевизма. В ней рассматриваются прежде всего пути и методы пролетарской революции, завоевания власти. Что же касается организации власти пролетариата, переходных мер диктатуры по осуществлению социализма, то эти вопросы затрагиваются лишь вкратце.

Свою небольшую брошюру я писал охваченный ненавистью к врагу, вскоре после того, как мы на некоторое время были вынуждены опустить оружие [1], которое подняли в защиту родины международного пролетариата против германского и австро-венгерского империализма, кажется надломленного с тех пор. Мы были вынуждены опустить оружие не только для того, чтобы затем обратить его против нападающей на пролетариат русской буржуазии, но и потому, что революционные выступления немецкого, австрийского и венгерского пролетариата

[1] Ссылка на Брест-Литовский мирный договор.— *Ред.*

были сорваны руководством социал-демократов. Это был наиболее тревожный период мировой революции. То, что мы писали тогда на родине пролетариата о западной социал-демократии, в еще большей степени действительно сегодня, когда международная революция продвигается вперед, к победе пролетариата.

Убийство Либкнехта и Люксембург, все события пролетарского движения в Венгрии, Бернский конгресс[1] — все это подтверждает правильность указанной точки зрения.

О правильности тактики большевиков свидетельствуют также позиция буржуазии, поведение буржуазных демократов в Венгрии, активизация сил контрреволюции.

Нет причин вносить изменения в первоначальное издание, несмотря на то что со времени его выхода в свет революция охватила огромные территории и массы. Вместе с тем я не располагал временем для того, чтобы актуализировать отдельные места текста.

Эта небольшая брошюра имела целью просвещение красноармейцев-интернационалистов — венгров и немцев — в первую очередь насчет коммунистического движения. Она способствовала восполнению пробелов в их воспитании, чем пренебрегали рабочие партии на их родине. Я думаю, в этом виде она будет и впредь воспитывать новые отряды Красной Армии пролетарской революции.

Будапешт, февраль 1919 г.

Введение

Мировая война потрясла до основания все устои общества. Самым главным препятствием на разрушительном пути войны должен был бы стать международный союз ведущих партий рабочего класса, социал-демократических партий: Интернационал. Однако при первой же вспышке военной бури это препятствие исчезло. Оно превратилось в руины, рассыпалось на куски, хотя должно

[1] Одним из главных вопросов Бернского международного конгресса социал-демократов (3—10 февраля 1919 г.) являлась борьба против большевизма. Было принято решение, согласно которому II Интернационал осуждал все формы диктатуры, в том числе и диктатуру пролетариата.— *Ред.*

было бы выдержать самое серьезное испытание на интернационализм.

Стремящихся освободиться от эксплуатации капитала пролетариев — класс общества, который лишен средств производства и существует исключительно за счет продажи своей рабочей силы,— сплотило в международный союз развитие тесных связей между различными государствами и народами. Общность судьбы рабочего класса в условиях эксплуатации и гнета, общая предпосылка освобождения — ликвидация капиталистического производства и основывающейся на нем общественной системы привели к созданию международного объединения рабочего класса всех стран для совместной классовой борьбы против угнетателей и эксплуататоров всех стран — капиталистов.

И все же, когда вспыхнула война, большинство рабочих партий сразу же отказалось от совместной классовой борьбы, перешло на сторону капиталистов «своей» страны, а рабочие разных стран, вместо совместной борьбы против буржуазии, имущего класса, стали убивать друг друга.

После нескольких месяцев войны представлялось, будто идеи освобождения рабочего класса, социализма сгорели в лютой вражде между социал-демократическими партиями.

Это произошло тогда, когда особенно была необходима беспощадная и сплоченная, единая международная классовая борьба рабочего класса. Тогда, когда капиталисты прямо посягнули на жизнь пролетариев, когда рост дороговизны одним ударом обесценил все повышение заработной платы, которого рабочие организации добились в борьбе на протяжении десятилетий, когда мощь капиталистических союзов достигла своей высшей точки. Права, завоеванные рабочим классом ценой ожесточенных, тяжелых боев, были в интересах беспрепятственного продолжения войны разорваны в клочья. Демократия — там, где она существовала,— сменилась военной диктатурой капиталистов; рабочие же, не только призванные в армию, но и оставшиеся в интересах войны на своих рабочих местах, оказались под ярмом милитаризма и военной дисциплины.

Вместо того чтобы гордые, сильные и охваченные боевым духом пролетарские массы развернули совместную

классовую борьбу против своих угнетателей, они, попав в глубокое рабство, лишенные воли и смелости, выступили друг против друга, стали взаимно истреблять друг друга. Вожди, которые до этого на международных совещаниях провозглашали — на словах — свободное братское объединение свободных народов, частично сами отправились убивать, а частично, скрежеща зубами, стали поливать друг друга грязью за спиной масс, загнанных на бойню обманным путем. Они одобрили представленные им счета на убийство людей и грабеж страны, проголосовали за военные расходы, в качестве депутатов рабочего класса приняли участие в работе по организации «защиты родины». Наряду с насильственным подавлением классовой борьбы рабочих они использовали и духовное оружие: усыпляющие идеи, рассчитанные на обман масс.

Часть рабочих партий — социал-патриоты — открыто поступили на службу к человекоубийцам. Другая часть пассивно наблюдала за ходом событий и, видя, как рабочий класс посылают на бойню и заковывают в кандалы, в лучшем случае ограничивалась робкими словами протеста. Одна группа превратилась в орудие разбойничьей банды империалистов, другая — приспосабливалась к империалистам. Первая затушевывала классовую борьбу, вторая — ослабляла ее.

Однако война никак не заканчивается. Более того, постоянно возникают новые поводы, причины для ее затягивания. Пролетариат все глубже погружается в нищету и рабство и теряет даже лоскутные права, приобретенные в тяжелой классовой борьбе. Гнет все более возрастает, жизненный уровень снижается, недостаточное питание истребляет детей, словно Ирод[1], а картина экономических бедствий будущего представляется во все более мрачном свете. Всесилие государства — это выражение диктатуры (неограниченной власти) капитала над рабочими — теперь уже делает невозможным успешное применение старого оружия классовой борьбы — борьбы парламентской и профсоюзной.

---

[1] *Ирод* — царь Иудеи (40—4 г. до н. э.), ставленник рабовладельческого Рима, жестоко расправлявшийся с народными движениями, направленными против римского господства. О жестокостях Ирода ходили легенды, в частности об «избиении младенцев», совершенном им. Ревностно оберегая свою власть, он приказал казнить даже собственных детей.— *Ред.*

Те, кто добровольно поступили на службу к объединенным через банки владельцам капитала — империалистам, вынуждены теперь беспомощно мчаться дальше рядом с их боевыми колесницами. Те, кто приспосабливались к империализму, ослабляли классовую борьбу, не могут обрести новые силы, ибо удалились от источника силы — от пролетариата.

Но есть и третья группа рабочего движения. Ее путь — не отказ от классовой борьбы, не примирение между классами, не путь соглашательства с классом имущих, с буржуазией. Ее позиция — это не пассивное выжидание, а революционная борьба, выступления масс, направленные против нищеты, за искоренение из жизни общества массовой бойни и грабежа. Революционная борьба развертывается там, где для этого есть причина: капиталистическая производственная система и ее последняя стадия развития — империализм.

Путь этой группы рабочего движения не гладкий, ее методы борьбы проверены опытом, название этой революционной боевой партии рабочего класса — коммунистическая партия — также не ново. Оно является новым лишь по сравнению с фальсифицированным предателями названием «социал-демократия».

Впрочем, это является возвратом к традициям революционного рабочего движения, возвратом к тому, чему учили в «Манифесте Коммунистической партии» великие учители рабочего класса, великие застрельщики пролетарской революции Карл Маркс и Фридрих Энгельс и что забыли те, кто считают себя наследниками их учения:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»[1]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 459.

I. Рабочий класс на перепутье

Капиталистический способ производства, капитализм, основывающийся на частной собственности на средства производства, на эксплуатации рабочей силы, вступил в новую стадию. Эта новая эпоха, которую принято называть империализмом, началась примерно вместе с XX веком и резко отличается от старого капитализма.

Главное различие между старым капитализмом и новой стадией капиталистического развития, империализмом, состоит в том, что с целью приобретения рынков сбыта, источников сырья, а главным образом и в первую очередь для размещения избыточного капитала империализм всеми силами стремится подчинить своей власти чужие территории во всех концах света. В конце XIX века в невиданных ранее масштабах возросли производительные силы, произошло накопление капитала: он концентрировался в руках все более узкого круга собственников. Капитал, который нельзя было полностью вложить в предприятия внутри страны, стремились пустить в дело на территории таких стран, производство которых было неразвитым и которые ощущали недостаток в капитале. Такого рода предпринимательство давало особенно большие прибыли. Следовательно, союзы капиталистов, которые в своих странах все-таки уже обладали монополией, с целью особой выгоды стремились обосноваться на чужих территориях, как на своих. Это означает, что для своей предпринимательской деятельности, дающей большую прибыль, они хотели превратить чужие земли в свободную от конкуренции территорию, где прибыль не может быть поставлена под угрозу в результате конкуренции капиталистов других стран.

Внутри отдельных стран капиталисты устраняли междоусобную конкуренцию через посредство своих союзов (картелей, трестов). Вследствие этого все, вместе взятые, капиталисты одной страны приступали к борьбе с капиталистами другой страны как два прямо противостоящих друг другу конкурента. Объектами борьбы являлись колонии, а также более мелкие и крупные государства, экономическая жизнь которых находилась на низком уровне развития. Полем колониальной борьбы была Африка, следующими объектами столкновений явились древние, но неразвитые в экономическом отношении районы

Азии: Китай, Персия, а также Малая Азия. Сферой этой борьбы в Европе были балканские государства.

На заре XX века, когда банковский (финансовый) капитал стал играть решающую роль в экономической жизни, весь мир оказался уже разделенным. Следовательно, это побуждало капиталистов одной страны с ненасытной жадностью заглядывать во владения другой группы капиталистов и жаждать перераспределения мира. Жадность, жажда наживы и территориальных захватов не оставались просто мечтами, они находили выражение в открытом стремлении к мировому господству. В первую очередь это проявлялось у так называемых великих держав — Англии и Германии.

Со стиснутыми в карманах кулаками капиталисты крупных капиталистических стран враждебно взирали друг на друга. В их руках был зажат револьвер, который в любую минуту они готовы были выхватить. И неоднократно выхватывали, крича друг на друга по старой «доброй» привычке разбойников: «Руки вверх!»

Постепенно стремление к мировому господству овладело всем классом имущих. Это и понятно, поскольку во всех странах, в том числе в целом ряде так называемых «союзнических» стран, господствовать в экономической жизни стали несколько крупных банков. Эти банки сосредоточили огромные капиталы, собранные из всех имущих слоев, так что, кроме рабочего класса, всех стали интересовать высокие проценты, выплачиваемые по банковским акциям. Однако условием этого являлось как можно более выгодное, свободное от конкуренции размещение капитала, его вложение в колониальные или полуколониальные страны. Какими бы радикальными ни были представители буржуазии, какую бы позицию по вопросам внутренней политики они ни занимали — консервативную или прогрессивную, клерикальную или атеистическую, проправительственную или оппозиционную, республиканскую или монархистскую,— в одном они были едины: в одобрении ассигнований, необходимых для обеспечения сфер приложения капитала. А средством обеспечения было не что иное, как милитаризм, армия. Средства на содержание армии и флота необходимо было откуда-то изыскать. За это проголосовал даже и буржуй [1], который,

[1] Речь идет о буржуазной оппозиции в парламенте.— *Ред.*

впрочем, бил себя в грудь, заявляя, что он готов живьем проглотить правительство вместо завтрака.

В этом отношении между великими империалистическими державами не было существенного различия. Их отличие друг от друга состояло лишь в том, что те державы, у которых было много колоний, хотели их сохранить (Англия), а те, у которых их было меньше, выступали более агрессивно (Германия). Там же, где речь шла о еще не разделенных, не захваченных территориях, о более слабых странах, там хотели урвать и те и другие — Англия точно так же, как Германия. Объектами для нападений империалистов всего мира были Турция, Китай, балканские государства.

Все крупные капиталистические государства в XX веке начали проводить империалистическую политику.

Против империализма выступил единственный общественный класс — рабочий класс. Партии рабочего класса — социал-демократические партии — протестовали на международных встречах против экспансионистских, захватнических устремлений империализма. Главным предметом международных встреч всегда была борьба против войны.

Хозяева банков, представители финансового капитала, стоящие за спиной императоров, королей, парламентов и армий и действующие иногда скрытно, а иногда вполне открыто, не испугались этих протестов. Война разразилась. Протест остался лишь пустым звуком, даже и того меньше, ибо большинство ведущих партий рабочего класса — социал-демократических партий всех агрессивных великих держав — после начала войны прекратили классовую борьбу против класса капиталистов. Они взяли на себя роль смиренной парламентской оппозиции. Их примеру последовали и социалисты малых стран, даже тех, где рабочий класс не мог вмешиваться в управление делами страны, где он не обладает еще избирательным правом, как, например, в Венгрии.

Когда вспыхнула война, пролетариат, не имея настоящего представительства в парламенте, оказался фактически без руководителей. Нашлось лишь незначительное меньшинство, которое, несмотря на угрозу тюремного заключения и перспективу угодить на виселицу, отважилось поднять голос протеста. В ходе войны число таких людей постоянно росло, так как последствия мировой войны —

резкое падение жизненного уровня, обнищание, дороговизна, невыносимый военный и полицейский произвол, невозможность любой политической борьбы — показали, к чему привели отказ от классовой борьбы и «защита отечества».

Разгул варварства, уничтожение руками убийц завоеваний культуры, гибель миллионов и миллионов людей, стоны миллионов женщин и детей, ставших вдовами и сиротами, постепенно освободили пролетариат от состояния угара, в которое его ввергли в первую очередь лживые сказки рабочих «вождей» и различных «правительственных социалистов» о «защите общей для всех нас родины».

Однако все это не объясняет того, как могло случиться, что партии пролетариата без всякой борьбы отказались от антивоенной позиции, сложили оружие классовой борьбы перед жаждущими крови империалистическими хищниками и с высоко поднятыми руками в качестве пленных, а точнее рабов, перешли в другой, враждебный лагерь.

Это можно понять, только если учесть, что большинство социал-демократических партий уже до войны сошло с позиций революционной пролетарской классовой борьбы, а значительная часть других не заняла боевых позиций, отвечавших интересам борьбы против империализма.

Подавляющее большинство социал-демократических депутатов отстаивало в парламентах разбойничьих государств мимолетные интересы небольшой части рабочего класса. Оно выражало кажущуюся и мимолетную общность интересов, которая возникает между капиталистами, загребающими сверхприбыль за счет вывоза капитала и эксплуатации колониальных рабочих, и рабочими, получающими за счет этой сверхприбыли незначительное повышение заработной платы. Такая преходящая общность интересов вовлекла рабочий класс в дело защиты разбойничьего государства, именуемого родиной; он заплатил кровью, обнищанием, лишением прав и морем страданий за полученный урок, согласно которому преходящая и кажущаяся общность интересов, завуалирование непримиримых противоречий капитала и труда не может быть политикой пролетариата. Он вновь убедился на горьком опыте: то, что писали Маркс и Энгельс в «Ком-

мунистическом Манифесте» и что «вожди» умышленно скрывали от рабочего класса, и сегодня является неопровержимой истиной: «Рабочие не имеют отечества»[1]. Рабочий класс вновь дорого заплатил за урок, согласно которому то, что называется родиной, является высшей угнетательской организацией имущих классов — буржуазным государством, которое может быть чем угодно, только не объектом патриотической любви пролетариата и его заботливой защиты.

Позиция большинства тех социал-демократов, которые не капитулировали полностью, также оказалась непригодной, чтобы служить надежным отправным пунктом для выступления против империалистической войны. Эта часть социал-демократических партий считала и частично считает еще и поныне, что империалистическая политика является не неизбежным следствием экономического развития, а плохой политикой одной группы капиталистов, не приносящей никакой пользы даже им самим. Они назвали гонку вооружений «безумием», хотя это «безумие» было достигнуто ценою крови, естественно рабочей крови, и являлось холодным расчетом алчущих прибылей капиталистов. «Война — плохой бизнес»,— так формулировали свою концепцию эти социал-демократы, но война их решительно опровергла, показав, что тысячепроцентные прибыли можно добыть лишь на военных поставках.

Позиции и той и другой социал-демократических групп непригодны для успешной борьбы пролетариата против империализма. Общей чертой каждой из этих групп является то, что их позиции соответствуют эпохе, когда капитализм был на подъеме, но капиталистическое производство не достигло еще чрезвычайно высокой ступени развития, к которой оно подошло на стадии империализма. И та и другая группы стремятся сделать более сносным положение рабочего класса внутри капиталистической общественной системы путем мизерных реформ, с помощью знахарского залечивания ран, нанесенных рабочим капиталистическим производством. Они не замечают, что на высшей стадии капиталистического развития капиталисты не царапают кожу на теле рабочих, а высасывают до последней капли их кровь, лишают их

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 444.

жизни; задача состоит не в достижении реформ, не в знахарстве, а в уничтожении кровопийц, убийц.

Империализм и его неизбежные последствия выдвигают перед рабочим классом новую задачу. Империализм означает, что организованному рабочему классу противостоит организованный капитал, объединенный экономическим союзом и еще более тесно сплоченный через несколько банков, которые держат в своих руках подавляющую часть предприятий. Таким образом, малоэффективным оказывается уже оружие тех времен, когда капиталисты противостояли рабочему классу, не организовавшись еще в союзы, и не могли сплоченно применять против ведущего классовую борьбу рабочего класса все средства государственной власти и угнетения.

Против теперешней же капиталистической организации беспомощен даже парламент, избранный на основе всеобщего, демократического избирательного права. Эти организовавшиеся капиталисты не испытывают нужды в компромиссах, поскольку парламентская критика, протесты не затрагивают основы их могущества, не подрывают устои их власти.

Против империализма должны активно выступить сами пролетарские массы,— массы, выступление которых способно подорвать основу его могущества — производство; только тогда борьба может увенчаться успехом.

Проявляющиеся уже последствия империалистической войны еще более наглядно свидетельствуют о том, что пролетариат должен вступить в окончательную, решающую борьбу против капиталистического способа производства. Война способствовала накоплению громадных капиталов, но она разрушила производительные силы. Все машины, все сырьевые ресурсы, все транспортные средства служили лишь тому, чтобы было чем стрелять на войне и чем снабжать посланные на бойню войска.

На полях сражений расходовали не только пули и снаряды; большая часть машин, транспортных средств также превратилась в предметы военного снаряжения, служащие целям войны. Разрушенные машины, транспортные средства, невозможность ввиду их отсутствия пополнять сырьевые запасы — все это угрожает рабочему классу безработицей в невиданных ранее масштабах.

Накопленным капиталам противостоят государственные долги, которые воюющие государства задолжали сво-

им империалистическим хозяевам. В связи с этой задолженностью платежи по процентам во всех странах в 5—6 раз превышают довоенный годовой доход государства. Согласно законам капитализма, это должно быть покрыто за счет доходов от годового производства, в первую очередь за счет доходов работающих пролетариев.

После войны, если она вообще закончится, придут нищета, лишения, разгул варварства.

Однако война не кончается. Капиталисты не могут закончить войну. Они не могут ее закончить, поскольку окончание войны поставит перед ними ряд сложных вопросов, связанных с ликвидацией ее экономических последствий, прежде всего налаживание расстроенного производства. И если даже они могли бы ее закончить, война все равно не решит вопроса о мировом господстве, который должен будет стоять до тех пор, пока происходит накопление ожидающего своего размещения, жадного до прибылей капитала.

Так или иначе, данное положение выдвигает перед рабочим классом альтернативу.

Один путь — империализм. На этом пути у пролетариата от нищеты кровоточат ноги, голод терзает его желудок, грабительская война жаждет его крови, стремится отнять у него жизнь.

Другой путь — социалистическая революция. Этот путь означает освобождение, искоренение капиталистического производства, империализма, ликвидацию эксплуатации и мир.

Перед пролетариатом открываются лишь эти два пути. Правда, бывает, его обнадеживают кое-какими тропинками и обходными путями, но наверняка любая такая тропинка, не выходящая за границы капиталистической системы общества, вольется лишь в первый путь.

Итак, империализм настоятельно ставит перед рабочим классом вопрос и требует выбора: либо империализм — либо социальная революция.

Для новой борьбы, навязываемой пролетариату империализмом, необходимы новое оружие, новые методы действий и новое объединение сил, которое не цепляется за старые средства, за устаревшие методы борьбы, а приводит все в соответствие с новыми потребностями пролетариата.

Таким объединением пролетариата является коммунистическая партия. Средства ее борьбы: всеобщая забастовка, вооруженное восстание промышленных и сельскохозяйственных рабочих масс. Метод: революция и гражданская война. Цель: немедленная международная социальная революция, превращение пролетариата в господствующий класс, установление диктатуры пролетариата, чтобы, подавив класс имущих и ликвидировав классовые различия, привести человечество «из царства необходимости в царство свободы» [1], к первой стадии коммунизма — к социализму.

II. Насилие в ответ на насилие

Когда пролетарские массы отправлялись на войну, повсюду с переполненных тротуаров раздавались возгласы упитанных зрителей: «Да здравствуют спасители отечества!»

На самом деле, многие, отправляясь на войну, верили, что на фронтах они будут защищать свою родину. А вот на втором, третьем или на четвертом году войны число тех, кто добровольно пошел бы защищать родину, было бы очень небольшим, ничтожно малым. А сколько народу пошло бы добровольцами в разбойничьи походы для подавления революции украинских или финских пролетариев?

Подавляющее большинство, я бы сказал, почти все промышленные и сельскохозяйственные рабочие только потому пошли на войну, что вынуждены были идти на нее. Лишь насилие заставило их пойти «защищать отечество».

Как ни странно покажется некоторым, но правда все же заключается в следующем: родина, которую нужно было «защищать», олицетворяет собой насилие; с помощью этого насилия были загнаны на войну те, кто не желал идти добровольно.

Что представляло собой это насилие? В чем оно проявлялось? Просто в том, что каждому было известно: если я не подчинюсь призыву в армию, не пойду защищать границы родины, тогда государство прикажет меня расстрелять.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.

Границы родины — это границы государства. Родина является лишь другим названием государства. Но о государстве уже нельзя так легко разглагольствовать, как принято о родине,— что оно является нашей родной матерью, любимой, справедливой родной матерью, которая примиряет противоречия своих детей, имущих и неимущих классов. Нет! Бедняк сталкивается с государством тогда, когда с молотка продают его последнюю подушку, когда повышают потребительский налог на мясо, чтобы раздобыть деньги на содержание армии. Бедняки как города, так и деревни имеют дело с государством, когда находятся на военной службе, которой они должны отдать два-три года из лучших лет своей жизни. Не бесплатно. За старание отплачивают пощечинами, пинками, издевательствами. С государством можно встретиться у исправника, в полиции, на суде, откуда попадаешь в тюрьму, в заключение. Государство, которое иначе называют родиной, представляет собой насилие, организацию этого насилия.

Но если государство не родная мать, а злая мачеха, сосредоточение в руках имущих классов средств угнетения пролетариата, то и родина не является родной матерью.

И напрасно утешают себя некоторые «социалисты» тем, что если не сейчас, то со временем она будет таковой.

«Государство,— указывает В. И. Ленин,— есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»[1].

Государство, иными словами родина, является организацией насилия, существующей для того, чтобы богатые могли угнетать, держать в покорности неимущих трудящихся. Государство — это организатор, узаконивающий такой «порядок», который усиливает угнетение. Государство является «умиротворителем столкновений классов»,— естественно, таким образом, что оно связывает, лишает движения угнетенный рабочий класс.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7.

Оно делает это, применяя средства насилия. Такими средствами являются: армия, жандармерия, полиция и тюрьма. Офицеры, чиновники, судьи, которые от имени буржуазии используют указанные средства против пролетариата, выполняют приказы класса имущих не только в странах, где имеются короли, но и там, где во главе государства стоит президент парламентской республики.

Чиновник приказал, школа и духовенство подготовили, буржуазия и действующая под социалистической вывеской пресса провозгласили среди пролетариата «необходимость, обязанность защиты отечества». Но уже угрожающе стояли и в любом случае вступали в действие орудия государственного насилия: армия, жандармерия, полиция, пуля, виселица, тюрьма,— чтобы погнать рабочий класс на человеческую бойню убивать друг друга. Таким образом, пролетариат, защищая внешние и внутренние разбойничьи интересы империализма и проливая за него кровь, является орудием собственного угнетения.

Следовательно, государство является не витающей над классами нейтральной властью, а организацией насилия. Конституция государства, по которой рабочие Венгрии не имеют даже возможности голосовать каждые пять лет, облекает это насилие в законную форму. Без государства класс имущих не смог бы сохранить гнет; не обладая этой организацией насилия, он и минуты не смог бы удержаться. Поэтому борьба рабочего класса должна быть направлена в первую очередь против государственной власти.

Вопрос заключается в том, какое значение в этой борьбе имеет массовая борьба рабочего класса.

Класс имущих сохраняет в своих руках организацию эксплуататорской власти, именуемую государством, с помощью насилия. Этой власти можно противопоставить только силу. Следовательно, пролетариат против власти буржуазного гнета должен использовать свою силу.

Сила же пролетариата состоит прежде всего в его численном превосходстве, а также в том, что его труд является основой всякого производства, следовательно, и применения капитала. Он может использовать эту силу, если, сплотившись в единую массу, лишит своей рабочей силы капиталистов и, прекратив работу, сделает невозможным производство, а также использование капитала. Это — массовая забастовка.

Таким образом рабочий класс использует всю свою мощь, всю свою силу. Государство — находящаяся в руках буржуазии организация,— естественно, не останется в долгу. Время мелких уступок прошло. В этой войне империалистическое государство все поставило на карту, следовательно, оно наступает при любом изменении соотношения сил. Таким образом, государство будет применять любое насилие, которое оно только может применить. Оно использует против массовой забастовки все имеющиеся в его распоряжении средства, начиная от запрещения рабочих газет, от ликвидации остатков куцых прав на собрания и митинги и кончая применением вооруженной силы — армии, полиции, жандармерии.

Итак, против массовой борьбы, против массовой забастовки рабочих прежде всего используется насилие. Возможно, что военная сила временно принесет победу государственной власти. Однако, как об этом свидетельствует опыт русского революционного движения, такие массовые забастовки, для подавления которых прибегают к военной силе, влекут за собой двойственные результаты:

1) власть очень легко, хотя бы временно и частично, оказывается в руках пролетариата;

2) и — что гораздо важнее этого — в армии, которая состоит из масс промышленных и сельскохозяйственных рабочих, расшатывается дисциплина, и в результате орудие насилия ускользает из рук господствующего класса.

Итак, в ходе этой борьбы силы пролетариата возрастают, а силы класса имущих, господствующего класса, ослабевают. Борьба, если не думать о невозможном — что пролетариат будет поголовно истреблен,— может иметь лишь один исход:

пролетариат противопоставляет насилие насилию и захватывает в свои руки орудие власти — государственный аппарат.

Насилие против насилия! Буржуазия хорошо знает, что рабочий класс ведет борьбу за ликвидацию эксплуатации. Это означает, что ни внутри, на территории своего государства, ни в других странах класс имущих не будет иметь возможности для приложения капитала, поэтому он станет бороться за сохранение эксплуатации до последнего. Он поведет борьбу даже в том случае, если рабочий класс завоюет большинство в парламенте и пар-

ламент попытается в законодательном порядке ликвидировать эксплуатацию рабочего класса.

Эффективным средством против оружия является только оружие. Пролетариат должен взять в руки оружие, ибо лишь таким путем он сможет вырвать из рук буржуазии власть, организацию власти и насилия.

Это — вооруженное восстание, путем которого пролетариат завоевывает политическую власть и начинает социальную революцию.

Не такую революцию, которая меняет только форму господства, власти. Не революцию, которая на место неких Николая, Вильгельма или Карла посадит в кресло монарха обезличенный капитал, назвав его президентом республики.

Эта революция означает, что пролетариат путем захвата политической власти берет в свои руки основу господства — капитал и орудие господства — государство и ликвидирует следствие режима подавления — эксплуатацию.

Революция создает органы, необходимые для подготовки социалистической организации производства, принимает для этого переходные меры. Этот переходный период является периодом неограниченного господства пролетариата — пролетарской диктатурой.

Массовая забастовка, вооруженное восстание, социальная революция и диктатура пролетариата — вот что, согласно коммунистическому учению, ведет рабочий класс к освобождению и ликвидации эксплуатации. Империализм ставит пролетариат перед альтернативой: к освобождению путем революции — либо к полному обнищанию!

III. Путь к социализму

Цель коммунистов — освобождение рабочих от наемного рабства. Условие этого освобождения — ликвидация капитализма, капиталистического способа производства; экспроприация у капиталистов капитала, средств производства: земли, машин, орудий производства — и передача их в общественную собственность; ликвидация имущественных и классовых различий, наемного труда и возможностей для эксплуатации.

Однако напрасно ждать даже от самой широкой демократии, что она обеспечит подготовку к осуществлению этих задач. От самой прогрессивной формы буржуазного государства — парламентской демократической республики, базирующейся на всеобщем, прямом и тайном голосовании, ожидать этого точно так же бесполезно, как и от монархии. И в демократической республике власть буржуазии над народом обеспечивается регулярным войском, полицией и армией чиновников. Буржуазия никогда не будет могильщиком эксплуатации.

Следовательно, после завоевания власти цель коммунистов в революции состоит не в создании демократии и демократической республики. Демократия обеспечивает права для каждого. До тех пор, пока буржуазия будет иметь права, для нее будет обеспечена и власть капитала. А цель коммунистов — исключительное и безграничное господство пролетариата: диктатура пролетариата. Только такое государство является государством пролетариев. Это тоже организация подавления, но ее роль совершенно иная, чем у буржуазного государства.

Буржуазное государство является орудием подавления в интересах сохранения эксплуатации и классовых различий. Организация диктатуры пролетариата — пролетарское государство подавляет буржуазию, чтобы экспроприировать капитал для общества и одновременно с этим ликвидировать классовые различия, эксплуатацию, все виды угнетения и, наконец, чтобы стала излишней любая власть над человеком, а следовательно, и государственная власть.

Такую форму государства мы встречаем в истории дважды. Первой была Парижская коммуна, творение революции французского пролетариата 1871 г., вторая налицо сейчас: Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Эта форма — диктатура пролетариата, и, как говорит Маркс, «она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда» [1].

Коммунисты ничего не требуют от буржуазии, только государственную власть. Ни мира, ни претворения в жизнь тех или иных экономических требований, поскольку все они могут быть осуществлены лишь тогда, когда про-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 346.

летариат возьмет государственную власть в свои руки и установит диктатуру пролетариата.

Массовые органы вооруженного пролетариата образуют основу диктатуры пролетариата, пролетарского государства. Законы и нормы вырабатывают Советы депутатов заводских рабочих и деревенской бедноты; они же являются их исполнителями. Тем самым ликвидируется положение, при котором рабочий класс не мог принимать участие в осуществлении законов, даже там, где он оказывал влияние на законодательство.

В результате наступает конец власти привилегированных законодателей — чиновников и судей. Законы принимаются правомочными посланцами самого народа, которые в любую минуту могут быть отозваны; они же являются их исполнителями и судьями нарушителей законодательства. Все должности являются выборными. Любое должностное лицо в любую минуту может быть смещено со своей должности, а его зарплата не может превышать средний заработок обученного рабочего.

Постоянная армия заменяется вооруженным рабочим классом и крестьянством. Это является гарантией того, что никакая буржуазная контрреволюция не сможет отобрать у пролетариата власть и что буржуазное государство не сможет возродиться. Вооруженными силами распоряжаются не вышедшие из рядов буржуазии офицеры: вооруженный отряд сам избирает своего командира из числа подходящих для этого кандидатов.

Диктатура пролетариата ликвидирует также полицию и жандармерию в их нынешнем виде. Если же возникнет необходимость в поддержании революционного порядка, то его обеспечат вооруженные рабочие.

При диктатуре пролетариата рабочий класс и крестьянство фактически держат в руках все орудия власти: законодательство, администрацию и судопроизводство. Только это пролетарское государство, диктатура пролетариата могут претворить в жизнь экономические мероприятия, необходимые для изъятия капитала из рук буржуазии, для перехода средств производства — сельскохозяйственных и промышленных орудий труда — в общественную собственность, для того чтобы достижения общественного производства стали достоянием всего общества.

Пролетарское государство, естественно, незамедлительно осуществит все программные положения рабочего движения, выдвигавшиеся еще в период власти буржуазии, в интересах повышения благосостояния рабочего класса, улучшения условий его жизни, сохранения здоровья, повышения общеобразовательного уровня. Сразу же будет введен восьмичасовой рабочий день, улучшены санитарные условия на промышленных предприятиях, оздоровлены жилищные условия, а также осуществлены другие так называемые социально-политические требования. Для достижения этих целей пролетариату не придется потратить ни одной капли своей боевой энергии.

Центр тяжести экономической программы диктатуры пролетариата приходится на осуществление переходных мер, необходимых для социалистической организации производства.

В политическом отношении диктатура пролетариата означает, что рабочий класс отнимает у буржуазии и берет в свои руки государственную власть, законодательство, администрацию. С экономической точки зрения она означает, что рабочий класс изымает из рук буржуазии руководство производством и распределением произведенных благ среди потребителей. А до сих пор капиталисты и их служащие являлись организаторами производства и доставки произведенных товаров по каналам торговой сети к потребителям, к семьям.

Империализм и особенно развитие хозяйственной жизни во время войны — что мы уже видели — привели к концентрации производительных сил и капитала в руках небольшого числа лиц, в руках хозяев нескольких крупных банков, так называемой финансовой олигархии. В ходе войны, да уже и накануне ее государственная власть была не чем иным, как исполнительным органом этой финансовой олигархии. Она являлась верховным организатором, руководителем производства и потребления, находившимися исключительно в руках крупных банков и их объединений. Акционерное общество военной продукции, Центрметалл, Центрсахар, Центрбумага — все подобные объединения, регулирующие производство и потребление, распределяющие продукты питания и носящие полностью либо наполовину административный характер, уже и в Венгрии осуществили концентрацию капитала. Над каждым из этих центров стоят 4—5 круп-

ных банков, являющихся неограниченными хозяевами экономической жизни страны.

Если пролетариат желает взять в свои руки власть над экономической жизнью, чтобы преобразовать ее в соответствии со своими потребностями, направив ее развитие по социалистическому пути, его первейшей задачей является обеспечение перехода банков в руки пролетарского государства, объединение всех банков под руководством рабочего государства, т. е. национализация банков.

Банки, как известно, в ходе развития империализма превратились в центры экономической жизни, они осуществляют кровообращение капиталистической системы хозяйства.

Чтобы стать хозяином всего производства, необходимо в первую очередь обеспечить господство над банками. Это господство означает лишение капиталистов всех источников денежных доходов, конфискацию финансового капитала. Указанная мера уже означает решительное наступление на капиталистическую систему.

Взятие рабочим государством банков в свои руки предоставляет в распоряжение пролетариата аппарат, с помощью которого он может регулировать не только производство, но и распределение результатов производства товаров потребления, а также орудий труда.

Все «центры», ведающие со времени войны — в том числе и в Венгрии — распределением сырьевых ресурсов, продовольственных товаров и орудий труда, полностью находятся в руках банков. Таким образом, банки имеют точные цифровые данные о результатах производства и потребностях страны, а также о возможностях осуществления перевозок транспортными средствами (железные дороги, водные пути).

Империализм создал базу, опираясь на которую диктатура пролетариата может нанести первые сокрушительные удары по капитализму и на которой она может построить социалистическую систему хозяйства.

Первое условие социалистической организации хозяйства, социализма — знать по возможности точно, сколько можно производить и каковы запросы потребителей. Готовым механизмом для этого явится действующая под руководством пролетарского государства сеть объединенных насильственным путем банков, имеющая филиалы в любой деревне, единый, свободный от господства капита-

листов и переданный во власть пролетариата общегосударственный банк.

Вторым ударом по частной собственности на средства производства будет объединение и переход в руки пролетариата всех крупных промышленных предприятий, служащих удовлетворению массовых потребностей.

Это означает, что все крупные предприятия, которые уже объединены под властью банков, будут экспроприированы у их собственников рабочим классом. Тем самым господство капиталистов в промышленности ликвидируется, а выборные органы рабочего класса сами будут руководить предприятиями, объединенными по образцу союзов капиталистов — картелей, трестов, синдикатов.

Это можно себе легко представить. Как в настоящее время в Венгрии табачные фабрики либо артиллерийские заводы и другие промышленные предприятия находятся в собственности государства, точно так же в собственность государства переходят и все остальные предприятия. В действительности государство и в настоящее время регулирует производство. Только нынешнее государство, находящееся в руках капиталистов, под маркой регулирования производства создало из всех заводов и мастерских военный лагерь принудительного труда для рабочих и рай, «Эльдорадо»,— для капиталистов, откуда в огромные банковские сейфы течет поток золота.

Пролетарская национализация приведет не только к единому регулированию производства, объединению предприятий, но и к экспроприации находящихся в собственности капиталистов промышленных предприятий, мастерских, железных дорог, судоходных компаний. Все эти предприятия будут служить не использованию рабочей силы на благо капиталистов, а наоборот,— после ликвидации капиталистической администрации и эксплуатации они под руководством рабочего класса будут призваны удовлетворять потребности трудящихся.

Таким образом разрушаются основы частной собственности. Обесценивается масса акций, ценных бумаг, независимо от того, идет ли речь об акциях банков или промышленных и транспортных предприятий. Они превращаются в пустые бумажки и не могут уже служить «законным» основанием для праздного смакования результатов неоплаченного труда рабочих, для обогащения за их счет.

Когда все банки, все средства производства находятся в руках рабочего государства, третьей крупной задачей, стоящей перед диктатурой пролетариата, является организация и регулирование потребления, как необходимая временная мера.

Война создала основу для регулирования потребления, точно так же как и для регулирования производства.

Основа для организации и регулирования потребления имеется в связи с тем, что в силу необходимости введены карточки на хлеб, мясо, сукно.

Благодаря централизованной сети банков, находящейся в руках пролетарского государства, будут известны количество производимой продукции и потребности в ней. Поэтому станет возможным ликвидировать торговлю. Распределение продовольствия, одежды и прочих товаров будет идти через склады, создаваемые либо местными властями пролетарского государства — Советами представителей рабочих и крестьян, либо с помощью кооперации трудящихся; распределение же машин, орудий труда, топлива и т. д. среди различных заводов и мастерских будет осуществляться через филиалы банков.

И все же разница между карточной системой буржуазного и пролетарского государства огромна. Капиталистическое государство использует эту систему в интересах буржуазии. С помощью карточной системы оно стремится обеспечить бóльшие барыши для спекулянтов. Одновременно от голодных ртов рабочих отнимается масса продуктов, которые в нарушение карточной системы попадают в квартиры богачей.

Карточная система пролетарского государства прямо направлена против богачей. Она призвана сделать так, чтобы в питании не было никаких привилегий. В конечном счете она является также гарантией против контрреволюционеров, которые — как показывает пример русской революции — занимают в отношении пришедшего к власти пролетариата позицию саботажа, т. е., как только рабочий класс берет в свои руки государственный механизм и организацию производства и распределения, они сразу же по политическим мотивам прекращают работу.

Пролетарское государство уже и поэтому должно осуществить вошедший в поговорку принцип: кто не рабо-

тает — тот не ест. Следовательно, очередной важнейшей переходной мерой является регулирование потребления семьи на основе системы трудовых книжек.

Любая семья должна иметь право на получение определенного количества продуктов питания, которые, однако, могут выдаваться лишь по трудовой книжке со складов, находящихся в ведении Советов или кооперативов.

Капитал потеряет, таким образом, всякую почву под ногами. Денежные средства, которые капиталисты могут спасти, утаить от пролетарского государства, не дают возможности какому-либо представителю буржуазии мешать, опираясь на эти средства, путем саботажа строительству экономической и общественной системы будущего.

Регулирование потребления семьи и система трудовых книжек на деле означают трудовую повинность для каждого трудоспособного человека. Образец для этого также дан ходом империалистического развития, в результате которого почти во всех воюющих странах в отношении гражданского населения по образцу всеобщей воинской повинности введена и всеобщая трудовая повинность. Трудовая повинность буржуазного государства, точно так же как и воинская повинность, является всеобщей лишь в отношении пролетариев; поэтому она служит лишь разбойничьим интересам империалистов. Трудовая же повинность пролетарского государства, наоборот, вовлекает в общественный труд тунеядцев и живущих за чужой счет дармоедов-богачей; она не допускает, чтобы эти элементы уклонялись от работы по социалистической организации общества и экономики.

К средствам производства, которые диктатура пролетариата должна экспроприировать у капиталистов, относится, собственно говоря, и земля.

В Венгрии, где более половины людей живет за счет сельского хозяйства, а 80% сельского населения составляют полностью безземельные пролетарии — поденщики или полупролетарии — владельцы карликовых владений в 1—5 хольдов, земельный вопрос имеет особенно большое значение.

Важнейшей задачей коммунистов в социальной революции является организация крестьянства для немедленного захвата земли. Все церковные земли, латифундии,

господские имения вместе со всем инвентарем, постройками, орудиями труда, машинами, скотом и семенами немедленно должны быть заняты крестьянством, организациями сельскохозяйственных рабочих. Земля вместе со всеми находящимися на ней постройками должна быть передана в ведение местных, уездных или комитатских Советов депутатов крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

Таковы переходные меры в земельном вопросе. Окончательное единообразное рещение данного вопроса в масштабах всей страны является задачей будущего. Но чтобы это можно было осуществить, чтобы помещики, попы и иные хозяева земли не имели возможности чинить препятствия делу социалистического преобразования сельского хозяйства, земля должна быть немедленно захвачена сельскими трудящимися, бедняками.

В общем и целом коммунисты считают это ближайшей задачей пролетариата.

Диктатура пролетариата возникает в результате вооруженного восстания и социальной революции. Это означает, что рабочий класс не ждет социализма, как евреи мессию. Он не ждет своего освобождения, как у моря погоды, а действует во имя его революционным путем.

В результате развития империализма рабочий класс находится на распутье, и это заставляет его действовать.

Избрав один путь, можно покорно под ударами нагаек плестись по нему через массовую бойню войны к окончательному обнищанию.

Другой путь — путь борьбы, ведущий через завоеванное в борьбе освобождение к благосостоянию, к социализму. Он является уже не мечтой, а задачей ближайшего будущего, задачей настоящего и последующего поколений.

Те, кто не рассматривают социализм как мечту, как мессию, а хотят путем совершения социальной революции трудящихся и установления диктатуры пролетариата незамедлительно приступить к его осуществлению, являются коммунистами.

IV. Так кто же такие коммунисты?

После сказанного ясно, что коммунисты — это сознательные пролетарии. Это те, кто не только на словах стремятся к освобождению рабочего класса от ига капитала. Это те, кто не страшатся насилия и знают, что, лишь применив насилие против насилия буржуазного государства, можно добиться ликвидации господства капитала, эксплуатации.

Коммунисты ничего не ждут от господствующих классов, не идут с ними на компромисс. Они вслед за Марксом заявляют, что лишь сам рабочий класс может себя освободить.

Коммунисты — это те, кто не на словах, а на деле являются интернационалистами. Они считают, что есть и может быть лишь один интернационализм. Не такой, который во время войны, отказываясь от классовой борьбы, ставит пролетариат на службу его угнетателям и вместо борьбы с врагом толкает пролетариат на братоубийство. Коммунисты провозглашают, что «рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» [1]. Они признают лишь один интернационализм, который на путях социальной революции сплачивает всех рабочих земного шара.

От всех других рабочих партий коммунистов отличает также то, что они выдвигают перед рабочим классом социализм не как иллюзию, «обетованную землю», для достижения которой в пустыне пролетарской жизни, подобно покидающим Египет библейским евреям, должно погибнуть не одно, а целый ряд поколений. Опираясь на нефальсифицированное учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса, коммунисты считают, что борьба за социализм является задачей сегодняшнего дня. Каждый день, упущенный рабочим классом в решающей борьбе против капиталистов, за захват государственной власти, без причины и основания продлевает страдания пролетариата в условиях капиталистического производства.

Итак, цель коммунистов — не буржуазная демократия, которая не означает освобождения пролетариев от наемного рабства, а социальная революция, диктатура пролетариата, и немедленно.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 444.

Кто желает этого и действует соответствующим образом, тот является коммунистом.

Именно поэтому мы и не называем себя социал-демократами.

Маркс и Энгельс, которых сознательный пролетариат считает своими учителями и учение которых социал-патриоты частично извратили и фальсифицировали, а частично умышленно утаивают от масс,— называли себя коммунистами. Оба они неоднократно заявляли (Маркс в 1875 г., критикуя Готскую программу германской социал-демократической партии, Энгельс — в 1894 г.), что название «социал-демократия» неправильно и с научной точки зрения. Из хаоса капитализма, капиталистической системы производства человечество приведет к социализму не демократия, а революционная диктатура пролетариата. Она — путь к социализму, к обобществлению средств производства и распределению продуктов среди всех в соответствии с затраченным трудом.

Однако взоры коммунистов, как и их передовых борцов Маркса и Энгельса, не останавливаются на социализме. Коммунисты смотрят дальше и говорят:

Развитие не останавливается на социализме, «социализм является лишь первой ступенью коммунизма». После него постепенно наступает и вторая стадия коммунизма, которая создает подлинное равенство, когда каждый принимает участие в общественном производстве в соответствии со своими способностями и получает из результатов производства все необходимое для удовлетворения своих потребностей.

Мы не назвали себя социал-демократами и потому, что это название во всех странах является вывеской предателей рабочего класса, социал-патриотов, лакеев империализма. Вывеской тех, кто, охваченный страхом, стремится сдерживать революцию пролетариата и действует заодно с эксплуататорами.

Мы, коммунисты, ни при каких обстоятельствах, ни под каким предлогом не считаем допустимым прекращение классовой борьбы против имущих классов. И мы полагаем, что пролетарии не должны колебаться на перепутье, на котором они оказались в результате империалистической войны. Они незамедлительно должны вступить на путь революции, социальной революции, «разрушающей все существующие общественные системы», чтобы

через диктатуру пролетариата построить заново, преобразовать все общественное здание.

Вооруженное восстание, международная социальная революция, диктатура пролетариата, закладка фундамента социализма. Немедленно приступить к этому, а не усыплять голодающий рабочий класс призрачными иллюзиями достижения благополучия через столетия — вот в чем состоит ближайшая цель коммунистов.

Для тех же, кто все еще говорит, что рабочий класс «врастет» в социализм в течение десятилетий или столетий и что еще нет способа, возможности для немедленного проведения в жизнь такого огромного преобразования, как того хотят коммунисты, пусть будет ответом тезис Маркса, сформулированный в его главном труде — «Капитале»:

«Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистическую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» [1].

Не давайте обкорнать крылья революционного размаха.

«Бьет час капиталистической частной собственности» [2].

Итак, каждый рабочий — вперед, к международной коммунистической революции!

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 773.
[2] Там же.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЗЕМЛЯ?

Статья, опубликованная в газете «Социальная революция»
Май 1918 г.

«Ну что это за вопрос,— недовольно ворчит про себя тот, кто берет в руки эту маленькую статью «Революции» [1].

Кому принадлежит земля?

Господам и попам! Правда, кое-что достается и тем, кто на ней трудится. Однако в основном ее хозяевами являются все же крупные землевладельцы, арендаторы, епископы, каноники. Об этом не стоит спрашивать и здесь, в далекой России, тратить на это бумагу. Лучше было бы написать, что же нового дома. Ведь тот, кто всю жизнь ходил в поденщиках или за большие деньги арендовал несколько хольдов, лучше знает, что земля принадлежит не ему, а господам, нежели тот, чьей профессией является писанина».

В такого рода ворчании есть доля правды, но есть и нечто такое, что не является правдой.

Действительно, именно тот чувствует, что сапоги тесны, кому жмет ноги. И, следовательно, тот знает лучше всего, что земля не его, кто работает на земле другого. Но верно и другое: многие, очень многие работающие на господско-поповской земле не знают, сколько есть таких людей с похожей судьбой, у которых одно желание и общее стремление: земля.

Они не знают, что на вопрос, кому принадлежит земля, можно ответить не только так: господам и попам, но и по-другому. Ведь можно сказать и так, что земля принадлежит трудовому народу. Тем, кто своим потом оро-

[1] Автор имеет в виду газету «Социальная революция».— *Ред.*

шает землю, которая сейчас приносит свои плоды для других. Тем, у кого в руках звенит коса, которая срезает колосья с зерном для чужого гумна.

В действительности земля не принадлежит ни графу, ни банкиру, которые, может быть, ни разу в жизни и не видели ее. Не принадлежит она и попу, который жиреет за счет пота бедняка.

ЗЕМЛЯ ПРИНАДЛЕЖИТ ТРУДОВОМУ НАРОДУ!

Только ее отняли у него; но от него же зависит, чтобы завладеть ею вновь. Не правда ли, к такому ответу читатель этой маленькой статьи не был подготовлен.

А ведь это правильный ответ!

Если я говорю, что земля принадлежит господам и попам, то я отвечаю на вопрос:

«Кто завладел землей?»

И если, напротив, у меня спросят, кому принадлежит земля, я сто, тысячу раз должен ответить:

«Земля принадлежит трудовому народу!»

КАК ЖЕ МОЖНО ЕЕ ПОЛУЧИТЬ ОБРАТНО?

«Красивые слова,— скажет на это Янош Беземельный.— Но это лишь слова, поскольку и землю бесплатно не дают. Ее не только не дают бесплатно, но она еще и дорого стоит».

Во время войны, когда народ уже был по горло сыт жизнью в траншеях, когда он уже окончательно пресытился кровопролитием, епископы типа Прохаски, а также некоторые графы предприняли попытку помахать у него перед носом медовым пряником, говоря при этом: нужно размежевать большие владения, чтобы вознаградить землей крестьянство, находившееся в первых рядах защитников родины.

Спасибо! От такого размежевания проку будет мало. Получить такую награду — значит на всю жизнь взвалить на свою шею бремя задолженности. Нам уже известны повадки государства и разного рода мелких и крупных банков. Прежде чем загремит барабан во дворе графской усадьбы [1], государство само покупает это владение или заставляет уплатить за него большую цену в какой-либо банк, чтобы затем распродать его мелкими участками крестьянам втридорога, взимая при этом вы-

[1] В старой Венгрии перед началом аукциона по распродаже имущества били в барабан, созывая народ.— *Ред.*

сокие проценты. Случись неурожай,— а следует учесть, что налоги растут, ибо на содержание армии нужно все больше и больше средств,— и тогда не только земля крестьянина, но и его корова, и даже последняя подушка будут пущены с молотка. Мы уже по горло сыты размежеванием.

Это сущая правда. Размежевание проводится не для того, чтобы наделить деревенскую бедноту землей, а для того, чтобы от земли избавились помещик и поп, прежде чем их так или иначе лишит ее кто-то другой.

У епископа Прохаски и желающих размежевания графов, предложивших передать землю безземельным сельским беднякам, хороший нюх. Они прекрасно знают, что если не отдадут землю, то рано или поздно крестьянин сам отберет ее; следовательно, лучше избавиться от нее за хорошую цену [1].

Землю можно получить и помимо размежевания. Правда, можно прождать до скончания века, пока деревенская беднота сама сумеет отобрать землю у тех, кто завладел ею.

Те, чьи предки и предшественники сожгли на раскаленном троне вождя венгерских крестьян Дьёрдя Дожа и заставляли восставших крестьян есть его обгорелое мясо, слишком цепляются — не за землю, а за получаемые с нее нетрудовые доходы,— чтобы безвозмездно отказаться от нее. Граф Каройи и епископ Прохаска очень любят крестьянина, пока речь идет о том, чтобы продать крестьянину землю. Но как только встает вопрос о том, чтобы вернуть землю тем, у чьих предков ее насильно отобрали, их отношение сразу же меняется.

Итак, выходит, земля никогда не попала бы в руки того, кому — и только ему одному — она должна по праву принадлежать: трудовому народу.

А ведь земля все же принадлежит трудовому народу... Никому другому, только ему!

«Хватит уж разговоров,— вновь замечает Янош Безземельный.— Я только и делаю, что работаю от зари до зари, с раннего утра до позднего вечера, до полного изнеможения. Я принадлежу к трудовому народу, мой дед

---

[1] В 1916 г. Прохаска выступил в ВЭО (Всевенгерское экономическое общество) с инициативой, чтобы возвращающиеся с фронта крестьяне получили землю за выкуп.— *Ред.*

тоже не был ни графом, ни епископом, он тоже гнул спину на какого-то господина, а у меня еще нет даже крохотного клочка земли».

Мы согласны, Янош, хватит разговоров. У трудового народа, который лишь один должен иметь землю, нет ее, с одной стороны, потому, что он только говорит о ней: «если бы да кабы, то не плохо было бы», а с другой — потому, что он верит многочисленным разглагольствованиям господ, попов и их лакеев.

Он верит тому, что кто-то другой, а не он сам может помочь беде безземельного народа. Да, правда, «поможет», но так, что от этого не будет никакого проку. Так «помогают» и граф, и банкир, и поп, и сборщик налогов, и исправник, и секретарь сельской управы. Лишь сама безземельная деревенская беднота может помочь своей беде. И помощника в этом деле она найдет только в лице городского рабочего класса.

А раз помочь тут может лишь сама деревенская беднота, то напрасно ждать, что подойдет герцог Эстерхази, или варадский епископ, или даже управляющий их имением и скажет:

«Пожалуйста, уважаемый крестьянин, вот земля! Извольте взять ее. И упаси боже вас платить за нее!»

Кто ждет этого, ждет напрасно. И наоборот, если деревенская беднота будет действовать, если не станет ждать возвращения земли теми, кто незаконно владеет ею, а сама отберет землю у них, то тогда земля окажется в руках трудового народа, который один лишь имеет законное право на нее.

Отобрать землю революционным путем! Это единственный способ лишить права собственности на землю тех, кто ею незаконно владеет. Это единственный способ добиться, чтобы трудовой народ вступил на гумна графов и попов не как поденщик, господский слуга, батрак, а как хозяин земли.

Возможно ли это?

Смотря как подойти: и возможно, и нет.

Если мы будем покуривать и глазеть на небо, сидеть у моря и ждать погоды, то тогда наверняка невозможно.

Если же, наоборот, деревенская беднота внимательно взглянет на мир и увидит:

1) что городские промышленные рабочие, наемные рабы, которых обдирающий до костей нож нищеты,

войны, их рабовладельцев-работодателей поставил перед выбором: медленная голодная смерть или революция; если увидит, что они бунтуют, готовятся к революции;

2) что в результате расходов на войну бремя налогов становится невыносимым и что мелкие хозяева, имеющие несколько хольдов земли, вследствие непосильных налогов также неизбежно будут разорены;

3) что те, кто своей захватнической политикой развязал войну, продолжают оставаться у кормила власти и это не может привести к окончанию войны;

итак, если деревенская беднота увидит все это и сама присоединится к неизбежной революции, то тогда и только тогда будет возможно, чтобы трудовой народ отобрал землю без всякого выкупа у тех, кто ею незаконно владеет.

Революционная борьба — не борьба на бумаге, задачи революции не могут быть решены без настоящей борьбы.

Надеяться, что массы сумеют получить землю без всякого выкупа мирным путем,— это значит проявлять наивность. А тот, кто хочет заставить поверить в это, в лучшем случае является доверчивым мечтателем, но в большинстве случаев — подлым обманщиком, который жиреет, пользуясь подачками со стола помещика и попа, и желает крестьянству гибели.

Все свидетельствует о том, что государство, даже там, где оно имеет республиканскую форму правления и носит на голове не корону, а цилиндр, находится в руках помещиков, фабрикантов, банкиров. В палате депутатов нельзя предпринять ничего, что ущемляло бы их интересы. В их руках сосредоточена власть, они командуют армией, жандармерией, и исправник, и секретарь управы являются их людьми. Благодаря этой власти они незаконно удерживают в своих руках землю.

Хотеть земли, и не только хотеть, а и бороться за нее, за то, чтобы трудовой народ впредь не лишали земли,— это означает стремиться к власти, бороться за власть!

Но ведь и власть не отдадут даром... Никак нет, ибо, лишь располагая властью, помещики, фабриканты, банкиры, кучка попов могут эксплуатировать массы неимущих, бедных людей и в безделье жить за счет труда других.

Чтобы возможно было отобрать у них землю, необходимо лишить их власти. Земля принадлежит трудовому

народу, а все другие являются лишь ее незаконными владельцами.

Ну а что же представляет собой власть? Что дает помещикам, фабрикантам, банкирам власть над таким множеством бедных людей?

Чтобы понять это, не надо быть большим мудрецом.

Армия, жандармерия, полиция — вот основные орудия власти. Именно они препятствуют тому, чтобы землю получили те, кто на ней трудится.

А из кого состоит армия?

Ясно, что не из помещиков, попов, фабрикантов и банкиров. Ни один из нас не видел много лиц этого сорта ни в окопах, ни вообще близко к фронту. Армия формируется из деревенской бедноты и городского рабочего класса. Среди господ любой молокосос и тот является по крайней мере господином «кадетом». Он, правда, бывает, не умеет по-настоящему подвязывать штаны, но зато может влепить седоусому пехотинцу такую пощечину, что у несчастного искры посыплются из глаз.

Власть точно так же по праву принадлежит трудовому народу, как и земля, только ее следует отобрать, завоевать.

Отобрать у узурпаторов!

ЧТО ЖЕ НАДО ДЕЛАТЬ?

Это последний вопрос.

Если мы найдем на него ответ и поступим соответствующим образом, то тогда землю получит тот, кто лишь один имеет законное право владеть ею: трудовой народ.

Ответ прост. Его не поймет лишь тот, кто настолько глуп, что не понимает ничего на свете, или тот, кто не желает его понять.

Вот этот ответ:

Необходимо, чтобы деревенская беднота сплотилась с городским рабочим людом. Она не должна предоставлять свои силы незаконным владельцам земли и действующим вкупе с ними фабрикантам, банкирам, попам. Ведь только из-за этого те могут сохранять в своих руках власть для угнетения неимущих. Деревенская беднота должна не отдавать свои силы другим для собственного угнетения, а использовать их для завоевания власти, обретения земли, свободы.

Во-первых, надо бороться за власть... Ведь именно с

помощью власти, армии, жандармерии и полиции горстка помещиков, крупных арендаторов, епископов и банкиров незаконно отобрала землю у того, кто лишь один должен ею владеть,— у трудового народа.

Городской рабочий класс и деревенская беднота только тогда смогут взять власть в свои руки, если они ее завоюют. Даром, добровольно власть не отдадут, мы это уже видели. Итак, оружие, вложенное нам в руки для угнетения, для обуздания своих братьев, для незаконного захвата у нас земли, необходимо использовать для нашего освобождения, для отвоевания нашей земли.

Если власть будет находиться в руках трудящихся, если армией станут распоряжаться не короли, графы, фабриканты, банкиры, а те, из кого состоит армия,— трудящиеся, то тогда узурпаторам не удастся больше незаконно владеть землей. Тогда земля будет принадлежать тому, кто лишь один имеет на нее право: трудовому народу.

ТАК СОВЕРШАЙТЕ ЖЕ РЕВОЛЮЦИЮ!

Не уповайте на других, а стремитесь сами стать хозяевами земли, которую у вас отобрали.

Завоевать ее можете лишь вы сами: деревенская беднота в союзе с городскими рабочими путем совместной революции.

Однако и во время революции земля не достанется вам просто, без всяких усилий. Так или иначе ее нужно отобрать. В каждом селе, уезде, комитате все безземельные и малоземельные крестьяне должны занять все поместья. Вся земля, которая обрабатывается не ее хозяевами, должна быть отобрана!

Вот что нужно делать. И тогда господа, попы не смогут незаконно владеть землей: ее хозяином станет тот, кто лишь один имеет на нее законное право, кому принадлежит земля: трудовой народ.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЫ В АВСТРИИ

Статья, опубликованная в газете «Правда»
8 июня 1918 г.

Пульс австрийской революции бьется с каждым днем все сильней и сильней. Бурные волны событий ежедневно все больше разрушают основание существующего порядка, отрывая от него все новые глыбы. Государственная власть опирается внутри страны лишь на тоненькую общественную прослойку.

Что касается масс угнетаемых народностей, то на них правительство давно уже не может рассчитывать. Но теперь дошла очередь и до мелкой буржуазии господствующих наций, и она с возрастающей энергией поднимает голос свой против новой унии [1].

Австро-венгерские, а в еще большей степени швейцарские газеты сообщают, что в то время как империалистические круги все в большей мере поддерживают союз с Германией, мелкобуржуазная масса начинает проявлять симпатии к державам Антанты, пытаясь избавиться от войны и от своего союзника — Германии.

Уставшие от войны солдаты на итальянском фронте отказываются служить империалистическим интересам. Одновременно происходит изменение ориентации буржуазных кругов.

В Чехии и в кругах югославской буржуазии уже давно наблюдается ненависть к германскому империализму. Такие же настроения все явственнее проявляются и в Венгрии.

---

[1] Имеется в виду усиление военно-политического и экономического союза между Австро-Венгрией и Германией.— *Ред.*

Граф Каройи [1], лидер самой левой буржуазной оппозиции и пацифистов, весьма резко протестовал в венгерском парламенте против союза с Германией. В своей речи он в необычно резком тоне говорил о правящей австрийской династии.

После этого парламентского выступления Каройи, нашедшего широкий отклик по всей стране, правительственные круги развернули против него кампанию травли, обвиняя в государственной измене. В будапештском суде против Каройи возбуждено дело по обвинению в компрометирующих его связях с итальянскими государственными деятелями. Характерно, что материал для процесса собран агентами германского генерального штаба.

Неблагонадежность войск так усилилась за последнее время, что после визита Карла в Константинополь [2] в Австро-Венгрии появились турецкие войска в качестве единственного надежного резерва как против внешнего, так и против внутреннего врага.

Против крайне неудачной попытки введения государственного капитализма на манер Германии восстают не только рабочие, но и мелкобуржуазная масса, столь многочисленная в Австрии.

На днях в Австрии и Венгрии состоялись торговые конференции мелкой буржуазии, существованию которой грозит опасность со стороны государственного капитализма. Участники этих конференций, несмотря на все попытки официальных кругов придать прениям умеренный характер, неоднократно выступали с нападками на правительство и протестовали против германской колонизации.

Реквизирован заранее урожай зерновых в целях снаб-

---

[1] *Каройи Михай* (1875—1955) — граф, помещик, политический деятель. После победы буржуазно-демократической революции 31 октября 1918 г. стал премьер-министром; с января по 21 марта 1919 г.— президент республики. После провозглашения Венгрии Советской Республикой эмигрировал и вернулся на родину лишь в 1945 г. В 1947 г.— посланник Венгрии во Франции.— *Ред.*

[2] *Карл Габсбург IV* (1887—1922) — последний австрийский император и король Венгрии с 1916 по 1918 г. Накануне полного краха Австро-Венгерской монархии совершил поездку в Турцию, добиваясь у своего союзника усиления военной помощи и выделения контингента войск для укрепления тыла разваливавшейся лоскутной монархии.— *Ред.*

жения продовольствием всей Центральной Европы. Это вызвало небывалое сопротивление крестьянства.

Отчасти этой же причиной вызваны волнения в войсках на итальянском фронте, ведь эти войска состоят в большинстве своем из крестьян.

Одновременно в Австро-Венгрии происходит полевение рабочего движения. Даже сильно зараженные социал-патриотизмом руководящие круги партии и те уже стали левее германской социал-демократии. Происходит сплочение левых, радикальных элементов рабочего движения, отчасти все еще составляющих оппозицию в недрах старых партий. И в Австрии, и в Венгрии, в сущности, теперь имеются два партийных центра.

Нелегальные группы рабочего движения растут в результате массового дезертирства рабочих с фронта и из тыла. Они пополняются также возвращающимися на родину военнопленными.

На внесенный в верхней палате парламента запрос, направленный против венгерских большевиков, премьер-министр Векерле ответил, что правительство совершенно бессильно в этом отношении, так как зараженные большевизмом элементы возвращаются домой окольными путями и оказываются вне морального воздействия военных властей.

Большевизм причиняет правительственным кругам как в Австрии, так и в Венгрии все больше забот.

Последняя надежда реакции зиждется на том, что находящийся на авансцене политической жизни граф Тиса вместе со своими агентами Бурьяном и Черниным сменит премьер-министра Векерле.

То, о чем не пишут австрийские газеты, можно узнать из циркулирующих в Австрии по старому, дореволюционному русскому образцу листовок. На основании их мы можем констатировать, что в пределах двуединой монархии у международной революции уже имеются стойкие борцы.

«Первая задача — спасение русской революции,— говорится в одной из этих нелегальных листовок.— Подавление ее означало бы победу европейского империализма; победа ее равносильна поражению последнего».

Эти и многие другие признаки показывают, что между отдельными революционными выступлениями масс существует определенная связь.

Мелкобуржуазная масса больше уже никоим образом не опьянена военными победами. Присутствие турецких войск, процессы, возбужденные против вождей буржуазной оппозиции по обвинению в государственной измене,— все это показывает, что военные бунты и революционные устремления пролетариата и угнетенных народов не встретят сопротивления в мелкобуржуазной массе.

РОДОВЫЕ МУКИ РЕВОЛЮЦИИ

Статья, опубликованная в газете «Правда»
27 июня 1918 г.

Сообщения с внутреннего фронта Австро-Венгерской монархии вселяют с каждым днем все большие надежды. Поражение на итальянском фронте не является результатом силы итальянских войск. Как раз наоборот: оно вызвано обострением вражды на внутреннем фронте. Войска, которые слепо и бессознательно на протяжении ряда лет сражались за империалистические цели, вполне сознательно сдаются теперь в плен.

В Австро-Венгрии появились наконец силы, стремящиеся к поражению «собственного» империализма. Это означает уже высокую ступень революционного сознания.

Одновременно с сообщением о поражении на итальянском фронте получены вести с «внутреннего фронта», о кровавых расправах в Венгрии.

«Предприятия бездействуют,— заявляет премьер-министр Векерле,— в то время как они должны были бы работать на полную мощность».

Это ясный симптом того, что, подрывая военную промышленность, рабочие инстинктивно стремятся к поражению, к развалу военно-государственной организации их «собственных» империалистов, чтобы облегчить таким путем развитие революции.

Когда пролетариату отказывают даже в минимальных правах, революционные волны вздымаются еще выше. Непосредственной политической причиной разгорающегося движения является предложенный Тисой законопроект избирательной реформы, который аннулирует все обещания, торжественно дававшиеся до сих пор.

Все усилия верхушки венгерской социал-демократии были направлены только на достижение избирательной реформы. Она старалась вдвинуть рабочее движение в легальные формы и тем самым тормозила развитие революции.

Но объективные условия ломали эти искусственные рамки, рабочие начали прибегать к полулегальным средствам борьбы. Последние события показывают, что правительству приходится «огнем и мечом» подавлять рабочие бунты.

В Будапеште, где брожение приняло наиболее угрожающий характер, правительство прибегло к содействию жандармов, услугами которых пользовались до сих пор лишь для поддержания порядка в деревнях. На жандармов теперь вся надежда правительства, так как на солдат рассчитывать нельзя: они лучшие знаменосцы революционного движения.

Но это палка о двух концах: жандармские репрессии еще больше обостряют существующие противоречия. Во время последних демонстраций в Будапеште было убито четверо рабочих и многие ранены. Указанные события еще быстрее заставят рабочих покинуть мирный путь борьбы за избирательное право.

С каждым днем все более созревают условия для вооруженного восстания масс.

В Пече, одном из самых крупных промышленных центров Венгрии, солдаты 48-го запасного пехотного полка убили полковника и нескольких офицеров. В Задунайщине — Западной Венгрии — солдаты выносят тайком из казарм оружие и боеприпасы.

Возвратившиеся военнопленные-интернационалисты, ведущие революционную агитационную работу, подвергаются самым жестоким преследованиям.

Правительство, быть может, несколько улучшит экономическое положение рабочих; в политическом же отношении оно совершенно неспособно сделать им хотя бы малейшую уступку.

Состав правительственной партии заранее исключает возможность малейших изменений в проекте избирательной реформы Тисы — Векерле.

В этой партии представлены не только аристократы-полуфеодалы, но также богатые крестьяне и фабриканты, организующиеся в принудительные картели.

Новый законопроект о принудительном объединении крупных промышленных предприятий, косвенное налогообложение хлеба и мельничная монополия как средство к объединению финансовой и земельной аристократии — все это создает для пролетариата такое положение, которому никак не поможешь избирательной реформой.

Вследствие этого в отчаянное положение попали наряду с пролетариатом и различные слои мелкой буржуазии.

Страна выдана с головой германским милитаристам. Обещания и пацифистские заявления графа Чернина могли лишь временно держать народ в заблуждении. В том же направлении действовала и руководящая верхушка рабочего движения.

Последние митинги и забастовки доказывают, однако, что массы собираются взять дело мира в собственные руки.

Такова картина общего положения в Венгрии.

Новый министр внутренних дел пытается успокоить напуганную буржуазию, заверяя, что солдатские бунты будут подавляться самым беспощадным образом.

Но для этого уже нет больше благонадежных войск.

В одном маленьком чешском городке произошел недавно такой случай. Считавшийся до сих пор благонадежным 68-й пехотный полк, предназначенный специально для подавления чешского революционного движения в Праге, неожиданно перешел на сторону бастующих рабочих.

Новый союз[1] с Германией усиливает движение и в австрийской половине двуединой монархии. Неудавшееся наступление на итальянском фронте приносит и там свои революционные плоды.

Положение Австро-Венгерской монархии ясно показывает, что уже начались родовые муки революции.

---

[1] В июле 1918 г. в Зальцбурге велись предварительные переговоры об укреплении союза между Германией и Австро-Венгрией. Намечавшимся новым союзным договором предусматривалось дальнейшее усиление экономических связей и военного союза между двумя империалистическими державами. Однако эти планы не были осуществлены.— *Ред.*

ЛЕНИН

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ В. И. ЛЕНИНА «ПУТЬ БОРЬБЫ»[1]

Конец июня 1918 г.

Не нужно обращаться в прошлое, было бы напрасным трудом искать параллели с этим именем в истории прошедших революций.

Сияющие, словно искристые бенгальские огни, а затем неожиданно затухающие буржуазные революции искали в прошлом своих предков; как говорил Маркс, их герои выбирали себе в истории параллели, «язык, страсти и иллюзии». «Герой» русской Февральской революции Керенский красовался в театральных костюмах, оставшихся от гардероба французской революции.

Русская пролетарская революция, разразившаяся на наших глазах как пролог международной революции, не имеет предков. Единственным, что оставило ей в наследство несколько уроков, является революция парижских пролетариев 1871 г.— Коммуна. Но она была потоплена в крови своих борцов в юном возрасте, прежде, чем смогла выдвинуть таких вождей, которых можно было бы сравнить с Лениным.

Напрасно искать в истории революций героев с самой блестящей революционной карьерой, чтобы сделать для читателей его образ более понятным, более ясным. Его появление не было вспышкой молнии, он вышел вместе с пролетариатом из подземелья эксплуатации,

---

[1] *Ленин.* Путь борьбы. I. Письма о тактике. II. Доклад на III съезде Советов.

КПВ. Коммунистическая библиотечка. № 1, 2-е (венгерское) издание. Будапешт, 1919. Впервые опубликована в издании венгерской группы РКП(б). Коммунистическая библиотечка. № 3. Москва, 1918.

куда трудящиеся были загнаны кабальной системой капиталистического общества.

Если верить индусским мифам о переселении душ, то, вероятно, можно было бы сказать, что в него переселился дух величайшего учителя рабочих — Карла Маркса, чтобы продолжить жизнь в новом теле и воплотить в действительность все то, чему Маркс учил, за что боролся. Но в индусских мифах не больше достоверности, чем в библии.

Пролетарская революция, если ее корни и уходят в прошлое, находит свою задачу в будущем. Ленин является героем этого будущего, основы которого закладывает сейчас пролетариат. Пролетариат строит свое будущее свободными руками, которые, не отвыкнув еще от кандалов, иногда движутся и неуверенно, но все же свободно. Да, человечество совершает сейчас предсказанный Энгельсом скачок «из царства необходимости в царство свободы» [1].

Ленин является первым, самым первым вождем тех людей, которые начинают уже «сами творить свою историю», и «приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают» [2].

В современную эпоху, когда меняется также историческая роль личности, знакомство рабочих Венгрии, которые находятся накануне революции, с этой краткой характеристикой и биографическим введением вдвойне обоснованно.

Жизнь Ленина

Его настоящее имя — Владимир Ильич Ульянов, родился он в Симбирске 10(22) апреля 1870 г. Отец его был инспектором, затем директором народных училищ. В 1887 г., когда Владимир Ильич учился в последнем классе гимназии, за участие в покушении на жизнь царя Александра III был повешен его брат Александр. Окончив гимназию, Ленин стал слушателем юридического факультета Казанского университета, но через месяц был исключен оттуда за революционную деятельность.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 295.
[2] Там же.

По окончании университетского курса переехал в Петербург, где вместе с несколькими товарищами по университету создал первое известное объединение зарождающегося рабочего движения России — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Из него вырос профессиональный революционер, для которого борьба за освобождение рабочего класса стала не развлечением, а повседневной, ежечасной работой.

За революционную пропаганду Ленин был заключен в тюрьму, а затем направлен в Сибирь в ссылку, во время которой усиленно занимался вопросами марксистской экономической науки. Здесь им был написан один из важнейших трудов, основанных на учении Маркса,— «Развитие капитализма в России».

По возвращении из ссылки Ленин эмигрирует за границу. В 1900 г. вместе с несколькими членами группы «Освобождение труда», значительная часть которых в дальнейшем стала на путь предательства интересов рабочего движения (Мартов, Потресов), создает газету «Искра». Начиная с этого времени он становится центральной фигурой революционного движения рабочего класса России, а позднее — вождем той группы рабочего движения, которая, будучи верна своему историческому призванию, учению Маркса, в непримиримой борьбе, отвергая всякое соглашательство, готовила русский пролетариат к освободительной акции всемирного значения: к социальной революции. Он являлся вождем большевистского крыла Российской социал-демократической партии.

В 1905 г., во время революции, Ленин ненадолго возвратился в Россию, но легально, открыто в Петербурге ему удалось прожить лишь один день, и он вынужден был сразу же скрыться от глаз полиции и жить «подпольной» жизнью русских революционеров, сначала в Петербурге, а затем в Финляндии. После того как контрреволюция одержала верх, он, обманув бдительность царских шпионов, вновь отправляется в эмиграцию.

Во время и после революции им написаны книги и брошюры одна прекраснее другой. Его политические статьи, особенно касающиеся революционной тактики пролетариата и по аграрному вопросу, боевые, наступательные произведения, направленные против соглашательского крыла в рабочем движении, появляются под

именем Тулина, Ильина, Фрея и др.; затем все более постоянным псевдонимом становится Ленин.

Он испивает до конца горькую чашу эмигрантской жизни в целом ряде стран, среди таких лишений и такой лихорадочной, напряженной работы, что подобный пример едва ли еще можно найти в беспокойной жизни русских революционеров. Он ни с кем не идет на соглашательство, называй они себя хоть сто раз социал-демократами. И чем очевиднее становится чья-либо ложь о том, что он будто бы представляет интересы пролетариата, хотя видно, что он идет на сделку за счет интересов революции, тем беспощаднее бичует его Ленин.

В 1912 г. Ленин переезжает в Краков, чтобы быть ближе к России, где легальная группа большевистской партии вела борьбу с царской цензурой, с пробравшимися в партию провокаторами и издавала «Правду» — газету, которая имеет огромное значение в истории русской пролетарской революции.

Начало войны застает Ленина в Галиции. Австрийская полиция арестовывает его якобы «как русского шпиона». Освободившись из тюрьмы австрийских милитаристов, он редактирует в Швейцарии журналы «Социал-демократ», а затем «Коммунист». Здесь вместе с несколькими своими сторонниками Ленин раздувает пламя революционного марксизма, которое, действуя методами пожарных, стремятся навечно погасить социал-патриоты, соглашатели и предатели классовой борьбы всех стран. Здесь он вырабатывает те концепции, которые победоносно претворяются в жизнь в русской пролетарской революции, и все больше сметает с политической арены скрывающихся под революционной маской и действующих заодно с буржуазией меньшевистских и социал-революционных «героев»-изменников.

После начала Февральской революции Ленин в «запломбированном» вагоне через территорию Германии прибывает в Россию. Переполошившаяся буржуазия всячески стремилась помешать ему ступить на русскую землю, так как знала, что появление там этого непреклонного борца будет означать завершение революции, конец ее собственного господства.

Рабочие Петрограда встречают его как руководителя, прибывшего вести борьбу за их освобождение. Тем большую ненависть питали к нему представители всех бур-

жуазных и лжесоциалистических партий. Стрелы клеветы, которые со злорадством выпускает против него грязная пресса различной партийной принадлежности, не достигают цели. На страницах «Правды», в брошюрах и выступлениях он с неумолимой остротой ведет агитацию за пролетарскую революцию, держит уверенной рукой факел, освещающий путь к революции.

После июльского выступления отдается приказ об аресте Ленина и его соратников — руководителей большевистской партии. Ленин вновь уходит в подполье, но по-прежнему руководит движением. Рабочие оберегают его жизнь от палачей буржуазии. Вскоре после мятежа генерала Корнилова вспыхнула Октябрьская революция, осуществившая выдвинутый Лениным лозунг: «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» Диктатура пролетариата, опирающаяся на крестьянскую бедноту, становится реальностью.

С этого времени Ленин является Председателем Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Ленин и большевизм

В литературной деятельности Ленина каждая его газетная статья, в сущности, является важным событием. Одна такая статья содержит столько мыслей, и притом в ясном, понятном изложении, что «ученые мужи», да и социалисты-«ученые» написали бы целые книги даже из половины этих мыслей.

Его главные произведения: «Развитие капитализма в России»; «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»; «Материализм и эмпириокритицизм (Критические заметки об одной реакционной философии)»; «Империализм, как высшая стадия капитализма»; «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»; «Государство и революция (Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции)».

Из многочисленных его брошюр упомянем написанные в последнее время: «Политические партии в России и задачи пролетариата»; «Задачи пролетариата в нашей революции»; одно из наиболее интересных и важных про-

изведений — «Письма о тактике», которое венгерский пролетариат получает в руки на венгерском языке вместе с докладом Ленина на III съезде Советов. Недавно вышел однотомник статей Ленина, написанных во время войны, в Швейцарии, под названием «Против течения».

Его литературная деятельность характеризуется борьбой за последовательное проведение в жизнь марксистского учения, ясным, понятным, популярным, но не упрощенным стилем, острым, проникновенным мышлением, оригинальностью.

Его книги и большое число брошюр, статей являются теоретическим выражением того направления, которое в наши дни во всем мире называют большевизмом.

До победы пролетарской революции в России в социалистических кругах Западной Европы об этом направлении знали немногое. Там, в тех кругах, которые характеризует отказ от революционных методов марксизма (все оттенки, от Бернштейна до Каутского), перед этим революционным направлением двери были умышленно закрыты.

Вначале слово «большевизм» еще ничего не говорит или по крайней мере мало что говорит. Это слово выражало прежде всего расхождение в рамках молодого рабочего движения лишь по организационным вопросам. Со временем это слово стало емким. Оно выражало то, что плавающие на волнах приспособленчества и соглашательства социал-демократические партии выбросили за борт корабля: революционный марксизм.

Большевизм означает именно это. В общем и целом содержание большевизма — революционный марксистский метод рабочего движения. На нынешней ступени экономического развития, на современном специфическом этапе исторического развития он является единственно научной политикой, опирающейся на установленные Марксом и Энгельсом экономические и исторические закономерности, служащей освобождению пролетариата.

Вот что такое большевизм!

В этом объяснение того, почему большевики не погрязли в болоте, в котором с удовольствием и радостью барахтается часть социал-демократических партий, забывающая даже думать о классовой борьбе и с бесстыжей откровенностью идущая в упряжке империалистических правительств,— в болоте, из которого судорожно

пытается выкарабкаться другая часть социал-демократии (поскольку, однако, она не может выбраться иначе, как вытащив себя за собственные волосы, эти судороги лишь еще глубже погружают ее в грязную трясину). В этом объяснение того, почему Ленин, являющийся воплощением большевизма, не пошел по пути шейдеманов и каутских, а остался на твердой почве революционного интернационализма.

Никогда не отказываться от революции — это надежное оружие дает в ваши руки большевизм. Большевизм помогает точно определить, когда созрел момент для рабочего класса взять власть в собственные руки, наступить на горло своим эксплуататорам, буржуазии и установить социализм.

Гений Ленина великолепнее всего проявился в умении найти и применить переходные меры, ведущие к социализму. Форма диктатуры пролетариата: республика Советов как государство рабочих. Она призвана подготовить после вступления человечества в первую фазу коммунизма, в социализм, и ликвидации непримиримых классовых противоречий отмирание государства. Обо всем этом в трудах Маркса и Энгельса содержалось лишь несколько разобщенных ссылок. Руководствуясь ими, Ленин создал свою революционную теорию свержения режима угнетения и эксплуатации, теорию строительства социализма и обеспечил ее претворение в жизнь.

Ни одного человека в мире не ненавидят так, как его. Его врагами являются все те, кто непосредственно или косвенно живет за счет эксплуатации рабочего класса и имеет причину страшиться революции пролетариата, независимо от языка, страны и цвета кожи,— угнетатели всех стран. Они ненавидят его, потому что Ленин является самым выдающимся героем, вождем не только российской, но и международной социальной революции, пролетариев всех стран.

КТО ПЛАТИТ ЗА ВОЙНУ?

Статья, опубликованная в сборнике «Революционные труды» № 4 за 1918 г.

Кто несет сейчас бремя войны? Кто страдает, кто проливает на ней кровь? Кто стонет в связи с дороговизной, вызванной войной? Не кто иной, как солдаты, трудящиеся, городские рабочие и сельская беднота. Кто до сих пор истекал на ней кровью, кто нес ее бремя, тот либо и впредь будет стонать под этим бременем, либо его будет оплачивать большой колокол старого Кечкеметского собора [1].

Кто-либо из двух. Третий же, класс имущих, находится далеко от траншей, столь далеко, что не найдется такого дальнобойного орудия, которое могло бы их поразить.

Ну что они — дураки, чтобы платить за войну?

Они развязали войну. Они наживаются на военных поставках, они вкладывают деньги в военные займы, воодушевляют на войну, а где не помогает «вдохновенное слово», там они вешают, расстреливают солдат.

Так что же вы хотите, чтобы они еще и платили?

Им принадлежит власть, их представители заседают в парламенте, что же они, дураки — принимать такие законы, чтобы им пришлось платить за войну? Так, как они устроили свои дела на войне, освободившись от военной службы и пристроив всю свою родню и приближенных в штабах дивизий и армий, точно так же поступают они и с расходами на войну. Если уж им прихо-

[1] В Венгрии вошло в поговорку крылатое выражение «большой колокол старого Кечкеметского собора», означающее нечто несуществующее, нереальное.— *Ред.*

дится облагать себя налогами, то делается это так, как говорится, чтобы и коза насытилась вдоволь, и капуста не только сохранилась, но и стала еще крупнее: платить налогов поменьше, ну а если все же нужно платить побольше, то вернуть обратно с лихвой за счет новых военных поставок.

Итак, как будто не остается ничего другого: платить должны те, кто прошел через все страдания четырехлетней войны. Отдав кровь, они облагаются еще и денежным налогом. Изо рта голодного бедняка вырывают все, что нужно было бы ему для восстановления потерянной крови.

Как тут быть?

Можно поступить подобно овце: смириться с произволом класса имущих — земельных магнатов, фабрикантов, банкиров. Не только терпеть их на своей шее, но и самим подставлять себя под нож, чтобы сборщики налогов вырезали ремни из нашей кожи.

Но можно действовать и по-другому, подумав сначала о следующем: четыре года я страдал. Четыре года проливал кровь, как говорили, за родину. Не только я сам, но и моя семья. Моя жена оставалась брошенной на произвол судьбы, мой ребенок чахнет от нищеты. Мои престарелые родители выплакали все глаза... Что я получил и что получу за это? Я страдал, проливал кровь и к тому же еще должен платить?

Пусть платит большой колокол старого Кечкеметского собора.

Можно поступить так, а можно и этак. Только необходимо подумать. А уж если подумали — действовать.

Так подумаем же сначала!

Сколько нужно платить?

Огромные суммы! Такие, что большинство людей и не изучало в школе, как следует выговаривать столь длинный ряд цифр. А если и выучило, то смогло это сделать только сейчас, во время войны, поскольку до нее даже самые главные сборщики налогов не оперировали такими цифрами.

Один миллион — и то уж большая сумма, а десять или сто миллионов — и подавно. Если я скажу, что до 1918 г. военные расходы Австро-Венгерской монархии составляли почти 100 миллиардов крон, то этим я почти ничего не сказал. Когда в палате депутатов жонглируют

такими большими цифрами, это делают для того, чтобы массы трудового народа не поняли, на кого хотят взвалить бремя налогов.

Так попробуем же разобраться.

Военные расходы Австро-Венгрии до апреля 1918 г. составили округленно 97 миллиардов крон.

Из этой суммы на душу населения монархии — включая и грудных младенцев — приходится 2132 кроны.

Так уже яснее, не правда ли? Отсюда понятно, что, как только новорожденному перережут пуповину, у него сразу же появляется причина плакать. Ведь на его маленькие плечи уже давит задолженность в 2132 кроны.

Да, ну а у скольких людей нет такого богатства, как 2132 кроны? Наверняка у многих, у большинства. У того, кто за счет своего труда содержит себя и свою семью, нет не только двух тысяч крон, но и двух тысяч филлеров. Значит, вроде бы и говорить тут не о чем! Нет денег — нельзя платить... Пусть платит большой колокол старого Кечкеметского собора. А обездоленный человек — как гласит пословица — пусть катится к черту.

Если бы дело обстояло так...

Но у кого в долгу государство, у того больше и ума, а еще больше власти.

Они рассуждают следующим образом: действительно, у большинства людей нет богатства, но есть доход. У кого меньше, у кого больше. Кто живет за счет своего труда, у того меньше, кто же сам не работает, а на него работают другие, у того больше (пусть каждый решит, справедливо ли это).

Однако рабочий и деревенский бедняк живут все-таки за счет чего-то. У рабочего, у поденщика тоже есть доход, который они получают из недели в неделю, из месяца в месяц.

Следовательно, государственную задолженность нужно погашать не за счет богатства, которого у рабочих и деревенской бедноты нет, а по частям из ежегодного дохода трудящихся.

Долг государства — это верные деньги, все равно что они у тебя в кармане, поскольку государственная власть гарантирует их выплату, да еще с процентами. Безвозмездно на войне отдают только кровь, жизнь ни во что не ценится. А деньги банки, фабриканты, помещики, епископы давали взаймы за хорошие проценты.

Итак, погашение процентов будет обеспечено за счет трудовых доходов.

Здесь можно было бы вновь привести цифру, сколько нужно ежегодно платить для покрытия процентов по военным займам. Но зачем? Ведь это такое число, что если его обозначить цифрами, а не буквами, то большинство людей не сможет его даже прочитать. Достаточно сказать, что лишь выплата по процентам превышает весь довоенный доход государства. А ведь и эту сумму только с трудом можно выжать из бедного человека!..

Все будет понятнее, если учесть, что каждый житель — включая и только что родившегося грудного младенца — должен ежегодно выплачивать из своих доходов 116 крон на покрытие процентов по военным займам. Это только проценты. И их нужно выплачивать ежегодно до скончания века. Ну а долг продолжает оставаться долгом. И не становится ни на грош меньше, чем раньше.

А потом еще предстоят демобилизация, перевооружение армии, восстановление разрушенных транспортных средств и всякие другие расходы. Содержание огромной армии вдов, сирот, инвалидов войны, как бы позорно малы ни были пособия, также требует денег, увеличивает задолженность государства.

Кому мы должны платить?

Тому, кто не проливает свою кровь, но у кого наполняются карманы. У кого в руках, карманах, кассах скапливаются облигации военных займов. Вот кому мы должны платить.

А кто они, эти люди?

Ну конечно же не рабочие, которые в поте лица должны трудиться на заводах, и не те, кто от зари до зари и даже до полной темноты до изнеможения работают на необозримых господских землях.

Правда, есть — но их очень, очень мало — рабочие, а также сельские бедняки, которые приобрели облигации военных займов. Известно, что солдат принуждали подписываться на военные займы, делая так, что, лишь подписавшись на заем, можно было получить отпуск. Поэтому жена лишала себя куска хлеба, ее ребенок по-прежнему ходил в лохмотьях, она трудилась день и ночь, лишь бы собрать 100—150 крон, чтобы иметь воз-

можность увидеть еще раз страдающего в окопах своего мужа, пока смерть не разлучила их навечно.

Те четыре-пять крон, которые выплачиваются им государством в виде процентов по облигациям военных займов, составляют ничтожную сумму.

Если бы речь шла только об этом, это было бы сущим пустяком.

Мы должны выплачивать громадные деньги тем, кто вложил в военные займы огромные суммы, награбленные на военных поставках, на войне. Тем, кто начиняют военную машину с одной стороны кровью, деньгами, чтобы с другой стороны этой машины и кровь вышла в виде денег.

Ведь хотя с начала войны нет хлеба, одежды, обуви, мяса, масла, молока, но деньги есть. И столько, что те, кто все больше поставляют правительству и все больше наживаются на этом, не могут уже вкладывать их никуда, кроме как в займы.

Итак, ясно, что военные займы должны оплачивать лица, извлекающие из войны выгоду: класс имущих, буржуазия.

Как они хотят заставить платить?

До сих пор представители имущего класса, хозяева страны, не отваживались еще открыто говорить о том, каким способом повышаются налоги.

Это происходит потому, что налогами в первую очередь облагают потребителей.

Повышены налоги на сахар, вино, цены на табак, потребительский налог на мясо, стоимость проезда по железной дороге, налог на спички, на все, что потребляют массы, трудящиеся. Только таким путем имущие классы могут использовать доход живущих за счет своего труда рабочих города и деревни на оплату процентов по военным займам.

Конечно, они разглагольствуют о поимущественном налоге, об обложении налогом военных прибылей, но обращаются с имуществом помещиков, банкиров, попов, герцогов, как с крашеным пасхальным яичком. Если они что-либо и урезают из него, то пользуются при этом бритвой с самым тонким лезвием. Не так, как при обложении доходов рабочих и крестьян, когда нож, которым норовят отрезать побольше налогов, подобен тупому ножу для сдирания кожи с лягушек: даже если

им и режут очень осторожно, он все равно сдирает кроме кожи и мясо до самых костей.

Следовательно, они хотят заставить трудящихся платить огромные суммы. Ту кровь, которая еще осталась во время войны, они хотят выжать после войны. Класс имущих имеет такие доходы, что если каждый день будет есть и пить до отвала, то и тогда он израсходует и уплатит в виде налога за потребление лишь ничтожную часть своего дохода. Трудящиеся же, живущие за счет своего труда, наоборот, не только расходуют весь свой доход, но от голода у них часто рябит в глазах.

Так кто же должен нести бремя расходов на войну?

Одно уже несомненно, что у класса имущих — помещиков и банкиров есть «благое» намерение взвалить все расходы на войну на плечи бедных людей, трудящихся.

Это на них похоже! Они знают, что делают.

Рассуждают они следующим образом: если рабочий, крестьянин пошел на бойню покорно как вол, пошел, хотя речь шла о его жизни, так почему бы ему не подставить свою спину, если мы сдираем с нее лишь кожу, ну и немного мяса? Если на фронтах они проливали кровь, то сейчас, вернувшись домой, за пищу стоимостью в один крайцар они по крайней мере один или полтора крайцара платят на покрытие процентов по военным займам, в виде косвенного налога.

Это в порядке вещей.

Пока народ настолько глуп, что держит в руках оружие для собственного угнетения, пока он терпит по своему недомыслию, чтобы из него выпускали кровь, а другие из его крови выжимали деньги, до тех пор в порядке вещей будет, чтобы облагали налогом каждый его вздох и чтобы, таким образом, было за счет чего покрывать военные расходы.

Чтобы помочь делу — есть лишь одно средство: надо, чтобы большинство трудящихся страны пробудилось и поняло, что на их оружии держится власть, заставляющая их проливать на войне кровь и нести бремя расходов, необходимых для ее ведения.

У кого оружие, тому принадлежит и власть.

Этому учили сами коронованные и некоронованные главари воюющих держав.

Так поучимся же у них...

В первую очередь нужно усвоить, что оружием

можно не только подпирать разбойничью власть других; с помощью оружия можно на развалинах эксплуататорского государства создать и свою власть.

У кого власть, тот и решает, кому нести бремя расходов на войну.

Совершенно ясно, что до тех пор, пока рабочий класс и деревенская беднота поддерживают оружием власть имущих классов, кроме отдачи крови им придется нести и финансовое бремя войны.

Завоевав власть, рабочий класс может добиться того, что награбленное богатство, вложенное в военные займы, будет также насильственно отнято. В противном случае даже ваши праправнуки будут еще стонать под бременем этой войны.

Есть только один путь, чтобы мы сами и наши потомки не изнемогали всю жизнь под тяжестью грабительских войн, развязанных другими: использовать имеющееся в руках оружие, чтобы завоевать власть для самих себя.

Так и только так мы сможем избавиться от обрушившегося на нас бремени войны и заявить, что военные займы, выпущенные в интересах грабительских походов класса имущих, должен оплачивать большой колокол старого Кечкеметского собора.

РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНГРИИ

Статья, опубликованная в газете «Правда»
4 июля 1918 г.

Рабочее движение в Австро-Венгрии, предшествовавшее восстанию, имело уже все признаки назревающей революции. Австро-венгерские и германские газеты дают лишь отрывочные сведения о вспыхнувшем революционном движении.

Но даже из них удается сделать два важных вывода относительно силы сопротивления и значения революционного движения.

Во-первых: забастовка в Венгрии — явление не местного характера. Это не ряд забастовок, охватывающих отдельные профессии, а одна массовая забастовка, носящая характер всеобщей стачки, в том смысле, что работа прекратилась повсеместно, во всех важнейших отраслях промышленности, транспорта, а также в шахтах и рудниках.

Во-вторых: причины всеобщей забастовки никоим образом нельзя свести к требованиям в связи с голодом или в связи с избирательной реформой. Всеобщая забастовка направлена против орудий государственной власти, против военщины и палочной дисциплины.

Требования бастующих рабочих выходят за рамки парламентарного государства и сводятся к вопросу о власти. Движение это, без сомнения, не удержится в рамках обыкновенной массовой забастовки, тем более, что жизненным интересам воюющего государства угрожает величайшая опасность.

Ныне движение вылилось в типичные формы той стадии революции, которая непосредственно предшест-

вует восстанию. Там и сям наблюдаются все учащающиеся случаи прекращения работы, которые вообще не имели места в течение первых трех лет войны, вплоть до Октябрьской революции. Гражданский мир разбит вдребезги самими рабочими.

Не помогли никакие примиренческие попытки со стороны руководителей социал-демократии, стремления которых не выходили за рамки узкого парламентаризма.

Правда, движение пролетариата возникло стихийно, ясного представления о конкретных общественных отношениях у бастующих нет, движение не имеет вождей, оно полуконспиративно, но, несомненно, революционно. Достигнуты уже бóльшие результаты, чем в ходе сорокалетней борьбы за избирательную реформу.

В поисках пути к освобождению рабочие вступали в профессиональные союзы.

Венгерские профессиональные союзы, число членов которых до войны никогда не превышало 110 тыс., приобрели за последние два года более сотни тысяч новых членов. Во время войны не удалось преобразовать рабочие организации применительно к революционным требованиям пролетариата, но рабочие ведут борьбу, игнорируя руководителей профессиональных союзов.

Массовая борьба стала в Венгрии обычной формой рабочего движения, хотя она и не получила еще одобрения партийной и профсоюзной верхушки.

Целых 15 лет угрожали буржуазии органы печати социал-демократической партии: «Мы будем действовать (по-русски)». В настоящее время венгерский пролетариат говорит и действует действительно по-русски.

В Будапеште всеобщая забастовка. Железнодорожники прекратили работу. Предприятия находятся накануне стачки. Почтово-телеграфные служащие оказывают пассивное сопротивление, которое представляет из себя не что иное, как скрытую форму стачки.

Бастуют шахтеры крупнейших каменноугольных шахт.

Согласно заявлению венгерского министра торговли, из-за одной лишь забастовки в Петрошени недодается ежедневно 600 вагонов угля. Кризис транспорта обострился до предела.

Рабочие открыто отказываются выполнять приказы администрации милитаризированных предприятий.

Они угрожают комендантам и офицерам участью полковника из Печа, которого солдаты убили прикладами. Репрессивные меры, принятые по отношению к отдельным рабочим, арестованным за подобные заявления, послужили непосредственной причиной забастовки в крупнейшем венгерском каменноугольном бассейне.

В Будапеште рабочие в ответ на открытую полицией стрельбу в государственных железнодорожных мастерских разгромили контору одной из фабрик.

В требованиях депутатов-металлистов, предъявленных 19 июня, имеются следующие два пункта:

1) удаление с фабрик и заводов жандармерии;

2) отстранение администрации железнодорожных мастерских.

21 июня забастовка в Будапеште превратилась во всеобщую. Газеты не вышли. Трамвайное движение прекратилось. Почтовые и железнодорожные служащие заявили о своей солидарности с бастующими рабочими; в их рядах наблюдается также сильное брожение.

Прекратилась и частная почтово-телеграфно-телефонная связь.

Лидеры партии и профессиональных союзов попытались ослабить движение; день за днем, однако, появляются новые воззвания, призывающие рабочих продолжать забастовку.

Министр торговли и промышленности заявил в парламенте, что движение железнодорожных и почтовых служащих будет подавлено самыми строгими, репрессивными мерами.

Правительство хочет подавить рабочее движение с помощью силы. Пролетариат должен ответить на это не единичными выстрелами, как было во время последних событий в Будапеште, а массовым выступлением.

На военные силы буржуазия не может более полагаться. Солдаты переходят на сторону народа не только в Пече, где ими было убито несколько офицеров; они присоединяются к рабочим и в других городах. На Венгерской низменности происходили настоящие сражения между дезертирами и жандармерией. На итальянском фронте венгерские части, подобно румынским, словацким и сербским, либо отказываются идти в наступление, либо сдаются в плен.

Число «благонадежных» войск весьма незначи-

тельно. Зато растет количество дезертиров и лиц, арестованных за нарушение дисциплины.

Венгерские военные тюрьмы стали уже давно тесны, так что пришлось воспользоваться гражданскими тюрьмами.

На авансцене появился Тиса. Премьер-министром пока что еще остается Векерле, этот венгерский Трепов; граф Тиса заявил, однако, что недалеко уже время, когда он возьмет власть в свои руки, чтобы репрессивные меры проводились беспощадно.

Но успеет ли Тиса сделать это — вот вопрос. Объективное положение Венгрии таково, что без открытой диктатуры, с помощью парламентарного режима на управление страной у правящих кругов надежды мало.

А от открытой диктатуры буржуазии недалеко до открытой диктатуры пролетариата.

ЧТО ТАКОЕ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА?

Брошюра, 1918 г.

Если бы глупость была потопом, а ливнем, вызвавшим этот потоп,— клевета и если рабочие и безземельные крестьяне не имели бы такой незыблемой скалы, какой является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, то их уже давно смыл бы питаемый клеветой поток глупости, обрушенный на РСФСР. Ведь не только эксплуататоры, угнетатели рабочих, хозяева земли, капиталисты и помещики всех стран голодными волчьими глазами с алчностью взирают на Республику Советов, но к ней с непониманием относится и немало рабочих.

Весь этот поток глупости питается за счет бесчисленного множества клеветнических газет, брошюр, статей, часть которых пишется и распространяется теми, кто подобно волку, влезшему в овечью шкуру, рядится в одежды социалистов, чтобы воспрепятствовать дальнейшему развитию революции, поднятой в кровь истерзанными рабочими.

Да и среди самих рабочих попадаются некоторые, твердящие про себя или вслух:

«К чему мне такая революция, такая свобода, какая существует в России? Что это за Советы рабочих депутатов? Как так может быть, что в России нет парламента? Рабочие России десятки лет вели борьбу за созыв Учредительного собрания. Там, где всеобщее избирательное право еще отсутствует, за него и по сей день ведется борьба, а тут, в России, когда цель борьбы была уже достигнута, большевики все разрушили. Была республика, в которой все получили права, гарантиро-

ванные конституцией, а вместо этого потребовали провозглашения Республики Советов, что и не замедлили сделать. В ответ возникли беспорядки, причем такие, каких еще не бывало ни в одной стране. Отсутствует даже свобода печати, тюрьмы переполнены, то там, то тут вспыхивают мятежи, вся страна превратилась в арену боевых действий».

Так твердят многие из тех, кто не видит дальше кончика собственного носа. Хорошо еще, если этот нос достаточно длинен.

Пословица гласит: перед глупостью бессильны даже боги. Но мы, большевики, коммунисты, все же попытаемся ее побороть. Нам это удастся, мы будем бороться не напрасно, так как, в отличие от божества, выдуманного попами, мы живем, существуем и будем существовать, будем побеждать. Как мы победили в России, так победим и на всем земном шаре.

Недавно была принята Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и вполне достаточно противопоставить ее всякой чепухе.

Добиться прекращения злонамеренной клеветы это не поможет, имущий класс в правильности конституции нам не убедить, ибо каждое ее слово — это горсть земли на погребенную власть имущего класса, на глубоко вырытую для него могилу. Но люди труда, фабрично-заводские рабочие, эксплуатируемые труженики помещичьих земель ее поймут, потому что для них эта конституция не кладбищенская земля, а скала, ступив на которую они окажутся вызволенными из бездонного моря нищеты, мучений, страданий.

Посмотрим же, какую конституцию выработали большевики-коммунисты, что такое Советы рабочих депутатов, что представляет собой Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Совет рабочих депутатов несет освобождение

Имущий класс добровольно не выпустит из своих рук капитал, машины, орудия труда, землю. И пока все это находится у него в руках, в его частной собственности, до тех пор работодатель в любом случае будет эксплуатировать рабочего, даже если повысит тому в два

раза зарплату. Для того чтобы можно было эксплуатировать рабочих, капиталисты держат их в кабале. А средством, с помощью которого имущие угнетают неимущих, не позволяют рабочим избавиться от эксплуатации,— организатором насилия является государство. Задача такого государства — силой подавлять рабочий класс, чтобы подвергать его эксплуатации. И то, что обычно называют в буржуазном обществе конституцией,— это заключенное в параграфы и изложенное в форме закона насилие.

Рабочий класс знает, что причина эксплуатации заключается в том, что средства производства, используемые для изготовления предметов первой необходимости, находятся в частной собственности отдельных лиц.

Ему уже издавна известно также, что помочь здесь может лишь изъятие капитала из собственности этих немногих лиц и передача его в собственность всех трудящихся. Желания достигнуть этого было больше чем достаточно. Но доброе намерение — все равно что еле слышный стон в ответ на применение насилия.

Дорога в ад вымощена добрыми намерениями, а стоном не пошевельнуть даже осинового листика, куда уж ему опрокинуть такую бронированную крепость, как государство имущих, буржуазии.

Давным-давно известно также, что изъятие капитала у отдельных лиц и передача его в общественную собственность возможны при таком положении, когда все средства власти находятся в руках тех, и только тех, кто заинтересован не в сохранении эксплуатации, а, наоборот, в ее ликвидации. Такое положение пролетарии называют диктатурой пролетариата.

Нет ни одной достаточно всеобъемлющей буржуазной конституции, опирающейся на равное избирательное право, нет ни одной демократической республики, которая обеспечивала бы этот переход. До тех пор, пока класс имущих имеет права, он имеет и власть. А пока ему принадлежит власть, до той поры он будет господствовать и угнетать. Исчерпав другие средства, он пускает в ход армию, жандармерию, полицию, которые с помощью кровопролития добиваются того, чего нельзя было достичь с помощью закона, приказа. Сила закона, в конечном итоге,— это насилие, обеспечивающее его осуществление. В этом отношении безразлично, стоит ли

во главе государства коронованный император, король, или же обряженный в цилиндр президент республики.

Переход к социализму также обеспечивается неограниченной властью пролетариев, их диктатурой.

«Ну хорошо, это нам известно,— заявит в ответ какой-нибудь мудрец, ложечкой черпавший из науки, которой набивали его иллюстрированные буржуазные журналы и продажные «социалистические» газетенки.— Но какое отношение к неограниченной власти, к диктатуре пролетариата имеет выдумка большевиков-коммунистов — эти Советы рабочих депутатов?»

Такому умнику — безразлично, является он рабочим или «домашним другом» рабочего класса — мы предлагаем в качестве ответа Советскую Конституцию.

Советы рабочих и крестьянских депутатов — это форма организации диктатуры пролетариата, орудие власти рабочих и крестьян. Орудие власти не народа, поскольку под этим термином обычно подразумеваются и капиталисты, буржуи всех категорий и рангов, а рабочих и безземельных крестьян, которые используют свое воплощенное в Советах господство, как указывает новая Конституция, в целях «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Буржуазия вынуждена прикрывать свое классовое господство такими выражениями, как «демократия», «народовластие», «общенациональное». Тем самым она получает возможность обманывать, одурманивать угнетенный рабочий класс, изображая свое грабительское государство в качестве представителя, защитника «общенародных, общенациональных интересов».

Рабочий класс в этом не нуждается, ибо власть для него не является средством увековечения эксплуатации, сохранения классовых различий. Власть нужна ему лишь для того, чтобы добиться такого положения, при котором не будет тунеядцев-богачей и голодающих трудящихся, угнетателей и угнетенных, когда будет есть только тот, кто работает.

Советы рабочих депутатов как раз и служат орудием достижения данной цели. А республика Советов является воплощением этой власти, несущей освобождение рабочему классу.

Кому Советская Республика предоставляет права?

Мы уже говорили, что, пока у буржуазии есть права, ее невозможно лишить капитала, который обеспечивает ей власть, возможность эксплуатации. Следовательно, чтобы покончить с эксплуатацией трудящихся, буржуазию надо лишить власти.

Поэтому в Советской Республике власть принадлежит лишь тем и в Советы депутатов могут быть избраны только те, кто не заинтересован в сохранении эксплуатации и стремится стереть ее с лица земли.

Конституция Советской Республики так говорит об этом:

Правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., следующие обоего пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда, как-то: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и пр., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли;

б) солдаты Советской Армии и Флота;

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах «а» и «б», потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность.

Не избирают и не могут быть избранными:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;

д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;

е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно люди, состоящие под опекой;

ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Избирать и быть избранными имеют право те, кто живет своим собственным трудом. Только они являются носителями власти, которую олицетворяют Советы. Среди них нет никого, кто жил бы за счет эксплуатации чужого труда и жирел бы, не работая, за счет других.

Механизм Советской Республики

Для решения общих вопросов сельские Советы направляют своих депутатов в уездные съезды Советов, уездные — в губернские съезды Советов, губернские — в областные съезды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Каждый Совет депутатов имеет свой исполнительный комитет, который в период между сессиями выступает в качестве представителя власти и занимается разрешением текущих дел.

Высшей властью Советской Республики является Всероссийский съезд Советов. Городские Советы избирают на этот съезд одного депутата от 25 тыс. избирателей, а губернские съезды Советов — одного депутата от 125 тыс. жителей. Съезд созывается не реже двух раз в год и избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, который является носителем высшей власти в период между съездами.

Центральный Исполнительный Комитет является высшим законодательным, исполнительным и контролирующим органом Социалистической Федеративной Советской Республики и подотчетен съезду. Он образует народные комиссариаты. Совет Народных Комиссаров осуществляет общее управление делами страны.

Имеется восемнадцать таких народных комиссариатов, в том числе Высший Совет Народного Хозяйства, который сосредоточивает в своих руках все нити экономической жизни и организует социалистическую систему производства.

Все комиссариаты подчинены Совету Народных Комиссаров, Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету и Всероссийскому съезду Советов.

«Это, конечно, неплохо,— кивает в ответ головой сторонник «чистой демократии», который не в состоянии представить себе ничего более замечательного, прекрасного и возвышенного, чем всеобщее, равное, тайное избирательное право и избираемый на его основе один раз в пять лет законодательный орган.— Но чем же тогда отличается Центральный Исполнительный Комитет от парламента, любой городской Совет депутатов — от выборного муниципального органа?»

Тому, кто настолько близорук, что, прочитав или услышав об этих различиях, не поймет их, суждено спотыкаться о каждый камень. А различия эти вкратце состоят в следующем:

1. В Советской Республике права и власть принадлежат тем, кто живет своим собственным трудом,— трудящимся фабрик и заводов, мастерских, шахт, труженикам лесов и полей.

В буржуазном государстве, даже в таком, где имеется самое широкое избирательное право, власть принадлежит имущим, которые используют ее для подавления, для эксплуатации рабочих.

И даже если рабочим удается избирать в парламент или в органы самоуправления городов и сел своих представителей, власть, обеспечиваемая имущему классу капиталом, предоставляет рабочим права лишь постольку, поскольку это не затрагивает интересов капитала. При выборах сразу обнаруживается, что решающее слово принадлежит власти, обеспечиваемой силой денег. Лживость буржуазной прессы, произвол громадной армии чиновников, окровавленные штыки и сабли жандармерии, полиции, армии, разящие пули убийц не дают представителям трудящихся слоев, составляющих большинство населения, возможности получить большинство в законодательных органах.

2. Рабочий в лучшем случае избирает депутатов в парламент буржуазного государства лишь один раз в четыре-пять лет, да и то лишь тогда, когда буржуазия чувствует себя достаточно уверенной, чтобы предоставить ему такое право. Причем и этот маневр используется ею, чтобы обманывать, вводить в заблуждение

эксплуатируемых с помощью утверждений, будто и рабочие участвуют в осуществлении власти, подвергающей их угнетению.

Но даже если трудящиеся и могут один раз в четыре-пять лет высказывать свое мнение относительно тех, кто принимает законы, которые, я повторяю, представляют собой не что иное, как воплощенное в параграфах угнетение, они лишены возможности высказать свое мнение по поводу того, как проводятся в жизнь эти законы. Вмешиваться в этот вопрос имущий класс рабочим уже не позволяет и право распоряжаться армией чиновников оставляет исключительно за собою. Милостью имущего класса, буржуазии, чиновник — это господин и повелитель рабочих масс, начальник полиции — царек, а исправник — настоящий божок.

Итак, можно смело заявить, что буржуазное государство и весь его аппарат как при монархии, так и при парламентской республике — это исполнительный орган имущего класса, вмешиваться в дела которого трудящиеся массы города и деревни не имеют возможности.

В Советской Республике дело обстоит совершенно поиному. Депутаты Советов избираются через каждые три месяца. Если депутат в эти три месяца действовал не так, как того хотели его избиратели — рабочие и крестьяне,— то его можно послать хоть к черту. Для этого даже не обязательно ждать истечения трех месяцев, ибо рабочие организации могут в любой момент отозвать депутата, не оправдывающего доверия масс. Советы депутатов и Центральный Исполнительный Комитет не только издают законы и распоряжения, но и сами проводят их в жизнь.

Таким образом, не только законодательство, но и управление находится в руках рабочих. Члены рабочих объединений, организаций — партии, профсоюзов, кооперативов — одновременно являются и депутатами Советов. Эти организации делегируют своих представителей в советы народного хозяйства, так что рабочие самым непосредственным образом связаны с Советами депутатов.

В Советской Республике рабочий, желая уладить какие-нибудь свои дела, обращается не к чужим людям. Добиваясь правды, он обращается не к врагу, а к своему товарищу по классу, который, как и заявитель, сам прошел путь лишений и борьбы.

Совет депутатов — это высший орган власти, он регулирует и хозяйственную жизнь. Благодаря Советам рабочие сразу же становятся над капиталом, они уже могут обойтись без забастовок, даже если капитал еще и не вырван из рук имущих. Им больше не приходится голодать, как прежде, во время многонедельных забастовок, объявлявшихся ради грошового повышения поденной платы, так как они сами определяют в Советах размер заработной платы и все условия труда.

Рабочие сами осуществляют и контроль над производством еще до перехода всех заводов, фабрик и мастерских в руки Советской Республики, они сами управляют предприятиями.

В задачу Советов входит также судопроизводство. Ныне уже не буржуазные судьи, прикрываясь маской независимости, применяют законы в интересах имущего класса, а революционный суд, состоящий из уполномоченных Советов, творит суд над нарушителями революционного порядка.

Этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать, что́ такое Советская Республика. Различий не видит только тот, кто не хочет их видеть. Все это лишь прелюдия социализма, строй, именуемый, как уже упоминалось, диктатурой пролетариата, когда рабочие и сельская беднота наступают на глотку своим угнетателям и сдавливают ее до тех пор, пока класс угнетателей не испустит дух.

Хорошо бы, не правда ли?

«Да, было бы неплохо ввести то же самое и у нас,— говорят угнетенные.— Это, конечно, лучше, приятнее, чем такое положение, когда всеми нашими делами именем его величества короля вершат состоящие у него на жалованье наши враги. И уж конечно куда лучше, чем всеобщее избирательное право, даже если оно самое что ни на есть равное и тайна голосования хранится за семью печатями».

Советская Республика — это вовсе не только русское дело. Глупцом оказался бы рабочий, который на том основании, что он якобы делит власть с имущим классом, захотел бы и дальше быть его опорой. Как ни говори, все

же лучше, когда наши дела вершат люди из нашей среды, а не наши враги.

Это было бы хорошо, очень хорошо!

Конечно, было бы хорошо, прекрасно, если так же обстояло бы дело и в Венгрии.

Однако одними рассуждениями этого никогда не добиться. Точно так же, как ничего нельзя добиться, если мы не сумеем придумать для рабочего класса ничего лучшего, чем всеобщее равное избирательное право при тайном голосовании, на что буржуазия охотно согласится, если это не помешает ее обогащению.

Добиться этого можно посредством не всеобщего избирательного права, а избирательного права, распространяющегося только на трудящихся: рабочих, безземельных крестьян.

На своем боевом знамени рабочему классу надо начертать не лозунг избирательного права, а лозунг захвата власти.

Но, разумеется, этот лозунг невозможно осуществить с помощью мирной демонстрации или пропаганды межклассового мира.

Цена власти — борьба...

Беспощадная, решительная революционная борьба, которая должна завершиться полным уничтожением буржуазии и помещиков как класса.

Путь к этому лежит через всеобщую забастовку, через вооруженное восстание рабочих и крестьян.

Никогда еще для этого не было более подходящего момента, чем теперь.

В интересах своей грабительской войны буржуазия поставила всех рабочих под ружье. Оружие, которым держится ее власть, находится в наших руках. Остается только использовать его для установления нашей собственной власти!

И потому не будем охать и вздыхать, что, мол, вот это было бы хорошо, а заявим, что:

В Венгрии мы тоже создадим Советскую Республику.

И как скажем, так и сделаем.

А ВСЕ-ТАКИ МЫ БУДЕМ БОРОТЬСЯ!

Статья, опубликованная в газете «Правди»
4 августа 1918 г.

Наемники империалистических палачей и контрреволюционных сил провозглашают теперь свои новые лозунги перед «нейтральным» обществом, там, где нет никаких большевиков. Эти лозунги имеют своей целью скомпрометировать интернационализм тех, кто в качестве «иностранцев» на различных фронтах революции сражается с полчищами контрреволюции.

Они начали с клеветы против революционных вождей Латвии, которые были изгнаны немецким империализмом. Теперь, когда контрреволюция чехословаков предоставляет им удобный предлог, они клевещут на венгров, которые исполняют свой революционный долг на территории Социалистической Советской Республики, пока не получат возможности сражаться на «родине», на Украине или где-нибудь в другом районе, который будет завоеван революцией и где нужны будут силы для борьбы за мировую коммунистическую революцию.

Используя давнишнюю вражду между правящей венгерской и чешской буржуазией, русские и чешские контрреволюционные газеты, издающиеся в Самаре, Омске и других городах, клевещут, будто венгерские пролетарии сражаются с чехами из шовинистических побуждений.

Незачем опровергать такую клевету, с этими сообщниками палачей можно говорить только языком оружия. Зато тем более нужно подчеркнуть, что венгерские шовинистические элементы выходят не из рядов пролетариата и безземельного крестьянства, а из слоев мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства и буржуазии. Нет

сомнения, что венгерские пролетарии, готовые сражаться на любом фронте против империалистической контрреволюции, ведут борьбу, исходя из чисто пролетарских, революционных, интернационалистических интересов.

Готовность пролетария-иностранца к борьбе никоим образом нельзя объяснить шовинистическими мотивами. Венгерских рабочих и крестьян не раз стремились настроить на шовинистический лад, и сейчас австро-венгерское правительство предпринимает отчаянные попытки натравить венгерских пролетариев на чешских рабочих, но тщетно.

Попытки австро-венгерской буржуазии натравливать рабочих друг на друга неизменно терпят крах. Каждый раз, когда венгерских солдат посылали против чешских рабочих или наоборот, дело заканчивалось братанием пролетариев различных национальностей.

Клевета контрреволюционных чешских бандитов не окажет влияния, как и позорная клеветническая кампания венгерской буржуазии и социал-предателей против участия венгерских пролетариев в борьбе за «иностранную» коммунистическую революцию.

Все равно, клевещут ли русские и чешские контрреволюционеры на венгерского рабочего, служащего в интернациональном отряде Красной Армии, или венгерская буржуазия, офицерство и трусы из числа социал-изменников называют венгерских коммунистов «поставщиками пушечного мяса для большевиков».

Все равно! Сознательные венгерские пролетарии плечом к плечу с сознательными немцами, сербами, румынами и т. д. будут и впредь бороться за мировую революцию и Советскую Республику.

Они будут бороться не только против чешской, но и против всякой контрреволюции.

Сознательные венгерские пролетарии понимают, что в стране, где сила на стороне большинства народа, их борьба имеет второстепенное значение. Но их борьба тоже окажет свое влияние. И сколько бы ни клеветали на нас, мы будем бороться за революцию, за единственное отечество всех стран.

Пока наши силы нужны здесь, в России, мы будем бороться против контрреволюции несмотря ни на что!

СВЕРШИЛОСЬ!

Статья, опубликованная в газете «Социальная революция» 23 октября 1918 г.

Венгрия испытывает родовые схватки исторического преобразования. Руководство рабочей партии сопровождает эти роды не революционным громом, а стенаниями беременной женщины. Оно охает в унисон с корчащейся в родовых муках господствующей династией, сопровождая сочувственными стонами трудные роды императорского и королевского дома, который в качестве последней попытки спасти свою жизнь рожает сейчас самостоятельную, федеративную и демократическую Венгрию.

Оно призывает рабочий класс, истекающие кровью, изнывающие в нужде, изголодавшиеся и отчаявшиеся массы рабочих не к свержению власти обанкротившихся капиталистов, империалистических грабителей, корчащейся в предсмертных муках господствующей династии Габсбургов, а выступает с лозунгом объединения всех «демократических классов» «ради спасения страны», изыскания возможности для заключения «как можно более выгодного мира». Оно заявляет о банкротстве конституции, которая создала «непреодолимую пропасть» между классом угнетателей и классом угнетенных, «а потому — да здравствует новая конституция, которая будет основываться на равенстве прав классов и наций», а стало быть, обеспечит для буржуазии права и тем самым увековечит ее власть, основу эксплуатации.

Да здравствует мир, который (смейтесь же!) империалистические грабительские государства заключат «на основе принципов русской пролетарской революции и Вильсона».

Боритесь за разоружение, которое позволит буржуазии содержать лишь хорошо оплачиваемую, небольшую по численности армию наемников, готовую на все в борьбе против «внутреннего врага», т. е. голодающего, эксплуатируемого пролетариата.

Не народная армия, а разоружение, и ни слова о международном единстве пролетариата, но зато свобода торговли и мирное сотрудничество буржуазных государств — вот девиз, под которым хочет побеждать социал-демократическая партия Венгрии.

«Аграрная реформа, передающая землю в руки тех, кто ее обрабатывает»,— таков призыв Прохаски, под которым сегодня подписывается и Иштван Тиса, ибо земледельцы платят за землю изрядные суммы. Вот вам и требование для безземельного крестьянства. И не какое-нибудь, а такое, за которое взбунтовавшееся, разгневанное крестьянство отправляло на тот свет представителей русских помещиков и промышленных магнатов. Даже о конфискации собственности епископов, каноников, монастырей нет ни слова, не требует социал-демократическая партия Венгрии и секуляризации, попросту забыв включить в свои 10 пунктов требование об отделении школы от церкви.

«Справедливая налоговая политика» — она не осмеливается упомянуть даже о постепенно возрастающем (прогрессивном) подоходном налоге, не говоря уже о том, чтобы потребовать отмены частной собственности или по крайней мере конфискации имущества, награбленного во время войны.

«Подготовить» введение восьмичасового рабочего дня, не сразу провести его в жизнь, а «подготовить», так, как уже принято делать в Венгрии с избирательным правом.

Аплодирует Важони[1], ликует Каройи, солидаризируется с требованиями социал-демократической партии,

---

[1] *Важони Вильмош* (1868—1926) — адвокат, буржуазный демократ, лидер либеральной средней буржуазии, мелких еврейских торговцев и ремесленников крупных городов, основатель национальной демократической партии, крайне враждебно настроенной к рабочему классу. Будучи министром в правительстве Векерле, в 1917 г. подготовил проект избирательной реформы, который был отклонен.— *Ред.*

причем со всеми 10 пунктами, и Оскар Яси [1], да и у эстергомского архиепископа Яноша Чернох нет никаких оснований, чтобы не предписывать служить во всех католических церквах Венгрии мессы за успех этой программы.

Да и как им не радоваться, если социал-демократическая партия Венгрии исходит не из классовой точки зрения, если она не проводит последовательно классовой политики в интересах пролетариата, не проповедует классовой ненависти, ни словом не упоминает о классовой борьбе рабочих, а свои призывы адресует всем тем, кто «своими действиями и в силу своих интересов не оказался замешанным в преступлениях прошлого».

Выходит, эта партия — не классовая партия рабочего класса, а партия «всех». Всем она отдается и всем предлагает ту могучую силу, которую представляет собой рабочий класс Венгрии. Она принадлежит всем, точно распутная уличная девка.

Им нужно учредительное национальное собрание, в котором посланцы «всех демократических классов страны», избранные на основе всеобщего избирательного права, выработают будущую конституцию. Учредительное национальное собрание, где вместе с Иштваном Тисой, Аппони [2], Андраши [3], Прохаской, Каройи, Важони, банкирами и фабрикантами, помещиками и цер-

---

[1] *Яси Оскар* (1875—1956) — буржуазный политический деятель и публицист, лидер радикальной партии, представлявшей интересы мелкобуржуазных слоев интеллигенции. Один из основателей и редактор журнала «Двадцатый век» — прогрессивного направления. В правительстве Каройи — министр без портфеля по делам национальных меньшинств. Во время Венгерской Советской Республики эмигрировал в Австрию, с 1925 г. жил в США.— *Ред.*

[2] *Аппони Альберт* (1846—1933) — граф, венгерский реакционный политический деятель, представитель верхушки венгерских земельных магнатов и католической церкви. В качестве главы венгерской делегации на Парижской мирной конференции в 1920 г. выступал за сохранение великодержавного Венгерского королевства, а в период фашистского режима Хорти возглавлял одну из наиболее реакционных группировок, добиваясь реставрации Габсбургской династии.— *Ред.*

[3] *Андраши Дюла* (1860—1929) — граф, реакционный государственный деятель, с 1906 по 1910 г.— министр внутренних дел Венгрии. В конце 1918 г.— министр иностранных дел Австро-Венгрии. В период Венгерской Советской Республики — один из главарей венского контрреволюционного «Антибольшевистского комитета».— *Ред.*

ковниками социал-демократическая партия сможет поддержать разваливающееся здание буржуазного государства. Учредительное национальное собрание, созванное буржуазным государством с применением насилия, обмана и лжи, над которым витает дух насилия эксплуататорского имущего класса. Им нужно учредительное национальное собрание, а не советская республика рабочих и безземельного крестьянства.

Шейдеманы провозгласили классовый мир как раз тогда, когда началась война и милитаризм был особенно силен. Социал-демократическая партия Венгрии собирается окончательно предать рабочий класс и его революцию как раз в тот момент, когда австро-венгерский милитаризм потерпел крушение, хотя и не в результате усилий партии.

Какое падение, какое разложение даже по сравнению с шейдемановцами!

Ответить на это можно лишь одним — тем, что писал Ленин о некоторых русских социал-демократах, похороненных теперь революцией, отчасти политически, а отчасти и физически.

«Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах — какой позор! Какое идейное падение испорченного оппортунизмом всемирного социализма нужно было, чтобы *могли* появляться такие голоса!» [1]

То, что изложено в десяти пунктах упомянутой программы, означает не только сползти с платформы классовой борьбы, не только предать революционные интересы рабочего класса, не только преступно упустить представившуюся пролетариату возможность,— нет, это уже нечто иное.

Социал-демократическая партия Венгрии имеет и так называемую переходную программу, которая принята, чтобы осуществлять ее еще в рамках капиталистического общественного строя. Эта переходная программа содержит демократические требования и если отличается от программы буржуазных демократических партий, то разве только тем, что острее подчеркивает отдельные требования, отвечающие интересам рабочего класса.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 328.

Тем не менее новая программа — эти самые 10 пунктов — означает отказ и от переходной программы партии. В нее не только не вошли содержащиеся там требования, но даже выдвинуты требования, идущие вразрез с переходной программой, которые не только не способствуют продвижению к социализму, а, наоборот, прямо служат увековечению угнетения, эксплуатации.

Переходная программа партии требует всеобщего вооружения народа, а вместо этого теперь выдвигается требование разоружения в угоду Вильсону и его компании, которые в данный момент не хотят иметь под ружьем больше людей, чем того требует удержание в повиновении рабочего класса.

Вместо конфискации церковных поместий, вместо передачи земли без выкупа в коллективную собственность трудовому народу — земельная реформа, под которой подразумевается размежевание земли, распродажа по высоким ценам латифундий, вот вам другой пункт, поскольку социал-демократическая партия Венгрии отреклась от переходной программы.

Свершилось!.. Эта партия больше не партия городского пролетариата и сельской бедноты. Для Венгрии тоже нужна новая партия, вокруг которой сплотился бы рабочий класс,— революционная коммунистическая партия, способная свергнуть господство буржуазии и развенчать вступившую в сделку с ней социал-демократию.

ПОДГОТОВКА К СОЗДАНИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНГРИИ

ОТРЫВОК ИЗ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА СОВЕЩАНИИ

25 октября 1918 г.

Мы, коммунисты-большевики, уже не один десяток лет ведущие борьбу за освобождение пролетариата, равно как и молодежь, здесь познавшая путь к освобождению пролетариата, раз и навсегда решительно порвали с социал-демократией, прежде всего потому, что эта партия является ныне партией «демократической» реакции, партией контрреволюции. Не подлежит никакому сомнению, что сейчас, в разгар борьбы за освобождение пролетариата, любая партия, сошедшая с пути, ведущего к осуществлению социалистических идей, пусть даже она сотни тысяч раз называет себя демократической, может быть только контрреволюционной, только реакционной партией контрреволюции.

Вот почему встает вопрос о создании коммунистической партии. Я исхожу отнюдь не из какой-то там революционной мечтательности. Я не думаю, что уже завтра власть окажется в наших руках, но несомненно, что венгерский пролетариат в конце концов добьется власти. И к этому надо готовиться, готовиться к революционной борьбе, к вооруженному восстанию, время для которого уже назрело. Вот почему наш долг — создать Коммунистическую партию Венгрии. Это должна быть единая организация, охватывающая все национальности, населяющие Венгрию. Разумеется, она должна строиться на тех же самых основах, что и Российская коммунистическая партия, причем не только потому, что мы являемся ее детищем, что она произвела нас на свет, а и потому, что диктатура российского пролетариата является сейчас краеугольным камнем нового, пролетарского Интер-

национала. Российская коммунистическая партия представляет собой ныне единую партию со строжайшей дисциплиной. Именно такая партия нужна и нам.

РЕЧЬ НА УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

4 ноября 1918 г.

На прошлом совещании мы приняли обращение к венгерским трудящимся, которое, видимо, дошло до тех, кому оно адресовано. В этом обращении были изложены принципиальные основы, которыми мы руководствовались, и конкретно указаны различия, существующие между нами и социал-демократами. Мы пришли к выводу о невозможности нашего сотрудничества с социал-демократической партией; оно было бы невозможно даже в том случае, если бы лидеры социал-демократической партии не сидели в министерских креслах и не пошли на сговор с буржуазными партиями. Наши требования не в состоянии удовлетворить никакая, даже самая радикальная демократия, никакое «народовластие» [1]. Мы требуем от буржуазии не отдельных частных уступок. Наши устремления, наша борьба направлены на захват власти, ибо это единственный способ освободить пролетариат. Годичное существование русской пролетарской диктатуры не оставляет в этом отношении никаких сомнений. Тот, кто был вчера на улице, не может не понять, как изменился за год трудовой народ России.

Революция уже развертывается по всему миру. Самое крупное препятствие на ее пути сегодня — это социал-демократические партии, которые, подобно меньшевикам, добровольно отказываются от власти. О том, каковы между нами тактические расхождения, я сейчас говорить не стану, каждому из нас они известны. Встает лишь вопрос о том, можем ли мы в противовес социал-демократической партии организовать свою партию — Коммунистическую партию Венгрии? Говорят, нас ма-

[1] После победы буржуазно-демократической революции в октябре 1918 г. правящие круги Венгрии в демагогических целях утверждали, будто в Венгрии установлен демократический режим, основанный на принципах подлинного народовластия.— *Ред.*

ловато. А вы спросите у кого хотите, у любого большевика, сколько их было, когда в феврале вспыхнула русская революция? Сколько их было и как их приняли? Наше положение гораздо легче, ибо мы опираемся на пролетарскую диктатуру, по-отечески заботящуюся о нас, любящую нас и неизменно солидаризирующуюся с нами. Наше положение облегчается и тем, что рабочие всего мира имеют перед собой пример пролетарской диктатуры, власть русского рабочего класса и безземельного крестьянства, выражающую также и наши устремления.

Рабочее движение было у нас и прежде, но оно не имело руководителя, который был бы способен выдвинуть требование захвата власти, который мог бы указать венгерским рабочим путь, ведущий к освобождению. И как бы мало нас ни было, мы в состоянии донести наши идеи туда, куда нужно, легально или нелегально, и как только понадобится, мы встанем во главе революционного движения и сумеем, постараемся довести его до победы диктатуры пролетариата.

Итак, товарищи, все мы, на каком бы языке мы ни говорили, возвращаемся на родину, в Венгрию. Там, дома, мы снова встретимся, объединимся, но уже не при нынешнем буржуазном режиме, а тогда, когда коммунизм (большевизм) восторжествует не только в Венгрии, но и в Австрии, в Германии и еще дальше на Западе, везде и повсюду. Для того, чтобы все это претворить в жизнь, предлагаю принять следующую резолюцию:

«Конференция коммунистов — выходцев с территории бывшего венгерского государства, состоявшаяся вечером 4 ноября 1918 г. в Москве, в гостинице «Дрезден», заявляет о создании в соответствии с принципиальным заявлением, сделанным в воззвании от 25 октября 1918 г., венгерской организации международной коммунистической партии. Название этой партийной организации: Коммунистическая партия Венгрии. В качестве ее организационного устава принимается Устав Российской коммунистической партии. Конференция заявляет, что впредь до создания III Интернационала рабочего класса и мировой Советской Республики она признает в качестве представителя международного рабочего класса Центральный Комитет Российской коммунистической

партии (большевиков) и по вопросам общей политики считает для себя обязательными решения и постановления этого органа.

Конференция обязывает всех членов Российской коммунистической партии — выходцев из Венгрии по возможности в кратчайшие сроки покинуть пределы Российской Советской Республики и посвятить свои силы служению делу мировой революции в Венгрии. Конференция учреждает Заграничное бюро, в состав которого избраны следующие товарищи...[1] В целях организации легального или нелегального движения в Венгрии конференция принимает решение избрать Центральный Комитет, призванный руководить движением до тех пор, пока на легальной или нелегальной конференции или съезде в Венгрии не представится возможным избрать новый Центральный Комитет. В Центральный Комитет избираются товарищи Карой Вантуш, Бела Кун, Эрнё Пор, Харитон Бескарид, Эмиль Бождог, Матьяш Ковач, Матьяш Кришьяк, Иван Матузович и Ференц Дробник. Конференция вновь подтверждает, что все члены Российской коммунистической партии — выходцы из Венгрии обязаны согласно указаниям Центрального Комитета Коммунистической партии Венгрии и его Заграничного бюро незамедлительно перенести сферу своей деятельности на территорию Венгрии и поставить себя на службу делу пролетарской революции в соответствии с принципами партии».

---

[1] Фамилии в газете не указаны.— *Ред.*

ПИСЬМО К В. И. ЛЕНИНУ

5 января 1919 г.

Многоуважаемый тов. Ленин!

Положение для нас очень хорошее. Партия наша растет с каждым днем, и если в Германии в течение 2—3 недель вопрос о диктатуре не решится, то и для нас наступят «июльские дни».

Волнениями охвачены все металлисты, и большинство открыто идет за нами; другие еще колеблются, но их удерживает лишь желание сохранить единство партии. Среди остальных рабочих мы тоже имеем большой успех, в том числе и в провинции.

В общем дела обстоят так: производство парализовано, сырья нет, вследствие оккупации промышленные центры отрезаны от угля и металла, хлеб пока есть. Среди рабочих брожение день ото дня усиливается. Члены правительства — социал-демократы не могут удовлетворить их требования, учитывая безработицу. Изо дня в день рабочие захватывают в свои руки фабрики и заводы.

По всей вероятности, в ближайшие дни будет сформировано чисто социал-демократическое правительство, что повлечет за собой усиление репрессий против нас в период их господства. Мы прекрасно знаем, что наша судьба решается в Германии, но независимо от этого мы делаем все возможное, чтобы подготовить рабочих к взятию власти.

Наша газета («Красная газета») выходит тиражом в 20 000 экземпляров, с будущей недели — 3 раза в неделю.

Румынская газета «Стягул рошу» распространяется среди румынских войск; среди сербов и хорватов распространяются, кроме того, листовки и брошюры. Среди чехословаков — тоже.

Во всех армиях разложение, рабочие же у нас вооружаются.

В Вене говорил с Фр. А.: большой дурак. Штрассер колеблется. Прошу Вас послать к нам товарищей С. и З. Французских войск пока нет, если не считать нескольких солдат и офицеров (с ними уже есть контакт). В Фиуме около 30 000 французов, американцев и англичан.

Через товарища Р. просим выслать сумму, которую Вам назовет товарищ Ф. Эти средства нам нужны очень срочно, потому что нужно издавать много литературы. С завтрашнего дня начинаем издавать солдатскую газету. Пока не получим эту сумму, не можем издавать ежедневную газету.

Можете не беспокоиться: я веду дело твердо, по-марксистски; здесь возможность путча исключена: если уж мы возьмем власть в свои руки, ее у нас никто не вырвет.

Еще раз прошу незамедлительно выслать деньги.

Самый сердечный и горячий привет Вам, дорогой товарищ, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне.

ПИСЬМО К ИГНАЦУ БОГАРУ

11 марта 1919 г.

Дорогой и уважаемый товарищ Богар [1]!

При посещении пересыльной тюрьмы Вы попросили меня изложить платформу, на основе которой возможно было бы, по моему мнению, объединить рабочее движение Венгрии. Я добавил бы к этому, что в отношении Венгрии речь должна идти не только об объединении, но и об интернационализации рабочего движения.

Я должен сразу подчеркнуть, что, пока нас держат в заключении, переговоров вести мы не будем. Объяснять мотивы этого, мне думается, нет необходимости.

Относительно объединения рабочего движения я придерживаюсь того мнения, что освобождению пролетариата может способствовать лишь подлинное, а не кажущееся единство. На мой взгляд, нет нужды доказывать, что такое единство пролетариата, которое, как пишет «Непсава» [2] в воскресном номере от 9 марта, сплотило бы весь пролетариат в лагере шейдемановцев, нанесло бы вред. Пользу принесло бы только такое про-

---

[1] *Богар Игнац* (1876—1933) — рабочий-типограф, один из руководителей венгерского профсоюза печатников. Неоднократно вел переговоры с находившимся в тот период в тюремном заключении Бела Куном об объединении сил венгерского пролетариата. В период Венгерской Советской Республики — член президиума будапештского рабочего Совета. В 1920 г. был осужден хортистским трибуналом. В 1922 г. прибыл в СССР по обмену.— *Ред.*

[2] *«Непсава»* («Слово народа») — основанная еще в 1877 г. ежедневная газета, центральный орган социал-демократической партии Венгрии. С 1948 г.— орган Всевенгерского совета профсоюзов.— *Ред.*

летарское единство, такая единая организация рабочего движения, которая имеет действительно единую теоретическую и принципиальную базу и служит делу не классового сотрудничества, а классовой борьбы. Не подлежит сомнению, что поступиться принципами — значит отказаться от принципов.

Напомню Вам мнение Маркса об объединении, породившем Готскую программу и явившемся результатом компромисса эйзенахцев и лассальянцев. В письме к Бракке Маркс, критикуя Готскую программу, говорит: «Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой»[1].

Я должен сразу заявить тем эклектикам, которые любую ссылку на Маркса объявляют догматизмом, бошевским[2] марксизмом, преклонением перед авторитетами (а тем временем в качестве авторитета пытаются поставить на место Маркса свое собственное ничтожество), что приведенные выше слова правильны не потому, что они высказаны Марксом. Они подтверждаются фактами.

Если бы большевики в России уже в 1907 г. не покончили, как выражается Ленин, с внутрипартийной дипломатией, если бы Роза Люксембург, Либкнехт и Меринг, а также пусть даже самые умеренные независимые социалисты не положили конец во время войны фиктивному единству немецкого рабочего движения, если бы итальянские социалисты не сделали того же во время войны в Триполи[3], если бы они тем самым не обеспечили себе свободу действий и возможность пропаганды благодаря отдельной организации, то история рабочего движения, как мне думается, была бы не так богата выдающимися революционными событиями и, главное,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 12.

[2] *Боши* — насмешливое прозвище немцев, данное французами.— *Ред.*

[3] В 1911—1912 гг. Италия вела грабительскую колониальную войну против Турции, захватив у нее Триполитанию и Киренаику. Правое крыло социалистической партии Италии открыто поддерживало эту экспансионистскую политику. В ответ на это на XIII съезде партии, созванном в 1912 г., революционное большинство партии проголосовало за исключение из нее крайне правых элементов.— *Ред.*

успехами. Возможно, так называемая братоубийственная борьба, столкновение одной части пролетариата с другой, не приняла бы тогда столь открытого характера, но еще надо разобраться, не избавила ли пролетариат эта открытая борьба от многих излишних жертв, которыми так богат каждый новый год существования капитализма. Я спрашиваю также: разве стычки пролетариев, состоящих в профсоюзах и находящихся вне их рядов, не являются братоубийственной борьбой?

Существует, наконец, неизбежное, так сказать, необходимое зло. То, что меня сейчас избили, и то, что подобные случаи возможны в будущем, тоже представляет собой, так сказать, неизбежное зло. Для меня плохо, а для рабочего движения в конечном итоге, как ни говори, полезно! Пусть и другие попробуют встать на такую же историческую объективную точку зрения.

Объединение рабочего движения неизбежно. Но для того, чтобы объединиться, надо сначала размежеваться. Это не просто слова, а выражение диалектической закономерности.

До или после победы пролетарской революции, но рабочее движение так или иначе станет единым. Хотя американский, русский или чешский пролетариат мне тоже очень близок, но я все же был бы счастлив, если бы именно рабочее движение Венгрии пришло к победе пролетарской революции, сплотив свои ряды воедино, и сразу же единым фронтом приступило бы к проведению переходных мероприятий, ведущих к социализму.

Что делать, я смотрю на ход предстоящих событий с известным скептицизмом, недоверием; к этому побуждает меня нынешнее состояние всего международного рабочего движения. И все же мне кажется, что объединение чисто пролетарского и, следовательно, революционного течения рабочего движения в Венгрии произойдет в самом скором времени.

Платформа, которую Вы просили подготовить, может быть сформулирована в целях выяснения наших собственных позиций и взглядов наших доброжелательных противников в следующих положениях:

1. Никакой поддержки так называемому народному правительству, отказ от участия в правительстве буржуазного государства. Разрыв с политикой классового сотрудничества; создание в качестве органов власти клас-

совых организаций трудящихся — Советов депутатов рабочих, солдат и представителей сельской бедноты.

2. Разрыв с так называемой территориальной политикой, или, как ее называют по-новому, политикой национальной интеграции[1]. Решительная борьба против так называемой революционной защиты родины, являющейся следствием классового сотрудничества, предотвращение любой ценой новой войны — против чехов, румын или сербов. Пролетарская партия может дать согласие на ведение революционной войны только в том случае, если:

а) вся власть действительно и определенно перешла в руки промышленного и сельскохозяйственного пролетариата;

б) на деле покончено со всякой общностью с капиталистическими интересами;

в) обеспечены все гарантии того, что война не приведет к новому национальному угнетению.

3. Можно констатировать, что в настоящее время венгерская революция переживает переходный период, развиваясь от так называемой общенациональной стадии к этапу чисто пролетарской социальной революции. Революция в Венгрии есть проявление революционного подъема международного пролетариата, обусловленного всеобщим кризисом капитализма. Из этого необходимо сделать практические выводы и для Венгрии относительно тех политических акций, которые должны быть предприняты в интересах пролетариата:

а) не парламентская республика, а временно централизованная республика Советов депутатов рабочих и сельской бедноты;

б) роспуск постоянной армии и особых формирований вооруженных сил (полиции, жандармерии, погранохраны и т. д.), замена их классовой армией вооруженного пролетариата; разоружение буржуазии;

в) полная ликвидация бюрократии. Самоуправление пролетарских масс, обеспечиваемое таким образом,

---

[1] Политика венгерских правящих кругов, направленная на сохранение территориальной целостности так называемой исторической Венгрии, именуемая политикой «народной интеграции» в целях маскировки их стремления к закреплению своего господства над окраинными областями страны с преобладающим невенгерским населением.— *Ред.*

чтобы Советы депутатов рабочих и крестьянской бедноты были не только законодательными, но одновременно исполнительными и судебными органами. Все должности должны замещаться путем выборов на определенный срок с правом отзыва в любой момент. Вознаграждение выборных лиц не должно превышать заработка квалифицированных рабочих. Более высокое вознаграждение допустимо по опыту пролетарской революции в России только в отношении специалистов.

Такая политическая система обеспечивает возможность осуществления переходных мер, ведущих к социализму, а также преодоления контрреволюционных поползновений со стороны буржуазии.

4. Еще до принятия непосредственных переходных мер, ведущих к социализму, и до захвата государственной власти надлежит немедленно установить централизованный контроль Советов рабочих депутатов и местный контроль групп рабочего контроля над промышленным и сельскохозяйственным производством, а также над распределением продукции. Одновременно Советы депутатов рабочих и сельской бедноты должны наладить строгий учет производительных сил, сырья и запасов продовольствия.

Переходными мерами, ведущими к социализму, могли бы, в основном, явиться следующие:

5. Конфискация помещичьих земельных владений в пользу пролетарского государства, запрещение использования наемного труда в частных хозяйствах. Вся земля должна быть объявлена государственной собственностью; таким образом, все земельные площади, не обрабатываемые теми, кто ими владеет, либо членами их семьи, должны быть обработаны государством через Советы сельской бедноты. Решительная борьба против раздела земли. Временной, краткосрочной переходной мерой в этом отношении может также послужить организация сельскохозяйственных производственных кооперативов.

6. Национализация пролетарским государством банков, конфискация всех банковских вкладов и депозитов.

7. Национализация транспорта и промышленности, в первую очередь, разумеется, крупной промышленности, концентрация ее при посредстве пролетарского государства; рабочее управление предприятиями, а также всей промышленностью и транспортом. (Органы управления

могут формироваться, например, по следующему принципу: $^1/_3$ — представители работников предприятия, $^1/_6$ — представители организаций данной отрасли производства, $^1/_6$ — представители потребительских организаций, $^1/_3$ — представители органа, осуществляющего руководство народным хозяйством.)

8. Незамедлительная монополизация государством внешней и оптовой торговли. Введение государственной монополии на все продовольственные товары первой необходимости. Распределение продуктов питания только среди трудящихся, по предъявлении рабочей книжки, через потребительские кооперативы либо через соответствующие отделы Советов депутатов рабочих и сельской бедноты (основой могут служить заготовительные группы предприятий). Переход к натурализации заработной платы (к ее выплате натурой) в целях повышения реальной заработной платы.

9. Немедленное осуществление всех требований в области охраны труда, содержащихся в так называемой переходной программе социал-демократической партии; вместе с тем обеспечение соблюдения трудовой дисциплины.

10. Государственная пропаганда социализма. Незамедлительное отделение церкви от государства. Школы необходимо открыто поставить на службу социалистическому воспитанию.

Такова платформа, на основе которой, по моему мнению, в ближайшее время произойдет объединение революционного крыла рабочего движения, а в конечном счете, и всего рабочего движения.

Опыт, приобретенный в области демократии, вернее, буржуазной демократии, отрезвил, как мне думается, многих и в Венгрии. Явное банкротство потерпела уже не только политика раздела земли, тщетными оказались также надежды на так называемое преобразование бюрократии и на Национальное собрание. Лживость теории равенства, которая была выдвинута буржуазной демократией, преподносимой в виде демократии для всех, ее непригодность для осуществления переходных мер, ведущих к социализму, становится очевидной, если попытаться противопоставить эксплуататора эксплуатируемому. Разве эксплуататор может быть равным эксплуатируемому?

Идея пролетарской демократии, или, иными словами, пролетарской диктатуры, должна превалировать в сознании тех, кто всерьез стремится к уничтожению эксплуатации; на основе этой программы должно произойти объединение революционных элементов рабочего движения, подобно тому как она была одобрена социалистическими партиями Италии и Швейцарии, а также германской независимой социалистической партией и даже социалистической партией Сербии.

Ссылки на нехватку угля, на то, что капитализм сокрушен, лозунг «мы не можем социализировать старый хлам», попытки все свалить на международное положение не могут удержать ни одного революционно мыслящего социалиста от открытых действий в соответствии с этой программой.

Ссылка на международное положение явно служит сейчас интересам империалистов Антанты, точно так же как интересам так называемого революционного оборончества, или, иначе говоря, территориальной интеграции, служит любое утверждение, которое, ссылаясь на нехватку угля, препятствует развертыванию пролетарской революции. Те, кто вместо пролетарской революции, вместо захвата политической власти Советами выдвигают лозунг революционного оборончества против румын и чехов, якобы для того, чтобы обеспечить капиталистические предприятия углем, те ради успеха этой войны охотно поставят венгерский пролетариат на службу интересам империалистов Антанты.

Я считаю, что спасение венгерскому пролетариату принесет не спекуляция американским продовольствием, не уголь, купленный в обмен на снаряжение у польских и украинских контрреволюционных наемников Антанты — они лишь могут навязать империалистическое рабство,— а в первую очередь союз с русским, немецким, латышским и украинским революционным пролетариатом. Это наша внешнеполитическая задача, требующая немедленного решения; в этом смысле может идти речь и о безотлагательных совместных действиях. В контрреволюционном объединении, называемом Лигой наций, как мне думается, все уже разочаровались. Те, кто считали Лигу наций избавительницей, теперь, пожалуй, уже больше верят в солидарность итальянского, французского, английского и чехословацкого пролетариата. А эти отряды

международного пролетариата, мне кажется, скорее проявят солидарность с пролетарской Венгрией, чем с Венгрией, возглавляемой Каройи.

Международная революция — это не мистификация на манер Лиги наций. Еще в декабре, если я не ошибаюсь, сторонники Вильсона гордо кивали на Германию и особенно на Англию, как на страны, где, мол, пока что нет шансов на пролетарскую революцию. И вот результат: в Германии уже не одни спартаковцы, а и независимые социалисты, даже пролетарские элементы из числа социалистов большинства перешли на сторону пролетарской революции. Может быть, то, что происходит в Германии,— это братоубийственная война? Может быть, так называемая добровольческая армия тоже состоит из «братьев»? Но поинтересуйтесь, дорогой мой товарищ, почему правительство не разрешает предать гласности поступившие несколько дней тому назад на Чепель телеграммы о требованиях английских рабочих и солдатских советов и о подробностях лондонских беспорядков? Если Вам удастся застать кого-либо из посвященных государственных деятелей в минуту откровенности, он, возможно, расскажет Вам о содержании этих телеграмм.

За крахом Лиги наций должен был последовать крах Берна, так как бернская международная политика представляла собой придаток парижской. Вместе с тем это означает новую победу революционного Интернационала, присоединение к которому является первым условием всякого стремления к объединению.

Конкретные меры, касающиеся объединения, состоят, на мой взгляд, в следующем:

1. Созыв совместной конференции всех революционных элементов и обсуждение на ней предлагаемой мною платформы.

2. Пересмотр партийной программы-максимум, с тем чтобы в нее были включены:

а) оценка империализма, как особой стадии капитализма, констатация факта банкротства капитализма; выступление против «государственного социализма» или государственного капитализма;

б) формулировка об отношении пролетариата к государству. Мы, естественно, требуем провозглашения Республики Советов;

в) пересмотр переходной программы в соответствии с вышеизложенными принципами.

3. Присоединение к революционному Интернационалу.

И последнее.

Так называемое чисто социалистическое правительство не означает приближения к революционной диктатуре пролетариата, к пролетарской демократии. Более того, оно, бесспорно, в любом случае будет означать не что иное, как отход от этого курса. Парламентская система, сама организация буржуазного государства — вот препятствие на пути к самоуправлению пролетарских масс и переходу к социализму. Нет такого чисто социалистического правительства, которое могло бы ввести пролетарскую демократию в парламентской республике; власть социалистического правительства так же не означает пролетарской демократии и создания политических условий для ликвидации капитализма, как не означает социализации тот государственный капитализм, начало которому в Венгрии кладет, что весьма характерно, национализация сахарной промышленности.

Написав, уважаемый товарищ, все это, я надеюсь, у Вас не возникнет сомнений, что за эту программу, осуществление которой, по-моему, является предпосылкой освобождения пролетариата, я буду бороться при всех обстоятельствах. Я не стыжусь, а горжусь тем, что Ленин, его последователи и даже, могу сообщить Вам по секрету, немецкие спартаковцы поддерживали нас в этой борьбе. Я не стыжусь этой помощи.

Вопрос о том, кто установит диктатуру пролетариата в Венгрии (а относительно этого со стороны некоторых слышится немало нареканий), имеет для меня, собственно говоря, второстепенное значение. Я думаю, что совершат это не отдельные личности, а сами пролетарские массы и во главе масс встанет тот, у кого хватит для этого убежденности и, надо добавить, мужества. Отсюда, из тюрьмы, я могу спокойно заявить, что для меня неважно, буду ли я при распределении постов в числе первых или нет, мною руководит лишь одно желание — быть в борьбе здесь, в Венгрии, в первых боевых рядах пролетариата, точно так же как я был в первых рядах в России. Стойкость революционера проверяется на практике.

Мы, называющие себя коммунистами, сидим за это здесь, в данном заведении органа насилия буржуазного государства, в ожидании того, чтобы суд присяжных, составленный из терезварошских лавочников, липотварошских бакалейщиков и йожефварошских мясников, «рассудил» дело о борьбе революционного и реформистского течений рабочего движения. Мы ждем этого.

Я уверен, что если даже исход борьбы — окончательной, решающей борьбы за освобождение пролетариата — будет решаться и не единой рабочей партией, то тем не менее в этих боях снова будет выковано единство рабочего движения всех стран. После первого этапа борьбы произойдет объединение рабочего движения, как произошло и в России, где — об этом следует напомнить во избежание недоразумений — отнюдь не большевики стали на точку зрения меньшевиков.

От своего имени и от имени моих товарищей, которые в курсе дела, остаюсь с товарищеским приветом.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ВЛАСТЬ В ВЕНГРИИ

ПРИВЕТСТВИЕ РУССКОМУ СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Опубликовано в газете «Правда»
23 марта 1919 г.

Венгерское Советское правительство шлет братский привет Советской Республике России и ее правительству. Венгерский пролетариат, который завоевал власть в борьбе против общего врага — международного капитализма и империализма, неуклонно будет продолжать борьбу и употребит все свои силы на то, чтобы международный пролетариат одержал победу.

Мы посылаем наш привет Вам, товарищ Ленин, вождю международного пролетариата, и III Интернационалу, конгресс которого происходил недавно. Мы заявляем о нашем присоединении к решениям первого конгресса III Интернационала.

Мы прочно держим власть в своих руках. Первый съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который соберется в самом ближайшем будущем, еще больше укрепит эту власть. Нам удалось завоевать государственную власть без кровопролития. Но нам теперь уже угрожает антантовский империализм. Перед лицом этой грозной опасности весь рабочий класс Венгрии — на стороне диктатуры пролетариата. Он просит вашей помощи против империалистических разбойников.

С дружеским приветом.

ВЕНГРИЯ — ВТОРАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 23 марта 1919 г.

Мы начали коммунистическую деятельность в Венгрии с заявления о том, что единственным способом достижения наших целей является переход всей власти в руки пролетариев. Сегодня эта задача претворена в жизнь. Возникла Венгерская Советская Республика. Мы ни на йоту не отступимся от наших принципов. Нашей братской партии — социалистической партии пришлось признать, что она не сможет добиться осуществления своих целей с помощью буржуазной демократии, что мы были правы, настаивая на диктатуре пролетариата. Теперь на этой основе мы можем объединиться в единую рабочую партию, программу которой я по инициативе левого крыла социал-демократов, намеревающегося откололься от партии, и товарища Богара изложил в письме, посланном из тюрьмы. Самые существенные пункты соглашения: вся власть должна принадлежать пролетариату. Вооружение пролетариата и разоружение буржуазии. Создание рабочей армии. Власть должен осуществлять Совет рабочих, солдат и крестьянской бедноты. Земля — общественная собственность, раздела земли не следует проводить, а необходимо создать Советы бедняков и, возможно, временно вести производство на кооперативных началах. Социализация фабрик и заводов, шахт, банков, железных дорог, средств транспорта. Немедленное отделение церкви от государства.

Социал-демократическая партия приняла эту программу.

Объединению во многом способствовала лживая,

фальшивая мирная программа Вильсона [1]. Мы счастливы и горды тем, что Венгрия является второй Советской Республикой. Поверьте, сегодня в Москве радость еще больше, чем у нас. Мы выражаем благодарность и шлем привет Российской Советской Республике, которая неизменно оказывала нам помощь и союзные пролетарские войска которой уже стоят у подножия Карпат.

Мы не даем лживых обещаний всяческих благ. Нам предстоит страдать и голодать. Но мы голодаем и страдаем ради собственного блага, ради объединения пролетариев всех стран. Не должно быть больше ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых.

Нам предстоит великая и трудная работа по разрушению старого мира и созданию нового, в которой с героической самоотверженностью должен принять участие каждый рабочий. Как бы мы ни доверяли самим себе, необходимо создать институт рабочего контроля, чтобы Советская Республика не выродилась в бюрократическое государство.

Мы всегда шли впереди, и в этой работе, в этой борьбе мы опять будем в первых рядах. Для нас нет ничего дороже, чем освобождение пролетариев, создание нового общественного строя и новых производственных отношений. Я призываю пролетариат к величайшей бдительности и к строжайшему осуществлению контроля. Диктатура пролетариата лишь тогда станет полной, если Советы рабочих, солдат и крестьянской бедноты смогут собраться на свой первый съезд. Первейшей революционной обязанностью пролетариата является незамедлительное создание своих боевых органов, чтобы через них полностью осуществлять политическую власть.

---

[1] *Вильсон Вудро* (1856—1924) — реакционный американский политический деятель, президент США с 1913 по 1921 г., проводивший реакционную внутреннюю и экспансионистскую, антисоветскую внешнюю политику, направленную на установление мирового господства США. В целях противодействия глубокому влиянию, которое оказывали на трудящиеся массы всего мира революционные акты Советского правительства, направленные на установление демократического мира,— декрет о мире, опубликование тайных договоров и др.,— Вильсон выступил с широковещательной программой мира, сформулированной им в так называемых 14 пунктах, демократическая фразеология которой прикрывала империалистические устремления США. Буржуазная пропаганда при содействии правых социал-демократов создала Вильсону ложный ореол поборника мира.— *Ред.*

ПАРТИЙНОЕ ЕДИНСТВО

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ

Опубликовано в газете «Непсава»
27 марта 1919 г.

Кое-кому покажется странным, что я, «подрывающий единство партии» и «сектант», выступаю в «Непсава» по вопросу о партийном единстве. Но, конечно, найдутся и люди — как бывшие социал-демократы, так и коммунисты, причем таких будет подавляющее большинство, 99,9%,— которые не усмотрят в этом ничего странного, ибо знают, что не всегда можно действовать прямолинейно, что часто приходится учитывать существующие противоречия. То, что вчера было неправильным, сегодня в результате изменения обстановки не только правильно, но и необходимо. Прав был Ленин, постоянно обращая наше внимание, внимание своих последователей, на следующие слова Вильгельма Либкнехта: «...если надо, я за 24 часа меняю тактику двадцать четыре раза».

Нашей задачей является действие — единое революционное действие пролетариата. Чтобы его осуществить, мы в свое время создали коммунистическую партию. Нашей целью была не партия, а освобождение рабочего класса, единое выступление пролетариата внутри территориальных границ, но не ограниченное ими. Того, чего мы в своем стремлении к партийному единству не смогли добиться раньше, мы можем достичь теперь лишь в борьбе за строгую, дисциплинированную и единую партию. Если бы четыре месяца назад внутри единой социал-демократической партии возможно было единое революционное действие, если бы единому выступлению не препятствовали идеологические, теоретические и принципиальные расхождения, которые сделали невозможным единое революционное действие, то мы, старые борцы со-

циал-демократической партии, не откололись бы от нее, а с величайшей готовностью работали бы вместе со всеми социал-демократами.

Мы с большой радостью и охотой работаем вместе сегодня, когда восстановлено внешнее единство рабочего движения и удалось добиться внутреннего, принципиального идейного единства, когда мы включились в мировую пролетарскую революцию, оказались в первых ее рядах и в рамках единой партии добились торжества революционного марксизма. Вспомните, товарищи, мероприятия, проведенные революционным рабочим правительством, благодаря которым широкие массы пролетариата уже освобождены от всякого гнета и эксплуатации. Вам станет ясно, что те принципы, которые мы провозглашали, восторжествовали.

Чего мы требовали?

Мы требовали разрыва с Бернским Интернационалом и присоединения к Третьему, Московскому, революционному Интернационалу. Это свершилось!

Мы требовали революционной классовой борьбы, отказа от сотрудничества с буржуазией, диктатуры пролетариата. Мы добились этого!

Мы требовали перестройки производства не на капиталистической, а на социалистической основе. Мы заложили фундамент и, опираясь на него, продолжили строительство.

И всего этого мы добились не на путях междоусобной борьбы, а в результате тесного сотрудничества всего пролетариата.

Теперь, когда пролетариат стал руководителем и организатором социалистического общественного строя, пусть каждый задумается, что лучше: проливать пролетарскую кровь на баррикадах (лично мне дорога каждая капля пролетарской крови) или же вести замечательную созидательную работу, которая заставляет учащенно биться сердце любого пролетария.

Российская Советская Республика начала свое существование в значительно менее благоприятных условиях, чем наша республика, ибо там обломки рухнувшего капитализма были сразу политы кровью русского пролетариата.

Каким являлось бы партийное единство, если бы не была принята наша программа, если бы мы отказались

от диктатуры пролетариата, если бы оставили власть в руках буржуазии и бюрократов? Подобное единство пошло бы на пользу только эксплуататорам, лишь продлило бы мытарства рабочих. А сегодня существует такое единство, которое не потребовало от нас отказа от принципов и которое для всех нас является единством действия. Сейчас из отсутствия единства извлекла бы пользу только буржуазия, а дело пролетариата пострадало бы. Ведь тогда контрреволюция получила бы возможность консолидироваться, оказалось бы невозможным организовать Красную Армию, которая является самым могучим средством в руках пролетариата, и, самое главное, нельзя было бы наладить производство, которое всем нам обеспечивает хлеб, одежду, жизнь.

Не следует забывать, что то, чего мы хотя и не ценой крови, но в тяжелой борьбе достигли, является, можно сказать, примером для пролетариата Центральной Европы. Сегодня мы не испытываем страха, как не знали его и в начале борьбы. Но мы хотим вести лишь такую борьбу, которая пойдет на пользу рабочим, а не в ущерб им. Бои еще предстоят! Бои, которые благодаря единым революционным действиям могут привести к победе. Мы должны направить революционную энергию пролетариата на подготовку к этим боям, а не на мелочные распри по теоретическим вопросам. Никому не следует выставлять напоказ свои раны, полученные в борьбе между двумя рабочими партиями. Не надо упрекать друг друга за то, что было в прошлом. Пусть те, кто боролся против нас и относил все детские болезни революции на наш счет, помнят, что не только они пили из источника политической мудрости. Но и люди, которые громогласно заявляют, что только тот призван руководить работой по строительству социализма, кто уже многие годы ведет борьбу за диктатуру пролетариата, должны знать, что и они не с молоком матери впитали в себя учение о диктатуре пролетариата, что, играя в детстве в песочные домики, они вовсе не строили советские республики.

Я никого не обвиняю сегодня в безответственности, ибо каждый своей головой отвечает за то, что он делает в пролетарском движении. И я, и другие! И тот, кто не работает, и тот, кто работает, и тот, кто злорадствует, тормозя созидательную работу. Чинить помехи созида-

тельной работе — это сейчас контрреволюционное деяние. Мы настолько зашли влево, что дальше идти туда просто невозможно. В настоящее время нет левой контрреволюции, а есть лишь правая.

Партия венгерского пролетариата является венгерским отрядом международной коммунистической партии. Но она есть и будет лишь одним-единственным венгерским отрядом и окажется достойной этого.

Мы достигли целей, ради которых прокладывали новые пути! Возможность единого действия пролетариата имеется. Будем же действовать едино!

Но давайте действовать!

КОММУНИЗМ ВОСТОРЖЕСТВУЕТ И ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВЕНГРИИ

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ФАТЕРЛАНД»

Опубликовано в газете «Правда»
2 апреля 1919 г.

Корреспондент голландской буржуазной газеты «Фатерланд» рассказывает об интервью с венгерским комиссаром по иностранным делам Бела Куном:

«Я должен сознаться, что ожидал увидеть свирепого, неистового человека, в полном вооружении, окруженного красными телохранителями, и был очень приятно поражен интеллигентной наружностью революционного комиссара. Бела Кун принял меня в скромно обставленной, напоминающей кабинет ученого комнате, хотя эта комната находится во дворце бывшего эрцгерцога — теперешнем «венгерском Кремле». Сюда имеют доступ только коммунисты, и меня проводил один мой стокгольмский приятель, член Коммунистической партии Венгрии. Бела Кун до такой степени похудел и изменился, что приятель мой, не видавший его всего два месяца, не узнал его сразу.

Не желая злоупотреблять любезностью Бела Куна, я задавал ему только краткие вопросы.

Вопрос: Как случилось, что венгерская революция обошлась без кровопролития? Каково ваше мнение о дальнейшем развитии революции в Венгрии и в других государствах Европы?

Ответ: Я полагаю, что во всей Европе произойдет переход к коммунистическому строю. Что касается Венгрии, то здесь вся власть уже в руках пролетариата. Победа коммунизма не ограничится пределами Венгрии; это теперь уже ясно. Капитализм умер, и наследником

является коммунизм. Мирный характер нашей революции объясняется тем, что венгерская буржуазия оказалась чрезвычайно обессиленной войной и потому не сумела оказать сопротивление, а венгерский пролетариат, наоборот, окреп за это время.

Вопрос: Чем объясняется, что в России все произошло иначе и переворот сопровождался большим кровопролитием?

Ответ: И в России первый этап революции протекал мирно. Впоследствии же, когда буржуазия сумела в силу различных причин сорганизоваться и стала применять так называемый белый террор, большевистское правительство оказалось вынужденным также прибегнуть к насилию.

Корреспондент так заканчивает свое сообщение: «Бела Кун произвел на меня впечатление, быть может, мечтателя, но безусловно честного и преданного пролетариату человека».

У РАБОЧИХ УЖЕ ЕСТЬ РОДИНА

ИНТЕРВЬЮ С АМЕРИКАНСКИМИ ЖУРНАЛИСТАМИ

Опубликовано в газете «Правда»
3 апреля 1919 г.

Бела Кун, народный комиссар иностранных дел Венгрии, руководитель венгерских коммунистов, в беседе с американскими журналистами заявил:

«Историческая необходимость и историческая роль пролетариата направили нас на верный путь. В нашей борьбе и работе мы рассчитываем на солидарность международного пролетариата и убеждены, что американские рабочие, объединенные в революционных организациях, не оставят нас без поддержки. Мы, венгерские рабочие, помним о благородных примерах, которые много раз подавались нам американскими рабочими. Мы уверены, что в ответ на возрастающую международную солидарность пролетариата американские рабочие проявят преданность интернационализму.

Наша юная пролетарская демократия борется дисциплинированно и энергично за дело социализма. Интересы американских рабочих совпадают с нашими. Пусть они помогут нам, чтобы мы не чувствовали себя изолированными от американских рабочих венгерской национальности. Мы просим передать им, что отечества буржуазии, за которое было пролито столько крови, больше не существует, фабрики и заводы, шахты и рудники являются ныне общей собственностью рабочих масс. С того момента, как была провозглашена диктатура пролетариата в Венгрии, фраза «рабочие не имеют родины» потеряла свой смысл. С этого момента рабочие имеют родину, которая будет руководствоваться не лжеморалью буржуазии, а истинной моралью пролетариата. «Кто не

работает — тот не ест» — в Венгрии руководствуются ныне этим принципом. Кучка эксплуататоров, жившая за счет чужого труда, устранена. Мы создадим процветающий социалистический строй, социалистическую страну, где не будет ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров».

ВЕНГЕРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЫСТУПАЕТ ЗА МИР СО СВОИМИ СОСЕДЯМИ

БЕСЕДА С БУДАПЕШТСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ «НОЙЕС ВИНЕР ЖУРНАЛ»

Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 3 апреля 1919 г.

Вопрос: Как будут в дальнейшем развиваться отношения Венгрии с Германией и Австрией?

Ответ: Мы хотим возможно лучших отношений с обоими государствами. Это мое заявление касается всех аспектов отношений.

Вопрос: Окажете ли вы помощь голодающим массам венского пролетариата?

Ответ: Мы дадим венским пролетариям все, что имеем. В пределах возможного мы поделимся с ними всеми своими запасами. Они могут нам поверить, что свою солидарность мы постараемся выразить не только словами, но и делами.

Вопрос: Попытается ли Венгерское Советское правительство установить более близкие отношения с Баварским Советским правительством?

Ответ: На это могу лишь ответить, что, как я уже говорил, мы со всеми хотим иметь добрые отношения.

Вопрос: Сохранит ли Венгрия в изменившихся условиях свои торговые связи с заграницей?

Ответ: Естественно, мы стремимся сохранить все торговые связи с заграницей. По нашему мнению, внутренние преобразования не должны влиять на наши торгово-политические отношения с заграницей. Разумеется, мы выполним свои обязательства в этом отношении, хотя, быть может, станем искать некоторые новые пути их осуществления.

РЕШИТЕЛЬНО ПОКОНЧИТЬ!

Статья, опубликованная в газете «Вёрёш уйшаг» 3 апреля 1919 г.

Решительно навсегда покончить с эксплуататорским капиталистическим производственным и общественным строем — вот первейшая задача диктатуры пролетариата. Покончить без промедления и колебаний, не давая перевести дух тем, кто стоит на пути к социализму, не давая времени и возможности прийти в себя буржуазии, оглушенной ударами со стороны пролетариата, действующего в силу исторической необходимости.

Это соображение определяет темпы работы пролетариата по разрушению капитализма и созиданию коммунизма. Оно же определяет направление действий пролетарского сообщества, пролетарского государства.

Первые дни являлись днями разрушения. Необходимо было прежде всего разрушить бастионы капиталистического производства и эксплуатации. На первый план не могли тогда выдвигаться интересы ни отдельных личностей, ни отдельных слоев населения. Нельзя было выдвигать в качестве главной задачи и те наболевшие вопросы, которые сразу не исчезнут в период диктатуры. Железные удары диктатуры должны были обрушиться не на несправедливое распределение квартир, а на служащую основой несправедливого распределения частную собственность, частную собственность на дома и земельные участки. Только так можно вообще сделать возможным организованное распределение жилого фонда. Не кое-какая защита рабочих, а ликвидация частной собственности на средства производства и эксплуатации, не проведение другой налоговой политики, а ликвидация

всей финансовой системы капитализма, аннулирование государственных займов — вот в чем состояла задача.

Как правило, именно в этом проявляется различие между реформистскими и революционными методами в рабочем движении.

Мы выдержали испытания. Мы покончили с капитализмом и достигли такого рубежа, откуда нет возврата к эксплуататорскому строю. Необходимо сжечь все мосты, связывающие капиталистическое производство с производственной системой пролетарской демократии. Хотя нельзя насытить голодный желудок декретами, нельзя залечить раны, нанесенные капитализмом, мероприятиями, которые препятствуют нанесению новых ран, но каждый пролетарий должен следить за тем, чтобы не совершить прежнюю ошибку: не ставить минутные интересы превыше своих великих, можно сказать, вечных интересов. Война помогла всем понять, что́ значит ставить минутные интересы рабочих превыше общих классовых интересов пролетариата. В период войны рабочее движение сошло с почвы классовой борьбы, его политика стала робкой и реформистской, лишилась революционного размаха.

Каждый должен следить за тем, чтобы такие преходящие интересы не уводили рабочий класс с пути последовательно революционной политики. Такое предупреждение не означает, что не следует увеличивать заработную плату, размеры помощи по безработице, но это значит, что выдвижение подобных задач в качестве центральных вновь задержало бы развитие революции и заложило бы основу новой реформистской политики.

Ликвидация всякой власти буржуазии, уничтожение всех устоев капиталистического производства и буржуазного бюрократического аппарата, создание классовой власти пролетариата, закладка фундамента производства нового типа — вот в чем состоят революционные задачи рабочего движения.

Поэтому нужно уметь трудиться, бороться и стойко переносить страдания. Поэтому надо идти на жертвы. Никто не должен думать, что страдания рабочих закончились с приходом к власти.

Покончить со старым строем, повторяю, коренным образом разрушить этот строй, а не применять новые лекарства вместо прежнего знахарского зе́лья — вот задача сегодняшнего дня.

ДИКТАТУРА — ВЛАСТЬ ПРОЛЕТАРИАТА

Статья, опубликованная в газете «Непсава» 4 апреля 1919 г.

Пролетарские революции, писал Маркс, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова [1].

Венгерский пролетариат установил свою диктатуру, чтобы построить коммунизм. Пролетарская революция быстрыми темпами продвигается по пути к социализму. Диктатура пролетариата дает возможность осуществить ликвидацию эксплуатации, созидать социалистический общественный строй и социалистические производственные отношения. Но пролетарская революция критикует сама себя, возвращается к тому, что кажется выполненным.

Нам также следует критиковать в своей революции все действия, предпринимаемые с целью разрушения и созидания, критиковать с такой искренностью и остротой, которые необходимы для того, чтобы возвратиться к якобы завершенным этапам.

Мы установили диктатуру, исключительное господство класса пролетариев над буржуазией. Мы сделали это в результате объединения двух частей рабочего движения на основе нашей программы в сознании того, что организация пролетариата в правящий класс является необходимой предпосылкой построения коммунизма. Диктатура пролетариата — классовое господство, господство одного класса над другим. Но это господство класса, а не

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 123.

групп, и для того, чтобы оно было твердым и целеустремленным, диктатура должна находиться в руках единого, твердого и по возможности сознательного класса пролетариата. Если мы критикуем события, чтобы возвратиться к тому, что кажется выполненным, то после событий сегодняшнего дня следует констатировать со всей откровенностью: диктатура в нашей стране неполная. Она неполная не потому, что не осуществлена в пределах возможностей, предоставленных временем, ликвидация условий для паразитического существования буржуазии, а потому, что до сих пор еще нет боевой организации власти, которая является формой классового господства пролетариата, формой его диктатуры. Только создание советской системы, Советов рабочих и бедняцких депутатов, представляющих весь пролетариат, а не его отдельные слои, сделает невозможным повторение таких событий, которые произошли сегодня [1].

По вопросу о власти сейчас сомнений нет. Революционный Правительственный Совет — не только представитель могучей рабочей партии, объединившейся на основе коммунистической программы, он также наделен доверием революционного пролетарского Интернационала. Он во всех отношениях заслужил это своей деятельностью, он и впредь будет оправдывать это доверие.

Революционный Правительственный Совет до тех пор никому не уступит власть, которую он взял в свои руки по праву революции и от имени пролетариата, пока не соберется классовое представительство всего венгерского пролетариата — первый съезд Советов Венгерской Социалистической Советской Республики.

Он не уступит власть, он будет ее отстаивать от всяческих посягательств. Эту власть защищает пролетариат, от имени которого Революционный Правительственный Совет осуществляет диктатуру. Ее защищают раскрепощенные труженики заводов, шахт, полей, а также освободившиеся от палки капрала и дурмана милитаризма красные солдаты. Они защищают ее потому, что эта

---

[1] 3 апреля 1919 г. части венгерской Красной Армии и представители районных Советов рабочих и солдатских депутатов Будапешта вышли на демонстрацию, чтобы выразить свое недоверие народному комиссару по военным делам Йожефу Поганю. В результате массовой демонстрации он вынужден был подать в отставку.— *Ред.*

власть не является властью диктаторов. Диктаторов нет — ни личности, ни группы, ни прослойки, есть лишь сам класс, весь пролетариат. Революцию можно и нужно осуществлять против буржуазии, но нельзя — против класса пролетариев. Диктаторов можно и нужно свергать, но эту диктатуру, диктатуру рабочего класса, может свергнуть лишь сам пролетариат, когда отпадет в ней необходимость, когда с ликвидацией классов завершится построение первой фазы коммунизма — социалистического общественного строя.

Мы не хотим быть диктаторами. Диктатура пролетариата есть демократия пролетариата, самоуправление масс рабочего класса, всего класса. Да мы и не потерпим диктатуру! Ни личную, ни групповую! Мы хотим иметь лишь диктатуру всего пролетарского класса. Давайте же, как учил Маркс, критиковать нашу революцию, давайте же вернемся к тому, что кажется уже выполненным, и вновь станем закладывать фундамент диктатуры, классовой диктатуры.

Через несколько дней не все население, а трудовой класс пролетарского государства изберет не депутатов — обладателей мандатов, а пролетарских делегатов. Не пройдет и двух недель, как соберется классовое представительство пролетариата — Всевенгерский съезд Советов, чтобы передать власть в такие руки, которые он сочтет достаточно крепкими для ее осуществления.

До этого дня нет другого носителя центральной власти пролетарского государства, кроме Революционного Правительственного Совета. До тех пор он будет прочно держать власть и со всей энергией использовать ее в интересах разрушения капитализма и построения социализма. И тому, кто выступит против этой власти, не сдобровать, ибо он будет иметь дело с революционным пролетариатом. За предпринятые нами действия мы отвечаем своей головой, но эту голову может отделить от нашей шеи лишь Всевенгерский съезд Советов.

О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЗАЯВЛЕНИЕ БУДАПЕШТСКОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ «ГАМБУРГЕР ФРЕМДЕНБЛАТТ»

Опубликовано в газете «Непсава»
5 апреля 1919 г.

Народный комиссар по иностранным делам Бела Кун следующим образом осветил основные принципы внешней политики Советской Республики.

Наша внешняя политика — политика мира. Это не декларативная, а подлинная мирная политика. Мы не признаем экономических барьеров между странами; нам чужда любая империалистическая политика. Мы не придерживаемся принципа территориальной интеграции, и у нас не может сложиться такое положение, когда, как было в прошлом, отдельные национальности стремились бы добиться политической автономии на основе определенных политических границ. Основные принципы нашей внешней политики определяются также внутренней политикой, и именно поэтому мы можем рассчитывать на поддержку большинства населения земного шара, пролетариата каждой страны.

Вопрос: Считает ли Венгерская Советская Республика, что она находится в состоянии войны с Антантой?

Ответ: Напротив. Мы рассчитываем самым мирным способом урегулировать с Антантой все нерешенные вопросы.

Вопрос: Каковы отношения Венгерской Советской Республики с Германией?

Ответ: У нас с Германией самые лучшие отношения, которые, как можно надеяться, таковыми останутся и впредь. Немецкий пролетариат был всегда для нас при-

мером и учителем. В настоящее время мы претворяем на практике то, что немецкие социалисты провозгласили в теории.

Вопрос: На каких условиях Венгерская Советская Республика заключила бы мир с Антантой?

Ответ: Мы не находимся в состоянии войны с Антантой. Если же Антанта захотела бы заключить с нами мир с помощью меча, как это сделал генерал Гофман в Брест-Литовске, если бы создалось впечатление, что она борется не против милитаризма, а в интересах собственной милитаристской политики, то тогда война, которая последует за этим, не будет похожей на прежние войны. Это будет борьба угнетенных против угнетателей, такая же, как освободительная борьба Североамериканских Соединенных Штатов, когда весь народ с оружием в руках поднялся против англичан, которые хотели превратить его страну в колонию.

Вопрос: Чего ожидает Венгерская Советская Республика от России?

Ответ: Того же, что и от других стран — международной солидарности пролетариата. В отношении распространяемых слухов о голоде в России я, как знающий положение, могу заявить, что они совершенно беспочвенны. Факты покупки некоторыми хлеба втридорога объясняются тем, что снабжение в России уже полностью монополизировано — настолько, что желающий получить хлеб сверх дневного пайка вынужден обращаться к спекулянтам, которые запрашивают неслыханные цены, чему, естественно, нечего удивляться.

Вопрос: Разрешите еще один вопрос, товарищ народный комиссар. Сохранится ли свобода личности при новом общественном строе?

Ответ: Свобода личности и будет на деле обеспечена лишь при новом общественном строе.

Капиталистический строй не предоставляет никаких возможностей для свободного проявления личности. Для каждого марксиста очевидно, что капиталистический строй, который вначале как в общественной, так и производственной сфере способствовал личному преуспея-

нию, в настоящее время стал препятствием не только для личности, но и для производства. При новом общественном строе не будет места лишь одной свободе — свободе эксплуатации, свободе эксплуатации человека человеком. Буржуазная демократия была необъявленной диктатурой буржуазии, а диктатура пролетариата есть не что иное, как подлинная и честная демократия пролетариата.

Бела Кун заявил также, что он будет стремиться как можно быстрее через своих уполномоченных установить контакт не только с Германией и нейтральными государствами, но и с державами Антанты.

ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ БРАТСТВО!

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ ТАТАБАНЬСКИХ ШАХТЕРОВ

13 апреля 1919 г.

В этой стране, где еще недавно господствовал эксплуататорский капиталистический строй, рабочий класс установил свое полное господство, диктатуру пролетариата. Эта страна — Венгерская Советская Республика, отчизна рабочего класса, родина трудящихся.

Уважаемые товарищи!

Мы, первыми начавшие борьбу за диктатуру пролетариата, хорошо видели, что историческая необходимость толкает пролетариат к революции, к диктатуре пролетариата, и это приведет к осуществлению таких переходных мероприятий, которые превратят страну эксплуатации в страну освободившегося пролетариата, в страну коммунизма.

Известно, что после войны у рабочего класса имелось только два выбора. Первый — жить ради дальнейшего сохранения эксплуататорского строя, ради того, чтобы восстановилась капиталистическая система производства, которая во имя блага нескольких тысяч тунеядцев обрекает на нищету миллионы. Другой выбор: если нужно — голодать, но не так, как до сих пор, для того, чтобы несколько тысяч человек жили в достатке, а голодать на равных условиях. Мы голодаем, но при этом у нас ест лишь тот, кто работает; мы голодаем, но вместе с нами голодают и те, кто до сих пор жил в достатке, не работая. Мы голодаем, но не ради сохранения капитализма; мы голодаем в борьбе за построение социализма, коммунизма.

Вооруженные силы, на которых покоилось господство буржуазии, были разрушены войной. Рабочий класс вско-

ре увидел, что применение оружия имеет два аспекта. Он убедился, что оружие, ранее бывшее средством угнетения, может стать и освободительным оружием.

До тех пор, пока существует частная собственность, широко провозглашаемое равенство в условиях демократии остается лживым лозунгом. Нет равенства там, где имеются эксплуататор и эксплуатируемый, ибо они никогда не могут быть равными.

Делегаты будапештских рабочих прибыли к вам, чтобы сказать, что они не просят от вас ничего другого, как добывать уголь на шахтах, которые уже не принадлежат эксплуататорам, работать дисциплинированно, ибо уголь сегодня означает для нас жизнь. Вскоре пламя революции охватит еще бóльшие территории. Недалеко то время, когда мы установим связь с красными войсками России и с пролетариатом донецких шахт, на которых в период царизма работало много венгерских военнопленных. Необходима лишь стойкость, а эта стойкость зависит от рабочих заводов и шахт.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ БУДАПЕШТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

19 апреля 1919 г.

Я не собираюсь говорить красивых слов, но прошу вас выслушать меня со всей серьезностью.

Пролетариат сам решает, как следует действовать, и затем уже действует. Диктатура пролетариата означает разрыв с тайной дипломатией, разрыв с политикой, проводимой за спиной пролетариата. Вот почему я могу, ничего не приукрашивая, рассказать вам все, что нам известно о нынешнем военном и внешнеполитическом положении и о том, какие выводы можно сделать на основании имеющихся данных и симптомов.

В Венгерской Советской Республике сталкиваются два мировых потока: империалистический капитализм и большевистский социализм. Мы участники этого столкновения. Товарищи знают о нашем обмене нотами с приезжавшим сюда по поручению Антанты генералом Смэтсом [1]. Мы не стоим на позициях территориальной интеграции, но мы хотим жить и потому не согласились на изменение демаркационной линии. Мы не хотим, чтобы проживающие в нейтральной зоне наши пролетарские братья вновь попали под ярмо капитализма, ибо это

[1] Совет четырех главных держав Антанты в апреле 1919 г. направил в Будапешт для переговоров с Венгерским Советским правительством генерала Смэтса. Смэтс предъявил требование об установлении новой демаркационной линии. 4 апреля 1919 г. Советское правительство отвергло этот ультиматум Антанты и предложило, чтобы представители Австрии, Чехии, Югославии, Румынии и Венгерской Советской Республики совместно обсудили вопрос о новых политических границах заинтересованных государств.— *Ред.*

было бы равноценно лишению венгерского пролетариата возможности существования. Теперь румынские бояре начали наступление. Это вопрос международной классовой борьбы, вопрос международной революции и международной контрреволюции.

Трезво и хладнокровно оценивая ситуацию, мы предвидели, что так случится. Когда мы устанавливали диктатуру пролетариата в Венгрии, наши расчеты строились не на том, что мы окажемся способными военной силой в обычной войне одолеть войска Антанты. Мы не думали, что сможем шестью дивизиями, которые разрешено держать Советской Республике по соглашению о перемирии, приостановить наступление, которым нам угрожают со всех сторон.

Мы подчеркивали и подчеркиваем, что судьбы Советской Республики мы связывали с мировой пролетарской революцией. (Возгласы: «Правильно!») Началось румынское наступление. Наши войска на фронтах были измотаны, часть из них имела слабую подготовку. Мы знали, что нельзя заранее организовать армию, нельзя заранее установить новую, революционную дисциплину; армия, революционная пролетарская армия, классовая армия, революционная пролетарская дисциплина могут сложиться и развиваться лишь в борьбе с контрреволюцией. (Бурные аплодисменты.)

По всем признакам румынское наступление до сих пор было успешным, и Сатмарнемети пал. Там — уже господство буржуазии, диктатура буржуазии. В Сатмарнемети ликвидирована власть пролетариата и восстановлена система частной собственности, а вернее, частнособственническая анархия. Теперь румынские войска стоят непосредственно перед Надьварадом, и, возможно, очень скоро в Надьвараде будет восстановлен эксплуататорский строй капитализма. Часть наших войск, очень небольшая часть, стойко сражалась на своих позициях; они понесли потери, они боролись до последней капли крови; другая же часть войск оставила свои позиции, их боевые порядки нарушились.

Из Дебрецена приходят утешительные вести. В Дебрецене вооруженный пролетариат не только не выпустил власть из своих рук, но сегодня держит ее еще крепче, чем когда-либо. В районе Бекешчаба военное положение неблагоприятное. Часть войск там также дезорганизо-

вана, но другая часть держится. Румыны повсюду наступают превосходящими силами, их вооружение и снаряжение лучше, совершеннее, чем у молодой армии молодого пролетарского государства. На других направлениях наступление пока не началось. Судя по всему, Антанта хочет уготовить нам судьбу Парижской коммуны. (Возгласы: «Не допустим!») Чешский фронт пока не пришел в движение, Южный фронт тоже, но я не знаю, не началось ли там теперь, быть может в этот самый момент, наступление. Возможно, что нет, но возможно, что и да. Если сегодня не началось, то, вероятно, начнется завтра.

Пусть никто не приходит в отчаяние, но я должен сказать, что в отношении вооружения и снаряжения наше положение остается скверным. Нам досталось невероятно плохое военное снаряжение, и его за имевшееся в нашем распоряжении время не удалось еще пополнить.

В некоторых кругах высказывается мнение, что, если пролетариат откажется от власти или по крайней мере отложит меры по осуществлению социализма, Антанта приостановит свое наступление. Но если мы не хотим частной собственности, восстановления капитализма, если стремимся сохранить диктатуру, если мы желаем, товарищи, чтобы в этой стране была не буржуазная, а пролетарская диктатура, то тогда нужно действовать. Нужно немедленно, теперь же, прикинуть, какие силы мы можем выставить против вражеских, империалистических сил.

В первую очередь следует рассчитывать на свои собственные силы. Ведь хотя мировая пролетарская революция и на нашей стороне, необходимо напрячь все наши силы, пока мировая пролетарская революция не сможет оказать нам эффективную помощь.

Первейшая задача состоит в том, чтобы послать на фронт всех тех, без кого возможно обойтись здесь, в Будапеште, без кого возможно обойтись в центральном аппарате, послать на фронт каждого такого пролетария, каждого такого представителя пролетариата! (Возгласы: «Верно!», «Правильно!»)

Нам необходимо единство. В данную минуту нужно забыть все мелочные соображения; сейчас требуется такое железное единство, которое ничто в мире не сможет поколебать. (Возгласы: «Правильно!» «Правильно!»)

Уходящие на фронт могут быть уверены, что центральное руководство диктатуры пролетариата находится в надежных руках; тот же, кто остается здесь на своем посту, может быть уверен, что там, на фронтах, судьба революции передана в надежные руки (Возгласы: «Верно! Правильно!») Но раз так, товарищи, раз пролетариат, будапештский пролетариат, представителями, делегатами которого вы являетесь, не только не пребывает в летаргическом состоянии, а предельно повышает свою самоотверженность, то тогда мы спасены, и спасена революция, тогда мы сможем дождаться мировой пролетарской революции. А уж если все же будет суждено потерпеть поражение, то мы постараемся сделать так, чтобы мировая пролетарская революция извлекла из нашего поражения только пользу.

Я не привык рассматривать положение вещей лишь с точки зрения венгерского пролетариата. Я не исходил из позиций пролетариата лишь одной страны и до прихода пролетариата к власти в Венгрии. Не делаю этого я и теперь. Существует только одна точка зрения — она определяется интересами мировой пролетарской революции. (Возгласы: «Правильно!»)

Если даже временно и удалось бы разбить нас, мы вновь начнем борьбу за победу мировой пролетарской революции. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Сейчас наблюдается брожение среди пролетариата всех стран. В Вене пролетарии с оружием в руках сражаются за свою диктатуру. Войска братской русской республики перешли границу Восточной Галиции, часть из них уже продвигается в направлении Черновиц. Тем не менее нельзя рассчитывать на скорую помощь. До тех пор, пока пролетарии окружающих нас стран не окажут нам активную поддержку, необходимо опираться на свои силы, на революционные силы венгерского пролетариата. (Возгласы: «Правильно!») Ваша задача — пробудить эти революционные силы, а также организовать их, использовать.

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНУ

22 апреля 1919 г.

Глубокоуважаемый товарищ Ленин!

«Один шаг действительного движения стоит больше, чем дюжина программ». Это я узнал от Маркса, но, без лести говоря, должен признаться, что правильно понимать это положение я научился у Вас.

Прилагаю при этом исторический документ венгерской пролетарской революции, а именно письмо, с которым я обратился к одному товарищу из левых социалистов, предложившему мне сформулировать платформу, на которой могло бы состояться наше объединение...

Наша программа — большевистская программа, не менее большевистскими являются и наши действия.

...Прежде всего я должен подчеркнуть, что пролетарская революция, организованная коммунистами, свершилась бы и помимо известной ноты подполковника Викса [1]. Но, я думаю, глупо было бы не воспользоваться случаем, который нам представлялся. Шаблонно мыслящие буржуазные идеологи, усвоившие не дух, а только форму марксистского метода, конечно, лишь с трудом могут представить себе, как это могло случиться, что после такого кровавого переворота, как русская Октябрьская революция, переворот в Венгрии совершился как

---

[1] Речь идет о ноте уполномоченного Антанты, французского подполковника Викса, посланной им 20 марта 1919 г. венгерскому правительству и требовавшей проведения новой демаркационной линии. В ноте сообщалось об оккупации войсками Антанты большей части районов Затисья.— *Ред.*

будто бы совершенно мирно. Характерно то, что именно этот факт особенно огорчил шейдемановцев... Они считали нашу революцию только националистическим «блефом». Но лучшим доказательством того, что наша революция имела действительно коммунистический характер, является наш решительный разрыв с капитализмом. «По плодам их познаются они...» Нет сомнения, что и в венгерской революции потечет еще кровь — и достаточно крови. Контрреволюция уже приподнимает свою голову, но прежде чем она ее подымет окончательно, мы снесем эту голову с плеч.

Возвращаюсь, однако, к началу письма: я не посылал программу, я дал только некоторую информацию о положении дел. Первым документом, направленным Венгерской Советской Республикой, был привет пролетарской диктатуры в Венгрии своей старшей братской республике. Я и теперь не посылаю программ. Дальнейшие шаги международной революции покажут, каково значение нашей пролетарской революции.

Положение наше критическое. Но что бы ни случилось,— каждый наш шаг будут направлять интересы мировой революции. Мы и мысли не допускаем, чтобы можно было пожертвовать этими интересами в пользу какого-нибудь отряда мировой революции. Даже если нас ожидает мир, подобный Брестскому,— мы заключим его с тем сознанием, которым были проникнуты Вы, заключая Брестский мир,— вопреки моей воле, вопреки воле левых коммунистов. Я потом не стыдился признать, что в вопросе о Брестском мире Ваша политика была правильной, а точка зрения тех, кто утверждал противное, не являлась ни исторической, ни марксистской. Но столь же мало исторического понимания в воззрениях тех, кто судит о нашей революции исключительно на основании особенных обстоятельств, при которых она возникла. В свое время я послал Вам наши декреты, но я был бы рад, если бы события последних дней могли развернуться перед Вами, как на экране кинематографа, чтобы Вы убедились, что у нас диктатура не только провозглашена, но и фактически осуществляется. Те положения о необходимости диктатуры, которые Вы развиваете в своей книге против Каутского, стали нашей платформой при осуществлении диктатуры. Не думаю, чтобы среди наших действий или мероприятий, имеющих прин-

ципиальное значение, нашлось хоть одно, против которого Вы могли бы что-либо возразить.

Наши затруднения еще бо̀льшие, чем те, с которыми вам приходилось сталкиваться в свое время. Наше внешнеполитическое положение в настоящее время гораздо хуже, чем тогдашнее положение России. И все же я полагаю, что даже с чисто принципиальной точки зрения ничего нельзя возразить против нашего образа действий. Соглашение, достигнутое нами на основе этой программы, является, бесспорно, *и* принципиальным *и* тактическим, следовательно оно привело к подлинному единству̀. Правые элементы вытеснены из партии, а старая профсоюзная бюрократия постепенно отсеивается.

Я отлично знаю, что не я, а сам пролетариат будет решать свою судьбу. Но я прошу Вас и впредь оказывать мне Ваше доверие. Я никогда не пойду вправо; левый же коммунизм у нас немыслим именно потому, что мы так далеко зашли влево, что дальнейшее полевение невозможно.

Шлю Вам самый сердечный привет как от себя, так и от своих дорогих товарищей и друзей, а также несколько статей моих соратников, борющихся и работающих рядом со мной в первых рядах революции.

РЕЧЬ НА СМОТРЕ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ БАТАЛЬОНОВ

23 апреля 1919 г.

Здесь, товарищи, выстроилось 16 000 вооруженных рабочих. Оружие находится исключительно в пролетарских руках — в этом суть революционной диктатуры пролетариата. Вспомните о пройденном пути, вспомните, как пролетариат Венгрии начинал с демонстраций в пригородах под неотступным наблюдением полиции. Сколько пришлось выстрадать, прозябать в нищете, каким гонениям пришлось подвергнуться. Припомните, что когда-то мы безоружные стояли перед полицейскими саблями и жандармскими штыками. А теперь в наших руках оружие.

Вот что означает революционная диктатура пролетариата — Советская власть. И что бы теперь ни случилось, восстановить капитализм не удастся.

Мы до последней капли крови будем бороться за осуществление идей социализма, коммунизма. Мы полны решимости никогда больше не браться за молот в интересах эксплуататоров. Мы победим, потому что должны победить. Мы не одни. Пролетариат других стран также уже берет в руки оружие, чтобы осуществить свою революцию, установить свою диктатуру, создать III Интернационал, который не может быть ничем иным, как Всемирной Республикой Советов. Да здравствует III Интернационал, который путем мировой революции создаст Всемирную Республику Советов!

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ БУДАПЕШТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

2 мая 1919 г.

Уважаемые товарищи!

Если человеком овладевает не отчаяние — ибо никогда не следует отчаиваться! — а горечь при виде того, что не очень хочется видеть, то он часто обращается к литературе. Когда в последние дни я размышлял о судьбах Советской Венгрии, мне вспомнился один из памфлетов Горького. Этот памфлет я читал в 1906 г. В то время пролетариат России в первый раз вел революционную борьбу с царизмом и французский империализм, молодой еще французский империализм помогал царизму деньгами, оружием. Горький рассказывает, как он, стремясь помочь русской пролетарской революции, поехал в Париж, рассчитывая найти там дух революции, познакомиться с прежним революционным Парижем. Горький образно пишет, что он искал революцию в старом фригийском колпаке. Раз во время поисков его отвели в какую-то гостиницу, где он встретил куртизанку, другими словами, что-то вроде уличной женщины. Он просил ее не отдаваться царю, а помогать революции. Но женщина, революция, превратившаяся в куртизанку, все же отдалась царю... Горький так заканчивает свою статью: «Прими и мой плевок крови и желчи в глаза твои!» [1].

Товарищи! Когда теперь войска французского и румынского империализма наступают на пролетарский Будапешт, стоит вспомнить этот памфлет Горького. Бегущие, трусливо отступающие, полностью разложившиеся войска, которые умеют грабить, но совершенно неспо-

[1] *М. Горький.* Собрание сочинений, т. 7, стр. 71 (изд. 1950 г.).

собны понять сущность надвигающихся событий, парализованы не румынами, а дезорганизацией и анархией. Они мародерствуют, и теперь положение таково, что не румыны, а наши собственные войска угрожали бы Будапешту, не прими мы против них необходимых мер.

Такова в общем и целом картина. Я не стремлюсь вызвать отчаяние, товарищи, из моих уст вы не услышите такие слова, ибо я отнюдь не в отчаянии и никогда, никогда не приду в отчаяние относительно судеб пролетариата. Я знаю, в чем состоит историческая миссия пролетариата. Я знаю, что новое варварство, голод, кнут капитализма толкают массы на борьбу за освобождение, и потому говорю, что никогда не следует впадать в отчаяние. Но чувство, охватившее Горького и описанное им в упомянутом памфлете, безусловно должно пробудиться и в нас, в тех, кто в первых рядах боролся за освобождение пролетариата.

В военном плане, товарищи, положение таково, что Сольнок уже, вероятно, в руках румын. Отступая, мы там взорвали за собой мост. Наши войска бежали с южного крыла фронта, с прочного предмостного укрепления, из окопов, которые были построены офицерами саперных войск, офицерами запаса, инженерами; отступающие увлекли за собой даже те части — два батальона,— которые под командованием нашего товарища Зейдлера до этого с честью держались. Наши 1-я и 5-я дивизии — когда мы говорим о дивизии, товарищи, не следует подразумевать какие-то большие боевые единицы — отступили с позиций в районе верхнего течения Тисы и в пьяном состоянии двинулись к Будапешту. Мы вынуждены были разоружить их, чтобы по крайней мере сохранить оружие для пролетариата. В районе Мишкольца наши войска оказали кое-какое сопротивление, но и в Мишкольц сегодня во второй половине дня, по-видимому, вошли чехи. Кое-где некоторые наши войска, руководствуясь пролетарским инстинктом, пытаются, вероятно, что-то сделать, но подавляющая часть войск непригодна даже для обороны, не говоря уже о наступлении. Таким образом, Будапешт в данный момент беззащитен перед лицом наступающих румын.

Здесь, в Будапеште, есть фабрично-заводские рабочие батальоны. Для этих примерно 15 рабочих батальонов в казармах приготовлено все необходимое снаряже-

ние, начиная с оружия и, можно сказать, кончая солдатскими башмаками. Пусть это не очень совершенное, но все же подходящее снаряжение.

Речь идет, товарищи, о том, сдадим ли мы Будапешт или же будем сражаться за Будапешт. Речь идет о том, будет ли будапештский пролетариат бороться за сохранение своей диктатуры в Будапеште. (Возгласы: «Будет сражаться!»)

Товарищи! Что касается меня, то я одним словам уже не верю. (Возгласы одобрения.) Я верю тогда, когда вижу действие. (Возгласы одобрения.) Мною руководит не отчаяние. Я ведь считаю, что если будапештский пролетариат не сражается сегодня, то он все равно вступит в борьбу позже, чтобы в удесятеренном размере оплатить цену сегодняшней своей летаргии, сегодняшнего отчаяния, сегодняшнего позора. (Бурные аплодисменты.)

Я всегда говорил, что не признаю абстрактного деления на моральное и аморальное. Я все рассматриваю под углом зрения того, полезно ли это для пролетариата или идет ему во вред. Я не стану лгать пролетариату. Должен сказать вам, что сейчас пока в рабочих батальонах нет надлежащего боевого духа, чтобы можно было думать о спасении Будапешта.

Существуют две точки зрения. Согласно первой, предлагается временно отказаться от пролетарской диктатуры, а согласно второй, следует сражаться до последней капли крови. (Возгласы: «Правильно! Правильно!») Сражаться до тех пор, пока остается хоть пядь земли Советской Венгрии. (Бурные аплодисменты.) Не надо аплодировать... (Аплодисменты, шум.) Не надо аплодировать, товарищи, аплодировать нет смысла. На реплики я не обращаю внимания. Я это доказал уже тогда, когда мы, небольшая группа, вопреки большинству рабочего движения, начали борьбу за пролетарскую диктатуру. Мы начинали ее с сознанием того, что пролетарская диктатура будет непременно установлена. И если ныне Советская Венгрия будет разгромлена, диктатура пролетариата все равно потом возродится, ибо это единственный путь к социализму, к коммунизму. Мы это сделаем не аплодисментами, не словами; наш пример показывает, что диктатура пролетариата может быть установлена лишь оружием, ис-

ключительно оружием. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Я не суеверен, но должен сказать, что испытываю сейчас почти суеверное чувство. Мне кажется, если теперь диктатура падет, то только потому, что пролетариат пролил за нее мало крови (Возгласы: «Правильно! Правильно!») и она стоила ему очень дешево, буквально досталась даром. Если бы диктатура потребовала больше крови, больше вооруженной борьбы, если бы было больше бесчестия в тех, кто противостоял нам в рабочем движении, если бы у нас нашлись свои носке и шейдеманы, то тогда, вероятно, диктатура нам досталась бы ценой бóльших жертв и тогда не случилось бы того, что мы имеем сейчас, когда есть целые заводы, на которых к диктатуре относятся так, будто она для них ничего не значит.

Товарищи! Пока возможно, надо со всей энергией бороться за сохранение диктатуры пролетариата. Бороться до тех пор, пока имеется возможность стрелять хотя бы из одной винтовки. Ведь борьба — это стрельба, штыковая атака, это организационная работа, а не декламации, аплодисменты, крики «ура!» и клятвы.

Клятв, товарищи, мы слышали достаточно. Я не боюсь критики. Знаю, мы также совершили ошибки, знаю, что эти ошибки были неизбежны, поскольку революционная диктатура пролетариата должна была пройти через них. Итак, критики я не боюсь и прошу лишь об одном: критиковать так, чтобы каждый мог взглянуть и на себя, особенно теперь. Надо, чтобы критика сегодня была не декламацией и пустословием, как, должен сказать, часто случалось в период диктатуры на заседаниях рабочих Советов и в других организациях рабочих.

Теперь хотелось бы конкретно рассказать товарищам о внешнеполитическом положении республики.

Революционный Правительственный Совет, отдавая себе отчет в том, что пока не представляется возможным оказать успешное военное сопротивление, предпринял попытку любой ценой добиться мира типа Брестского, предпринимал и предпринимает попытки спасти территорию, которая может быть опорной базой борьбы с капитализмом, территорию, которая может стать отправным пунктом в дальнейшем развитии мировой пролетарской революции. Мы предпринимали эти попытки, зная: най-

дутся люди, которые скажут, что нельзя отказываться от территориальной интеграции. Мы понимаем, найдутся и такие, кто скажет, что нельзя вступать в переговоры с империалистами. Но мы не ради удовольствия посылали телеграммы правительствам соседних стран, правительствам окружающих нас буржуазных государств, посылали телеграммы Вильсону, Парижской мирной конференции. Делалось это потому, что раз не удалось военными средствами, то следует попытаться политическими средствами спасти то, что возможно, попытаться спасти Советскую Венгрию, власть пролетариата. Мы направляли также парламентеров.

Я не могу вас особенно обнадеживать. Если Антанта намерена нас растоптать, а такие мысли у нее вероятно есть, если в нашей стране, где ей проще это сделать, чем в России, она покончит с большевизмом, как империалисты думают, навечно, а по нашему мнению, лишь на очень короткий период времени, то пусть творит свое грязное дело. И все же во мне еще теплится надежда: я думаю, вполне возможно, что нам удастся заключить мир; может случиться, что противостоящий нам империализм настолько слаб, настолько деморализован, что нам удастся заключить мир. А это означало бы, как мы неоднократно подчеркивали вслед за Лениным, что мы получим передышку. Без этого мира не будет передышки, необходимой для того, чтобы приступить к созидательной работе по строительству социализма, коммунизма.

Ну а если нам не удастся добиться мира, то в чем тогда будет состоять задача, товарищи?

На этот счет существует два взгляда, которые имеют место не в Революционном Правительственном Совете, а среди рабочих, два, повторяю, направления. Первое направление, которого, как выяснилось на одном сегодняшнем совещании, на переговорах с рабочими батальонами, придерживается в большей или меньшей мере большинство,— не защищать Будапешт, ибо его положение, по их мнению, безнадежно, и они не намерены идти на бессмысленные жертвы.

Второе направление, существующее в едином рабочем движении, направление меньшинства, можно сказать незначительного меньшинства, представляющего в военном отношении незначительную силу,— защищать Будапешт, защищать диктатуру на подступах к Буда-

пешту и в случае необходимости — защищать диктатуру, отступая через Баконьские горы вплоть до Винер Нёйштадта. (Возгласы: «Правильно!»)

Это вторая точка зрения. Должен сказать откровенно, моя личная позиция, не обоснованная ни с военной, ни, может быть, с политической точки зрения, а вытекающая из моего прошлого, состоит в том, что если можно, то нужно защищать диктатуру, отступая хоть вплоть до Винер Нёйштадта. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Товарищи! Я отдаю себе отчет в том, что тогда придется обороняться в этом городе. Надо подсчитать, сколько людей мы должны бросить на защиту диктатуры, нельзя отказываться от власти. Отказ от власти означал бы позор и подлость. (Возгласы: «Самоубийство!») Самоубийства не будет только потому, что пролетариат никогда не может убить самого себя. Но и буржуазия не сможет убить пролетариат, ибо тем самым она ликвидировала бы предпосылки своего собственного паразитического существования. Как сказал Маркс, самое главное — не отказываться от власти. Я не вношу предложений — не потому что не хочу уговаривать других,— но должен еще раз повторить: перед выбором стоит данный рабочий Совет, который, к сожалению, не так многочислен, чтобы он мог, если бы даже единогласно принял решение об обороне Будапешта, защитить его.

Уважаемые товарищи! Я говорю вам: Будапешт нужно отстоять любой ценой, ибо нужно сохранить рабочее движение Венгрии, этот действительно славный отряд мировой пролетарской революции. Нужно лишь решить, как мы будем защищать венгерское рабочее движение. Ведь вам не нужно говорить, товарищи, что нельзя проводить какую-то грань между диктатурой пролетариата и рабочим движением. Существует лишь одно честное рабочее движение: которое стремится к диктатуре пролетариата, которое хочет установить диктатуру пролетариата. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Вот какой вопрос мы хотели сегодня поставить перед вами. Вопрос о том, как защитить Будапешт. Каково ваше мнение: что мы можем сделать в этих целях? Пусть выскажется рабочий Совет Будапешта, который является органом самоуправления пролетариата Будапешта, органом диктатуры будапештского пролетариата. Высту-

пайте товарищи. Я прошу об одном. Не о том, чтобы не критиковали, а о том, чтобы так критиковали и вносили такие предложения, чтобы каждый заглянул себе в душу. Ведь в нынешнее трудное время, трудное, но не безнадежное, ибо судьба рабочего движения и дело освобождения пролетариата никогда не могут вызывать сомнений, это заседание не должно проходить как прошлый раз; надо сделать так, чтобы наш Совет действительно был работоспособным, боевым органом, по крайней мере в эти дни.

Вопрос стоит так: каким образом, по мнению Будапештского рабочего Совета, в условиях изложенной мною военной и внешнеполитической обстановки можно отстоять Будапешт для Советской Венгрии? (Бурная овация.)

О РАБОЧИХ ПОЛКАХ

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ГАЗЕТЫ «ВЁРЁШ УЙШАГ»

10 мая 1919 г.

Бела Кун выезжал в прифронтовой район и вместе с главнокомандующим армией Вилмошем Бёмом, товарищами Енё Ландлером и Погань произвел смотр резервных рабочих полков. Он рассказал следующее о своих впечатлениях от смотра.

Эти рабочие отряды представляют собой большую силу революции, которая способна рассеять всякое неверие и всякое колебание. Если бы маловерие проистекало не из недостаточного пролетарского сознания или не из отсутствия настоящей марксистской подготовки, то я сказал бы, что каждого, у кого в душе возникает сомнение в отношении пролетариата Венгрии, следует посылать в эти рабочие отряды. То, что отряды еще не участвовали в боях, не уменьшает нашей веры в историческое призвание и способность к действию пролетариата Венгрии. В указанных частях поддерживается должная дисциплина, и это явится основой дисциплины и на огневой позиции.

Очень большое значение я придаю факту размещения этих частей в деревнях. Вместо мародерствующих, отступающих войск пролетарские и полупролетарские слои деревни видят теперь перед собой сознательных, дисциплинированных промышленных рабочих, которые во всех отношениях способны воспитывать пролетарские элементы деревни, руководить ими. Если поведение разложившихся и мародерствующих отступающих войск привело в некоторых местах к контрреволюционным выступлениям, если их действия вызывали недоверие и панику, то появление рабочих полков в значительной мере

способствует укреплению братского союза пролетарских элементов города и деревни. Их выдержанное, серьезное поведение, их агитационная работа во многом будут содействовать упрочению диктатуры пролетариата во всем районе. Каждый свободный от службы боец этих батальонов является агитатором. Там, где бойцы еще не имели свободного времени для проведения устной пропаганды, были созданы пропагандистские хоры. В воскресенье повсюду в деревнях пройдут митинги, на которых выступят политические комиссары. Крестьянство с величайшим доверием и любовью относится к этим пролетариям, видя в них своих естественных руководителей. В одной деревне, например, ко мне подошли руководители сельскохозяйственного производственного кооператива и предложили часть откормленных свиней для красных рабочих частей.

Весьма важное значение имеет изменение сознания бойцов рабочих отрядов. В их сознании ясно отразился классовый характер войны, и этим, например, объясняется то, что товарищи убеждают друг друга отказываться от дефицитных предметов довольствия. Или другой факт: когда речь зашла об алкогольных напитках и один боец заметил, что после успешного наступления он попросит в деревне пару стаканов вина, другой заявил на это: «Нельзя, ибо получится как в Шабаце, куда мы вошли, напились, а затем нас оттуда выбили».

Характерно, что несравненно больше бойцов попросили присылать партийные газеты и партийную литературу, чем вино и другие подобные вещи.

Впрочем, продовольственное снабжение в частях отличное, и товарищи им очень довольны. Бойцы лишь просили меня успокоить их семьи, передать, что они ни в чем не нуждаются, что питание хорошее, самочувствие прекрасное и они призывают родственников с воодушевлением трудиться на благо пролетарской диктатуры.

Во всяком случае, от пролетарских частей веет такой силой, что маловерие, которое всегда является преступлением в революционном движении рабочего класса, сегодня становится преступлением вдвойне. Пролетарская революция может спокойно положиться на эти части, они победят, и малейшее сомнение в неизбежности победы является контрреволюционным ударом в спину революции.

О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВАХ

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ГАЗЕТЫ «АБЕНД».

Опубликовано в газете «Непсава»
18 мая 1919 г.

Народный комиссар по иностранным делам Венгрии Бела Кун заявил корреспонденту газеты «Абенд» по поводу контрреволюционных правительств следующее.

Контрреволюционное правительство возникло не только в Араде. И в Вене свили себе гнездо три контрреволюционные правительства. В городе Сатмарнемети также есть контрреволюционное правительство. Все они образованы из представителей феодальной аристократии; к ним примыкает и небольшая группа финансовых магнатов. Эти контрреволюционные правительства ведут борьбу не только с нами, но и между собой. Буржуазия не поддерживает указанные правительства, которые, по моему мнению, не очень опасны, поскольку не обладают никакой властью. Господа, образующие теперь контрреволюционные правительства, до войны и после войны поддерживали военную диктатуру в Венгрии, которая являлась основой социального и национального гнета. Эти же самые люди, все вместе, поставили Венгрию на службу ныне разгромленному империализму, они были орудием в руках поджигателей войны. Мы со своей стороны не принимаем их всерьез. У них нет военной силы, и возможность обретения ее для них исключена. Им не помогут и ссылки на благосклонное отношение Антанты. Их выступления от ее имени способны лишь усилить ненависть к империалистам Антанты.

Наше военное положение изо дня в день улучшается, хотя в первый момент казалось, что венгерский пролетариат, изнуренный четырехлетней войной, не сможет прео-

долеть трудностей, вызванных наступлением. Венгерский пролетариат день ото дня все более отчетливо видит, что его война против румынских и сербских империалистов является не только борьбой с империализмом, но и подлинно классовой борьбой, продолжением той классовой борьбы, которую он вел ранее в профсоюзах и партийных организациях против империализма. В районе Шалготарьяна нам удалось отбросить чехов, а румыны неспособны продолжать свое наступление. Во время боев мы укрепили пролетарскую дисциплину. Эта дисциплина служит источником величайшей самоотверженности наших войск. Поэтому можно спокойно взирать на будущее. Мы ни на кого не нападали. Венгерский пролетариат опирается в первую очередь на свои силы. Но он опирается и на пролетарскую солидарность противостоящих нам чехословацких солдат-пролетариев. Они также будут защищать диктатуру пролетариата.

В области продовольственного снабжения нам приходится преодолевать некоторые трудности, которые главным образом сказываются в нехватке жиров и мяса. Зерновыми же мы обеспечены не только до жатвы, мы можем обойтись без зерна нового урожая примерно до середины октября. В настоящее время организован новый аппарат распределения, и если мы справимся с этой работой, то снабжение рабочего класса за счет имеющихся у нас ресурсов будет более упорядоченным и целеустремленным, чем до сих пор. Поскольку приближается время уборки урожая, мы будем вскоре в изобилии обеспечены не только зерновыми, но и бобовыми. До сих пор нам удавалось не сокращать продовольственные пайки.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СИЛА И ЕДИНСТВО!

Статья, опубликованная в газете «Непсава»
23 мая 1919 г.

Победоносная Красная Армия продвинулась к северу от Мишкольца. Дисциплинированно, сплоченно и твердо она отстаивает пролетарскую диктатуру, и нет таких жертв, которые она не принесла бы в интересах пролетарской революции. Каждый успех открывает возможности для новых побед, укрепляет дисциплину, закаляет, увеличивает революционную решимость. Каждый шаг красных бойцов по освобожденной территории убеждает их, что на нынешнем этапе развития империализма пролетариат может выбирать лишь одно из двух: диктатура буржуазии или диктатура пролетариата.

Уже не может быть речи о реформистском социализме. Напрасно кое-кто хотел бы вернуть «добрые» старые времена, когда ценой забастовки можно было добиться грошового повышения заработной платы и когда ученые сторонники классового мира, находившиеся на жаловании у буржуазии, смазывали маслом точки соприкосновения между классами. Во всем мире у буржуазии иссякли запасы масла, оно израсходовано на смазку орудийных стволов, для заправки военных автомобилей и танков.

Есть лишь один путь — путь пролетарской революции. Это не гладкий, проторенный путь, его не пройдешь без усилий, но он ведет к освобождению.

Следовательно, выбор между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата — дело отнюдь не трудное для того, кто желает освобождения пролетариата и свержения эксплуататорского строя. Но уж кто сделал выбор, тот должен отбросить все, что непосредственно не служит интересам диктатуры, революции. Социализм

представляет широкие возможности для полного проявления сил и способностей отдельных индивидов. Если мы добьемся его построения, то не будет людей, групп или прослоек, интересы которых оставались бы неудовлетворенными. Однако пролетарская революция — не на всех стадиях, а лишь на данной — требует от каждого величайшего самопожертвования, полнейшего подчинения интересам всего пролетариата. Сила пролетариата заключается в полном единстве интересов всех пролетариев.

На данном этапе революции нельзя оставлять неиспользованной ни одну каплю энергии, которая может таиться в пролетариате и в его различных организациях. Недопустимы взгляды, оправдывающие игнорирование какого-либо источника энергии. Советы, партийные организации, профсоюзы, потребительская кооперация, пролетарские просветительные организации — все это каналы, через которые центральная власть рабочего класса черпает энергию борющихся трудовых масс. Ведь только от них может быть получена животворная сила. В каждой организации проявляется созидательная энергия пролетариата, самая мощная созидательная энергия, которую дает рабочему классу его историческое призвание быть строителем социализма.

Объединение сил, концентрация всей без исключения пролетарской энергии, тесное, прочное, дисциплинированное и прежде всего организованное единство — жизненное условие пролетарской революции. Диктатура есть крайняя форма классовой борьбы, когда пролетариат, опираясь на свои силы и противостоя всей буржуазии, разрушает устои классовых различий. Против всей буржуазии — весь пролетариат! Это неизбежная необходимость, которая возникла и в России, где заря пролетарской диктатуры застала рабочий класс в двух лагерях.

Интересы единого проявления усилий всего пролетариата должны заслонить все прочие интересы. Когда речь идет о едином приложении сил, то различные соображения могут выражаться только в виде мнений, а не в виде отдельных особых действий в каком бы то ни было направлении.

Все должно быть подчинено пролетарской революции, все надо принести в жертву ради нее — это веление тех, кто на фронте на острие штыка решительно несет вперед пламя пролетарской революции.

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ БУДАПЕШТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

24 мая 1919 г.

Уважаемые товарищи! (Возгласы: «Слушайте! Слушайте!»)

В центре политической жизни Венгрии сегодня стоят два вопроса: первый — борьба с паническими слухами; второй — борьба с голодом.

Борьба с паническими слухами — политический вопрос? Это звучит несколько странно. Но следует признать: панические слухи распространяются в таких масштабах и в таких местах, что могут создать серьезную опасность, если мы не выступим самым решительным образом против распространителей панических слухов и против самих слухов. (Возгласы: «Правильно!»)

Товарищи!

Панический слух сам по себе не опасен. Он не опасен и для нас, особенно потому, что мы используем любую возможность, чтобы рассказать пролетарским массам обо всем, что касается нашей политической жизни. Мы говорим обо всем, чтобы массы пролетариев, к широчайшему самоуправлению которых стремится власть трудящихся, были информированы по всем вопросам. Мы хотим сделать это, и хотя до сих пор еще не удалось полностью покончить с бюрократизмом, мы идем к тому, чтобы как можно лучше информировать пролетарские массы о политическом положении. В целях борьбы с распространением панических слухов мы созвали и сегодняшнее заседание, имея в виду заявить во всеуслышание: все панические слухи, все коварные слухи, распростра-

няемые врагами Советской Республики, явными и скрытыми ее врагами, для того чтобы повлиять на настроение пролетариата и тем самым ослабить пролетарскую республику, пролетарское государство,— все эти слухи — гнусная ложь. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Товарищи!

Я не хочу утверждать, что нам не грозят никакие опасности. Я не хочу сказать, что послезавтра мы сможем безмятежно почивать на лаврах и спокойно взирать на развитие событий. Нет! Сказанное означает, что нельзя ждать развития событий с опущенными руками, а надо быть готовыми встретить их с оружием в руках. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Тот, кто распространяет разного рода слухи, вроде тех, например, что народные комиссары сбежали, что жены народных комиссаров уже давно находятся в Вене, а члены их семей отдыхают в Швейцарии, делает это с определенным «добрым намерением»: авось слухи дойдут и до фронта, где наши братья-пролетарии, в том числе члены данного рабочего Совета, с оружием в руках сражаются против международного империализма, международной контрреволюции; авось тогда они падут духом и прекратят борьбу с полчищами международной контрреволюции. На такие отчаянные шаги способны лишь враги диктатуры пролетариата или маловеры, которые настолько далеки от позиций революционного марксизма, что не имеют ничего общего ни с нами, ни с самим пролетариатом.

Несомненно, товарищи, что при нынешнем внешнеполитическом положении мы не можем рассчитывать на какой-либо неожиданный мир. Но в этом горестном мире никто, никто не может рассчитывать на мир. Не может рассчитывать, скажем, Германия, ибо тот мир, который диктуют ей, не будет миром. (Возгласы: «Правильно! Правильно!») Подпишут ли его шейдеманы или не подпишут, ясно одно: это не будет миром. (Возгласы: «Правильно! Правильно!») Если шейдеманы подпишут его, то это будет лишь означать, что пролетариат начнет борьбу не с французской контрреволюцией, не с антантовской контрреволюцией, а с контрреволюцией Носке, с добровольческими отрядами. К таким же результатам приведет и мир, навязываемый австрийцам. Мир, который диктуют Австрии, будет он подписан или нет,

непременно приведет к войне, к внешней или внутренней классовой войне, но безусловно к войне.

Мир, товарищи, на этой стадии развития, на этой стадии революции невозможен, поскольку мы должны с оружием в руках бороться против врагов — внешних или внутренних, бороться с контрреволюцией — внутренней или внешней, но непременно бороться. Нам повезло в том отношении, что приходится бороться не против собственных носке и шейдеманов, а против тех, кто находится за демаркационной линией, за оккупационной линией,— бороться против различного рода наемников международного империализма. Это всегда более приятное занятие, чем бороться против собственных носке и шейдеманов. (Бурное одобрение.)

По поводу же тех, кто впал в уныние или пытается со стороны, с позиций буржуазии навязать пролетариату мысль о том, что хорошо было бы вернуться к старым порядкам, я лишь сошлюсь на выступавшую передо мною американку, которая говорила о самой развитой, самой старой демократии мира, о той демократии, где господствует Вильсон, этот главный представитель пацифизма. Демократия, при которой так обращаются с рабочим классом, есть не что иное, как диктатура буржуазии. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Кто хочет возврата к прошлому, тот может вернуться только к диктатуре буржуазии. Кто жаждет возврата к прошлому, тот желает без борьбы отдать рабочий класс на милость буржуазии. (Возгласы одобрения.) Пусть никто не думает, что возврат к старому означал бы сохранение профсоюзов в неприкосновенности, пусть никто не думает о возможности тогда каких-либо социальных реформ. Нет, на данной стадии развития империализма буржуазия, если ее не принудить, не станет вести переговоры с рабочим классом, она будет разговаривать лишь языком оружия.

Вот почему наша задача — покончить со всеми паническими слухами, разделаться со всеми распространителями слухов. Речь идет не о подавлении свободы выражения мнений в партии, не о зажиме критики, а о необходимости покончить с распространителями слухов. (Возгласы: «Безжалостно!»)

Второй вопрос, которого следует коснуться,— проблема голода. Никто не говорил, что диктатура пролетари-

ата сразу же принесет благосостояние. Тот, кто умеет лишь жаловаться, должен всегда помнить, что мы, придя к диктатуре пролетариата, не попали в какое-то «Эльдорадо», что пролетариат в период империалистической войны перенес величайшие страдания, голод, кровопролитие и нищету. Война привела к краху всей капиталистической экономической системы. Подобно тому как во внешнеполитическом плане предшествующий буржуазно-демократический режим не означал, что державы Антанты жаловали буржуазную Венгрию, так и во внутреннем плане буржуазно-демократический режим не означал, что Венгрия являлась страной с молочными реками и кисельными берегами. Нищета, товарищи, была и раньше, но различие между сегодняшним и вчерашним днем состоит в следующем: если теперь буржуазия бедствует вместе с нами, хотя еще и не в полной мере, то раньше она имела все возможности до конца наслаждаться всеми благами жизни. (Возгласы: «Правильно!») Если мы не добились ничего другого, то все же добились того, что теперь вместе с нами бедствует и буржуазия. (Голос: «Они и теперь обжираются!»)

Безусловно, необходима строжайшая организация потребления и распределения продуктов, чтобы все снабжались на равном основании. Территория урезанной Венгрии, конечно, вряд ли достаточна для обеспечения снабжения двухмиллионного населения Будапешта и его окрестностей. Несомненно также, что надо вскрыть имеющиеся резервы для того, чтобы обеспечить снабжение элиты венгерского пролетариата. Авангард пролетариата Венгрии — будапештский пролетариат не должен голодать. Необходимо вскрыть резервы и наладить распределение продуктов таким образом, чтобы ели лишь трудящиеся; причем кто больше работает, тот должен и больше есть. Размер получаемых пайков следует привести в прямую зависимость от проделанной работы.

Правительственный Совет уже принял соответствующее решение, и его требуется осуществлять со всей последовательностью. Народные комиссариаты предприняли необходимые шаги в этом направлении. Правда, результаты пока не могли сказаться по той простой причине, что аппарат по вскрытию резервов и распределению продуктов, призванный облегчить продовольственное положение, еще только зарождается.

Мы не можем утверждать, что создали изобилие. Но следует отметить, что благодаря правильной организации все имеющиеся запасы распределяются пропорционально, справедливо, в первую очередь среди трудящихся. Для того чтобы справиться с трудностями до полного завершения создания аппарата распределения, требуется проводить двоякую агитацию, проводить пропагандистскую работу в двух направлениях. Первое: в Будапеште надо призвать массы пролетариев к стойкости. Теперь есть ради чего проявлять стойкость, теперь мы голодаем не за то, за что голодали во время войны! Во время войны женщины стояли в очереди за мукой, смешанной с кукурузой, за маргарином, сегодня они тоже стоят; но теперь все стоят, чтобы затем навсегда ликвидировать очереди.

Вторая задача пропагандистской работы: идти в деревню. Надо пробудить дух братской солидарности городского пролетариата и сельской бедноты. С помощью средств пропаганды необходимо преодолеть сопротивление тех крестьянских слоев, которые в силу своего общественного положения должны быть заодно с нами.

Наряду с двоякого рода пропагандистской работой первейшей задачей, естественно, остается организационная работа. Несомненно, что финансовый кризис, который со времен Ракоци[1] был спутником всех революций — французской революции, революции 1848 г. и русской революции,— затрудняет вскрытие резервов. Но мы позаботились о том, чтобы обеспечить снабжение будапештского пролетариата необходимыми продуктами за счет реализации имеющихся промышленных товаров как путем непосредственного товарообмена, так и путем организации кооперативов и, особенно, вовлечения в них мелких сельских хозяев.

В нашем распоряжении находится очень богатый край — Задунайщина, где в настоящее время нет никаких трудностей, за исключением того, что в нем организационная работа, с точки зрения пролетариата, слабо налажена. Там низкое социалистическое сознание, слабо ведется пропаганда социализма. Уже приняты меры, чтобы исправить положение. Наши товарищи сообщали из

[1] *Ракоци Ференц II* (1676—1735) — князь-правитель Венгрии, вождь освободительной борьбы венгров в конце XVII — начале XVIII в. против австрийского гнета.— *Ред.*

Задунайского края, что это какое-то контрреволюционное гнездо. Я недавно был там и могу сказать, что это неправда. Те слухи, которые распускаются здесь различного рода злопыхателями, не соответствуют действительности и на 10%. Я был в двух провинциальных центрах. Рабочие Советы обоих городов установили наилучший контакт с крестьянством окрестных районов, и у них все готово к тому, чтобы, если мы в центре создадим организацию по заготовкам,— а такая работа уже ведется — будапештский пролетариат получил необходимое количество продовольствия. Разумеется, нельзя еще говорить об изобилии, но мы позаботились, чтобы в Будапешт поступило соответствующее количество продовольствия.

Другим обнадеживающим моментом в Задунайском крае является, с нашей точки зрения, существование производственных кооперативов. Производственные кооперативы владеют такими земельными угодьями, что за счет их мы сможем удовлетворять бо́льшую часть потребностей Будапешта в продовольствии. Эти производственные кооперативы, по моему мнению, наша величайшая гордость в системе Советской Республики. Ведь вопреки антисоциалистическим слухам, вопреки всем антисоциалистическим и антимарксистским взглядам о невозможности убедить крестьянина в необходимости перехода к общественному земледелию, к социалистическому способу производства, данные кооперативы являются блестящим свидетельством того, что крестьянина можно убедить в целесообразности социалистического производства, коллективной обработки земли. И то, что пролетарские элементы крестьянства идут на это, свидетельствует о следующем: солидарность между пролетарскими элементами города и деревни достижима.

В первые дни революции была допущена ошибка: существовала система политических комиссаров, причем проявлялся несерьезный подход к подбору политических комиссаров... (Шум.) Не нужно критиковать, товарищи, я уже делаю это сам. Что касается практики первых дней революции и, можно сказать, первоначальной суматохи, когда не имелось достаточно времени для подбора людей и когда брали тех, кто первый явился, кто оказался наиболее шустрым, то мы с ней покончили; мы, кстати, вообще ликвидировали систему политических комиссаров. Это имеет также важное принципиальное и

теоретическое значение, поскольку теперь более полно осуществляется самоуправление пролетариата. Мы раз и навсегда покончили с местными князьками, теперь наши товарищи едут в провинцию не как диктаторы, а как инструкторы, которые учат, воспитывают, агитируют, просвещают, воодушевляют. В результате этой работы они обеспечат доставку продовольствия для пролетариата Будапешта. А до тех пор, товарищи, необходимо проявлять выдержку и еще раз выдержку, терпение ради самих себя, а не ради капитализма, не ради восстановления капиталистической системы производства!

Надо проявлять терпение, выдержку и на фронтах! Товарищи!

О военном положении — а это также связано с вопросом о распространении панических слухов — я могу сказать лишь то, что говорится в военных сводках. Из сводок вы можете видеть, что у нас есть армия, что наша сознательная пролетарская армия (бурная овация), героически отстаивая нашу Советскую Республику, вновь заняла часть территории, ранее завоеванной у международного пролетариата не чешским народом, а чешским капитализмом. Теперь идет речь о территориальной интеграции международного пролетариата и международного социализма. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»), об интеграции пролетарской диктатуры.

Мы защищаем пролетарскую диктатуру, защищаем социализм от любых нападок со стороны капиталистического мира. И хотя мы голодаем, но будем твердо стоять до тех пор, пока наши войска не победят и пока не будет создан аппарат по производству и распределению! То, что такая система будет создана, нет никаких сомнений. Мы добьемся этого! Но в работе должны участвовать все. Я еще раз подчеркиваю, что рабочие Советы должны стать работоспособными органами, а этого можно достичь лишь в том случае, если каждый член Советов будет работать непосредственно в советском аппарате. Таким путем мы разрешим все проблемы, и тогда подрывная деятельность распространителей слухов не только не будет таить в себе опасностей, но вскоре совсем прекратится. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ БУДАПЕШТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

31 мая 1919 г.

Уважаемые товарищи!

Большая просьба соблюдать тишину, ибо я очень охрип.

Прежде всего хочу сказать, что тот, кто пытается использовать голод как оружие, является врагом диктатуры пролетариата. (Возгласы: «Правильно! Правильно!») Стремясь превратить голод в оружие, враги утверждают, что он — следствие диктатуры. Чтобы понять, что голод не является следствием диктатуры, не обязательно быть великим социалистом. (Возгласы: «Правильно! Правильно!») Любая нервозность в вопросе о голоде только усугубляет положение, потому что вместо стойкости вызывает лишь неуверенность в пролетарских массах. (Возгласы: «Верно! Правильно!»)

Совершенно очевидно, что при диктатуре пролетариата возможно одно-единственное решение продовольственного вопроса, а именно путем ликвидации порядков, характерных для капитализма, особенно в области распределения продовольствия. (Возгласы: «Верно! Правильно!») Я считаю, товарищи, что вопрос о кооперативах, который вызывает здесь сегодня такую нервозность, может быть решен лишь в том случае, если мы с уважением отнесемся к прошлой деятельности кооперативов и правильно наметим их функции на будущее.

Несомненно, что рабочие, объединившиеся в потребительских кооперативах, проявили более высокий уровень сознательности, чем не вступившие в кооператив. (Голоса: «Верно! Правильно!» Аплодисменты.) Дей-

ствительно, их заслуга состоит в том, что они создали потребительские кооперативы, которые в рамках капиталистической системы защищали рабочих как потребителей. Но функции потребительских кооперативов ныне изменились. Они изменились потому, что общество, которое сегодня, можно сказать, лишено товаров, которое с трудом преодолевает нехватку товаров, нельзя сделать богатым иначе, как только путем объединения всех потребителей в кооперативы, путем организации потребителей в кооперативы. (Возгласы: «Верно! Правильно!» Аплодисменты.)

Я ничего другого не предлагаю, кроме одобрения проекта резолюции, который представил на ваше рассмотрение комитет 80-ти. Ни одной буквы больше, ни одной меньше.

С тех пор как я внес этот проект в комитет 80-ти и он был принят с несколькими поправками, предложенными товарищем Эрдейи, я убедился, каково отношение к проекту резолюции не только в рабочих Советах, но и среди пролетарских масс. (Возгласы: «Слушайте! Слушайте!») Я видел в Эржебетфалва, где присутствовало 15 тыс. рабочих, что наибольшее возмущение вызывает мешочничество. Нельзя пренебрегать объединением пролетариев, ибо пролетарии очень хорошо знают, что лишь путем организованного распределения до них может дойти то незначительное количество товаров, которое можно сегодня распределить. И как только станет возможным организованное распределение товаров, как только будет создана социальная организация распределения товаров и начнет действовать самым жестким образом, нужно немедленно ликвидировать всякого рода заготовительные группы. (Голоса: «Правильно!») Если мы сохраним нынешнюю форму кооперации, которая объединяет не всех пролетариев, если мы сохраним систему заготовительных групп, при которой одна группа пролетариев живет в ущерб другой и при которой они конкурируют между собой, мы поступим весьма неправильно. Но мы не можем распустить эти заготовительные группы до тех пор, пока не закончим районирование и не наладим организованное распределение, ибо в противном случае делу продовольственного снабжения будет нанесен еще больший ущерб.

Перехожу к другому вопросу. Какова компетенция

рабочего Совета в области продовольственного снабжения? Совершенно очевидно, что производство и распределение, а в данном случае заготовка продуктов и их распределение самым тесным образом связаны друг с другом. Их нельзя разграничивать. Каждый, кто хоть немного считает себя марксистом, поймет это. Но было бы неправильно, и с этим, я думаю, все согласятся, перекладывать дело распределения только на один бюрократический аппарат. Здесь, как и всюду, необходимо привлечь рабочее самоуправление. То, что предлагается нами в проекте резолюции,— обеспечить рабочему Совету столицы, т. е. уполномоченным им органам, право принятия на основе утвержденных Советом Народного Хозяйства положений необходимых мер и контроля во всей области распределения,— соответствует принципу пролетарского самоуправления.

Было бы неправильно противопоставлять местный будапештский патриотизм местному патриотизму менее развитого пролетариата в провинции. Моим идеалом, товарищи, является широчайшая децентрализация, или, если вам нравится, общество, состоящее из небольших населенных пунктов, из небольших коммун. Но пока мы к этому придем, необходима определенная степень централизации (голос из зала: «А именно высокая степень!»), особенно в данное время, когда необходимо мобилизовать все силы для сохранения пролетарской диктатуры. Если мы осознаем значение такого курса в политическом плане, то должны придерживаться его и в хозяйственной деятельности. А это значит, что те резервы, которые нам с большим трудом удается вскрывать, следует распределять по возможности централизованно. Речь идет не о жесткой централизации и отказе от пролетарского самоуправления, а о сочетании этих двух форм, о такой централизации, которая согласуется с пролетарским самоуправлением. В этом состоит смысл четвертого параграфа проекта резолюции. Должен отметить, что внесенная товарищем Бирманом резолюция не соответствует духу решения комитета 80-ти... (Голос: «На каком основании?»)

Я не знаю, о чем думал товарищ Бирман, когда он, будучи официальным докладчиком, придал единогласно принятой комитетом 80-ти резолюции иной смысл. Совет Народного Хозяйства станет органом пролетарского са-

моуправления, поскольку он пополняется представителями других рабочих органов. В Совете Народного Хозяйства будет представлен и Будапештский рабочий Совет. Разработка основных принципов продовольственного снабжения будет происходить при участии Будапештского рабочего Совета. А это значит, что при осуществлении мероприятий Будапештскому рабочему Совету будет предоставлено не только право контроля, но и исполнительные функции. Без споров по поводу разграничения компетенции не обойтись, без этого трудно себе представить развитие пролетарского государства. Однако я не знаю, что будут делать те, кто сегодня во всем хочет предоставить Будапештскому рабочему Совету исполнительные функции, распространяющиеся на всю страну, когда нельзя будет ссылаться на то, что Революционный Правительственный Совет действует по праву революции, ибо он будет легализован явно выраженной волей пролетариата.

Я еще раз возвращаюсь к политической стороне вопроса, так как здесь из голода хотят выковать политическое оружие. (Голос: «Это уже делается». Шум.)

Тот, кто, повторяю, относит голод на счет диктатуры пролетариата, совершает смертный грех против пролетариата. (Бурные аплодисменты.) Говорить сегодня о демократии — это так или иначе демагогия. Но самой гнусной демагогией являются попытки поднять пролетарские массы против власти пролетариата. (Аплодисменты.) Совершенно очевидно, что пролетариат сумеет сделать правильный выбор, как он и делал до сих пор. Я верю в пролетариат, верю в пролетарские массы, верю в то, что пролетарское самосознание, которым рабочий класс до сих пор руководствовался в классовой борьбе, будет и впредь вести его по правильному пути. (Возгласы одобрения.) Тот, кто, будучи поставлен во главе какого-либо участка рабочего движения, не использует своего влияния для повышения стойкости трудящихся, для упрочения диктатуры, а стремится посеять неверие, совершает преступление. (Бурные аплодисменты.) Мы выстоим, товарищи, и в первую очередь выстоит будапештский пролетариат. Войска, которые ведут борьбу на фронтах и уже расширяют нашу базу снабжения сельскохозяйственными продуктами и сырьем, представляют собой элиту пролетариата, и всякий, кто каким-либо об-

разом подрывает классовое единство пролетариата, совершает нападение на эти войска с тыла. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Я в полной мере согласен с тем, что сказал здесь товарищ Эрдейи. Имеются лишь некоторые нюансы в нашем подходе к вопросу о кооперативах. Однако несомненно, что в продовольственном вопросе особо тяжким грехом является любая попытка подорвать единство, и нам этого необходимо избегать. (Бурные аплодисменты.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕВЕНГЕРСКОМ СЪЕЗДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

1 июня 1919 г.

Прежде чем начать свое выступление, я должен сделать внеочередное сообщение. Доблестные красные солдаты Венгерской Советской Республики сегодня заняли Абауйсанто, а также Эмёдскую линию и победоносно продвигаются от этой линии по направлению к Токай и Кошице. (Продолжительные аплодисменты.) С занятием Тисалуца мы изгнали империалистические боярские войска со всего правого берега Тисы. На фронте у нас действуют батареи тяжелой артиллерии. Пролетарские солдаты Будапешта отстаивают там совместную диктатуру пролетариев и беднейшего крестьянства. Предлагаю по случаю победы послать от имени данного съезда приветственную телеграмму Красной Армии (Крики: «Ура!») и ее главнокомандующему товарищу Вильмошу Бёму. Затем я хотел бы по возможности кратко сказать следующее.

В прежние времена в рабочем движении был лозунг, гласивший, что крестьянина надо нейтрализовать, поскольку считалось, что крестьянин не революционер. Но у крестьянина столько же причин стремиться к революции, как и у городского рабочего. Нисколько не меньше, а даже больше причин, ибо крестьянин подвергался еще большему угнетению, эксплуатации. Эта революция, установившая совместную власть пролетариата и беднейшего крестьянства, создала союз пролетариев, трудящихся города и деревни. Трудящиеся города и деревни имеют общие интересы. Тех и других угнетали, тех и других эксплуатировали; в городе угнетателем был заводчик, в деревне — помещик, но оба они встречались в правлениях

банков. Гнет был общим, а значит, совместно нужно было бороться за свое освобождение, совместно необходимо построить социалистическое общество, в котором не будет эксплуатации, не будет ни угнетателей, ни угнетенных. Мы должны это делать сообща, в братском союзе, и сообща должны ликвидировать противоречия между городом и деревней, порожденные капиталистическим обществом, капитализмом. Город при капитализме действительно жил за счет деревни, но это касалось не трудящихся города, а городских эксплуататоров.

После установления совместной диктатуры пролетариев и беднейшего крестьянства нашей задачей является равное распределение культурных и материальных благ между городом и деревней. Театры, учреждения, большие общественные здания были только в городах, но не для пролетариев. В нашем обществе духовные блага будут распределяться в равной мере между городом и деревней. Но для этого необходимо, чтобы крестьянин-бедняк был солидарен с городским бедняком. Следует признать, что пролетарская революция осуществлена городским пролетарием. Общеизвестно, что городской пролетарий был в состоянии первым пройти школу классовой борьбы, потому что имел бóльший доступ к культуре и меньше был подвержен влиянию попов и им подобных, чем крестьянин-бедняк. Мы должны уважать городского пролетария. Я убежден, что деревенский бедняк с подлинно братским чувством относится к городскому пролетарию. Это он доказал тогда, когда старался передать все свои излишки продовольствия Будапешту — этому великому городу, где так много ртов и голодных желудков.

Продовольствие, которое поступило сюда из деревни, получили в первую очередь трудящиеся. И всякий раз, когда вы собираете в деревне продовольствие для нас, помните, что это продовольствие поляучат жены и дети тех городских рабочих, которые в первых рядах боролись за установление общей власти рабочих и крестьян-бедняков. Помогайте трудящимся города! Создадим прочный союз города и деревни! Да здравствует совместная диктатура пролетариев и крестьян-бедняков!

РЕЧЬ В ГОРОДСКОМ ТЕАТРЕ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ БУДАПЕШТСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

7 июня 1919 г.

Уважаемые товарищи!

Победы на фронтах, контрреволюция, борьба с голодом — вот три главных момента, определяющих политическое положение в настоящее время.

Победы на фронтах означают: мы были правы, когда считали, что в борьбе за преодоление тяжелого экономического положения, доставшегося в наследство от капитализма и империалистической войны, нам может помочь не вера в пацифизм Вильсона, не расчет на пацифизм Вильсона, а лишь революционная классовая борьба пролетариата против внешней и внутренней контрреволюции. (Возгласы: «Правильно!»)

Контрреволюция в стране поднимает голову. Попытка организации забастовки на железных дорогах, контрреволюционные вспышки в Задунайском крае, которые хотя и эпизодически, но имеют место, показывают, что мы не можем избежать диалектического процесса развития революции, сопротивления класса капиталистов и мелкобуржуазных филистеров, мелкобуржуазных элементов, избежать классовой борьбы против диктатуры пролетариата. Это означает, что мы должны осуществлять диктатуру со всей последовательностью и энергией. (Бурные аплодисменты. Возгласы: «Правильно!») Любое колебание подрывает авторитет диктатуры (возгласы: «Правильно!») и приводит к ненужному кровопролитию. Если у диктатуры есть сила, если диктатура вооружена и в борьбе со всеми слоями буржуазии опирается на сплоченный пролетариат, если эта диктатура осуществляется со всей последовательно-

стью и энергией, то тогда мы можем избежать излишнего кровопролития. (Бурная овация.)

Борьба с голодом тесно связана с борьбой против контрреволюции и успехами на фронте. Когда империализм набросился на побежденную буржуазную Венгрию, он отнял у нас сельскохозяйственные районы, оставил нас без продовольственной базы и тем самым лишил пролетариат возможности наладить экономическую жизнь страны. Голод является прямым следствием той политики, которую империализм проводил и проводит в отношении Венгрии. Блокада Венгрии, установленная Антантой, подобно блокаде Советской России, несомненно, осложняет проблему продовольственного снабжения. А теперь прибавляется новая блокада, которую осуществляет по отношению к городу крестьянство — не беднота, а зажиточные элементы деревни. (Возгласы: «Верно!»)

Указанные три проблемы — революционная война, борьба с контрреволюцией и борьба с голодом — должны быть разрешены как можно скорее. Это узловые вопросы политического положения в настоящее время. Борьба за их разрешение есть борьба против международной и внутренней контрреволюции. (Возгласы: «Правильно!») И лишь диктатура пролетариата дает нам силы разрешить эти проблемы. Буржуазная Венгрия не смогла бы разрешить ни одну из них. Встав на позиции территориальной интеграции, погрязнув в националистической, шовинистической политике, буржуазная Венгрия не смогла освободиться от груза прошлого. Революционная борьба пролетариата является необходимым условием для ликвидации всякой общности интересов с классом капиталистов. Она является условием понимания пролетариатом того, что своей кровью, своими усилиями, своими страданиями, своей самоотверженностью он не способствует росту прибылей капиталистов.

Не лозунг территориальной интеграции привел нас на позиции диктатуры пролетариата. Тех, кто называл призывы к установлению диктатуры пролетариата в Венгрии демагогическим хвастовством, мы убедили путем социализации, экономических мероприятий, быстрой и по возможности последовательной экспроприацией, что образование социалистической Советской Республики не блеф, а великое завоевание пролетарской революции.

Товарищи!

Я всегда подчеркиваю, что успех нашей революции, революционной борьбы зависит не только от венгерского пролетариата. Разумеется, первым условием тут является наше единство, наша организованность, готовность к жертвам и выдержка. Но есть и другое условие наших успехов, возможности нашего существования — это мировая пролетарская революция. Когда мы устраиваем смотр своих сил, подсчитываем собственные силы, мы одновременно должны оценить состояние мировой пролетарской революции, чтобы определить наши задачи исходя из того, на какую помощь со стороны мировой революции мы можем рассчитывать.

Сегодня, товарищи, положение таково, что пацифизм потерпел крах, вильсонизм мертв. Теперь не найдется ни одного здравомыслящего социалиста, который стал бы утверждать, что вильсонизм способен разрешить проблему империалистических войн, что на основе программы Вильсона можно ликвидировать войны и их последствия. Не найти сегодня и такого социалистически мыслящего человека, который, после того как стали известны условия германского и австрийского мирных договоров, заявил бы, что в рамках капитализма можно разрешить послевоенные проблемы, что пролетариат может и впредь мириться с капиталистическим способом производства.

То, что у нас в Венгрии явилось объективной предпосылкой диктатуры пролетариата — полный крах капитализма, а также аппарата буржуазной государственной власти,— имеет место во всем мире. Тот, кто думает, что возможен возврат (голос: «Нет!») от диктатуры пролетариата к капиталистическому экономическому строю, что возможен компромисс, что возможна какая-то форма мелкобуржуазного социализма при ограничении капитала, тот не только не марксист, не только не знает и фальсифицирует марксизм, но и не знаком с данными, характеризующими экономическое положение во всем мире, с данными, свидетельствующими о финансовом крахе во всем мире. (Голоса: «Правильно! Верно!» Аплодисменты.)

Движущей силой капиталистического способа производства является прибыль, выгода. Капиталист не работает без выгоды. Саботаж капиталистов, который имел место в период октябрьской революции по всей Венгрии

и выразился в сокрытии запасов сырья, выведении из строя оборудования, искусственном создании безработицы, показал, что движущая сила капиталистического производства уже не действует, что уже нет былой прибыли.

В Венгрии и Австрии, даже если бы произошел возврат к какому-то мелкобуржуазному социализму или какому-то модернизированному капитализму, капиталистическая система производства совершенно неспособна больше приносить доходы отечественным капиталистам, поскольку государства, образовавшиеся на территории бывшей Австро-Венгерской монархии, требуют, чтобы Венгрия и Германия платили проценты за находящиеся в распоряжении этих государств облигации военных займов; исходя из прежней покупательной способности денег, они требуют 1,87 млрд. крон ежегодно. А репарационные требования Антанты составляют 180 млн. фунтов, т. е. 4,32 млрд. крон ежегодно. А так как все доходы от имеющихся в Венгрии капиталов могут составить самое большее 2,03 млрд. крон, внутренние капиталисты могут быть лишь инкассаторами антантовского капитализма. Следовательно, капиталистический строй изжил себя.

Нужно было бы отбирать в виде налогов $^4/_5$ трудовых доходов, чтобы капиталистическая система производства в стране могла процветать или хотя бы прозябать; $^4/_5$ должен был бы рабочий класс отдавать в форме потребительского или прямого налога капиталистам, чтобы эксплуататорский капиталистический строй мог быть полностью восстановлен. Если бы в настоящее время сохранилась прежняя покупательная способность кроны — а она сейчас равна лишь одной десятой от прежней,— то это по крайней мере уменьшило бы бремя выплаты процентов по военному займу, но не снизило бы репараций, подлежащих выплате Антанте в денежной форме. В этом случае доходов от капиталов, сумма которых в нынешних обесцененных кронах составила бы 20,3 млрд. крон, не хватило бы на покрытие существующих обязательств: на выплату процентов иностранным государствам — 1,87 млрд. крон и репараций — 21,6 млрд. крон, а всего округленно 23,5 млрд. крон. Кроме того, мы не учли расходы на пособия инвалидам войны и т. д.

Таким образом, мы правы, когда утверждаем, что в рамках капиталистической системы производства нет спасения, что капиталистическая система производства

должна быть разрушена, капиталистическая хозяйственная организация должна быть ликвидирована, что если мы хотим обеспечить свое существование, то вместо нее необходимо установить диктатуру пролетариата. (Возгласы: «Правильно!»)

Уважаемые товарищи!

Тот, кто думает, что такое положение характерно только для бывшей Австро-Венгерской монархии, кто думает, что другие капиталистические страны избежали этой судьбы, глубоко заблуждается. Предпосылки пролетарской революции, которые были в Венгрии, существуют и в других странах, в странах — победительницах и побежденных в равной мере. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Экономическое положение в капиталистических странах, банкротство капитализма являются верной гарантией того, что за нами пойдут пролетарии других стран; они пойдут, руководствуясь классовым сознанием или же побуждаемые голодом и страданиями.

Германская империя согласно мирным условиям Антанты будет иметь лишь около 8,8 млрд. марок доходов от остающихся у нее капиталов; этих доходов хватит лишь на выплату репараций Антанте — 300 млн. фунтов, или 6 млрд. марок, в год, а также на покрытие наиболее неотложных расходов на пособия инвалидам и другие социально-политические цели. Таким образом, положение там почти такое же критическое, как в Венгрии и Австрии.

Наряду с этой объективной гарантией существует еще и другая гарантия, а именно изо дня в день растущие революционные настроения в рабочем движении как Германии, так и Австрии. Те лидеры социалистической партии, которые перешли на службу империализму, все больше теряют авторитет в массах. Сегодня, товарищи, у венской буржуазии мурашки бегают по спине, она уже приготовилась к самому худшему — к установлению диктатуры пролетариата. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Антанта, которая помогла нам установить диктатуру пролетариата, которая своими действиями способствовала объединению пролетариата, его революционному подъему, таким же способом помогает пролетариату Австрии и Германии. Каково будет в первые дни устройство

новых советских республик, что будет порождено компромиссом между различными направлениями рабочего движения, является пока вопросом второстепенным. Революция не заканчивается провозглашением диктатуры пролетариата, революционный процесс продолжает развиваться и в любом случае дойдет до того, до чего должен дойти,— до последовательного, энергичного и целеустремленного осуществления диктатуры пролетариата. (Возгласы одобрения.)

Но и страны-победительницы не избежали своей судьбы, там также почти полностью исчезли возможности получения капиталистами прибылей. Во Франции доходность капиталистической системы производства фактически упала до нуля, потому что после неизбежной вспышки социалистической революции в Германии и Австрии Франция не сможет выколачивать репарации из этих стран, потому что доходы этой страны, составлявшие...[1] значительно снизились в результате потери капиталовложений в России, продажи ценных бумаг во время войны и увеличения на 8,5 млрд. задолженности Америке и Англии, а значительная часть остающихся доходов поглощается восстановительными работами в Северной Франции и самыми неотложными расходами на пособия инвалидам войны и прочие социальные цели.

Сохранение капиталистического строя имеет для капиталистов какой-то смысл лишь в Англии и Америке, а Франция же представляет собой типичное паразитическое империалистическое государство, которое существует не за счет вывоза промышленной продукции, не за счет промышленного или сельскохозяйственного труда, а исключительно за счет вывоза капитала; теперь она превращается почти в провинцию Англии и Америки. (Возгласы: «Правильно!»)

Эти объективные факторы уже дают себя знать. Большая безработица, рост дороговизны, уменьшение заработков вызвали сильнейшее забастовочное движение в ведущих отраслях промышленности. Подобные явления подстегивают и пролетариат Франции, где революционно-синдикалистское направление рабочего движения скомпрометировало себя в период войны. Наступил конец классовому миру, и рабочий класс Франции, так же как

---

[1] В протоколе отсутствует цифра.— *Ред.*

рабочий класс Вены, демонстрирует свою солидарность с Советскими Республиками России и Венгрии. (Возгласы одобрения и аплодисменты.)

Положение в Италии подобно положению во Франции. Доходы от имеющихся в этой стране капиталов, которые составляют 3,75 млрд. в год, сокращаются примерно до 1 млрд. в связи с необходимостью выплаты процентов по иностранным долгам — около 1,5 млрд. и покрытия неотложных расходов на пособия инвалидам войны и т. д.

Англия пострадала от войны значительно меньше, чем континентальные государства. Но и здесь прибыли от капиталов сократились почти наполовину. По своему экономическому положению Англия занимает промежуточное положение между капиталистическими странами Европы, где капиталистическая система потеряла всякий смысл, и Америкой.

Америка является главным кредитором. Вот почему она заинтересована в повсеместном сохранении капиталистического строя. Америка не пострадала от войны, а гигантски усилилась; и в этом объяснение пацифизма, вильсонизма, который стремится увековечить благоприятное для США положение. Этому капиталистическому, империалистическому пацифизму мы можем противопоставить только классовую войну, революционную войну пролетариата. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Уважаемые товарищи!

Сделав обзор международного революционного положения, а наша внешняя политика основывается на революционном движении, революционной ситуации, мы в основном покончили с важнейшими вопросами внешней политики. Мы используем любую возможность для установления союза с пролетариями других стран, которые также заинтересованы в освобождении от капитализма. Мы не стремимся добиться чего-либо за счет других, но хотим обеспечить возможность существования для пролетариата Венгрии (голоса: «Правильно!»), обеспечить незыблемость пролетарской диктатуры, обеспечить возможность дальнейшего строительства социализма у нас в стране. (Возглас: «Правильно!») В этом состоит цель нашей внешней политики.

Центральными вопросами нашей политики, как я уже указывал, являются вопросы о контрреволюции и голоде.

Контрреволюция была неизбежна, контрреволюция — естественное сопутствующее явление революции. Заблуждались те, кто думал, что пролетарской революции удастся избежать выступления буржуазии против нас. Хорошо помню, как здесь, в этом зале, я призывал товарищей: будьте бдительны! Ведь буржуазия не умерла, буржуазия лишь была оглушена ударами пролетариата. (Голоса: «Правильно! Верно!» Аплодисменты.)

Уважаемые товарищи!

У нас нет причин бить в набат, ибо только от нас самих зависит сделать так, чтобы у нас не болела слишком голова от контрреволюции, чтобы контрреволюция не имела слишком тяжелых последствий. Сегодня мы вдвойне обязаны покончить с контрреволюцией. (Возгласы: «Правильно!») Мы думаем не только о себе, о тех, кто остался здесь, кто занят на производстве, на административной работе, принимает участие в строительстве социализма. Нет! Мы думаем и о тех, кто находится на фронте. (Возгласы: «Это в первую очередь!» Продолжительные аплодисменты.) Товарищи! Необходимо обеспечить тыл нашей армии. В связи с контрреволюционными выступлениями среди железнодорожников, которые, как правило, проявлялись в направленных против пролетарской диктатуры забастовках (со стороны тех, кто при предшествующих, буржуазных правительствах не смел даже рта открыть), Революционный Правительственный Совет на своем последнем заседании объявил в Задунайском крае, в этом контрреволюционном гнезде, чрезвычайное положение. (Бурное одобрение.)

Дорогие товарищи!

В Будапеште нет необходимости вводить чрезвычайное положение. В Будапеште нам стоит шевельнуть пальцем — и контрреволюции уже нет. Но в Задунайском крае чрезвычайное положение необходимо, чтобы избежать ненужного кровопролития, ибо контрреволюционное движение, которое начало там захватывать зажиточные слои крестьянства, буржуазные слои крестьянства, может быть подавлено лишь железной рукой сплоченной диктатуры пролетариата города и деревни. (Голоса: «Правильно!») Кое-кто думает, что железная рука, что последовательное осуществление диктатуры являются какой-то чудовищной несправедливостью. Хочу напом-

нить им, что в период демократии, когда оружие чрезвычайного положения было незаконным, когда и слушать не хотели о методах диктатуры, половина Венгрии, даже более половины Венгрии объявлялось на чрезвычайном положении.

Товарищи!

Речь идет о нашей власти, о необходимости отстоять диктатуру пролетариата, о создании условий для построения общества, где не будет эксплуатации. В интересах этого следует подавлять всех, кто поднимет руку на диктатуру пролетариата. (Возгласы: «Правильно! Долой буржуазию!»)

Уважаемые товарищи!

Мы отдаем себе отчет в том, что диктатура должна осуществляться не на словах, а на деле. Это значит, что надо больше делать, чем давать торжественных обещаний. Это значит, что нужно проводить решительную и умную политику, энергично и последовательно осуществлять диктатуру, чтобы избежать излишнего кровопролития,— вот в чем состоит подлинная политика диктатуры. Следует предотвратить возникновение любых опасностей в ходе осуществления диктатуры пролетариата. Для этого необходима энергичная, действенная, последовательная диктатура. (Голоса: «Правильно!»)

Третий вопрос — проблема голода. Голод создал у нас положение подобное тому, которое одно время сложилось в России: борьба за хлеб, за существование. Правда, в Венгрии положение далеко не такое безотрадное и мрачное, какое имело место в России.

Теперь мы начали проводить превентивную политику, забили в набат еще до того, как наступил голод. Я не утверждаю, что будапештский пролетариат живет хорошо. Напротив, он очень плохо живет. Он плохо жил уже во время войны, ел хлеб из кукурузы и стоял в очередях. Должен сказать, что ныне он живет хуже, чем три месяца назад. Как всегда, в период уборки урожая приходится переживать трудности. Сопутствующий обычно революциям финансовый кризис является фактором, усугубляющим голод.

Однако несомненно, что и против голода надо вести борьбу, необходимо объявить против него классовую борьбу. Классовая борьба — наше универсальное целебное средство. Совершенно очевидно, что помимо блокады

Антанты голод вызывается блокадой городов со стороны зажиточных элементов крестьянства, состоятельных элементов, владеющих каждый более чем 50 хольдами земли, если можно проводить такое механическое разграничение. Тут я вновь должен указать на то, на что мы много раз обращали внимание товарищей, а именно на необходимость дальнейшего укрепления братского союза пролетарских элементов города и деревни. Нужно сделать все для установления как можно более широких контактов между пролетарскими элементами города и деревни (голоса: «Правильно! Правильно!»), для еще большего укрепления братских связей между ними, связей, которые объединяют их в совместной классовой борьбе. Будапештский рабочий Совет, который является органом самоуправления, также должен принять участие в этом.

Я не буду сегодня говорить об уже осуществленных или осуществляемых правительственных мероприятиях по борьбе с финансовым кризисом и в области продовольственного снабжения, ибо об этом известно каждому читающему газеты человеку. Укажу, например, на мероприятия в связи с синими деньгами[1] и товарообменом. Главнейшая задача рабочего Совета по эвакуации части населения из Будапешта, по уменьшению потребности города в продовольствии состоит в организации выезда безработных элементов города в деревню. Это необходимо проводить организованно, так, чтобы разжечь в деревне классовую борьбу среди недифференцированных еще масс, которые до сих пор сообща противостояли городу, несмотря на то что между двумя слоями крестьянства существуют острейшие противоречия. Это, по моему мнению, является одной из важнейших задач в связи с

---

[1] Синие деньги — денежные знаки на синей бумаге. Выпускались австро-венгерским эмиссионным банком. Оставались в обращении и при Советской власти, поскольку в Венгрии сначала не существовало собственного эмиссионного банка. Советскому правительству пришлось затем организовать печатание собственных бумажных денег — так называемых белых денег, которые подвергались бойкоту со стороны враждебных элементов. В результате инфляции наступило почти полное обесценение белых бумажных денег, причем тяжесть положения усугублялась еще создавшейся между старыми и новыми — синими и белыми — деньгами курсовой разницей. В целях оздоровления финансов Советское правительство решило постепенно изъять старые бумажные деньги из обращения.— *Ред.*

голодом. И в этих целях каждый в своей области должен сделать все, что от него зависит.

Осветив указанные три наиважнейшие проблемы, необходимо отметить, что всего, чего мы хотим добиться, можно достичь лишь путем укрепления классового единства пролетариата. Высказанные различные мнения не будут представлять угрозы для единства пролетариата, если мы согласимся с тем, что нет никакого другого способа сохранения диктатуры, кроме последовательного осуществления диктатуры. (Бурные аплодисменты.) Диктатура предполагает авторитет. Диктатура не анархия, она не отвергает всякие авторитеты. Диктатура означает, что пролетариат поддерживает свой авторитет силой оружия и защищает его от атак буржуазии, всех враждебных классов и слоев. (Голоса: «Правильно! Правильно!») Теперь, когда наши войска на фронте победоносно продвигаются вперед, когда каждый день все больше подтверждает, что мировая пролетарская революция, на которой мы основывали свою судьбу, строим свое будущее,— не фантазия, а объективная неизбежность, мы можем сказать: будем стойко держаться, товарищи, будем стойко держаться до тех пор, пока мировая пролетарская революция придет нам на помощь. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

Мировая пролетарская революция неизбежна. Гарантией того, что мы сможем дождаться мировой революции, что пролетариат сможет дождаться ее, сохраняя власть, единство и силу, является, наряду с трудовой дисциплиной, тесное сплочение наших рядов и последовательное осуществление диктатуры. Вот в чем я вижу предстоящие задачи диктатуры. (Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВАХ ПО СЛУЧАЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОШИЦЕ

10 июня 1919 г.

Уважаемые товарищи!

Диктатура пролетариата — хорошее дело, неправда ли? Хотя вы уже познали ее, но вы еще увидите, как она прекрасна, хороша и понятна с точки зрения трудящихся. Пролетарий, трудящийся, тот, кто был угнетенным, не может себе и представить, что можно желать чего-либо иного, кроме диктатуры пролетариата. (Одобрительные возгласы.) Все очень просто. Раньше нас, трудящихся, угнетали ради того, чтобы меньшинство жило в довольстве и чтобы угнетение и эксплуатация сохранялись вечно. Теперь мы, трудящиеся, подавляем это меньшинство, но не для того, чтобы навечно сохранить угнетение, а с тем, чтобы ликвидировать угнетение и эксплуатацию. (Возгласы: «Правильно!») Мы подавляем буржуазию, экспроприируем экспроприаторов для того, чтобы построить социализм, коммунизм. (Бурные аплодисменты.)

Мы освободили вас, пролетарии Кошицы. (Бурные аплодисменты.) Вас освободила Красная пролетарская Армия, показавшая тем самым, что пролетарская солидарность жива. Красная пролетарская Армия пришла сюда не для того, чтобы создать новые формы угнетения, как это сделала армия чешских империалистов, а с тем, чтобы освободить всех трудящихся. Независимо от того, на каком языке говорит наш брат пролетарий, у нас общий враг — буржуазия, на каком бы она языке ни говорила. (Возгласы: «Верно!») Мы знаем лишь два рода людей — пролетариев и буржуа, угнетателей и

угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Мы освободили словацких пролетариев. Мы освободили их, и в мирном дружественном сотрудничестве с ними будем претворять в жизнь на территории Советской Республики наш лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Вам, пролетарии Кошице, будет легче осуществить стоящие перед вами задачи, чем нам, имевшим дело с подобными же задачами на территории, не подвергавшейся оккупации иностранными империалистами. Мы учились на примере пролетарской революции в России, вы учитесь на примере нашей борьбы. Но прежде всего вы должны понять: диктатура пролетариата есть диктатура не личности, а рабочего класса.

Диктатура пролетариата, которая отрывается от масс, не имеет теснейших связей с массами, не продержится ни одной минуты.

Мы не долго будем оставаться в одиночестве. Все новые и новые отряды мировой пролетарской революции спешат нам на помощь. Те пролетарии, которых чешский империализм силой оружия принудил выступить с оружием в руках против нас, обретают сознание и скоро повернут оружие против подлинных врагов — собственных угнетателей, чешской буржуазии. И тогда мы вместе с теми, кто сегодня противостоит нам как противник, доведем до победы мировую пролетарскую революцию, чтобы создать международную Республику Советов. (Бурные аплодисменты.) Эта международная Советская Республика — новый Интернационал — и есть наша цель. Да здравствует мировая революция! (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

ДОКЛАД И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО О ПРОГРАММЕ ПАРТИИ НА ВСЕВЕНГЕРСКОЙ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, СОСТОЯВШЕЙСЯ 12—13 ИЮНЯ 1919 г.

Доклад

В письме по поводу своей работы «Критика Готской программы» Маркс писал, что «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»[1]. Лежащий перед вами, товарищи, проект программы предлагается мною в сознании того, что после его утверждения действительное движение будет непоколебимо идти вперед. Я хотел бы лишь кратко обосновать положения проекта программы, поскольку каждый ее пункт был разработан в условиях стремительного развития рабочего движения, на которое опирается диктатура пролетариата и все проблемы которого достаточно известны.

Как и предыдущие проекты, нынешний проект программы состоит из двух частей. Первая часть содержит принципиальные положения, а вторая представляет собой программу действий революционной партии.

Первая часть состоит из трех положений: первое — присоединение к III Интернационалу, второе — анализ экономического и общественного развития, ведущего к диктатуре пролетариата, и, наконец, третье — утверждение того принципа, что диктатура пролетариата есть единственный путь к социализму.

В отличие от II Интернационала, III, революционный, Коммунистический, пролетарский Интернационал, который образовался не путем объединения так называемых государственных партий (Reichspartei), а явился воссозданием I, революционного Интернационала, возглавлявшегося непосредственно Марксом и Энгельсом,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 12.

III Интернационал — единая организация пролетариата, в которой партии отдельных стран есть лишь секции, отделения. В соответствии с этим в основу проекта нашей программы положена программа действий всех революционных партий международного рабочего движения.

Подобно тому как в Венгрии расколотое на две части рабочее движение смогло объединиться лишь в революционном действии, мировое рабочее движение могло стать подлинно интернациональным лишь в международном революционном действии. Так оно и случилось.

С тех пор происходит непрестанное укрепление различных коммунистических и социалистических партий, которые, встав на позиции III Интернационала, готовятся установить диктатуру пролетариата, осуществить социальную революцию.

Теперь открылась возможность строительства социализма, первого этапа коммунизма.

Кроме того, в теоретической части проекта программы содержится оценка империализма. Оценка империализма была спорным вопросом, который разделял рабочее движение и который внешне фигурировал как вопрос об отношении к войне. Представители одного из направлений марксизма считали, что империализм проводит плохую политику даже с точки зрения некоторых капиталистических кругов, поэтому ее можно изменить и от нее возможен возврат к предшествовавшему этапу капитализма, основанному на свободной конкуренции.

Сторонники такой концепции исходили из того, что капитализм путем соглашения между капиталистическими государствами может якобы создать возможность для осуществления разоружения, предотвращения мировых войн и прекращения колониалистской политики. Данное направление, сторонники которого, возможно, исходили из честных побуждений, в любом случае представляет собой отход от марксизма, поскольку изменения экономической структуры рассматриваются ими с немарксистских позиций. Правда, некоторые деятели, например Гильфердинг, все же отдавали себе отчет в огромном значении этих изменений. Исследования Гильфердинга были использованы другим направлением, которое видело империализм таким, каков он есть в действительности: новый этап капитализма, загнивающий капитализм, т. е. капитализм, созревший для перехода к социализму.

Различные государства стоят на различных ступенях капиталистического развития, но, несомненно, империализм породил примерно пять новых явлений, позволяющих решительно утверждать, что капитализм не может дальше развиваться. Эти моменты обобщены в теоретической части проекта программы. В ней, во-первых, устанавливается, что концентрация производства и капитала в руках немногочисленных владельцев достигла огромного размаха, приняла форму монополии.

Мы отметили также, что концентрация капиталов в банках, а также в промышленных и торговых предприятиях породила финансовую олигархию.

Третий момент, характерный для нового периода капиталистического развития,— вывоз капитала, экспорт капитала, который, как и вывоз товаров, имеет важное значение. Стремление международных капиталистических объединений к завоеванию монопольного положения привело в конечном итоге к разделу всего земного шара, а затем породило войну, борьбу за передел мира. В результате всего этого мировая война вызвала к жизни новый этап в истории империалистического, капиталистического развития. Мировая война является началом полного краха капитализма. Ведь производственным стимулом капиталистической системы является прибыль, погоня за доходами, а не удовлетворение потребностей общества. А поскольку мировая империалистическая война разрушила капиталистическое производство, поскольку продолжающийся после окончания войны кризис (schlepende Krise) исключает возможность появления факторов, способствующих стабилизации капитализма, и поскольку, наконец, накопившийся во время войны в военных займах фиктивный капитал требует таких процентов, которые не только поглотят все доходы от капитала, но и сделают необходимым конфисковать $^4/_5$ трудовых доходов на погашение военных займов, капиталистический производственный строй существовать не может.

Несомненно также, что те, кто критикует так называемую теорию обнищания — одно из важных положений марксизма,— в большой мере разочаровались в своих необоснованных взглядах. А теория обнищания, эта подвергавшаяся наибольшим нападкам теория Маркса, подтверждена жизнью. Лишь пройдя через этот этап обнищания, через общество, страдающее от недостатка

товаров и сокращения производственных возможностей, мы можем прийти к социализму.

Сокращение производственных возможностей, являющееся ярким свидетельством краха капиталистического общества, пролетарское государство компенсирует мерами принуждения. Приведу конкретный пример. Совершенно очевидно, что на предприятиях Венгрии не достигнута такая степень концентрации производства, как на английских или американских заводах. И все же в области организации производства мы благодаря государственному аппарату принуждения за один-два года осуществим то, чего не могли добиться капиталисты за 25 лет развития.

Мы можем сконцентрировать производство в таких масштабах, какие недостижимы для американской промышленности. В результате мероприятий пролетарского государства мы за короткий срок можем добиться того, чего не могло достичь капиталистическое производство и за 50 лет. Так же обстоит дело и с идеологическими факторами. Совершенно очевидно, что социалистическое сознание широких масс промышленного и аграрного пролетариата Венгрии не достигло уровня, необходимого для социального развития на коллективистских началах. Но развитие идеологии при диктатуре пролетариата происходит так же, как и экономическое развитие. Весь аппарат принуждения буржуазного государства был нацелен на то, чтобы помешать нашему продвижению к социализму. Аппарат же пролетарской диктатуры ведет к идеологической зрелости, учит социализму.

Это предполагает государственную пропаганду социализма в противоположность антисоциалистической государственной пропаганде, которая была характерна для каждого буржуазного государства. В этом смысл диктатуры пролетариата. Я не буду говорить, что буржуазная демократия, которую обычно называют просто демократией, хотя это классовая демократия, т. е. диктатура буржуазного государства, была непригодна для выполнения этой роли. Данный вопрос я считаю уже пройденным этапом. В момент объединения, когда мы все честно высказались за диктатуру пролетариата и провозгласили, что обратно к капитализму пути нет (голос: «Правильно!»), мы раз и навсегда покончили со взглядами и теориями о том, что через демократию, буржуазную демо-

кратию, можно прийти к социалистической, пролетарской демократии. (Возгласы: «Правильно!») Вот почему я ограничиваюсь очень кратким обоснованием теоретической части проекта программы.

Выскажусь по ряду практических вопросов. В политической области мы требуем последовательного осуществления диктатуры пролетариата. Мы не позволим буржуазии возродить эксплуатацию пролетариата, лишаем ее возможности воссоздать свой аппарат принуждения, восстановить капитализм, помешать социалистическому развитию. В этом суть диктатуры пролетариата. Как и буржуазное государство, диктатура пролетариата является орудием принуждения. Она отличается лишь по своим целям, поскольку аппарат принуждения диктатуры пролетариата служит не задаче консервации власти, а ликвидации угнетения, ликвидации всякой власти. В этом суть диктатуры пролетариата, до сих пор находившей выражение в тех политических требованиях, которые содержатся в программе.

Вся власть принадлежит трудящимся. Это кажущееся не очень точным с марксистской точки зрения выражение означает лишь, что класс пролетариев нельзя выделить в обществе четкой разграничительной линией. Согласно марксистской диалектике, определенной разграничительной линии не существует. Поэтому мы не можем точно установить среди отдельных людей, где начинается пролетарий, а где буржуа. Несмотря на это, в пролетарском государстве необходимо обеспечить руководящую роль действительно кадровых пролетариев. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Я не согласен с товарищами, которые считают, что диктатура пролетариата, как и все существовавшие до сих пор диктатуры, есть диктатура меньшинства. Я лишь говорю, что диктатура пролетариата практически действительно находится в руках активного меньшинства, но активное меньшинство ведет за собой все массы пролетариата, трудящихся. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

С этим мы сталкивались всюду в рабочем движении: в период забастовок, во всей профсоюзной и партийной жизни, где самоотверженное, сознательное меньшинство ведет вперед пассивные, можно сказать, индиферентные, менее сознательные массы, составляющие большинство

пролетариата. Ряды такого активного меньшинства все ширились. Бросьте взгляд на развитие профсоюзного и партийного движения, всего рабочего движения, вспомните о том времени, когда, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», отдельный рабочий вел борьбу с отдельным работодателем, проследите за историческим развитием вплоть до тех пор, когда в международном рабочем движении весьма сильное меньшинство повело за собой сравнительно пассивное, постепенно активизирующееся большинство. Это, безусловно, нужно учитывать при рассмотрении данного вопроса.

Второе наше требование относится к содержанию диктатуры. В программе должен быть четко отражен временный характер диктатуры. Диктатура пролетариата, как указывает Маркс в «Критике Готской программы», есть государство переходного периода от капитализма к социализму, к первой стадии коммунизма. В течение этого переходного периода задачей революционной партии является последовательное, решительное осуществление диктатуры, использование в этих целях всех средств. Диктатура основывается на принципе авторитета. Диктатура нуждается в авторитете, подобно тому как без авторитета не обойтись ни в профсоюзе, ни в партии. Авторитет еще больше необходим тогда, когда вы имеете дело не только с массами отдельного, однородного класса, но и с враждебными, буржуазными массами, имеющими противоположные интересы.

Любое колебание означает, что авторитет диктатуры падает, а падение авторитета диктатуры приводит к излишним жертвам со стороны пролетариата. (Голос: «Правильно!») Страх буржуазии перед диктатурой пролетариата, авторитет которой падает, уменьшается. В этом случае контрреволюции становится легче атаковать нас. Тот, кто хочет, чтобы наша революция не была кровавой, чтобы она обошлась как можно меньшими жертвами, чтобы она — хотя мы не признаем так называемого надклассового гуманизма — была возможно гуманнее, должен стремиться к тому, чтобы диктатура осуществлялась твердо и энергично. Только так можно избежать излишнего кровопролития, излишних жертв со стороны пролетариата.

Но это соответствует и интересам буржуазии, поскольку в таком случае она не решится нападать на по-

давляющую всякое сопротивление диктатуру пролетариата. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Среди наших политических требований одним из самых важных и животрепещущих является пункт о бюрократии. Бюрократия была в руках буржуазного государства орудием принуждения и духовного закабаления. Если бы мы за этот короткий переходный период Советской Республики смогли покончить с бюрократией, с бюрократией буржуазного государства, то тогда требование нашей программы, касающееся старой бюрократии, было бы по сути дела беспредметным. Но пока мы должны вести борьбу против бюрократии двоякого рода — против старой и новой бюрократии. (Возгласы одобрения.) Старая бюрократия, являющаяся пережитком буржуазного государства, опасна потому, что если во времена буржуазного государства она была занята своими делами, то теперь за неимением других дел она плетет контрреволюционные заговоры. (Голоса: «Верно!») Это представляет собой весьма большую опасность для диктатуры пролетариата. Революционный рабочий класс Венгрии должен устранить указанную опасность.

Никто не должен путать борьбу с бюрократией с вопросом о привлечении интеллигенции на службу пролетарского государства. (Голоса: «Правильно!») Без знаний интеллигенции пролетарскому государству не обойтись. Не следует заблуждаться. Пролетарии, стоящие ныне у власти, в период капитализма были представителями угнетенного класса и не получили от буржуазного государства, по сути дела, никакого образования. А то образование, которое они все же имеют, они получили благодаря различным организациям рабочего класса. Ныне совершенно очевидно, что мы не можем и не желаем обходиться без профессиональных знаний. Но нельзя допускать, чтобы какой-то отдельный слой возвышался над пролетариатом и от имени пролетариата, но независимо от него осуществлял власть. Такое положение мы считаем опасным и не потерпим его. Диктатура пролетариата есть пролетарская демократия, такая демократия, которая должна воспрепятствовать возвышению любой бюрократической прослойки над пролетариатом.

Значит, нельзя допускать, чтобы чиновники вечно оставались в этом качестве. Не следует позволять, чтобы отдельные лица благодаря своим постам получали при-

вилегированное положение. Мы будем достойно оплачивать их труд, но ни в коем случае не потерпим привилегий отдельных лиц. В этом смысл диктатуры пролетариата. Мы легко покончим со старой бюрократией, если будем осуществлять диктатуру железной рукой.

Более опасна новая бюрократия. (Голоса: «Верно!») Я усматриваю серьезную опасность в новой бюрократии. Когда-нибудь нам придется встретиться с большими трудностями в связи с переходом к социализму и ликвидацией диктатуры, если мы не сможем избежать существования особой прослойки, которая сепаратно осуществляет власть. (Бурные аплодисменты.)

В России борьба против бюрократии началась сразу же после образования Советской Республики, по сути дела еще до образования новой бюрократии. И там удалось добиться того, что между предприятиями и учреждениями установился здоровый обмен рабочей силой. Служащий из рабочих, которого его товарищи послали работать в какое-либо советское учреждение, будучи отозван, возвращается на предприятие. Так постоянно совершается кругооборот — служащий никогда не может оторваться от завода, цеха, масс; постоянный контакт служащего с командировавшим его предприятием является единственной гарантией против бюрократии.

Я безусловно одобряю требование проекта программы о том, что оклады выборных служащих не должны превышать заработков квалифицированных рабочих. Правда, и при капитализме были рабочие, которые получали больше (например, токарь по металлу), чем какой-нибудь мелкий или средний чиновник. Однако несомненно, что государственная, производственная, банковская бюрократия и в области оплаты труда находилась в привилегированном положении. Жалованье чиновников было настолько высоким, что они пребывали в безусловной зависимости от класса капиталистов; они становились исполнителями воли класса капиталистов, хотя сами не располагали капиталом. Мы считаем, что, за исключением специалистов, никто не должен иметь более высокий оклад, чем средний заработок квалифицированного рабочего. Такой принцип впервые был осуществлен Парижской коммуной, и мы сегодня его полностью одобряем. Указанное требование направлено также на то, чтобы исключить возможность появления бюрократии.

Мы должны это сделать, если хотим, чтобы наша борьба увенчалась окончательной победой, чтобы переход от пролетарской диктатуры к коммунизму был гладким.

У нас есть определенные требования и в военной области. На первый взгляд кажется странным, что мы выставляем требования в военной области, ведь мы сторонники мира, противники войны. Но пока мировая пролетарская революция не получит дальнейшего развития, пока она не преобразовала всю Европу, без военных сил не обойтись, ибо буржуазия продолжает борьбу против нас, а вооруженной буржуазии мы должны противостоять с оружием в руках. Этим определяются наши требования, касающиеся Красной Армии. Наша армия есть, по сути дела, вооруженный пролетариат, задачей которого является отстаивать завоевания революции. Красная Армия — классовая армия, она не допускает буржуазию к оружию, которое та могла бы использовать против нас.

Это необходимо подчеркнуть, ибо любое вооружение буржуазии представляет опасность для революции. Но мы не хотим ограничивать личный состав вооруженных сил лишь городским, промышленным пролетариатом. Ведь было бы глупостью подвергать смертельной опасности лишь одну элиту пролетариата. К военной службе надо привлекать всех — и из промышленности и из сельского хозяйства, но стараться при этом сохранить наиболее ценную рабочую силу в сфере производства. Мы не могли этого делать тогда, когда не доверяли никому, кроме элиты пролетариата. Теперь с подобной практикой нужно покончить, нужно слить наших сознательных пролетариев с пролетариями, стоящими на более низкой ступени сознания. Необходимо также всячески беречь пролетариев.

Третье наше требование относится к национальному вопросу. С ликвидацией классового господства буржуазии прекращается и национальный гнет. Данный тезис «Манифеста Коммунистической партии» является широко известным. Теперь Венгрия, которая была классической страной национального угнетения, стала федеративной пролетарской республикой. Об этом, быть может, не стоило и говорить, но нужно отметить одно: поскольку говорящие на венгерском языке пролетарии — большинство населения страны — не испытывали национального гнета, на нас ложится задача добиться, чтобы

наши товарищи, говорящие на других языках, забыли о национальном угнетении. Федеративная республика ставит целью в максимальной степени обеспечить населяющим страну национальностям национальную и культурную автономию.

Хочу немного остановиться на вопросах просвещения. Диктатура пролетариата должна быть большой школой социализма. Необходимо поставить систему просвещения на службу делу социалистического воспитания, вот наша программа в этой области.

Наши требования в экономической области также известны товарищам: концентрация производства, финансовый контроль, причем это необходимо осуществить в срочном порядке. Социалистической партии, революционной рабочей партии нужно предъявить строгие требования к своим членам, работающим в различных правительственных органах. Члены социалистической партии, коммунисты и сознательные социалисты должны во всех областях жизни бороться с анархией, которая неизбежно возникла на первой стадии революции и проявляется, в частности, в том, что во многих местах была похищена даже риза господня. Это особенно относится к товарищам из провинции, которые должны обратить внимание на местах на такое предупреждение, создать соответствующее общественное мнение, ибо нельзя допускать новой экономической анархии, новой финансовой анархии.

Аграрный вопрос — предпоследний пункт — является еще одним центральным вопросом. Можно с полным основанием гордиться тем, как мы разрешили аграрный вопрос. Благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось добиться того, что общественное производство у нас не является утопией, поскольку на большей части сельскохозяйственных угодий ведется коллективное хозяйство. Теперь возникает много различных проблем. Отдельные люди требуют немедленного превращения производственных кооперативов в государственные хозяйства. В противоположность этому я придерживаюсь мнения, что, до тех пор пока мы не убедим мелких хозяев из среды крестьян в преимуществах коллективного производства, следует сохранять систему производственных кооперативов и лишь после этого вводить чисто советские хозяйства. (Возгласы: «Правильно!») Диалектический ход развития не означает, что мы можем пере-

прыгивать через отдельные этапы; надо разумно, по-марксистски оценивая события, с революционной энергией трудиться над тем, чтобы сократить отдельные этапы развития.

Так обстоит дело с сельским хозяйством. Сельское хозяйство потому имеет для нас столь важное значение, что малосознательные элементы пролетариата рекрутируются в первую очередь из сельского населения. Необходимо всеми средствами обеспечивать руководящую роль промышленного пролетариата по отношению к сельскохозяйственному пролетариату.

Пользуюсь случаем, чтобы пополемизировать с некоторыми статьями из «Вилагсабадшаг»[1]. Авторы статей хотят провозгласить новую «доктрину Монро»: союз сельскохозяйственных рабочих — только сельскохозяйственным рабочим. Это большая ошибка. Если мы стремимся к классовому единству, то нельзя допускать, чтобы отдельные организации замыкались в себе. Необходимо установить тесную связь между ними. Сегодня братский союз сельскохозяйственного и промышленного пролетариата является еще, откровенно говоря, громкой фразой. Причина этого заключается, между прочим, в плохой агитации, в применении неправильных методов. И если теперь установить, что среди батраков может агитировать только батрак, что батраки могут разговаривать лишь с батраками, а не с промышленными рабочими, то это нанесло бы вред делу социализма. Я убежден, что мы найдем путь, на котором действительно удастся создать жизненно необходимый братский союз промышленного и сельскохозяйственного пролетариата.

По вопросу о защите рабочих мы не могли осуществить все то, что было записано в прежних социалистических программах. Требуют еще своего разрешения вопросы обеспечения по старости и инвалидности, а также ряд вопросов промышленной гигиены. К сожалению, наши усилия во многом парализуются отсутствием сырья. Должен коснуться вопроса о сокращении восьмичасового рабочего дня. Некоторые считают это преждевременным. Я думаю, что по мере развития производительных сил должно постепенно сокращаться и рабочее время. И та-

[1] «Вилагсабадшаг» («Мировая свобода») в период Венгерской Советской Республики была газетой сельской бедноты.— *Ред.*

кое положение, при соблюдении соответствующей трудовой дисциплины, не повлечет за собой уменьшения объема производства. Но первым условием этого является обеспечение трудовой дисциплины.

Думаю, между нами нет расхождений в том, что наша партия должна быть чисто пролетарской партией, которую возглавляет в первую очередь элита пролетариата. Это не означает создания пролетарской аристократии, ибо ее можно создать лишь путем предоставления привилегий. Под элитой подразумеваются пролетарии с более высоким уровнем сознания, большей готовностью к жертвам, более высокой моралью. Более высокая сознательность и должна стать гарантией соблюдения трудовой дисциплины.

Наконец, хочу коснуться наименования партии. Многие считают это второстепенным вопросом, но я думаю, что прав Гильфердинг, сказавший: «Namen sind Wirksamkeiten»[1]. III Интернационал называют Коммунистическим Интернационалом. III Интернационал означает возврат к традициям I Интернационала, к традициям «Манифеста Коммунистической партии». По этой причине в свое время в России было принято наименование «Коммунистическая партия». Вторая причина состоит в стремлении отмежеваться от тех рабочих партий, которые настроены против революции.

Товарищ Велтнер[2] предложил название: Социалистическая (Коммунистическая) партия Венгрии. Товарищ же Кунфи[3] предложил наименование: Социалистическая партия Венгрии.

Моя позиция основывается на указанных выше аргументах, а также на одном тактическом соображении, а именно: нельзя допустить, чтобы какая-либо другая пар-

---

[1] «Наименования — действенный фактор».— *Ред.*

[2] *Велтнер Якаб* (1873—1936) — один из оппортунистических лидеров социал-демократической партии Венгрии. В 1918 г.— ответственный редактор «Непсава». Во время диктатуры пролетариата вел скрытую контрреволюционную деятельность. В 1924 г. снова стал редактором газеты «Непсава». С 1931 г.— депутат парламента хортистской Венгрии.— *Ред.*

[3] *Кунфи Жигмонд* (1879—1929) — один из лидеров и идеологов правых социал-демократов. По профессии — преподаватель средней школы. В период пролетарской диктатуры занимал пост народного комиссара просвещения. Своими колебаниями способствовал подрывной деятельности контрреволюционных элементов и падению Советской власти в Венгрии.— *Ред.*

тия присвоила наименование «Коммунистическая партия». Анархисты или те, кто считает себя более левыми по сравнению с нами, могут, возможно, принять наименование «Коммунистическая партия». Мы должны опередить их и не допустить, чтобы кто-либо другой использовал это наименование и спекулировал на нем. Вот решающий аргумент, на основе которого я еще раз предлагаю назвать нашу партию Коммунистической партией Венгрии.

На этом я кончаю. Свой доклад я завершаю тем, с чего начал. Первое условие: программа должна быть основой единства, которое может проявиться лишь в революционном действии и никак иначе. Второе условие: каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ.

Заключительное слово

Уважаемые товарищи!

Сообщаю, что товарищ Кунфи отказался от своего предложения, чтобы партия именовалась Социалистической партией. (Возгласы одобрения.) И три товарища, внесшие свои предложения о наименовании, единодушно сошлись на названии — Партия социалистическо-коммунистических рабочих Венгрии. (Бурная овация.) После этого заявления, встреченного вами одобрительно, хочу высказать несколько замечаний.

Уважаемые товарищи!

Говоря о единстве, мы имеем в виду не просто единство программы, единство форм. Подлинное единство может быть лишь единством революционного действия. (Возгласы одобрения, аплодисменты.) Этим я в общем и целом ответил на выступление товарища Кунфи.

Речь идет о революционном действии, создавшем в нашей партии единство, решительное революционное единство, которое не смотрит назад, которое не ищет путей отступления, а смотрит вперед, стремится к освобождению пролетариата, к построению первой стадии коммунизма — социализма, а затем второй стадии коммунизма — полного коммунизма. (Возгласы одобрения, аплодисменты.) Совершенно очевидно: в том, что

касается методов осуществления диктатуры, могут быть различные мнения, но не больше; если кто-либо хочет провести различие между содержанием диктатуры и ее методами, то это отход от методов диктатуры. Диктатура — это подавление, которое осуществляется при неизбежном переходном режиме, и если кто-либо хочет покончить с подавлением под лозунгом гуманности, то это даже не отход от методов диктатуры, а атака на диктатуру.

Я должен кое в чем упрекнуть товарища Кунфи. Несомненно, что мы излишне много раз наступали на мозоли, но это было излишне лишь потому, что врагу следует наступать не на мозоли, а на горло. (Бурные аплодисменты.) В противоположность товарищу Кунфи, я не признаю надклассовую мораль, надклассовый гуманизм. Капитализм имеет свою классовую мораль, которой пролетариат должен противопоставить собственную классовую мораль. Товарищ Кунфи может называть это макиавеллизмом, но я признаю лишь ту мораль, которая отвечает классовым интересам пролетариата.

В связи с выступлением товарища Кунфи хочу еще раз обратить внимание на то, что он сказал: мы подражали русской пролетарской революции. Я вынужден протестовать против этого обвинения, которое является одним из наиболее тяжких обвинений. Ведь это значит, что мы действовали по шаблону, что мы неспособны применять диктуемые обстановкой методы. Указанный вопрос возникал много раз и до нашего объединения. Я тогда всегда подчеркивал, что мы не можем начинать с того, с чего началась русская пролетарская революция, но нам необходимо использовать теоретические и практические результаты русской пролетарской революции, и в большей части мы их использовали.

Вот почему мы за два с половиной месяца в организационном отношении сделали больше, чем русская пролетарская революция за год. Я вновь подчеркиваю, что ни один этап развития нельзя перепрыгнуть, его можно лишь сократить. Те недостатки, о которых говорили многие товарищи,— дезорганизация, слабая организация — неизбежны на данной стадии развития. Но именно потому, что нам известен опыт русской пролетарской революции, мы можем смело выступить против указанных недостатков. Мы сами можем критиковать пролетарскую

революцию и эти недостатки вскоре искореним. Причина их не в пролетарской диктатуре, не в форме диктатуры, так же как применявшиеся до сих пор методы диктатуры не являются причиной упадка нашей духовной жизни, того, что в Венгрии в последнее время не создавалась продукция духовной деятельности.

Несомненно, что диктатура не слишком благоприятствует развитию индивидуальной свободы, самовыражению личности. Духовная жизнь пришла в упадок, но это та духовная отрава, которая стояла на службе буржуазии, которая была частью аппарата насилия буржуазного государства и называлась буржуазной художественной литературой. (Возгласы одобрения, аплодисменты.) Новая духовная жизнь, новая культура должны родиться в самом пролетариате. Я верю в творческую силу пролетариата, в ту созидательную силу, которая разрушила старые и создала новые институты, верю, что пролетариат добьется расцвета и в сфере духовной жизни. Разумеется, это не будет литературой журнала «Ма», являющейся продукцией буржуазного декаданса. В области пролетарской духовной жизни будет господствовать новый дух, на основе которого расцветет культура класса пролетариата.

За короткое время существования диктатуры пролетариата еще не могли появиться новые духовные ценности, а на основе старого ничего ценного для пролетариата произрасти не могло; и хотя, несомненно, пока мало сделано в интересах подъема пролетарской культуры, нельзя делать вывод, что причиной тому являются методы диктатуры; причина — в отсутствии соответствующих условий.

По существу программы внес предложение только товарищ Золтан Ронаи, к которому присоединяюсь и я. Он хочет подчеркнуть нашу цель, подчеркнуть, что мы ведем революционную работу в интересах того, чтобы содействовать развитию мировой революции, чтобы зажечь пламя мировой революции.

Партия коммунистических рабочих Венгрии может достичь этой цели лишь в том случае, если будет вести борьбу не одна, а вместе с пролетариатом других стран, если она образует единый фронт со всеми пролетарскими партиями, поставившими своей целью подготовку мировой революции. Способствовать мировой революции

пропагандой своих успехов является важнейшей задачей нашей партии. Поэтому я согласен с этой поправкой.

Я согласен и с другим предложением товарища Ронаи, касающимся экономики: мы не должны трогать мелкие предприятия, их нельзя экспроприировать диктаторским методом, путем непосредственного принуждения. Кроме того, я согласен с поправкой относительно мелких сельских хозяев. Наконец, товарищ Ронаи сделал развернутое дополнение к разделу об охране труда. Он предлагает, чтобы пролетарское государство заботилось не только об инвалидах, но и о престарелых рабочих. Это естественно, и я, следовательно, согласен со всеми поправками товарища Ронаи.

Разрешите еще раз вернуться к вопросу о единстве. Должен снова подчеркнуть, что не может быть программы, способной обеспечить единство. Единство должно проявиться не в словах, а в делах. О единстве рабочего движения свидетельствуют лишь революционные действия. Итак, товарищи, пусть единство проявляется в твердой, решительной, неизменно осмотрительной, но беспощадной революционной диктатуре. (Бурные аплодисменты.)

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ НА ВСЕВЕНГЕРСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

14 июня 1919 г.

Глубокая вера в то, что наступает мировая социалистическая революция (бурная овация), глубокая вера в историческую миссию пролетариата, в то, что пролетариат должен освободить самого себя и возродить человечество (возгласы: «Правильно!» Бурная овация) — вот чем должен руководствоваться в своей работе первый съезд Советов Венгерской Советской Республики!

Мировая революция надвигается! Но до тех пор, пока ее новые отряды не подойдут нам на помощь, мы своими силами будем защищать, будем спасать этот очаг мировой пролетарской революции! (Бурные аплодисменты.)

Мы побеждаем! Но сейчас не время предаваться упоению победой. Товарищи! Как говорил наш учитель Маркс, лишь буржуазные революции начинаются с упоения, чтобы затем закончиться похмельем, пресыщенностью[1]. Наша революция сопровождалась тяжелыми, мучительными родовыми схватками. (Голоса: «Правильно!») В тяжелых, мучительных схватках, которые продолжаются и поныне, пролетариат рожает новый общественный строй, рожает социализм, первую стадию коммунизма. По мере продвижения вперед будет возрастать революционный порыв пролетариата, после пережитых страданий наступит и день упоения победой. Мы победим! (Возгласы: «Правильно!»)

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 122.

Нам на помощь придут новые отряды пролетариата, придут те, кто в силу своего исторического призвания должны осуществить революцию, как это сделали мы. (Голоса: «Верно!»)

Международная контрреволюция хочет удушить нас, чтобы восстановить в Венгрии капиталистическую эксплуатацию. Но никогда капитализм не будет господствовать на этой земле; на своих штыках наша Красная Армия понесет вперед революцию, освободительную пролетарскую революцию! (Голоса: «Правильно!»)

Никогда ни секунды колебаний — такой решимостью должны быть проникнуты заседания съезда. Колебания, шатания — смертельный враг пролетарской диктатуры, а враг диктатуры есть враг социализма, коммунизма, ибо дорога к социализму, к коммунизму пролегает лишь через диктатуру пролетариата. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.)

Мы ведем борьбу с контрреволюцией. Мы одолеем международную контрреволюцию так же, как и внутреннюю. (Бурные аплодисменты.) Одолеем потому, что на нашей стороне пролетариат других стран. Не мы придумали пролетарскую революцию; она не ограничится Венгрией. Бич капитализма толкает пролетариат других стран к революции так же, как это было в Венгрии. (Голоса: «Правильно!») Измученные голодом, ужасами нового варварства, они не могут не восстать против своих эксплуататоров, против капиталистических банд грабителей. Они восстанут и вместе с нами понесут вперед пламя мировой пролетарской революции. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Трудно обойтись без шатаний и колебаний, поскольку наступают тяжелые дни. Обойтись без шатаний и колебаний, в ожесточенной борьбе идти прямо вперед — это, повторяю, очень трудно. И очень трудной будет классовая борьба, которую мы теперь ведем с оружием в руках. Но наши колебания послужили бы плохим примером для пролетариата всех стран. Нашей стойкостью, твердой верой в историческое призвание пролетариата, работой по разрушению и созиданию мы показываем пролетариату всего мира пример, который достоин подражания (возгласы: «Правильно! Правильно!») и которому он непременно последует. Французские, английские, американские, итальянские и прочие империалисты точат

на нас зубы, они натравливают на нас алчущих добычи империалистов небольших стран — чешских банкиров, румынских бояр, югославских империалистов — не только ради завоеваний, но также и ради того, чтобы ликвидировать этот очаг эпидемии, очаг пролетарской революции, удушить Венгерскую Советскую Республику и восстановить в ней господство капитализма. (Шум в зале.)

Из этого зала мы обращаемся в первую очередь к пролетариату Франции, который имеет возможность сорвать готовящееся на нас нападение. (Голоса: «Правильно! Правильно!») Мы обращаемся к пролетариату, который хотя и сыт по горло войной, но правители которого тем не менее собираются послать против нас от имени священной цивилизации цветных солдат — гурков, негров.

Вношу предложение, чтобы съезд принял следующее обращение к пролетариату Франции:

Международный империализм угрожает существованию венгерского пролетариата, развернувшего красное знамя мировой революции. Поэтому венгерский пролетариат обращается к своему естественному союзнику, международному пролетариату. Оказавшись в окружении коварных, алчущих добычи малых стран, которых всячески поддерживают великие империалистические державы-победительницы, венгерский народ не имел иного выбора, как дать отпор этим эксплуататорским устремлениям объединенной банды грабителей. Пролетариат Венгрии навечно избавился от ига капитализма и тем самым показал пролетариату капиталистических стран единственно правильный путь разрешения проблем, возникших в результате войны. Этот факт вызвал гнев империалистов всего мира, которые с первого дня существования Советской Республики, создавшей такую угрозу для их прибылей, не оставляют усилий, направленных на ее ликвидацию. Для достижения указанной цели империалисты не брезгают никакими средствами. Они натравливали на нас множество разных контрреволюционеров, организовывали белогвардейцев; всюду, где империалисты временно обосновывались, они предоставляли полную свободу для белого террора, не считаясь с тем, что Советская Республика никогда не допускала бесконтрольного красного террора. Помимо коварной подрывной

работы они прибегли и к открытому применению силы. На Советскую Республику одновременно напали чехословацкие, румынские и югославские войска, которыми командовали французские и итальянские офицеры и которые никогда не делали тайны из того, что они преследуют не только захватнические цели, но в первую очередь стремятся восстановить в Венгрии прежний строй, капиталистическую эксплуатацию.

Молодая Советская Республика, которая не была готова к отражению разбойничьего нападения, оказалась в критическом положении. Но рабочий класс быстро осознал опасность, он понял, что речь идет об истребительной войне международного империализма против международного социализма. Провозгласив диктатуру пролетариата, венгерский рабочий класс вышел в первые ряды международного пролетариата, стал авангардом мировой революции. Он вынужден защищать завоеванные позиции всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Потребовалось всего несколько дней, чтобы создать дисциплинированную армию, состоящую исключительно из рабочих. Эта армия отбросила румын на Тисе и освободила бóльшую часть Словакии от ига чешского империализма.

Замечательные победы венгерской Красной Армии поразили и привели в ужас представителей международной контрреволюции в Версале. И Франция, которая сегодня является гнездом реакции, совершенно открыто готовится нанести сокрушительный удар по молодой Венгерской Советской Республике.

Революционный пролетариат Венгрии наготове! Он до последней капли крови будет отстаивать свою Советскую Республику, свою свободу, независимость, революцию. Однако мы искренне сожалеем, что делается попытка использовать пролетариев, французских рабочих, для подавления венгерской революции.

Пролетариат Венгрии выполняет свою обязанность, продиктованную чувством солидарности, когда информирует своих французских братьев рабочих о положении и предупреждает их о том, что свержением венгерской революции они будут способствовать ликвидации собственных революционных возможностей, лишат себя будущего, надежд. «Tua res agitur!» — «О твоих делах идет речь!» Если французские империалисты и их сообщники

покончат с революционной Венгрией и если им удастся поставить на колени Советскую Россию, то тогда им будет нетрудно задавить в зародыше и во Франции любое освободительное движение, любое устремление, направленное на улучшение положения пролетариата, и низвести на необозримое время народы всего земного шара до положения безвольных рабов. Рабочий класс Венгрии, революционный дух которого выковывался на замечательном примере французской Коммуны, рассчитывает, что наследники Коммуны не позволят использовать себя в качестве орудия для того, чтобы потопить в крови последователей Коммуны!

Товарищи!

Нас не смогут потопить в крови, мы сами потопим в крови всех, кто стремится уничтожить Венгерскую Советскую Республику. (Голоса: «Верно! Правильно!» Делегаты съезда стоя аплодируют.) Не будет пощады тем, кто на нас нападает, ибо это — нападение на будущее пролетариата, на возможность возрождения человечества, и они не имеют права занимать место среди людей. (Голоса: «Верно! Правильно!») Мы пойдем вперед до победы, до тех пор, пока не станет угнетателей и угнетенных, не станет больше капиталистов и пролетариев во всем мире. Мы являемся передовыми борцами, передовым отрядом мировой пролетарской революции. Да здравствует мировая пролетарская революция! (Бурная овация. Оркестр исполняет «Марсельезу» и «Интернационал».)

ДОКЛАД О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА ВСЕВЕНГЕРСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

19 июня 1919 г.

Уважаемые делегаты съезда! Уважаемые товарищи!

Я хочу отчитаться о нашей классовой внешней политике за три месяца и познакомить вас с ее дальнейшими перспективами. Для того чтобы понять внешнюю политику, которую мы проводили в течение трех месяцев, и наметить ее дальнейшие перспективы, необходимо знать генезис этой политики.

Опыт, приобретенный нами во время и после войны в отношении западных демократий, показывает, что внешняя политика демократических стран, и особенно западных демократических стран, ничем не отличается от внешней политики германского и австро-венгерского империализма. (В о з г л а с ы: «Верно! Правильно!») Политика западных демократий, посылавших своих пролетариев на мировую войну под антимилитаристскими лозунгами, под лозунгами борьбы против германского и австро-венгерского милитаризма и против национального угнетения, ничем не отличалась от политики крупных центральноевропейских монархий и их вассалов, основанной на милитаризме и национальном угнетении. (В о з г л а с ы: «Верно! Правильно!»)

Мировая война, уносившая миллионы жизней и порождавшая миллионы инвалидов, подходила к концу, когда выявился во всей своей наготе облик империалистически-милитаристской политики держав Антанты. Те, кто ранее верил в буржуазный, капиталистический пацифизм, увидели, что политика Антанты ничем не отличается от империалистической, милитаристской, колониальной политики Германии и Австро-Венгерской монархии.

Брест-Литовский и Бухарестский мирные договоры, навязанные в свое время временно одержавшими верх воинственными Германией и Австро-Венгерской монархией, были унизительными договорами, служившими целям удовлетворения грабительских инстинктов империализма. Точно таким же является мир, который хотят навязать и навяжут, хотя и временно, Германии и Австрии и стремятся навязать нам, молодой Венгерской Советской Республике.

Мы, пришедшие к руководству страной не на основе правопреемственности, а на основе права революции, от имени класса, взявшего власть в свои руки по праву революции, с полным основанием можем торжественно заявить в этом зале, что не имеем никакого отношения к развязавшей войну Австро-Венгерской монархии. (Голоса: «Верно! Правильно!») Мы не правопреемники Австро-Венгерской монархии и буржуазно-феодальной Венгрии, которая шла впереди на поприще военного подстрекательства и послала миллионы людей на бойню в целях империалистического грабежа. (Возгласы одобрения, аплодисменты.) Мы не имеем ничего общего с этой Венгрией, ничего общего с Австро-Венгерской монархией и не намерены отвечать за последствия развязанной ими войны. (Бурные аплодисменты.)

Мы, социалисты-коммунисты, осуществляющие от имени пролетариата власть, порвали с прошлым и покончили с порождающим войну капитализмом. Следовательно, мы не можем нести ответственность за последствия империалистической войны перед державами Антанты. (Голоса: «Правильно!»)

В результате победы держав Антанты в мире сложились примерно три большие группы государств. Первая группа: великие империалистические державы-победительницы — Англия, Америка, Франция, Италия и Япония. Этим империалистическим державам-победительницам противостоят побежденные государства — Германия, два государства бывшей Австро-Венгерской монархии — Австрия и Венгерская Советская Республика и мелкие вассальные государства, которые в свое время были прислужниками и одновременно жертвами центральноевропейского империализма. Третья группа — нейтральные страны и те страны, которые появились на территории бывшей Австро-Венгерской монархии в результате

вооруженной борьбы, революции и главным образом в результате политики Антанты,— Чехословакия, Югославия и Румыния, включающая в себя Трансильванию.

Стремясь определить свой внешнеполитический курс, мы должны изучить положение этих трех групп государств. К первой из них, повторяю, относятся победители, ко второй — побежденные, а к третьей — государства, возникшие благодаря содействию победителей, и такие буферные государства, как, например, Польша, которые служат различным империалистическим целям. Положение трех групп государств имеет решающее значение с точки зрения так называемой мирной политики Антанты, саморазоблачение которой является уже свершившимся фактом.

Мирная политика пяти великих империалистических держав, по сути дела, непрерывно разоблачает самое себя. Не в порядке упрека в чей-либо адрес следует отметить тот несомненный факт, что надо совсем не понимать природу империализма, чтобы попасться на удочку этой мирной политики, этого пацифизма. Такой взгляд в прошлое не упрек, поскольку наше отношение к буржуазной Венгрии выражается не упреками: мы хотим, чтобы и следа ее не осталось. Однако бесспорно, что увлечение пацифизмом, то, что некоторые позволили обмануть себя мирной политикой Антанты, является для нас тяжелым и проклятым наследием. (Голоса: «Правильно! Правильно!» Аплодисменты.)

Эта мирная политика — дело далекого прошлого. Такой пацифизм, на капиталистических корнях которого я остановлюсь позже, уже мертв. И сейчас нам ничего другого не остается, как продолжать классовую борьбу, революционную классовую борьбу с оружием в руках, как бы тяжело нам ни было призывать наших братьев пролетариев идти на фронт и освобождать Венгерскую Советскую Республику, ставшую жертвой «мирной политики» Антанты и зависимых от нее государств.

Пацифизм Антанты, который представляет собой не что иное, как стремление задушить любую революцию, явился неизбежным следствием нашей революционной войны. (Возгласы: «Правильно!») Революции в побежденных государствах и в первую очередь пролетарская революция в Венгрии не могли ожидать от антантовского пацифизма, от так называемой мирной политики

Антанты ничего другого, кроме того, что последовало — вооруженной интервенции со стороны вассальных, зависимых от Антанты государств, империализм которых отличается особой жадностью, ненасытностью.

Экспансионистская политика этих вассальных государств, этих так называемых новых национальных республик, оказалась еще более хищнической, чем политика великих держав, неистовствующих ныне в упоении от победы. Но в результате выступлений пролетариата упоение от победы начинает сменяться похмельем, которое в конце концов завершится полным пресыщением. (Возгласы: «Правильно! Правильно!» Аплодисменты.)

Саморазоблачение упомянутой «мирной» политики в первую очередь проявляется в благоговейном уважении ко всем пережиткам, ко всем решениям тайной дипломатии. Вспомните, как в свое время лидер пацифистского крыла антантовского империализма Вильсон объявил войну тайной дипломатии. Вспомните, какой шум подняла вся европейская пресса и сколько людей из добрых побуждений, в том числе и членов некоторых социалистических партий, попались на приманку борьбы против тайной дипломатии. Вспомните, как многие французские социалисты, французские рабочие, когда Вильсон вступил на землю Франции, локтями и кулаками пробивались вперед, чтобы приветствовать его в качестве борца против тайной дипломатии.

Когда я наблюдаю за ходом Парижской мирной конференции, мне вспоминается речь великого социалистического мыслителя и писателя Анатоля Франса, которую он однажды произнес по поводу тайной дипломатии, выступая вместе с Жоресом и Презансо на массовом митинге. Франс заметил, что если бы Людовик XIV восстал из мертвых, то был бы очень удивлен обликом Франции; ну а если бы он зашел в министерство иностранных дел, то сказал бы: я дома. Если бы создатели Священного союза, участники Венского конгресса нагрянули в современную Францию и побывали в залах и кулуарах мирной конференции, то они не смогли бы выразиться иначе, чем Людовик XIV,— я дома. (Бурные аплодисменты.)

Мир без аннексий и контрибуций был вторым лозунгом империалистического пацифизма, основным пунктом программы Вильсона. В связи с этим следует лишь сослаться на различные заявления Ллойд-Джорджа, Кле-

мансо и Соннино, которые решительно стоят на позициях аннексий и контрибуций. Они рассматривают аннексии и контрибуции как возмездие. Это второй этап саморазоблачения Антанты.

Призывы к проведению политики разоружения, уважаемые товарищи, больше всего привлекли благонамеренно мыслящих людей на сторону вильсонизма, вызывали у них надежду, что окончание войны, вероятно, приведет к разоружению. Для людей, стоящих на позиции революционной классовой борьбы, совершенно очевидно, что разоружение в империалистический период капитализма, если бы оно вообще было возможно, не означало бы ничего иного, как сокращение бремени капиталистических государств. Это выгодно для капиталистов, которые могли бы в этом случае направить все сохраняющиеся вооруженные силы против внутреннего врага, против пролетариата. (Голоса: «Верно!»)

Вот что представляет собой империалистический, капиталистический пацифизм. Однако ясно, что гонка вооружений не прекратилась. Более того, державы Антанты уже провели подготовку к ее форсированию. А под разоружением они понимают следующее: ограничить вооруженные силы побежденных государств, но так, чтобы они были достаточны для предотвращения повсеместного распространения большевизма. (Голоса: «Верно! Правильно!» Аплодисменты.) Это не что иное, как скрытая борьба против большевизма, которая уже приняла открытую форму в Германии, где решающим моментом при ограничении вооруженных сил было соображение: оставить Германии столько вооруженных сил, сколько необходимо для сохранения капиталистического строя и подавления большевистского движения. (Голоса: «Верно!»)

Другой значительный лозунг пацифизма Вильсона — свобода морей — также потерпел крах, когда все побежденные государства, да и большинство нейтральных стран были вообще лишены доступа к морю и возможности включиться в международную морскую торговлю, свободно устанавливать связи с другими национальными хозяйствами, с экономикой других государств. Лживый лозунг свободы морей был окончательно разоблачен, когда Вильсону пришлось уступить требованиям Англии, примириться с ее гегемонией на морях.

Цену напыщенных фраз империалистов о праве наро-

дов, наций на самоопределение мы познали еще раньше, когда увидели, что на деле это — право на самоопределение господствующего буржуазного класса. И действительно, для империалистов право наций на самоопределение не что иное, как раздел спорных территорий «с позиции силы». Лучшим примером служит политика Антанты в отношении территории прежней Венгрии. Антантовский империализм «осуществил» тут право наций на самоопределение путем военной оккупации спорных территорий и таких территорий, которые даже с точки зрения Антанты нельзя считать спорными. (Аплодисменты.) Вот вам дальнейшее продолжение саморазоблачения империалистического пацифизма! Это явная аннексия.

Условия германского мирного договора ясно показывают, что Антанта под миром без контрибуций понимает лишение побежденных стран самых элементарных условий для хозяйственной жизни, их ограбление. Это значит, уважаемые товарищи, что мирная политика антантовского империализма представляет собой самую крайнюю реакцию, перед лицом которой нам остается лишь продолжать внешнюю политику классовой борьбы, продолжать самую острую и непримиримую классовую борьбу и добиваться мира иным путем, а не через империалистический пацифизм, вильсонизм. (Возгласы: «Правильно!» Бурные аплодисменты.)

Появление диктатуры пролетариата в Венгрии самым тесным образом связано с саморазоблачением империалистического пацифизма. Объединению фракций большинства и меньшинства венгерского рабочего движения на платформе пролетарской диктатуры в значительной мере содействовало создавшееся в результате грабительской политики Антанты международное положение. Оно открыло глаза пролетариату и тем руководителям пролетариата, которые верили, что на основе вильсонизма можно осуществлять мирную внешнюю политику, что на основе вильсонизма можно образовать такую экономически целостную территорию, на которой пролетариат сумеет просуществовать.

Нота Викса, предшествовавшая установлению диктатуры пролетариата в Венгрии, является типичной формой проявления антантовского пацифизма, вильсонизма. Нота Викса во многом способствовала мирному захвату нами

власти, без кровопролития. А потому мы должны быть благодарны антантовскому империализму — в том смысле, естественно, в каком мы благодарны капитализму, который, хотя и ценой крови, пота и нищеты многих миллионов людей, создал экономические предпосылки социализма. (Аплодисменты.)

Говоря о предпосылках классовой внешней политики, следует остановиться на противоречиях между государствами Антанты, которые дают нам возможность продолжать эту политику. Между различными группами империалистических государств-победителей существуют глубокие и серьезные противоречия. Правда, эти государства едины в том, что все страны нужно колонизовать, все страны следует включить в сферы влияния могущественных великих держав. Но несомненно также, что империалистические державы в силу природы империализма должны вести борьбу друг с другом. Империализм означает единую монополизированную экономическую жизнь в границах отдельных национальных государств и борьбу за передел мира, самую беспощадную конкуренцию, полную анархию на мировом рынке.

Здесь уместно провести аналогию с положением, которое сложилось на ранней стадии развития рабочего движения. Несомненно, что в доимпериалистический период буржуазия занимала единую позицию в отношении эксплуатации, угнетения рабочего класса. Поэтому Маркс был совершенно прав, критикуя Готскую программу. Однако в то время, в доимпериалистический период развития, буржуазия не представляла собой единой реакционной массы: она была реакционной, но не единой. Таким образом, во внутренней политике рабочего движения полностью оправдывалась тактика того времени, направленная на использование в интересах развития рабочего движения и улучшения экономического положения рабочего класса противоречий между различными слоями неоднородной реакционной массы, интересы которых не полностью совпадали. (Возгласы: «Правильно!»)

Сегодня, на данной ступени империалистического развития, эта тактика, несомненно, устарела и любое сотрудничество с собственной буржуазией, с собственными угнетателями означало бы измену классовым интересам. Но при таком международном положении, когда пролетариат стал господствующим классом еще только в двух стра-

нах, когда пролетариат захватил власть лишь в тылу империализма, отказ от использования противоречий, проявляющихся между различными империалистическими державами Антанты, был бы совершенно догматическим, доктринерским и нереалистическим подходом. (Аплодисменты.)

Эти противоречия, товарищи, настолько глубоки, что мы в определенной степени можем строить на них свою внешнюю политику, рассчитывая на мировую революцию, содействуя развертыванию революционного движения во всем мире.

О мировой революции и ее перспективах, о мировой революции как основе нашей внешней политики речь пойдет особо.

Было бы необоснованным и неправильным игнорировать противоречия, глубокие пропасти, которые разделяют различные империалистические группы, было бы неразумным не учитывать вопросы, которые вообще не дают антантовскому империализму возможности решить проблему мира. К ним относятся вопросы свободы морей, Лиги наций и интернационализации колоний.

Вопрос свободы морей был, как уже говорилось, существенной частью империалистического пацифизма Вильсона. В противовес английской гегемонии на морях, Вильсон стремился обеспечить возможность свободного развертывания торговли США с европейскими странами, чтобы сравнительно стабилизированный капитализм США, не имея крупного торгового флота, мог преуспевать на европейском рынке. (Голоса: «Правильно!»)

Этим в основном и объясняется стремление вильсонизма к созданию огромного треста, объединяющего государства, к созданию Лиги наций (Голоса: «Правильно!»), которая, однако, не могла не обрести немедленно империалистического характера,— ведь решение вопросов свободы морей и интернационализации колоний могло быть лишь таким, при котором Соединенные Штаты выиграли бы, а другие страны, остальные империалистические державы, понесли бы ущерб. (Аплодисменты.)

Ясно, что Англия ни в коем случае не могла и не может теперь согласиться с лозунгом свободы морей и не уступит своей гегемонии. Да и Италия не откажется от стремления господствовать в Адриатическом море. Она

не может согласиться с этим лозунгом, поскольку итальянский империализм жизненно заинтересован в гегемонии над Адриатикой. Свобода морей, как опасаются итальянские правящие круги, означала бы предоставление Югославии свободы судоходства и отказ Италии от всяких устремлений в отношении Югославии, а на это итальянский империализм не склонен идти. (Возгласы: «Верно!»)

Проблемы колоний, проблемы, связанные с разделом Балкан, тоже относятся к той группе вопросов, которые делают невозможным единое выступление империализма Антанты. Франция ни в коем случае не согласится с интернационализацией колоний. А раздел германских колоний является таким вопросом, который несовместим с осуществлением идеи интернационализации колоний.

Все это, а также вопрос о сферах влияния в различных вассальных государствах (экономическая связь Польши с той или иной группировкой держав, обеспечение для Польши морских коммуникаций) порождает такие противоречия среди империалистов, на которых мы можем спокойно строить свою внешнюю политику, с которыми мы можем связывать определенные надежды, поскольку единое выступление Антанты против Венгрии становится невозможным.

Нет больше тайной дипломатии. Мы должны показать товарищам все мотивы дипломатии и подчеркнуть, что хотя мы связываем свою судьбу с мировой пролетарской революцией, но мы не стоим на доктринерской позиции, не говорим, что лишь мировая пролетарская революция может помочь нам. Нужно использовать и все противоречия, которые разделяют враждебные нам различные империалистические державы Антанты. (Голоса: «Правильно! Правильно!»)

Все империалистические страны Антанты, несомненно, едины в стремлении задушить большевизм. Они согласны в том, что Советскую Республику следует уничтожить, что с Советской Республикой нужно покончить. В то же время Венгрия не только Советская Республика, не только «очаг большевистской заразы», но и экономически целостная территория, которая может быть включена в ту или иную сферу влияния империалистических группировок. Но Венгрия — это страна, где в настоящее время нельзя себе представить другой

власти и другого строя, кроме диктатуры пролетариата. (Возгласы: «Правильно!») Именно поэтому, уважаемые товарищи, Венгрия не может быть объектом империалистических сделок. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Уважаемые товарищи!

Современное положение требует глубокого всестороннего анализа. Перед вами лежит нота, которую направил нам Клемансо от имени правительств союзных и объединившихся держав и в которой диктуются, хотя не полностью, границы новой Венгрии. Дамоклов меч все еще висит над нашей головой, поскольку там, где нет войск Красной Армии, границы еще не установлены и сохраняется возможность расправиться с нами еще более беспощадно. (Голоса: «Правильно! Правильно!») Но навязываемые нам границы, территория, заключенная в этих границах, ни в коем случае не могут обеспечить пролетариату возможность существования, даже при широком развитии международных экономических связей. Сегодня позиция пролетариата по вопросам международного положения аналогична той, которую он занимал по отношению к капиталистическому строю в Венгрии до установления диктатуры пролетариата. В свое время приходилось выбирать между двумя формами голода, между голодом в обстановке двоякого рода. В настоящее время, товарищи, выбор, по сути дела, тот же: или мы съедим друг друга на территории страны, заключенной в этих границах, или мы будем бороться и тогда либо нас съедят другие, либо мы принудим к какому-либо миру тех, кто хочет нас проглотить.

Выбор кажется легким, товарищи. Проще всего было бы высказаться за дальнейшее продолжение революционной войны, заявив, что мы не будем ни с кем разговаривать, будем бороться, вести революционную борьбу до тех пор, пока не добьемся такого мира, который хотя и не гарантирует полного благосостояния народу, но даст нам какую-то возможность жить, подключившись к мировой революции.

Я, товарищи, не разделял ранее и сейчас не могу разделять ту точку зрения, что ни с кем не надо разговаривать (аплодисменты), что следует решительно отказываться от любой возможности заключения мира. Я по-прежнему стою на позиции, какую занимал в свое

время, когда наше положение на фронте было скверным и когда я заявлял, что мы можем согласиться на какой-либо мир типа Брестского. Теперь наше положение улучшилось, мы побеждаем на фронтах и бьем армии противостоящих нам алчных малых империалистических государств. Армии этих стран деморализуются и революционизируются, а в самих странах в результате революционного подъема пролетариата назревает правительственный кризис. И все же мы, по моему мнению, должны быть готовы заключить мирный договор, должны быть готовы прекратить кровопролитие в надежде на сравнительно почетный мир. Этот мир, который вряд ли будет отличаться от Брестского или Бухарестского, впоследствии революция безусловно опрокинет, безусловно аннулирует! (Бурные аплодисменты.)

Кратко изложу доводы в пользу такой точки зрения.

Центральным вопросом международного положения в настоящее время является мирный договор с Германией и Австрией. Мирные условия, которые Антанта продиктовала, я подчеркиваю: продиктовала Германии, и которые она диктует Австрии, сделают совершенно невозможным ведение капиталистического хозяйства в двух указанных странах. Капитализм в Германии, так же как и капитализм в Австрии, раз и навсегда погибнет, если эти мирные условия будут приняты. Данный «мир без аннексий и контрибуций», который Антанта хочет заключить с Германией и Австрией, представляет собой явное ограбление экономики двух стран. Это ограбление может сравниться лишь с действиями немцев во время войны, лучше всех умеющих демонтировать целые промышленные комплексы, вывозить их продукцию, а также продукты сельского хозяйства с завоеванных территорий.

В свое время я думал, что, если бы немцы могли, они вывезли бы и землю, плодородный ее слой. (Голос: «И вывозили!» Оживление в зале.) Да, они неоднократно делали это! Точно так же империалисты Антанты вывезли бы плодородный слой с тех земельных площадей, на которые однажды ступила их нога, и даже с тех территорий, куда они не вступали. (Карой Габор: «У них был хороший учитель!»)

Правильно, страны Антанты имели очень хорошего учителя. Но так же, как их учитель — Германия — при-

шел к революции, так и они придут к революции. (Аплодисменты.) И так же, как Германия сама уготовила себе судьбу, так же, как германские империалисты совершили самоубийство, точно так же подготовит свое самоубийство и антантовский империализм. (Бурные аплодисменты.)

Если Германия поставит свою подпись под мирным договором, а по моему мнению, мы ничего не можем желать лучшего, как подписания Германией и Австрией мирных договоров (голоса: «Правильно! Правильно!»), то в этом случае единственная движущая сила капиталистического производства — возможность получения прибыли — исчезнет в этих странах.

Репарации и расходы, связанные с последствиями войны,— на обеспечение инвалидов и на прочие социальные нужды — не только поглотят все доходы от капитала. Совершенно очевидно также, что как Германии, так и Австрии придется наложить руку и на трудовые доходы, чтобы выдержать бремя послевоенных расходов. (Голоса: «Правильно! Правильно!») А это в указанных странах, где нехватка продовольствия и дороговизна приняли столь колоссальные масштабы, означало бы то же самое, что, например, для Венгрии, где в случае восстановления капитализма и выполнения всех обязательств, связанных с последствиями войны, пришлось бы конфисковать у рабочих $^4/_5$ их трудовых доходов. Это означало бы революцию в Германии и Австрии. (Бурные аплодисменты.)

Революция в Германии и Австрии объективно неизбежна уже вследствие одних экономических причин, не принимая во внимание революционную активность пролетариата, а также то, что новые определяющие моменты — создание Советских Республик в России и Венгрии — оказывают воздействие на ход социальной революции. Ведь у рабочего класса не будет иного выбора, кроме как расплачиваться за последствия империалистической войны ценой голода или же освободиться от последствий империалистической войны, установив свою собственную власть, свое господство, свою диктатуру. (Бурные аплодисменты.)

Но не только Германия и Австрия явятся новыми участниками мировой революции. Несомненно, что и империализм Антанты, империалистические державы-победи-

тельницы не избегнут своей судьбы. За исключением Америки, в этих странах также по крайней мере 50%, а в некоторых и 70% доходов от капитала пришлось бы направить на покрытие расходов, возникших как следствие войны.

Бремя послевоенных расходов рано или поздно принудит империалистические государства-победители также изъять часть трудовых доходов трудящихся, не говоря уже о том, что экономическая жизнь, средства производства разрушены и в этих странах. Переход от военного производства к мирному не только вызовет большую безработицу,— а безработица тоже революционный фактор,— но для рабочего класса это будет длительный период невыносимых страданий и мучений.

В указанных странах также существуют объективные условия для пролетарской революции, но там нет недостатка и в субъективных условиях.

Повсюду нарастает революционная активность рабочего класса. Вновь подчеркиваю, что, в отличие от многих, я, исходя из интересов нашей революции и мировой революции, хочу, чтобы Германия подписала мирный договор. Это будет означать, что шейдеманизм, который продолжает поддерживать классовый мир (Burgfried) на период войны, потеряет почву под ногами и полностью разоблачит свою связь с германским империализмом. Это будет означать, что клика Шейдемана подпишет мирный договор, исходя не только из националистических, но и капиталистических интересов. В результате пролетарские массы освободятся от националистического, социал-шовинистического давления и присоединятся к революционному крылу рабочего движения — так, как уже происходит в Австрии. (Голоса: «Правильно! Верно!» Аплодисменты.)

Уважаемые товарищи!

Дело мировой революции в Чехии обстоит неплохо. Хотя это и нельзя отнести исключительно на счет внутреннего революционного движения, однако несомненно, что благодаря наступлению нашей Красной Армии оно добилось того, что в Чехии возник правительственный кризис. Правительственный кризис является ярким симптомом того, что Чехия, где революционное течение почти уже возобладало, стоит на пороге больших перемен, на рубеже, который приведет к размежеванию революцион-

ного и реформистского течений в рабочем движении. Мы уже выполнили свой долг по отношению к Чехии, к чешскому пролетариату, когда превратили империалистов-победителей в разбитых империалистов и тем самым дали пролетариату возможность более свободно выступать против них. Теперь мы законно ожидаем от чешской социалистической партии, от чешских пролетариев, что вслед за нашей работой они развернут свою работу, что они поднимутся на борьбу и их революция выльется в революционную диктатуру пролетариата. (Бурные аплодисменты.)

Ничто лучше не может оправдать установление диктатуры пролетариата с точки зрения международной политики, как то обстоятельство, что пробудился пролетариат трех самых могущественных государств Антанты — Италии, Франции и Англии. Мы оказались правы, когда утверждали, что пролетарии великих держав, как и пролетарии соседних мелких империалистических государств, скорее станут на нашу сторону, чем на сторону буржуазной Венгрии. Вспомните, как неэффективно было поставлено в так называемой народной республике дело информирования внешнего мира. В настоящее время пролетарии трех великих империалистических стран объявляют забастовки, выступают в нашу защиту; мы можем спокойно рассчитывать на безусловную солидарность пролетариата Англии, Италии и Франции как с Венгерской Советской Республикой, так и с Российской Советской Республикой. (Продолжительные аплодисменты, возгласы одобрения.)

Происходящие ныне в Англии, Италии и Франции забастовки, которые, по имеющимся у нас сведениям, приняли значительно более широкий размах, чем сообщается официально, являются забастовками солидарности. Они проводятся для того, чтобы антантовский империализм не мог ступить на территорию двух пролетарских государств — Российской и Венгерской Советских Республик, не мог душить революционную диктатуру пролетариата, не мог препятствовать строительству социализма, коммунизма. (Бурные аплодисменты.)

Дорогие товарищи!

Возвращаясь к вопросу о мирном урегулировании, должен подчеркнуть, что моя точка зрения сводится к следующему: на приемлемых условиях мы все же

должны заключить перемирие. Может случиться, что это будет идти вразрез с той политикой, которую мы проводили в период ноты Смэтса. Почему же мы тогда не подписались под предложенными нам Смэтсом условиями, а теперь хотим заключить перемирие? То, что правильно сегодня, было неправильно тогда, а что тогда было правильно, неправильно в настоящее время. Вновь должен сослаться на старика Либкнехта, говорившего, что тактику, если нужно, следует изменять двадцать четыре раза в течение двадцати четырех часов. (Голоса: «Правильно! Правильно!») То, что мы сегодня провозглашаем и считаем правильным, через двадцать четыре часа может, вследствие изменения условий, оказаться несостоятельным, а еще через двадцать четыре часа мы можем считать правильным, отвечающим интересам пролетариата совсем другое.

В настоящее время на ноту Клемансо нельзя ответить иначе, как согласием на переговоры о мире. (Бурные аплодисменты.) Мы хотим вести переговоры не только с мирной конференцией Антанты, но и с окружающими нас враждебными государствами. (Бурные аплодисменты.) И хотя предложенные нам Антантой условия представляют собой диктат, мы должны попытаться прийти к соглашению с этими странами, которые экономически нуждаются в нас, а мы в них. Мы попытаемся создать на развалинах Австро-Венгерской монархии и Балкан новую экономическую жизнь, открыть возможность для расширения хозяйственных связей и товарооборота, для оживления экономической жизни.

При нынешнем состоянии международного транспорта, когда средства транспорта разрушены войной, когда немецкие подводные лодки уничтожили почти половину тоннажа морского флота, когда железнодорожный подвижной состав во всем мире приведен в состояние полной негодности, мы не должны рассчитывать на импорт из-за океана. Потребности нашего общества, испытывающего большую нехватку товаров, можно удовлетворять за счет товарообмена с близлежащими странами, с которыми раньше мы жили в одном экономическом сообществе и которые были, по моему мнению, связаны с нами не только короной Габсбургов, не только государственной идеей Габсбургской монархии, но и экономической необходимостью. (Голос: «Правильно!»)

Надо внушить пролетариям этих стран, что мы не стремимся к какому-либо национальному угнетению. Диктатура пролетариата, превращение пролетариата в правящий класс, как указывается в «Манифесте Коммунистической партии», означает ликвидацию любой возможности национального гнета. Надо разъяснить пролетариям этих стран, что диктатура пролетариата означает следующее: мы уважаем право каждого трудящегося на самоопределение, мы никого не хотим силой привязывать к себе и лишь обращаем внимание всех на то, что лозунг пролетариата — создание не мелких государств, а широчайшей федерации пролетариата. (Бурные аплодисменты.)

Руководящей идеей нашей классовой внешней политики всегда являлось проведение совместной конференции. Идея созыва совместной конференции не была бесплодной, поскольку многие из тех, кто в свое время активно выступал против нее, уже убедились, что без этой конференции ни в Париже, ни в другом месте нельзя разрешить проблемы государств, образовавшихся на территории Австро-Венгерской монархии. Австрийский канцлер Реннер недавно представил в Париже ноту, в которой он высказывается в пользу идеи, выдвигавшейся нами в свое время при переговорах с генералом Смэтсом: созыв конференции представителей стран, образовавшихся на территории Австро-Венгерской монархии. В сегодняшних газетах товарищи имели возможность прочитать, что югославские социалисты, большинство которых принадлежит к большевистскому направлению, тоже высказались за созыв подобной конференции. Я думаю, что и чешские социалисты вскоре принудят свое правительство согласиться на конференцию.

Уверен, что на такой конференции мы можем лишь победить, ибо на ней станет очевидным: мы не стремимся к угнетению и стоим за право каждого трудящегося на самоопределение. На ней выяснится, что против нас выступают империалистические правительства, которые под лозунгом борьбы за освобождение национальностей стремятся к угнетению других. (Бурные аплодисменты.)

Еще раз следует вернуться к вопросу о ноте Клемансо, чтобы покончить с этим. Стремясь задушить нас рукой голода, Антанта проводит блокаду Венгерской Советской

Республики. Кроме того, она мобилизовала против нас международную и внутреннюю контрреволюцию. Нужно отдавать себе отчет, товарищи, в следующем: если мы заключим мир, то это не значит, что Антанта оставит нас в покое. Если Антанта и отдаст приказ чехословацким, румынским или югославским войскам отойти от наших границ, то все равно будет стремиться поднимать против нас контрреволюционеров и таким путем душить нас. Если мы покончим с армиями окружающих империалистических государств, то Антанта наверняка начнет в противовес нам создавать и поддерживать контрправительства, которые хотя и окажутся правительствами in partibus infidelium [1], но во всяком случае будут пользоваться благосклонностью Антанты.

И тем не менее, товарищи, я придерживаюсь мнения, что правильной была позиция Правительственного Совета, позиция Политического комитета Правительственного Совета, решившего дать положительный ответ на обращение Антанты. Не мы виноваты в том, что по не зависящим от нас причинам, по вине чешских империалистов, не удалось осуществить содержавшиеся в обращении предложения. Мы отдали приказ об отходе наших войск на демаркационную линию, намеченную Антантой в качестве границы Венгрии. Однако вслед за тем последовало наступление чехов, которые начали преследовать наши войска, намереваясь их уничтожить. На это, разумеется, мог быть лишь один ответ: мы перешли в контрнаступление и отбросили их. (Бурные аплодисменты. Голос: «Да здравствует Красная Армия!» Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.) Только тот, кто никогда не был солдатом, способен утверждать, что контратакующее войско можно удержать на первоначальных позициях. Не наша вина, что размах наступления венгерской Красной Армии был настолько огромным, что она вновь отбросила чехословацкую армию. (Бурные аплодисменты.)

Товарищи!

Все же я высказываюсь за то, чтобы достичь соглашения. Нам следовало бы пойти на мир, при котором границы будут определены несколько более порядочно, несколько более честно, если так можно выразиться, имея

[1] Т. е. правительствами, не имеющими реальной власти.— *Ред.*

в виду бесчестность нынешних предложений о границе. Следует заранее подчеркнуть, что имеется в виду такой мир, действие которого будет не более длительным, чем действие Брестского мира, такой мир, который мы заключим с французскими, чехословацкими, румынскими и югославскими империалистами, но который будет аннулирован не нами, а чехословацким, югославским и румынским пролетариатом. (Голоса: «Правильно!» Бурные аплодисменты.)

Вот что я, в основном, хотел рассказать о классовой внешней политике. А теперь представляю на ваше одобрение следующий проект резолюции:

1. Первый съезд Советов Венгрии торжественно заявляет, что Венгрия не только не придерживается принципа территориальной интеграции, но, как страна, вступившая на путь ликвидации классовых различий, устранила также и предпосылки для национального угнетения. Исходя из этого, съезд предоставляет трудящимся всех национальностей возможность свободно, самостоятельно и независимо от других наций развернуть свои способности на благо сообщества трудящихся и провозглашает право трудящихся всех наций на самоопределение.

2. В соответствии с принципом интернационализма пролетариат стремится не допустить возникновения новых преград между говорящими на разных языках трудящимися в виде новых политических и таможенных границ. Мы добиваемся создания братского союза трудящихся в рамках федеративной республики Советов, до тех пор пока мировая революция не откроет возможность для образования единой всемирной пролетарской Советской Республики.

3. В каждом пролетарском государстве Венгерская Советская Республика видит своего естественного союзника. Этот союз основывается не на какой-то тайной дипломатической или военной конвенции, а лишь на международной солидарности пролетариата.

4. Венгерская Советская Республика желает жить в мире с трудящимися всех стран, она опирается на их солидарность и перед лицом международной империалистической контрреволюции ставит себя под защиту международного пролетариата.

5. Для урегулирования отношений между национальными государствами, образовавшимися на территории

Австро-Венгерской монархии, необходимо созвать совместную конференцию новых государств. Съезд одобряет усилия Советского правительства в этом направлении и выступает за скорейший созыв конференции.

6. В то время как в границах Советской Венгрии классовая борьба пролетариата ведется с эксплуататорами сверху, классовая борьба с международной империалистической контрреволюцией, принявшая форму вооруженной классовой войны, ведется снизу вверх: другими словами, венгерский пролетариат ведет классовую борьбу со всеми еще находящимися у власти противниками, которым диктатура до наступления единой мировой революции не может навязать свою волю обычными средствами. Поэтому были правильными и обоснованными все шаги Революционного Правительственного Совета в направлении заключения мирного договора, и съезд особенно одобряет позицию, занятую в связи с последней нотой Клемансо. Съезд также одобряет все мероприятия по охране иностранной собственности, поскольку это имеет целью сохранить за Советской Республикой место в международной экономической жизни.

7. Съезд Советов, исходя из необходимости обеспечения условий хозяйственной жизни, также одобряет все действия Правительственного Совета, направленные против любой империалистической политики завоеваний и удушения голодом. Он заявляет о стремлении к тому, чтобы освобожденные территории с невенгерским населением вошли в федеративное сообщество. (Бурные аплодисменты.)

Уважаемые товарищи!

Нам хотят навязать такой мир, который лишит пролетариат возможности солить свою похлебку, при котором не будет возможности приготовить пищу, который лишит нас возможности осуществлять нормальный товарооборот, лишит нас соли, дров, угля, лишит всяких возможностей ведения хозяйства. (Возгласы: «Правильно!»)

Антанта хочет задушить нас голодом так же, как она стремится задушить голодом нашу братскую республику — Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

Нам предстоят тяжелые времена — голод, страдания, суровая борьба. Для того чтобы выдержать все это,

нужна строгая, последовательная, твердая диктатура. (Бурные, продолжительные аплодисменты.) Нужно восстановить экономическую жизнь, нужно, насколько нам удастся, наладить экономическую жизнь, требуются железная выдержка, самоотверженность, воодушевление пролетариата. (Бурные аплодисменты.) Все это необходимо до тех пор, пока новые отряды пролетариата не придут нам на помощь в деле осуществления мировой революции, пока пролетариат всех стран не откажется от сотрудничества с господствующим классом, пока он не порвет с социал-шовинизмом, социал-патриотизмом, пока он не станет прежде всего борцом за подлинный интернационализм, бойцом III Интернационала.

Неуклонно ширятся ряды III Интернационала. Революционность III Интернационала позволяет все больше надеяться на то, что мировая пролетарская революция будет расширяться и усиливаться. До тех пор, пока новые отряды мировой революции не придут нам на помощь, мы должны держаться любой ценой; держаться, когда нас будут унижать подобного рода мирными условиями; держаться, когда нас будут пытаться задушить; держаться, когда нас будут пытаться уничтожить; стойко отстаивать твердую, сплоченную и последовательную диктатуру. (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ

20 июня 1919 г.

Уважаемые товарищи!

Молодые братья пролетарии!

Я вспоминаю демонстрацию молодых пролетариев, состоявшуюся в период господства буржуазии, под красными знаменами, на которых было написано: «Мы не будем эксплуатируемыми пролетариями!» Я вспоминаю об этом и говорю, что вашей целью, целью всей вашей работы является: добиться того, чтобы вы никогда не были эксплуатируемыми пролетариями. Диктатура пролетариата, господство пролетариев, пролетарская революция означают, что и рабочие старшего поколения, которые в течение длительного времени несли бремя эксплуататорского капиталистического способа производства, которые в течение длительного времени стонали под игом капитализма, хотят сбросить с себя это иго. Пролетарская революция ликвидировала строй, при котором многих людей принуждали жертвовать собой ради благополучия немногих.

Мы разрушили у себя в стране прежний, капиталистический строй, ликвидировали эксплуатацию и создали предпосылки для построения социализма, являющегося первой фазой коммунизма. Мы идем вперед по пути, ведущему к социализму, где более не будет угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых, где лозунг молодых рабочих претворится в жизнь.

Раньше молодежное рабочее движение в самых могущественных странах, где капитализм был очень прочен, вело в первую очередь борьбу — помимо проблемы до-

стойного решения вопроса об ученичестве на производстве — за ликвидацию одного из спутников капитализма — милитаристской армии. Самым боевым вождем и героем молодежного рабочего движения был товарищ Карл Либкнехт, недавно павший от рук подлых убийц. (Съезд вставанием почтил память великого сына пролетариата К. Либкнехта.)

В настоящее время идет борьба за то, чтобы не допустить восстановления эксплуататорского строя, при котором аппарат угнетения формировался из людей, видевших в армии возможность спасти себя как угнетателя, эксплуататора. Ныне совсем иная армия, ныне пролетариат в рядах классовой армии, революционной Красной Армии с оружием в руках ведет классовую борьбу против угнетателей. (Бурная овация.) Каждому пролетарию нужно дать в руки оружие, чтобы он защищал свой строй, защищал тот общественный строй, который обеспечит благосостояние каждого трудящегося. Мы не потому взялись за оружие, что испытываем удовольствие от кровопролития, а потому, что не хотим, чтобы другие проливали пролетарскую кровь и ценою этой крови восстановили капитализм и эксплуатацию.

Библия содержит много притчей. Производит большое впечатление легенда из Ветхого завета, согласно которой целое поколение должно было погибнуть для того, чтобы их потомки достигли обетованной земли. Так же обстоит дело и с социализмом. Вы, юные пролетарии, пройдете такую духовную перестройку и обретете такое сильное чувство солидарности, что заслужите себе право жить при социализме. Это такая цель, ради которой стоит бороться, стоит идти на любые жертвы. Поэтому боритесь, учитесь, старайтесь обрести новую мораль, которая позволит вам так жить при социализме, как это требуется от людей, желающих пользоваться плодами социализма. Боритесь, чтобы никогда более не быть эксплуатируемыми пролетариями. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

ПОСЛАНИЕ ЛЕНИНУ

21 июня 1919 г.

Благодарю за Вашу телеграмму, в которой содержится одобрение моей внешней политики. Я с гордостью считаю себя одним из самых ревностных Ваших учеников, но думаю, что в одном пункте иду дальше Вас, а именно в вопросе о «mala fides» [1] империалистов. Я думаю, что очень хорошо знаю Антанту. Знаю, что она будет до конца бороться против нас. В этой войне возможно лишь перемирие, но мир — никогда. Это борьба не на жизнь, а на смерть. Еще раз выражаю благодарность за Ваши замечания.

---

[1] «Недобросовестность».— *Ред.*

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

25 июня 1919 г.

Уважаемые товарищи!

То, что произошло в Будапеште[1], является совершенно естественным следствием широко распространенного заблуждения, будто буржуазия исчезла, будто у буржуазии нет сил и она смирилась с диктатурой пролетариата. Это заблуждение отомстило за себя, и, хотя мы подавили контрреволюцию, целая группа наших товарищей стала жертвой белого контрреволюционного террора. Следует с сожалением признать, что в гибели наших товарищей повинно ошибочное представление о методах осуществления диктатуры. Оно в будущем может обойтись нам еще дороже. (Голоса: «Правильно!») Вместе с тем надо отметить, что контрреволюционный путч в определенном смысле сыграл и положительную роль, поскольку всколыхнул пролетариат, сплотил и закалил массы, показал силу и твердость пролетариата Венгрии. (Голоса: «Правильно!»)

Уважаемые товарищи!

Никто из нас никогда не говорил, что мы стремимся к бесцельному кровопролитию и испытываем удовольствие при виде крови. Но мы не должны забывать, что буржуазия не смирится с потерей власти, с потерей возможности

---

[1] Имеется в виду попытка контрреволюционного путча в Будапеште 24 июня 1919 г., руководителями которого выступали кадровые офицеры. Путчисты использовали недовольство населения, вызванное нехваткой продуктов. Контрреволюционные выступления были ликвидированы вооруженными отрядами революционных рабочих.— *Ред.*

эксплуатации, с тем, что в этой стране будет господствовать пролетариат, который построит на развалинах капитализма социалистический общественный и экономический строй. Необходимо отдавать себе отчет в том, что классовая борьба не закончилась, что она продолжается и принимает все более беспощадный характер. Необходимо отдавать себе отчет в том, что буржуазия будет стремиться любыми средствами вновь захватить утерянную власть и утерянные богатства. Наивность людей, не верящих, что дело обстоит именно так, их добронамеренность или, вернее, их глупое заблуждение (возгласы: «Правильно!») дорого обойдутся не только этим заблуждающимся людям, но и пролетарским массам. (Возгласы: «Правильно!»)

Уважаемые товарищи!

Тот, кто любит пролетариев, кто стоит в одних рядах с ними и ведет борьбу за светлое будущее и освобождение пролетариата, тот после полученного урока не может не понимать, что буржуазию нужно подавлять самым беспощадным образом, что следует решительно душить контрреволюцию. Если мы не уничтожим контрреволюцию, если мы не убьем тех, кто с оружием в руках выступает против нас, то тогда они убьют нас, убьют не только пролетариат, но и его будущее. Нужно понимать, что буржуазия, как бы труслива она ни была, применит все средства для свержения власти пролетариата.

Было бы большим заблуждением думать, что лишь некоторые широко критиковавшиеся мероприятия правительства толкнули буржуазию на контрреволюционные выступления. Нет, товарищи, буржуазия контрреволюционна по самой своей природе. (Возгласы: «Правильно!») Глупо рассчитывать на то, что можно уговорить кровожадного тигра стать травоядным животным. Столь же глупо считать, что буржуазия примирится со строительством на обломках ее имущества и ее производственной системы социалистического общественного строя и социалистической производственной системы.

Мы должны ясно представлять, что единственным способом сохранения диктатуры пролетариата, а следовательно, и возможности строительства социализма является беспощадное, без оглядки направо или налево уничтожение и истребление всего, что стоит на пути строительства социализма, освобождения пролетариата.

Люди, думающие, что этого можно добиться с помощью мягких мер, с помощью ласкового обращения с противником, глубоко заблуждаются. Проявление жалости по отношению к буржуазии, как я уже неоднократно подчеркивал, означает притупление классового сознания пролетариата, введение пролетариата в заблуждение. Создается впечатление, что тем самым хотят внушить, будто нет необходимости в продолжении классовой борьбы.

Подобная политика означает, что пролетариат не получает того, что ему полагается при диктатуре пролетариата. Почему мы провозгласили диктатуру пролетариата? Почему пролетарии выступают за диктатуру? Не ради принципа равенства, того общего равенства, которое провозглашала буржуазная демократия, а ради торжества классовых принципов (голоса: «Правильно!»), для того чтобы свергнуть буржуазный общественный строй и вместо господства буржуазии установить господство пролетариата, а затем вообще похоронить всякое господство.

Но до тех пор пока пролетариат не похоронит всякое господство, всякую власть, он должен быть господином, неограниченным и единственным господином как в политической, так и в экономической областях; пролетариат должен иметь такое же преимущественное положение, в котором до этого находилась буржуазия. Классовая политика в области продовольственных норм и цен на товары — вот политика, которую мы должны провозгласить и претворить в жизнь. В результате продовольственного кризиса в пролетарских массах, естественно, возникло определенное беспокойство, которое делает некоторые слои масс подверженными воздействию контрреволюционных лозунгов. Это беспокойство можно устранить лишь классовой политикой в области продовольственных норм и цен, т. е. последовательным и беспощадным осуществлением диктатуры пролетариата.

В период опасности пролетариат всегда был и будет единым. Когда угрожает опасность, то пролетариат поднимается, как один человек. Не будем скрывать, какие большие колебания в рядах пролетариата вызвал продовольственный кризис последних дней, какую мучительную борьбу со стихийным брожением пролетариата пришлось вести стойким борцам за диктатуру пролетариата. Но

когда речь идет о необходимости подавить буржуазию, обеспечить господство пролетариата, тогда следует беспощадно применять средства диктатуры, тогда пролетариат должен выступить едино и со всей решительностью.

Уважаемые товарищи!

Предлагаю краткий проект резолюции:

«Учитывая, что мягкое отношение со стороны диктатуры не только не способствует благоразумному поведению буржуазии, а, наоборот, поощряет ее на контрреволюционные действия, Центральный Исполнительный Комитет постановляет, что диктатура пролетариата должна осуществляться в полной мере и самыми беспощадными средствами, и обязывает Правительственный Совет, если нужно, потопить в крови буржуазную контрреволюцию». (Возгласы: «Правильно!» Бурные аплодисменты.)

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА — ДЕМОКРАТИЯ

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ РАБОЧИХ г. МИШКОЛЬЦА

Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 8 июля 1919 г.

Идет борьба двух гигантских мировых течений, борьба большевизма с империалистической реакцией, доведшей нашу страну до состояния полного обнищания, до такого состояния, которого пролетариат Венгрии не смог вынести. Ныне классовая борьба развертывается в международном масштабе, пролетариат всего мира ведет ее против мирового капитализма. Рабочие двух стран— России и Венгрии уже одержали верх в этой битве и теперь, осуществляя власть, борются с собственной буржуазией.

В прошлом при любой забастовке рабочие страдали от произвола вооруженной буржуазии. Ныне же буржуазия разоружена, а пролетариат с оружием в руках ведет классовую борьбу.

Однако характер классовой борьбы в международном плане не изменился. В международном плане мы ведем борьбу, так сказать, снизу, ибо подавляющая часть стран остается еще под господством империалистических грабителей. Внутри страны контрреволюция борется с нами снизу, но вне наших границ империалистическая реакция борется с нами сверху. В международном плане мы придерживаемся своей неизменной классовой политики: борьба с международными империалистами не может прекратиться. Любое перемирие, любой мир будут носить лишь временный характер до тех пор, пока мировая революция не победит во всемирном масштабе. Мир, если он будет заключен, явится передышкой на некоторый короткий период времени, но классовая борьба должна

продолжаться до тех пор, пока пролетарская революция не победит во всем мире.

Вступая на путь мировой пролетарской революции, венгерский пролетариат опирался не на шаткую почву. Победившие в войне империалисты не в состоянии установить мир даже на основе принципов Вильсона, в которых отражены экономические интересы Америки.

Положение Венгерской Советской Республики таково: под давлением Антанты мы вынуждены были отозвать наши войска, чтобы иметь возможность в короткий срок заложить основы социалистической системы производства, исправить ошибки, разрешить продовольственную проблему и развернуть классовую борьбу в деревне между аграрными пролетариями и буржуа.

Мы не боимся нападок Антанты, ибо если бы она могла, то задушила бы нашу революцию 21 марта. Антанта не задушила нас не в силу своего «великодушия», а потому, что ее армии — ненадежная сила для свержения пролетарской диктатуры, что внутреннее положение в странах Антанты не позволяет посылать войска за границу. Даже английский рабочий класс, безосновательно считающийся консервативным, назначил на 21 июля всеобщую забастовку в знак протеста против интервенции в России и Венгрии. Между победившими государствами нет единства, они грызутся из-за добычи.

Те, кто связывают надежды с антантовским миром, или лгут, или сами поддаются обману. Ведь Антанта поступила бы с нами так, как она обошлась с Сербией или Австрией: сербские железные дороги уже стали американскими, а австрийские — перешли в руки Италии.

В случае свержения диктатуры пролетариата в нашей стране установилась бы не демократия, а белый террор, как это имело место на Украине и в Финляндии, поскольку буржуазную демократию проповедуют Дюла Андраши и Иштван Бетлен[1] (на сегодня они все еще сто-

[1] *Бетлен Иштван* (1874—1947) — граф, венгерский реакционный государственный деятель. В период Венгерской Советской Республики возглавил «Антибольшевистский комитет» контрреволюционной эмиграции в Вене. В 1920 г.— член венгерской делегации на переговорах по заключению Трианонского мирного договора. С 1921 по 1931 г.— премьер-министр. С 1920 г. возглавлял правительственную партию, представлявшую блок крупных помещиков и финансовых тузов и определявшую в основном внутреннюю и внешнюю политику всех правительств при хортистском режиме.— *Ред.*

ронники плюрального избирательного права), которые бросают в тюрьмы и преследуют сознательных рабочих Сегеда.

Пролетарская диктатура есть диктатура лишь по отношению к буржуазии, а для пролетариата — это демократия. Поэтому все без исключения пролетарии должны трудиться на благо общества. Диктатура пролетариата — это самоуправление масс, и, кто бы ни был руководителем, без участия масс ничего не выйдет.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

РЕЧЬ В КАЗАРМАХ ИМЕНИ ЭНГЕЛЬСА

6 июля 1919 г.

Уважаемые товарищи!

От имени Правительственного Совета приветствую вас, красных революционных солдат. Передавая приветствие Революционного Правительственного Совета, я прошу всех вас, каждого солдата быть думающими людьми. Прошлый милитаристский строй, которому мы обязаны пятилетней войной, войной не за интересы трудящихся, а за интересы миллионеров — военных промышленников, требовал, чтобы офицер и рядовой не были думающими людьми. Действовал принцип «Maul halten und weiter dienen» [1], т. е. несознательная дисциплина, которая воспитывала из солдата не человека, а машину, приспособленную охранять интересы угнетательского строя. Недумающий солдат был нужен для сохранения эксплуататорского строя, капиталистического общественного строя, для подавления товарищей по классу. Этот строй свергнут, хотя определенные круги стремятся его восстановить.

Строй, который пришел на смену старому, капиталистическому строю, является переходным этапом на пути к бесклассовому обществу. Сегодня мы пока лишь ликвидировали экономические предпосылки эксплуатации и идем к такому обществу, в котором отпадет необходимость силой заставлять сосуществовать две группы людей, имеющих диаметрально противоположные интересы. Мы стремимся к такому обществу, в котором люди будут свободно жить и трудиться — один за всех, все за одного.

---

[1] «Молчать и служить».— *Ред.*

Товарищи!

Диктатура пролетариата необходима, потому что она открывает рабочему классу возможность построить собственный, социалистический общественный строй, являющийся первой фазой коммунизма. Социалистический общественный строй означает, что каждый должен работать по способности и получать часть совместно произведенных благ в соответствии с количеством вложенного им труда. Этот строй не желает иметь дело с бездельниками. Осуществляется принцип: все должны работать, а кто не работает — тот не ест.

Но построение нового общества — дело нелегкое и не может обойтись без сопротивления. Строительство социалистического общества наталкивается на сопротивление тех, кто сам был эксплуататором, а частично и тех, кто являлся орудием в руках эксплуататоров. Ведь даже для того, чтобы произвести на свет ребенка, недостаточно трех месяцев. Как же можно было бы за три месяца создать новый общественный строй? Мать рожает ребенка в муках. Как же можно было бы без мук создать новый общественный строй? Мы столкнулись с сопротивлением тех, кто раньше вел праздный образ жизни. Эта борьба должна вестись и впредь со всей энергией.

Различие состоит лишь в том, что все средства насилия теперь во власти неимущих. И в прошлом в наших рядах встречались штрейкбрехеры и маловеры, которые были помехой в классовой борьбе пролетариата. И тогда буржуазии было присуще естественное стремление использовать в своих целях обманутых представителей пролетариата. Сегодня, товарищи, когда мы ведем классовую борьбу такого огромного масштаба и значения, тоже есть и будут штрейкбрехеры, но мы, как и ранее, изгоним их из своих рядов. (Возгласы: «Правильно! Правильно!»)

Нетрудовые элементы хотят вернуть себе власть, поэтому нам нужна Красная Армия, каждый отряд которой готов с оружием в руках отразить любые контрреволюционные вылазки. Необходимо отдавать себе отчет в том, к чему привела бы реставрация эксплуатации. Тот, кто обманывал вас, заставляя наводить орудия на фабрики и заводы, делал это под лозунгами погромщиков и социал-демократических оппортунистов. Мы в рабочем движении никогда не спрашиваем, каково вероисповедание и какова национальность того или иного человека.

Попы, магнаты и капиталисты-евреи подстрекают к погромам против «еврейского правительства». Но ведь нет такого Иштвана Тисы и такого антисемита, который так же обошелся бы с капиталистами-евреями, как это называемое еврейским правительство. (Голос: «Верно!»)

Что касается окрашенного в национальный цвет лозунга социал-демократии, то он лжив, это — подлая маскировка, ибо его подлинным цветом является белый.

Мы можем выбирать лишь между двумя возможностями: между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата.

Для пролетария лозунг национального единства — проклятое прошлое, поскольку прежние «великие» представители нации лишали пролетариат даже возможности учиться. Демократия в этой стране невозможна, ибо классовая борьба приняла такую остроту, что речь может лишь идти о буржуазной или пролетарской диктатуре.

Нам нужны сознательные солдаты. Французских солдат потому не посылают в Венгрию, что они отказываются ехать, и потому, что наблюдается брожение рабочего класса и в самой Франции. Продовольственное положение в странах, которым оказывается помощь со стороны Антанты, несколько лучше, чем у нас, но заработки рабочего настолько малы, что их не хватает для пропитания. Надо напомнить нашим женщинам, что в течение четырех с половиной лет империалистической войны они также стояли в очереди за кукурузным хлебом. За три месяца мы не могли всего сделать, но мы стремимся облегчить судьбу пролетариата.

Мы бросили все имеющиеся в нашем распоряжении силы на заготовки продовольствия для Будапешта. На вас, товарищи, ложится задача здесь, в тылу, отстаивать Советскую Республику от контрреволюции. (Возгласы: «Отстоим!») Думаю, что вы, организованные рабочие, станете крепко держать оружие в своих руках до тех пор, пока будет ликвидирована всякая возможность контрреволюции.

Товарищи, с оружием в руках вперед за диктатуру пролетариата! (Бурные, продолжительные аплодисменты.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАТИВНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

15 июля 1919 г.

Диктатура пролетариата в Венгрии в настоящее время переживает кризис.

Кризис тройного рода: кризис власти, кризис экономический и кризис моральный. Кризис власти выражается в том, что центральная и местная власть проявляет колебания в связи с контрреволюционными выступлениями, что эта власть не так тверда, как ей всегда положено быть при диктатуре пролетариата. Экономический кризис проявляется в первую очередь в том, что мы испытываем трудности с продовольствием; имеется также целый ряд трудностей, связанных с производством и организацией производства, преодоление которых в настоящее время представляется делом весьма сложным и потребует больших усилий. Моральный кризис частично вызван коррупцией в различных пролетарских учреждениях, борьба с которой уже началась и будет продолжаться несмотря на все помехи. Все три указанные кризисные явления сказываются на настроении людей, вызывают определенное чувство безысходности, которое охватывает не только часть масс, но главным образом тех, кто призван руководить.

Чувство обреченности, уныние, колебания приводят в первую очередь к тому, что очень многие начинают считать ошибочной нашу оценку обстановки, когда мы связывали судьбу пролетариата Венгрии с мировой революцией. Однако те, кто думали, что мировая революция разразится к определенной дате, не только плохие марксисты, но, как об этом свидетельствуют факты, их пове-

дение ничем не отличается от поведения разного сброда, который, к сожалению, примазался к диктатуре пролетариата после 21 марта. Они не отличаются от этого сброда, ибо их позиция также определялась конъюнктурными соображениями. Ведь не велика заслуга быть революционером, когда революция уже свершилась. Для сознательного марксиста, для революционера как раз характерно то, что он убеждает массы в необходимости революции, в ее закономерности в такое время, когда ее закономерность, ее необходимость, ее безусловная неизбежность еще не очевидны для каждого.

Если кто-нибудь спросит, с чем у нас в настоящее время обстоит дело лучше — с внутриполитическим или с внешнеполитическим положением, то можно с полным основанием сказать, что наше внешнеполитическое положение значительно благоприятнее, чем внутриполитическое.

Сколько бы ни пытались некоторые скептики представить приходящие отовсюду сообщения о расширении мировой революции плодом воспаленной фантазии революционеров, совершенно очевидно, что во всей истории II Интернационала никогда не было выступления международного пролетариата подобного тому, которое вскоре произойдет и на которое мы уже можем наверняка рассчитывать.

Вот почему наше внешнеполитическое положение более благоприятно. Несомненно, что именно подвиг пролетариата России и Венгрии создал условия для готовящегося ныне международного революционного выступления — намеченных на 21 июля массовых забастовок в Италии, Франции, Англии, Швейцарии, Голландии и Швеции.

Предстоящие выступления пролетариата Европы бесспорно являются таким фактором, который можно спокойно противопоставить вооруженной силе антантовского империализма. Я не утверждаю, что указанные революционные выступления в один день позволят нам освободиться от блокады. Революционные выступления могут и разбиться о штыки войск антантовского империализма. Однако несомненно, что единое выступление международного пролетариата сегодня уже является важным фактором, с которым не могут не считаться политические деятели Антанты. А затем такие выступления обретут еще

большее значение. Я уже много раз подчеркивал, что Антанта не потому нас не задушила, что не хотела, а потому, что не могла. Она не может этого сделать не только из-за отсутствия надежных войск для данной цели, но и потому, что в странах Антанты нет соответствующих внутриполитических предпосылок.

Нам нелегко выбраться из кризиса, особенно ввиду того, что он в первую очередь является кризисом власти.

Установление диктатуры пролетариата в Венгрии не было результатом только одной борьбы за власть. Возможность прийти к власти дало венгерскому пролетариату прежде всего счастливое стечение обстоятельств в международной политической жизни. Однако то обстоятельство, что власть была взята без боя и в связи с этим возникло представление, будто необходимость в продолжении классовой борьбы отпала, отрицательно сказалось на прочности власти. В результате легко возобладала тенденция щадить буржуазию, что в конечном счете привело к снижению классовой сознательности и боеспособности пролетариата.

Кризис власти больше всего проявляется в том, что каждое контрреволюционное явление вызывает страх и боязнь любых радикальных экономических и политических мероприятий. В этом страхе находит выражение кризис власти, и в нем следует искать причину того, что кризис так далеко зашел.

Страх перед контрреволюцией, стремление избежать применения оружия по отношению к контрреволюционерам есть не что иное, как полнейшее непонимание сущности диктатуры. Диктатура призвана держать в страхе эксплуататоров, контрреволюционеров, она призвана с помощью средств, имеющихся в распоряжении вооруженного пролетариата, сделать контрреволюцию невозможной, подавить врагов пролетарской революции.

Мы мягко обращались с контрреволюцией, а контрреволюция благодаря этому так сорганизовалась, что нам приходится констатировать общий кризис власти. Страх перед контрреволюцией позволил контрреволюции, можно сказать, открыто сорганизоваться, а [1]...

Надо покончить со взглядами и теориями относительно того, что не следует держать буржуазию в страхе.

---

[1] Продолжение отсутствует.— *Ред.*

Она должна дрожать, ибо только в этом случае можно избежать кровопролития (Возгласы: «Правильно!»), избежать такого расширения контрреволюции, которое ведет к кризису власти. Нужна решительность, а не полумеры.

Диктатуру пролетариата можно сохранить лишь с помощью силы оружия.

Экономический кризис также связан с полумерами. А полумеры в свою очередь порождены тем, что не было уверенности в диктатуре, что власть осуществлялась недостаточно твердо. Следовательно, экономические мероприятия также содействовали возникновению кризиса. Сегодня мы запрещаем мешочничество, а завтра смотрим сквозь пальцы на продолжение подобной деятельности. Все это связано с тем, что не было уверенности в диктатуре, ибо за диктатурой не стояла прочная власть и способ ее осуществления не вызывал доверия у пролетариата и страха у буржуазии. Может возникнуть вопрос: а правильно ли все ставить на одну карту? Мы ответим, что иного пути довести революцию до конца нет, если, конечно, мы не хотим быть шулерами, у которых в кармане лежат запасные крапленые карты. Пути обратно нет, если только не сохранить мосты, ведущие к капитализму.

Постоянные колебания имеют место по вопросам классовой политики в области нормирования продуктов и цен на товары, конкретные, практические дела пока еще подменяются декларативными заявлениями. И все эти обстоятельства усугубляются складывающимся в настоящее время международным положением.

Антанта идет не с оружием, а с обещаниями, с золотом, с теми средствами, которые усиливают колебания части пролетариата, подрывают классовое единство пролетариата. Часть рабочих попадается на эту приманку, как в свое время штрейкбрехеры попадались на обещания буржуазии.

Контрреволюция использует националистические лозунги. Они не опасны. Использование ею социалистических лозунгов может в большей степени способствовать усилению кризиса власти и развязыванию гражданской войны. Каждый сознательный, по-марксистски думающий пролетарий должен отдавать себе отчет в том, что здесь речь идет не об изменении формы правления, а исключительно об изменении формы государства. (Возгласы:

«Правильно!») Но при диктатуре пролетариата единственной формой правления, как показывает опыт, может быть советская система, и она не подлежит изменению. За любым лозунгом, даже самым демократическим, скрывается самая натуральная капиталистическая цель — восстановление капитализма.

И напрасно ведутся разговоры о том, что следует договориться с Антантой по поводу блокады. Если блокада будет продолжаться, то наша жизнь будет, безусловно, тяжелой. Но если она прекратится, жизнь от этого не станет легче. Буржуазия отберет те 30 000 комплектов одежды и те 300 вагонов жиров, которые, возможно, поступили бы в Венгрию из стран Антанты, и пролетариату все равно ничего не достанется.

Тот, кто добивается этого, хочет обречь пролетариат на гибель. Более трех месяцев диктатуры пролетариата и все расходы, связанные с войной, пришлось бы оплатить гибелью пролетариата. Буржуазия не стала бы говорить о снисхождении к пролетариату. Сегодня я хочу процитировать слова Кунфи, сказавшего: не делайте с буржуазией ничего, помимо того, что она делала с нами. Мы гораздо милосерднее обращаемся с буржуазией, чем она обращалась с бастующими косарями, которых сажала в тюрьмы, и вообще с пролетариатом.

Нельзя относить имеющиеся недостатки на счет диктатуры пролетариата, равно как нельзя ей вменять в вину очереди за продуктами.

Даже и сегодня еще мы ощущаем тленный запах старого общества. Избавиться от него можно лишь в том случае, если мы будем без колебаний, твердо стоять на почве диктатуры пролетариата.

Экономические вопросы тесно связаны с внутриполитическими вопросами. Наши беды в области экономики проистекают из недостатков в структуре власти. У нас нет карательных сил, и мы не умеем добиваться осуществления своих собственных распоряжений. Вскоре мы можем оказаться в положении буржуазно-демократического правительства Каройи, которое по сути дела не имело вооруженных сил и не пользовалось авторитетом.

Другим важным условием является реорганизация рабочих Советов в Будапеште и в провинции.

Главную роль играет партийное руководство и руководство, осуществляемое специалистами, рабочие же

Советы не располагают силами принуждения и не имеют корней в пролетарских массах, которые они должны представлять.

Помимо продовольственного снабжения самыми главными в области экономики являются вопросы концентрации производства и экономического и технического руководства. Это также относится к вопросу о власти. Привилегированное положение служащих препятствует осуществлению концентрации производства, экономического и технического руководства.

Перед нами стоит еще одна важная проблема — ликвидировать все привилегии на предприятиях.

Я не хочу ничего плохого сказать о служащих, к ним нужно относиться с уважением. Но если они причисляют себя к организованным рабочим, если они приходят к нам, к рабочим, стремящимся положить конец любым привилегиям, то тогда нельзя больше терпеть сохранения на предприятиях привилегий для служащих за счет рабочих.

Это кризисное состояние, проявляющееся в указанных трех направлениях, мы, безусловно, преодолеем. Хотя бы даже потому, что капитализм настолько обанкротился, что его восстановление стало невозможным. Его не восстановить и в том случае, если пожертвовать всеми трудовыми доходами рабочего класса, направив их на покрытие расходов, связанных с последствиями войны, если всех нас отдать на милость Антанты, подобно тому, как поступили австрийские социал-демократы по отношению к пролетариату своей страны. Но для того, чтобы самим не вызвать краха, необходимо всемерно укреплять власть, душить в зародыше любые открытые или тайные контрреволюционные устремления и с помощью средств устрашения держать буржуазию в страхе.

Единственной опасностью для нас являются колебания и шатания. Твердость, стойкость и вера в мировую революцию — вот что может обеспечить нам жизнь и счастливое будущее пролетарской революции. (Бурные аплодисменты.)

РЕЧЬ ПРИ ВРУЧЕНИИ ЗНАМЕНИ 31-му ПОЛКУ

Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг»
30 июля 1919 г.

Это знамя, красное знамя, указывает вам путь. Найдутся люди, которые под белым или национальным флагом объединятся с французскими или румынскими угнетателями и угнетателями всего мира, для того чтобы вновь отнять у крестьян землю, у рабочих — фабрики и заводы, у шахтеров — шахты и чтобы восстановить угнетательский строй эксплуататоров. Я знаю, что у вас не дрогнет рука, если придется выступить с оружием против них. Это не братоубийство, а подлинная, самая острая классовая борьба, в которой эксплуатируемый сражается против эксплуататора, и символом такой борьбы является это красное знамя, красное знамя мировой революции.

Среди рабочего класса всей Европы развернулось движение солидарности и протеста против грабительской империалистической политики Антанты.

Мировая революция, которая идет нам на помощь, развертывается под этим же красным знаменем: мы едины. Мы ведем войну не ради интересов богатых. Мы идем в решительный бой под одноцветным красным знаменем ради своих братьев, ради собственного освобождения. Это — революция всех пролетариев мира, и она приведет к тому, что наша родина станет социалистической. Мы не одиноки, с нами весь международный пролетариат.

Я вручаю вам это знамя. Выражаю надежду, что в освободительной борьбе вы будете сражаться столь же доблестно, как и в предыдущих боях.

УРОКИ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ

Декабрь 1919 г.

За каждым шагом венгерских коммунистов, интернированных в Австрии, помимо жандармов «гостеприимной» страны следит, неусыпно наблюдает недремлющее око французских и английских шпиков. Их приходится караулить, эту горсточку честных борцов Венгерской Советской Республики, чтобы они не вырвались из неволи, а главное, чтобы не вырвались на волю революционные идеи, которые столь же опасны, как и их носители. И все же, в результате огромных усилий, окольным путем до нас дошли эти строки:

...Я пока еще интернирован, но работа кипит. Поражение нашей диктатуры принесло и пользу нашему пролетариату, ибо теперь он обладает тем, чего не имел раньше,— революционным прошлым. Несмотря на белый террор, наши партийные организации множатся и работа, пусть в подполье, подвигается вперед. Мы выпускаем листовки, и по мере возможности довольно много; нам удалось наладить и издание журнала нашей партии. В Венгрии в белой армии уже дают себя знать признаки разложения. В общем, все как нельзя лучше идет на пользу нашему делу. Приходится лишь, к сожалению, констатировать, что пролетариат все более деклассируется. На Западе с каждым часом зреет революция, причем зреет и с точки зрения революционной идеологии. Не хватает лишь руководителей, обладающих революционным опытом. Важное значение для дела революции имеют решения Лейпцигской партконференции независимых социалистов в Германии. Великолепная обстановка складывается в Италии, но на теоретическом фронте ощущается нехватка сильных руководителей. В Австрии мало что происходит, но это и не столь уж важно. Как только революция где-нибудь на Западе придет в движение, Венгрия пойдет за ней.

БЕСЕДА С БЕЛА КУНОМ

21 декабря 1919 г.

Американский журнал «Либерейтор» поместил в своем мартовском номере (за 1920 г.) подробный отчет о беседе с Бела Куном, которую в конце прошлого года имел с ним один сотрудник журнала, сочувствующий коммунистическому движению. В то время Бела Кун и 35 венгерских коммунистов были интернированы в Карлштейнском замке. Карлштейн расположен в 84 километрах от Вены. Сотрудник журнала «Либерейтор» Фредерик Кух, который 21 декабря после безуспешных попыток многих буржуазных журналистов впервые получил возможность побеседовать с лидером венгерского коммунистического движения, следующим образом описывает свои впечатления, то, что ему довелось увидеть и услышать.

Карлштейн

Древний замок, расположенный в густом парке, круглосуточно находится под охраной пятнадцати конных австрийских жандармов. Внутри этого кольца, изолированно от внешнего мира, но свободно беседуя, общаясь друг с другом, живут венгерские коммунисты. У входа в парк несут караул четверо жандармов, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, во главе с офицером. Они проверили мои документы и выданное австрийским министром внутренних дел разрешение побеседовать с Бела Куном на немецком языке в присутствии жандармского начальника. При этом я обязуюсь не передавать коммунистам и не принимать от них никаких устных или письменных поручений. Три минуты спустя я уже был в комнате Бела Куна. Бела Кун неважно себя чувствовал, его мучает астма, и он плохо спал ночью. Он тут же засы-

пает меня вопросами, ему хочется знать новости о развитии мировой революции. Находящиеся в комнате шестеро венгерских коммунистов тоже жаждут известий о рабочем движении в Англии, Америке, Югославии. В конце концов приходится протестовать: это я пришел сюда проинтервьюировать, а расспрашивают меня.

Бела Кун охотно соглашается ответить на мои вопросы. Только прежде ему приходится выпроводить из комнаты свою четырехлетнюю дочку, ибо она ни за что не хотела дать своему отцу возможность заняться серьезными политическими и экономическими проблемами.

Первый мой вопрос касается коммунистической революции, которой Бела Кун руководил в Венгрии и которая, по мнению большинства социалистов, оказалась «преждевременной». Бела Кун отвечает на вопрос с полной серьезностью.

Эта революция не являлась преждевременной, а, напротив, была вызвана экономической необходимостью. Венгрия созрела для коммунизма, точно так же как любая другая страна на свете. Эта революция не являлась преждевременной с точки зрения соотношения классовых сил: после распада Австро-Венгерской монархии пролетариат лучше всего был организован в Венгрии, венгерская буржуазия была неспособна противостоять воле рабочих. Революция не являлась преждевременной и с точки зрения международной обстановки: бессилие Антанты было очевидным, а контрреволюции нужно было прежде собрать для отпора свои разрозненные силы. Момент для установления диктатуры пролетариата был благоприятным во всех отношениях, кроме одного обстоятельства: если не принимать во внимание степень революционного сознания рабочих. Фактически лишь небольшая часть венгерских рабочих была большевизирована. Так что, если рассматривать вопрос с этой стороны, то революция была преждевременной.

Но ведь лучший метод революционизирования масс — сама революция. Этот вывод продолжает сохранять свое значение и после поражения Советской республики, даже в отчаянно трудный для нас период. Ныне венгерские рабочие массы преисполнены революционным духом. Они способны бороться в первых рядах Коммунистического Интернационала. Их вдохновляет то, что рус-

ский рабочий класс силен, он обладает неоценимым революционным опытом, за его спиной — революционное прошлое. Даже если нам определенно было бы известно, что поражение неминуемо (хотя мы имели много надежд выстоять), то и тогда мы предприняли бы этот революционный шаг, ибо только в ходе революции рабочий класс становится по-настоящему революционным.

Желтые социалисты

Почему в начале революции мы объединились с нереволюционными социал-демократами? Надо иметь в виду, что наша партия являлась малочисленной и была бы не в состоянии одна справиться с работой. Раньше мы вели борьбу с социал-демократами, которые заявляли, что диктатура пролетариата не продержится более недели. И вот не мы пошли на принципиальные уступки им, а они приняли большевистскую программу. При объединении мы надеялись, что нам удастся вытеснить из их среды наиболее отсталые, консервативные элементы. Некоторые из них действительно отсеялись, однако другие, притворившись, будто они придерживаются коммунистических идей, вскоре нанесли нам удар в спину. Они оказались хуже контрреволюционеров, поскольку те по крайней мере выступали открыто. Вина за поражение диктатуры пролетариата и коммунизма в действительности лежит на тех, кто в момент ее провозглашения объявляли себя ее друзьями.

Социал-демократов разложили профсоюзы. У нас социал-демократическая партия и профсоюз означали одно и то же. Профсоюзная бюрократия и партийная бюрократия всегда являлись тайной опорой реакции. А в момент поражения они даже отбросили маску и изнутри выступили как самые отъявленные контрреволюционеры. Все эти социал-демократические вожди, как те, кто ныне сотрудничает с господствующей в Будапеште военной диктатурой, так и те, кто, сбежав в Вену, выступает в печати против белого террора, поддерживали постоянную связь с миссиями государств Антанты, служили контрреволюции. Таков, например, бывший редактор «Непсавы» Якаб Велтнер, который в период Советской Республики писал прокоммунистические статьи, но тайком поддерживал

контакт с контрреволюционным правительством в Сегеде. Эти люди помогли восстановить в Венгрии капитализм, ввергли трудящихся в нищету, выдали лучшую часть рабочих белым террористам. Такие социал-демократы, что они теперь и сами подтверждают, пошли на создание советского строя, руководствуясь лишь «национальными» мотивами, намерением сохранить целостность территории. Когда на основе прежде боготворимой программы Вильсона оказалось более невозможным сохранять «территориальную целостность» Венгрии, они попытались достичь того же самого на основе программы большевиков. Но мы, коммунисты, служили коммунистической программе не ради сохранения границ Венгрии, а в интересах мировой революции.

Дипломаты Антанты

Главное занятие находившихся в Будапеште различных миссий Антанты состояло в спекуляции заграничными ценностями и товарами. Кроме того, они, разумеется, оказывали поддержку и даже занимались прямой организацией контрреволюции. То были люди, готовые за хорошие деньги на любую услугу. Постоянные связи между контрреволюционными очагами в Сегеде и Вене обеспечивались через Будапешт итальянским подполковником Романелли и английским капитаном Фримэном. Они укрывали контрреволюционеров у себя дома, от них же исходили указания о действиях контрреволюционных групп в Сегеде и Вене. Капитан Фримэн поддерживал постоянный контакт с эрцгерцогом Иосифом; Романелли и венгерский еврей по фамилии Вейс, имевший, между прочим, звание капитана американской армии, занимались главным образом вербовкой контрреволюционеров и поставляли для белых отрядов дезертиров из числа социал-демократов. Разумеется, в круг деятельности этих дипломатов входил и шпионаж в пользу чешской и румынской армий. А английский адмирал Троубридж был закадычным другом и советником лидера контрреволюции — адмирала Хорти. И уж если Советская Венгрия что и получила от Антанты помимо этих «дипломатических» услуг, так это блокаду, душившую нас, пожалуй, даже сильнее, чем Россию. Уполномоченные Антанты — генерал Смэтс

и Герберт Гувер — не очень-то утруждали себя заботами о судьбах Венгрии. Ведь факт, что Гувер грозил нам голодом, если мы не пойдем на уступки американскому капиталу.

Социализм и сельское хозяйство

Социализацию промышленности в Венгрии облегчало, в частности, то, что в ходе войны капиталисты всех важнейших отраслей промышленности уже объединились в крупные монополистические союзы. Наибольшие трудности причинила ликвидация предприятий иностранных капиталистов, где в качестве первоначальной меры мы ввели рабочий контроль. В производственной сфере диктатура пролетариата не привела к сколько-нибудь заметному спаду. Что касается снижения производительности труда, то оно произошло и во всех капиталистических странах. В отраслях же промышленности, имеющих для пролетариата особо важное значение, производительность труда при диктатуре пролетариата даже повысилась, чуть ли не на 100%.

Сельская беднота горячо поддержала диктатуру пролетариата. Наша Красная Армия на 75% состояла из сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. Более зажиточные мелкие и средние хозяева отнеслись к новому строю пассивно. И только помещичье дворянство, джентри [1] и земельные магнаты сразу заняли контрреволюционные позиции. Крестьянство в целом одобрило коммунистическую программу землепользования. Следует в связи с этим заметить, что у нас, в отличие от России, не был проведен раздел земли. 50% обрабатываемых площадей в Венгрии находились во владении аристократии, церкви и помещиков-землевладельцев. Всю эту землю мы целиком социализировали и объявили ее не подлежащей разделу.

---

[1] *Джентри* — так называли в Венгрии разоряющихся средних и мелких дворян, пытавшихся во что бы то ни стало сохранить прежний образ жизни и цеплявшихся за свои сословные привилегии. Бóльшая часть этого дворянства пополняла армию чиновников государственного аппарата и органов местного самоуправления и стала опорой самых реакционных политических течений.— *Ред.*

Красный и белый террор

Что касается красного террора, то у нас, как и в России, он явился лишь ответом на действия контрреволюции. Понятие диктатуры отнюдь не предполагает наличия террора. Диктатура пролетариата — это прежде всего пролетарская демократия. Подлинная, действенная демократия для рабочего класса, а не пустое жонглирование этим словом. Диктатура пролетариата принуждает нетрудовые слои, лиц, уклоняющихся от работы, к условиям жизни, равным условиям жизни рабочих, т. е. к труду. Меры, принимаемые против буржуазии, должны носить временный характер и проводиться до тех пор, пока существует угроза восстановления господства буржуазии.

Могу сказать, что и мы, и наши русские товарищи многому научились на опыте белого террора. Прочтите австрийскую социал-демократическую газету «Винер арбейтер цейтунг». Она сообщает о первых четырнадцати смертных приговорах, вынесенных венгерским белым кровавым судилищем. Эта социал-демократическая газета соболезнует нам и в то же время издевается над нами. Я уже не говорю о том, что даже в гражданскую войну мы нигде не наблюдали такого разгула жестокости, как сейчас в Венгрии. Достаточно сказать, что все «ужасы» красного террора не составляют даже пятой части того, что сейчас одобряют социал-демократы в терроре белых контрреволюционеров, называя это «местью победителей». Взять, к примеру, Кечкемет. Красный революционный трибунал не казнил ни одного представителя кечкеметской буржуазии, обвинявшегося в контрреволюционных деяниях. А теперь белыми бандитами убито в Кечкемете более ста коммунистов.

Что же сегодня происходит в Венгрии? Мы неоднократно недвусмысленно предлагали социал-демократам выбор: либо диктатура буржуазии — либо диктатура пролетариата. Третьего не дано. Сегодня каждому ясно, насколько мы были правы. Венгерские бюрократы, объединившись с военной кликой, осуществляют кровавую диктатуру буржуазии. Закованная в цепи Венгрия подпала под власть военщины, творящей произвол. И все это происходит при содействии социал-демократической партии. Форма буржуазной диктатуры может меняться, но

положение рабочего класса остается неизменным при любой ее форме. Рабочему угрожают нищета, голод, гнет, кабала, эксплуатация, и рабочие все яснее это сознают. Социал-демократическая партия терпит полный провал. Венгерские рабочие окончательно разочаровались и испытывают отвращение к этим вождям, восседающим в плюшевых креслах и изнутри подорвавшим Советскую власть.

Мировая революция

Говоря о развитии мировой революции, Бела Кун сказал в заключение следующее:

Я верю в историческую миссию пролетариата. И знаю, что, несмотря на высоко вздымающиеся сейчас волны контрреволюции, мировая пролетарская революция уже на пороге Западной Европы. Капиталистическому строю Англии и Америки тоже не избежать уготованной ему участи. Пролетарская революция — это длительная и трудная борьба. Тем не менее мы будем еще свидетелями новых побед, которые одержит революция в Западной Европе.

О России, в революции которой мне довелось участвовать и героическая борьба, славный рабочий класс которой мне хорошо известны, я не могу говорить иначе, как с воодушевлением. Самое большое преступление Антанты состоит в том, что народы Центральной и Западной Европы были изолированы от неисчислимых экономических ресурсов России. С возобновлением экономических связей с Россией был бы решен целый ряд важных для Европы проблем. Россия испытывает нужду в технических специалистах, инженерах, химиках. Организация хозяйственной жизни России уже достигла такой стадии, когда при условии мира можно ожидать бурного экономического подъема. Для восстановления мирной жизни необходимо прекратить гражданскую войну. Русская буржуазия до сих пор могла вести гражданскую войну лишь вследствие прямой поддержки Антанты. Чем дольше Антанта будет оказывать эту поддержку русской буржуазии, ведущей гражданскую войну, тем дольше в Европе будут сохраняться нынешняя нищета и разруха, тем дли-

тельнее будет переход от капитализма к социализму, тем дольше будет существовать диктатура пролетариата.

Если Антанта хочет иметь в Европе и России нормальные условия, то ей надо как можно скорее заключить мир с Советским правительством России. Рабочие Англии и Америки должны выступить с этим требованием перед своей собственной буржуазией, ибо иначе, если они будут и впредь мириться с тем, что этот жгучий вопрос не разрешается, то нанесут вред самим себе.

Нас, сказал в заключение Бела Кун, обычно обвиняют в том, будто мы были слишком большевиками. Дело обстоит как раз наоборот — венгерские рабочие в недостаточной мере были большевиками. Поражение Венгерской Советской Республики явилось ударом по рабочим всего земного шара. Но русская Советская Республика живет и побеждает в героической борьбе против империалистов всего мира!

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

Брошюра. 1920 г.

I. От революции к революции

Диктатура пролетариата в Венгрии пала. Падением Венгерской Социалистической Федеративной Советской Республики, этой победой международной контрреволюции завершается определенный этап мировой революции.

«Демократическая» контрреволюция — социал-демократическое правительство, пришедшее на смену Советскому правительству,— выполнило свою задачу с удивительной быстротой. За три дня своего мимолетного существования оно восстановило частную собственность на средства производства, эксплуатацию рабочего класса, прежнюю бюрократию и прежнюю армию, полицию и жандармерию, звания и ранги. Оно ввело буржуазно-демократические порядки, разоружило пролетариат, а тем временем небольшая группа представителей прежнего господствующего класса — кадровые офицеры — вооружалась. Взамен диктатуры рабочего класса социал-демократическое правительство заложило основы буржуазного демократического государства, возвратило землю, заводы и шахты тем, кому они, согласно буржуазному правопорядку, принадлежат. Восстановив неприкосновенность частной собственности, оно сдалось на милость одного военного зубного врача, одного полицейского инспектора и пятидесяти полицейских [1].

---

[1] Автор имеет в виду путч 6 августа 1919 г., когда контрреволюционные заговорщики при поддержке отряда полиции насильственно сместили так называемое «профсоюзное правительство» Пейдля. Одним из вожаков путчистов был военный врач запаса дантист Андраш Чиллери.— *Ред.*

Вместе с «демократией» одержал «победу» над проповедуемой коммунистами идеей революционной классовой борьбы также и пацифизм. Державам Антанты удалось «пацифицировать» большевистскую Венгрию с помощью оружия румынской, чешской и югославской армий и их сегедских протеже [1]. Прекратилась вдохновляемая большевизмом революционная классовая война, и вместе с «демократией» в Венгрию пришел «мир».

«Демократическая» контрреволюция вырвала из рук рабочего класса оружие, но она не сняла с повестки дня проблему, поставленную перед рабочим классом капитализмом, который, вступив в империалистическую стадию, начал разлагаться. Ожидающая своего разрешения в международном масштабе проблема, которая противопоставляет революционные и контрреволюционные силы всего мира и которая довела классовую борьбу до фазы окончательного решения, не может рассматриваться так, как это любят делать сторонники сотрудничества между классами: диктатура или демократия. Военный зубной врач, полицейский инспектор и пятьдесят полицейских наглядно показали лидерам «демократической» контрреволюции, что ход революции допускает лишь такую постановку вопроса: диктатура пролетариата или диктатура буржуазии.

До 21 марта буржуазия Венгрии не имела сил для установления своей диктатуры. Однако в период нетвердого осуществления диктатуры пролетариата она обрела силу. Организуясь под крылышком перекрасившихся в коммунистов оппортунистов, пользуясь широкой помощью международной контрреволюции, буржуазия, пока агенты Антанты изнутри успешно подрывали диктатуру пролетариата (в результате чего рабочий класс перед лицом наступавшей извне контрреволюции малодушно, потеряв веру и надежду, выпустил оружие из рук), мобилизовала все свои силы и затем неожиданно

---

[1] В период Венгерской Советской Республики в городе Сегед, на юге Венгрии, оккупированном французскими войсками, под покровительством Антанты было сформировано контрреволюционное правительство. Военный министр этого правительства контр-адмирал Миклош Хорти сколотил из белогвардейских офицерских банд так называемую «национальную армию», захватившую впоследствии власть в Венгрии и служившую опорой фашистской диктатуры Хорти.— *Ред.*

появилась на политической арене во всеоружии. Она наглядно показала не только то, как надо ставить вопросы, но и то, как следует применять средства диктатуры, что́ такое террор.

Контрреволюция, которая параллельно, но не независимо друг от друга готовилась в резиденциях военных миссий Антанты, в будуарах любовниц аристократов, дворцах, церковных приходах, в залах заседаний профсоюзных бюрократов, широко разрослась при «демократии». Распускающийся бутон принял конституционные национальные цвета, чтобы затем полностью расцвести в белый террор. Правительство профсоюзных бюрократов в угоду национализму обшило красное знамя мировой революции (которое все еще оставалось оружием в руках пролетариев) каймой из национальных цветов. Провокационная националистическая кайма отодвинула на второй план боевой красный цвет (социал-демократические вожди и их союзники из числа деятелей прежних режимов выбили оружие из рук пролетариата), а затем над всем возобладал белый террор: начались большевистские и еврейские погромы (социал-демократы также подвергались преследованиям), а выбитое из рук пролетариев оружие подхватили буржуазия и ее наемники.

Диктатуре пролетариата не удалось полностью покончить с бюрократией буржуазного государства. Те люди, чье прошлое и чье мышление определялись парламентаризмом и связанной с этим политикой погони за голосами, должны были всячески противиться стремлению пролетариата разделаться с бюрократами, на которых не так давно, при подготовке к выборам в Национальное собрание, социал-демократические министры и их охотившиеся за парламентскими мандатами соратники рассчитывали как на своих сторонников. В профсоюзных канцеляриях, где от численности зарегистрированных членов зависит не только благосостояние, но и спокойное, без борьбы, существование профсоюзных чиновников, не могли понять, как может быть врагом пролетариата тот, кто является членом «признанного профсоюза».

Для правительства «демократической» контрреволюции не составило большого труда за одну летнюю ночь возродить всю бюрократическую машину буржуазного государства. Тем не менее социал-демократия желала

править от имени рабочих. Но бюрократия буржуазного государства об этом и знать не хочет, она относится к рабочему классу так же, как в мире растений паразитирующее растение относится к другим растениям. Паразиты высасывают из других растений питательные соки, и, как бы в науке о растениях такое явление ни называлось, по сути дела хозяином положения является паразитическое растение.

Не успев воскреснуть, бюрократия уже стала господствовать над социал-демократическим правительством. Власть над бюрократическим аппаратом, над армией чиновников выскользнула из рук социал-демократических бюрократов, располагавших недостаточным опытом. Устойчивая капиталистическая система правления, бюрократическая административная машина были самоцелью и в период правления опытных государственных деятелей. Администрация, независимая от лиц, стоящих у кормила капиталистической власти, независимая от законодательных органов, обретала все большую силу при профсоюзном правительстве. За душой этого правительства, помимо принятого «без прений» решения корпуса профуполномоченных и «доброжелательных» обещаний, сделанных во время «частных бесед» некоторыми выступавшими в роли дипломатов офицерами Антанты — не ахти какого ранга,— нет ничего, кроме прошлого, скомпрометированного как в период классового сотрудничества, так и диктатуры пролетариата.

Бюрократия объединилась с вооруженными силами. Относясь к демократии как к понятию сугубо теоретическому, она явочным порядком устанавливала диктатуру.

Во главе действующей венгерской армии все еще стоял один из членов правительства. Трудно решить, чей это ставленник — социал-демократической партии или миссий Антанты. Армия, по сути дела, была разгромленной армией. Она потерпела поражение не в результате военного преимущества наймитов румынских бояр, а в результате внутреннего разложения, бациллы которого были занесены теми, кто теперь сидел в правительстве. Рабочие полки под командованием старых офицеров были дезорганизованы. А те несколько воинских частей, которые ранее под руководством коммунистических командиров и политкомиссаров сражались до самого конца, не могли уже после падения пролетарской диктатуры

служить опорой «демократической» контрреволюции. Генеральный штаб, который своими ложными сообщениями о падении диктатуры пролетариата нанес ей последний удар, ждал лишь случая, чтобы объединиться не только с вступившими в сговор будапештскими полицейскими и бюрократией, но и с сегедскими белогвардейцами. Бюрократия буржуазного государства, личный состав полиции, жандармерии и офицерский корпус противостояли несчастной, агонизирующей «демократии», которая после деморализации рабочего класса представлялась лишь горсточкой профсоюзных бюрократов. Профсоюзные бюрократы ничего не имели за душой, помимо демократических фраз, да и те произносили заикаясь.

Пролетариат — как промышленный, так и сельскохозяйственный — был поражен неожиданным падением пролетарской диктатуры еще больше, чем ее неожиданным провозглашением 21 марта.

Вера в обещания Антанты, к тому же сделанные даже не в полуофициальном порядке, есть наивная вера политически неграмотных и марксистски неподготовленных людей в то, что международная буржуазия вознаградит предателей или по крайней мере будет к ним снисходительна. Даже в том случае, если румынские завоеватели не видели бы в существовании правительства «демократической» контрреволюции опасности для своих интересов, это не могло придать силы правительству перед лицом противников, которых ничто не сдерживало, в том числе и высшие классовые интересы.

Но правительство профсоюзных бюрократов не отвечало интересам румынских завоевателей. «Бравые» лидеры профсоюзов взяли на себя миссию восстановить капитализм в Венгрии, компенсировать венгерских капиталистов за ущемление их интересов. Их целью в первую очередь было удовлетворение классовых интересов венгерских капиталистов, восстановление капиталистического производства в Венгрии. Румынские же завоеватели имели иную цель. Их интересы могли быть удовлетворены лишь за счет венгерских капиталистов.

Стремившийся к диктатуре блок бюрократии буржуазного государства, полиции, жандармерии и офицерского корпуса не был отягчен такими соображениями, учет которых являлся обязательным для профсоюзной бюрократии. У них не имелось «производственных инте-

ресов», они не испытывали необходимости маскировать предательство подобными разглагольствованиями. Им нужна была незамаскированная власть, власть в чистом виде, для обеспечения своего незамаскированного паразитического существования. Отмежевываясь от «производственных интересов», они рядились в тогу национальных интересов. Во имя «национальных интересов» они провозгласили необходимость «концентрации всех жизненных сил нации». Они мало беспокоились о внешней маскировке и не слишком стремились скрыть свои паразитические интересы.

В противоположность большевистскому принципу интернационализма профсоюзное правительство и его сторонники стояли на позициях дореволюционного национализма, окрашенного в интернационалистские тона. Но даже это националистическое прикрытие не придавало им сил, и, самое большее, они могли выступать вместе с бюрократией и офицерством как их конкуренты, имеющие один и тот же товар. Если бы деятели профсоюзного правительства окончательно сбросили с себя социалистическое одеяние и выставили напоказ свое националистическое обличье, то они оказались бы в крайне невыгодном положении перед лицом масс, немедленно потеряли бы и без того слабые связи с рабочими. И тут законно возникает вопрос: кто же все-таки в действительности представляет интересы венгерской нации — все эти реакционные силы или же рабочий класс, от имени которого и якобы в интересах которого они дерут глотку и который является неимущим и самым необразованным классом общества?

В ходе этой борьбы социал-демократические лидеры, не имея никакого представления о действительном соотношении сил, полностью исчезли бы с политической арены. Политическая арена никогда еще не видела, чтобы борющиеся силы были представлены такими бесцветными личностями. Бесцветность боролась с бесцветностью. Но отдельные группы империалистов Антанты нуждались в социал-демократах в Венгрии. Группа паразитов, осуществлявшая диктатуру от имени буржуазии, совершила ошибку, попытавшись подкрепить силу оружия таким политическим фактором, как личность эрцгерцога Габсбурга, в результате чего возникли международные осложнения. Империалистические круги

Антанты, этот авангард международной контрреволюции, в целях противодействия монархическим устремлениям, так же как в свое время в борьбе против диктатуры пролетариата, мобилизовали социал-демократию.

Эрцгерцог Габсбургский, стремившийся завладеть короной, и социал-демократические лидеры были старыми знакомыми. Они взаимно принесли присягу на вечную верность: социал-демократические лидеры — королю, а эрцгерцог — республике. Те, кто так хорошо знают друг друга, не могут слишком доверять друг другу.

Социал-демократия искала поддержки у Антанты, империалистические цели которой она в силу своей политической неграмотности никогда не могла понять. Небольшая группа социал-демократических государственных деятелей во главе с «великим изгнанником» [1], как пользующаяся доверием лидеров международной контрреволюции, вновь обрела значение в политике. Она не имела сил остановить белый террор и не могла даже воспрепятствовать преследованию социал-демократических профуполномоченных, которых тысячами сажали в тюрьмы. Пока белогвардейские карательные отряды истребляли многие сотни рабочих Будапешта, социал-демократические государственные деятели вели переговоры. Они вели переговоры с представителями Антанты, гарантировавшими безопасность профсоюзного правительства. Вели переговоры с теми, кто сверг профсоюзное правительство, кто арестовывал бывших представителей социал-демократической партии и членов профсоюзного правительства, кто массами расстреливал организованных рабочих. Они вели переговоры с последышами Тисы, финансовый эксперт которого заявил в «Нейе фрейе прессе», что социал-демократический коллега в правительстве необходим для того, чтобы он взял на себя ответственность за снижение заработной платы.

[1] Автор имеет в виду правого социал-демократа Гарами Эрнё (1876—1935), одного из вдохновителей оппортунистической политики руководства социал-демократической партии. После провозглашения Венгрии Советской Республикой он эмигрировал в Австрию, затем в Швейцарию и играл активную роль в подготовке контрреволюционного переворота. После падения Советской власти вернулся в Венгрию и принял участие в гереговорах с представителем держав Антанты. В последующем снова выехал за границу, где оказывал ценные услуги правительству хортистской Венгрии.— *Ред.*

Они вели переговоры с кем попало и всюду — в Пеште, Вене, Швейцарии, они готовы были бы вести переговоры хоть на луне. Лишь к рабочим такие социал-демократические деятели не обращались. Они тщательно избегали этого.

Их политика не была бесплодной. Итальянцы, чехи и югославы, испугавшись призрака Габсбургов, с помощью Антанты заставили эрцгерцога-наместника выполнить присягу на верность республике, принесенную при участии социал-демократов, и покинуть свой пост. Теперь социал-демократическим министрам можно было уже не опасаться быть привлеченными к ответственности за нарушение присяги на верность монархии.

Однако бюрократия, полиция, жандармерия и офицерский корпус не пришли от такого хода событий в замешательство. Они не имели политического прошлого, и представитель Габсбургского дома нужен был им только для восполнения этого пробела. У них нет особых классовых интересов, они лишь искали опору в классе, интересы которого лучше всего обеспечиваются монархией. Для них национальные интересы — лишь легкое покрывало, а не панцирь, защищающий незыблемость условий их паразитического существования. Поэтому поддержка со стороны румынских завоевателей так же мало смущает бюрократию, офицерство, полицию и жандармерию, как и поддержка со стороны другого союзника Антанты — социал-демократов.

Кроме того, они считают, что социализм не есть монополия профсоюзных бюрократов. Существуют и другие социалисты — христианские социалисты. И вообще христианство является важной связующей идеей венгерской нации. Венгерская нация, думают они, может возродиться только в христианстве, а не в социал-демократии. Правда, социал-демократическая партия после своего возрождения изгнала из руководства всех евреев, включая тех, кто не эмигрировал и был в числе немногих прежних руководителей, не имевших ничего общего с коммунистами, но все равно социал-демократы составляют лишь незначительную часть венгров-христиан и всей венгерской нации. Следовательно, «христианско-национальная концентрация» — вот лозунг, руководствуясь которым на трупах жертв погромов восторжествует венгерская нация. Вместе с социализмом бюрокра-

тия и офицерство также переняли это от социал-демократов. «Христианские» лидеры социал-демократов даже в период диктатуры пролетариата не питали отвращения к идее небольших еврейских погромов, но в силу своей природы не были в этом отношении ни достаточно радикальными, ни достаточно решительными. Они лишь распространяли в массах настроения против «еврейских народных комиссаров», оставаясь под сенью власти «еврейских народных комиссаров».

Профсоюзная и социал-демократическая партийная бюрократия упорно стремилась опираться на Антанту, а не на рабочие массы, страдавшие от белого террора и всех бед капитализма. Обращение к рабочим противоречило бы «интересам производства»! Возрождение духа классовой борьбы — опасная игра с огнем! Это не только может быть неприятным для тех, кто в настоящее время осуществляет диктатуру,— для бюрократии, полиции, жандармерии и белогвардейских офицеров, но способно также помешать «концентрации национальных сил», помешать союзу социал-демократии и «исторических» классов [1], это может быть неприятным и для союзников из «дореволюционных партий» [2], которые вместе с лидерами социал-демократии ожидают от империалистов Антанты возрождения капитализма и венгерской буржуазной демократии.

Таким образом, к рабочему классу никто не обращается. Не было что сказать массам ни у оставшихся в стране и скомпрометировавших себя во время пролетарской диктатуры социал-демократических лидеров, ни у возвращающихся из эмиграции. Они ничего не могли сказать массам — подлинным носителям демократии,— в которых лидеры социал-демократии и профсоюзов убили — опять же якобы во имя демократии — веру в свои силы, в свое будущее, в свое призвание, в революцию. Они не обращались к массам, чьи боевые ряды сами

---

[1] Правящие классы буржуазно-помещичьей Венгрии — дворянство и аристократия, в отношении которых оппортунистическое руководство социал-демократии занимало позицию умеренной лояльной оппозиции.— *Ред.*

[2] Старые крупные буржуазные политические партии (либеральная партия и партия независимости), игравшие важную роль до первой мировой войны, но затем исчезнувшие из политической жизни страны.— *Ред.*

дезорганизовали. Они разлагали массы рассуждениями о том, что пацифизм есть естественное призвание рабочего класса и что, следовательно, борьба против международной империалистической реакции не нужна и бесперспективна. Они вносили дезорганизацию с помощью сказок об антантовских эшелонах с продовольствием, внушая массам, что в нищете виновата большевистская диктатура и что целебным средством против нее является социал-демократия, весело плывущая на волнах антантовских милостей.

Когда социал-демократы убедили в этом массы и когда им таким путем удалось дезорганизовать ряды рабочего класса, лишить его революционной энергии и веры, отдать пролетариат на милость иностранным и отечественным капиталистам, низвергнуть Советскую власть, изгнать коммунистов, когда, провозгласив самих себя министрами, им удалось за 24 часа восстановить частную собственность, весь аппарат буржуазного государства, разоружить пролетариат, вооружить буржуазию,— тогда они предали демократию, так же как до этого предали пролетарскую диктатуру. Зубной врач, полицейский инспектор и пятьдесят полицейских — вот кому они передали власть, не попытавшись даже обратиться к рабочему классу.

Рабочий класс, коммунистические руководители которого вместе с теми, кто с отвращением отвернулся от социал-демократии, вынуждены были скрываться от белого террора или оказались в тюрьмах, остался пока без руководителей и ориентировки. Однако с падением диктатуры пролетариата в Венгрии закончился лишь один короткий этап мировой пролетарской революции.

Форма буржуазной диктатуры изменилась, «дореволюционные партии» образовали коалицию; трудовая партия, партия 1848 г. и остатки социал-демократической партии вместе с христианскими социалистами составили «христианско-национальную концентрацию». Но суть дела не меняется.

Революционная классовая борьба международного пролетариата победоносно развивается, и в эту классовую борьбу вновь включится революционный пролетариат Венгрии, который буржуазия не могла уничтожить, так как тем самым она уничтожила бы условия своего паразитического существования.

Революционная классовая борьба, венцом которой является революционная диктатура рабочего класса, развивается по направлению к своей цели — от революции к революции!

II. С новыми силами — на классовую борьбу

Волна контрреволюции, которая похоронила диктатуру пролетариата в Венгрии, прошлась по рабочему движению всего капиталистического мира. Будучи отрезанной от великой Российской Советской Республики, Венгерская Советская Республика все же могла бы выстоять и, несмотря на сложившееся международное положение, может быть, дождалась бы революционного выступления западного пролетариата, если бы социал-демократия, совершившая целый ряд предательств, не вступила в тайный, а затем открытый союз с международной империалистической контрреволюцией.

В данной работе не ставится цель показать историю провозглашения диктатуры пролетариата в Венгрии, однако можно отметить, что установлению диктатуры в большей степени способствовало благоприятное международное положение, чем революционная активность масс венгерского пролетариата. Революционное же сознание широких слоев пролетариата было ниже, чем его революционная активность. Подобно тому как сон-трава расцветает ранней весной, прежде чем на ней появится листва, так и в Венгрии, до того как рабочий класс получил права и представительство в парламенте, расцвели все цветы реформистского направления в рабочем движении: от готовности к межклассовому сотрудничеству до парламентского кретинизма.

Диктатура пролетариата — эта великая школа социализма — поставила перед большим испытанием рабочее движение Венгрии, которое до тех пор в международном плане было совершенно незначительным, а во внутреннем — приобрело большое значение лишь совсем недавно. В борьбе, которую вела социал-демократическая партия за избирательное право, за демократию, венгерский рабочий класс не привык к самостоятельным классовым действиям. Во время войны ведущая партия рабочего класса была против любых революционных дейст-

вий, даже против заявлений, сколько-нибудь выходивших за рамки простых пацифистских пожеланий. Ее официальные заявления носили характер завуалированных доносов по поводу революционных антимилитаристских выступлений, которые сплошь и рядом имели место в массах. Накануне октябрьской революции ее сторонники заняли такую позицию по отношению к рабочей партии: если это возможно, то с вами, а если потребуется, то без вас или даже против вас. И действительно, решение было принято без них, без вождей,— более того, во многих отношениях против их воли.

Объявленная после провозглашения буржуазной республики приостановка классовой борьбы толкала сторонников революционных действий влево, побуждала часть из них покидать партию большинства. Созрела обстановка для образования Коммунистической партии Венгрии. Положение молодой революционной рабочей партии по сравнению с положением социал-демократической партии было легким, и лишь профсоюзы могли до поры до времени спасать социал-демократическую партию от полного развала.

Пролетариат хотел действовать. Полный крах капитализма и полное бессилие буржуазной государственной власти открывали прекрасную возможность для революционных действий в любой момент. Однако у рабочего класса, за исключением небольшой, очень тонкой прослойки, не было революционной подготовки, не было революционного сознания. Значительная часть передового и готового к действиям революционного отряда рабочего движения была развращена политикой могущественных профсоюзов, которые с помощью дешевой демагогии занимали место в левом крыле, чтобы в нужный момент низвести революционные действия до уровня профсоюзной акции.

В результате провозглашения диктатуры пролетариата рабочий класс Венгрии наряду с рабочим классом России выдвинулся в первые ряды международного рабочего движения. Венгерские рабочие стали героями революции. Ведь совершая революцию, они еще не имели революционных традиций, марксистской подготовки и обладали лишь тем революционным сознанием, которое Коммунистическая партия Венгрии успела за несколько месяцев внести в массы с помощью средств пропаганды.

И все же венгерский пролетариат наряду с русским пролетариатом представлял в международном пролетарском движении самое передовое революционное сознание. Каков бы ни был приговор истории о венгерском этапе пролетарской революции, несомненно, что за 133 дня существования диктатуры (период, почти в два раза более длительный, чем период существования революционной Парижской коммуны) венгерский пролетариат действовал в интересах и от имени международного рабочего класса.

Его действиям было присуще сознание их международной значимости. Даже социал-демократические лидеры не пытались ослабить это сознание. Указанные лидеры, перейдя на платформу интернационализма из самого затхлого болота социал-шовинизма, хотели найти в идее интернационализма возможность для осуществления своих скрытых социал-патриотических взглядов. Для них интернационализм был лишь вопросом внешнеполитической ориентации, и поэтому одно время в период диктатуры они были сторонниками интернационализма.

Внешнеполитическое положение Венгерской Советской Республики лучше всего отражало ее международное значение с точки зрения международного пролетариата. В то время как рабочие партии побежденных и победивших стран в своем желтом Интернационале ломали голову над тем, как бы перенести гражданский мир в промышленности военного периода в мирные условия, чтобы сделать продляющую жизнь инъекцию агонизирующему капитализму, все действия пролетариата Венгрии явились ударами по угнетателям рабочего класса всего мира.

Международная контрреволюция полностью отдавала себе отчет, что Венгерская Советская Республика — это тот мост, по которому революционное направление рабочего движения распространяется с востока на запад. Шейдеман и германские социал-патриоты, а также наиболее преуспевшие в предательстве рабочего движения австрийские социал-демократы старались запугать империалистов Антанты примером Венгрии и таким путем добиться от них уступок для своих буржуазных государств ради развертывания капиталистического производства.

Первое единое международное выступление пролетариата держав Антанты и нейтральных государств, наме-

ченное на 21 июля и частично потопленное в болоте оппортунизма, во многом было вызвано действиями венгерского пролетариата, влиянием его примера. В свою очередь волна контрреволюции, которая смела диктатуру пролетариата в Венгрии, продолжала воздействовать на рабочее движение во всем мире даже после своего спада. Падение пролетарской диктатуры означало для Антанты, что венгерская проблема перестала носить социальный характер и что важнейший вопрос большевизма превратился во второстепенный вопрос раздела сфер влияния и колонизации.

С падением Советской Республики венгерское рабочее движение если и не стало опять никому в мире не известным, как было в тот период, когда его представляли исключительно лишь венгерские социал-шовинисты, то все же, несомненно, потеряло самостоятельное значение и ведущую роль в международном пролетарском движении. Такое положение создало благоприятные возможности для тех, кто до диктатуры и после диктатуры пролетариата, равно как и во время войны, стремился парализовать любые революционные проявления в рабочем движении призывами ждать до тех пор, пока пролетариат других стран вступит на путь революции. Подобными призывами оппортунисты маскировали свою линию на прекращение классовой борьбы и свое стремление к межклассовому сотрудничеству. Ждать, ждать, ничего не делать такого, что могло бы нарушить столь ревностно хранимое равновесие между классами, ущемить интересы развалившегося производства (слово «капиталистического» в таких случаях опускается). Ждать, более того, как показывает опыт, идти обратно вплоть до самой полной свободы частной собственности, до самой полной свободы спекуляции, до самой полной разнузданности белого террора — в противном случае создастся угроза для профсоюзов, производства и даже для существования нации. Ждать и бездействовать, не проявляя инициативы, сохраняя наемное рабство для рабочих.

Возобладавшие до поры до времени в венгерском рабочем движении сторонники парламентских методов, идолопоклонники законности, должно быть, используют падение диктатуры для возрождения своих «старых, хорошо оправдавших себя методов». Эти старые, хорошо себя оправдавшие методы, которые привели к трехдневн-

ному профсоюзному и социал-демократическому господству, к диктатуре офицеров, полицейских и бюрократов, к возвращению к политической жизни деятелей эпохи Тисы и которые возродили дореволюционную Венгрию, пригодны лишь для того, чтобы увековечить диктатуру буржуазии в «конституционной» форме и обеспечить еще более надежное закрепощение рабочего класса.

Следовательно, констатация того, что с падением диктатуры пролетариат Венгрии потерял ведущую роль в международном рабочем движении и что его международное значение снизилось, не означает победы «старых, хорошо оправдавших себя методов», победы бездеятельного выжидания над революционной тактикой. Падение пролетарской диктатуры с точки зрения методов классовой борьбы не привело к каким-либо изменениям в рабочем движении. То обстоятельство, что «демократическая» контрреволюция одержала победу над революционной диктатурой пролетариата, вовсе не должно означать отказа венгерского пролетариата от выступлений против «собственной» буржуазии. Утеряна инициатива лишь в международном плане. Исходя из соотношения сил в классовой борьбе можно предположить, что новая революционная перестройка в Венгрии последует за революционным выступлением рабочего класса развитой капиталистической Германии или быстро продвигающейся к революционной зрелости Италии.

Однако такой вывод ни в коем случае не дает оснований для какого-либо классового сотрудничества с буржуазией, не может служить оправданием для классового сотрудничества. Подобную тенденцию, подсознательную или сознательную — результат в конечном счете один и тот же,— уже тогда можно было заметить в действиях социал-демократических лидеров рабочего движения, когда они начали копать могилу для власти рабочего класса путем открытого и тайного саботажа мероприятий диктатуры, своими призывами быть снисходительными по отношению к буржуазии, своими неумелыми переговорами, превзошедшими все имевшиеся до сих пор примеры дипломатического дилетантства.

«Восстановление производства и нарушенной экономической жизни страны, концентрация всех сил трудовых слоев нации» — все это не что иное, как новое издание лозунга о классовом сотрудничестве, который лишь

слегка маскирует предательство жизненных интересов рабочего класса.

Единственным стимулом и единственной целью капиталистического товарного производства является выгода, прибыль с капитала, получаемая путем присвоения части результатов труда рабочего класса. Капиталист производит товар не из гуманных соображений, не ради сохранения сил нации. И даже не ради сохранения возможности самого производства, как это подтвердил венгерский капитализм своим саботажем, который имел место в период режима Каройи, когда рабочий класс угрожал интересам капитала, и находил выражение в сокрытии сырья, в продаже его на утиль, в сдаче на слом самых сложных станков. Следовательно, рабочий класс может принять участие в восстановлении производства лишь в том случае, если он откажется от оружия классовой борьбы, столь опасной для капиталистов, и сам добровольно позволит капиталистам сдирать с него кожу. Но и такой курс не наверняка приведет к восстановлению производства, ибо дешевизна рабочей силы и неограниченность возможностей эксплуатации при сложном международном положении не являются единственными условиями производства, особенно в незащищенной от иностранного империализма стране, каковой является Венгрия после падения пролетарской диктатуры.

В условиях капиталистического производственного и общественного строя рабочий класс может занимать троякого рода позицию: он может терпеть эксплуатацию, способствовать эксплуатации или бороться против эксплуатации. Как на предприятиях, так и в политической жизни.

Своей неорганизованностью или бездействием он может терпеть эксплуатацию — если, например, следовать за теми, кто пытается занять место между правым и левым крылом пролетарского движения, кто по горло погряз в пагубной для рабочего класса политике ожидания, колебаний и бездействия.

Рабочий класс может организованно и действенно способствовать собственной эксплуатации, если будет проводить политику сотрудничества между классами. Сотрудничая с буржуазными партиями в деле осуществления буржуазной государственной власти, рабочий

класс не только действует в ущерб собственным заработкам, собственному благосостоянию, но и способствует укреплению угнетательского аппарата буржуазии, буржуазного государства — тюрьмы для рабочих — в ущерб своим классовым интересам, в ущерб делу освобождения. Такая политика является продолжением военной политики социал-демократических партий, возрождением прежнего курса, при котором ради «национального производства» социал-демократические лидеры не только мирились с тем, что рабочих посылали на бойню, но и сами посылали их туда, помогали империалистам связать рабочий класс по рукам и ногам в интересах империалистической грабительской войны. Тот, кто понимает, что классовая борьба служит двигателем исторического развития и что наиболее решительно и последовательно ее ведет рабочий класс, тот должен рассматривать как покушение на будущее общества всякую политику, связанную с притуплением, прекращением и предательством классовой борьбы. Лозунг «в общих интересах общества» носит, по сути дела, антиобщественный характер; он направлен против производства и общества, поскольку имеет целью лишить общество его движущей силы.

Рабочий класс Венгрии в период пролетарской диктатуры быстро понял различие между капиталистическим способом производства и тем способом производства, при котором руководящая роль принадлежит самому пролетариату. Рабочий класс показал похвальный пример трудовой дисциплины и стремления к повышению производительности труда, хотя для этого не было объективных экономико-организационных предпосылок — технической и хозяйственной концентрации предприятий. Они отсутствовали частично вследствие сложившегося международного положения, частично вследствие нерешительной политики диктатуры пролетариата и главным образом вследствие саботажа профсоюзных организаторов производства, действовавших заодно с буржуазией. Во времена пролетарской диктатуры, т. е. когда производство было не средством эксплуатации, а средством удовлетворения потребностей трудящихся, некоторые профсоюзные руководители сомневались в необходимости осуществления мероприятий по повышению трудовой дисциплины и производительности труда. Теперь эти дея-

тели стремятся направить все силы рабочего класса на развитие капиталистического производства и, следовательно, содействуют восстановлению эксплуатации трудящихся.

После падения диктатуры пролетариата профсоюзные лидеры не заявляли открыто, что рабочий класс Венгрии «в интересах производства» отказывается от применения оружия забастовки. Однако, как партийные лидеры, они выдвинули лозунг: «спокойствие, спокойствие любой ценой» и тем самым провозгласили материальное и духовное разоружение рабочего класса. Этот лозунг имел неприкрытую цель — восстановление капиталистического производства и эксплуатации, восстановление угнетательского аппарата имущего класса — буржуазного государства.

Лозунг «мир между классами» ныне служит этой цели в еще большей степени, чем во время войны или сразу после революции. Вот что означает слово «спокойствие», которое в качестве лозунга выбросил социал-демократический вождь, принявший участие в формировании правительства в качестве доверенного лица империалистов Антанты и венгерского финансового капитала. Вот что означает «восстановление производства», «правительство всех трудовых слоев», «концентрация национальных сил», вот что означает «демократия» в самой опасной ее форме.

Рабочий класс в рамках капиталистического производственного и общественного строя — особенно теперь, когда крах этого строя неминуем и совсем недалек,— может служить своим классовым интересам и вообще производству только путем организации и продолжения классовой борьбы с применением всех сил, всех имеющихся в его распоряжении средств, путем продолжения борьбы за роль организатора производства.

Стремление к перестройке производства на капиталистических началах в период всеобщего кризиса капитализма создает двойное препятствие для восстановления национального хозяйства. Поскольку классовая борьба есть движущая сила общественного развития, то единственным способом избежать наступления новой эпохи варварства является скорейшее завершение этой борьбы с помощью революционных средств. Данный решающий, последний этап классовой борьбы, к которому

привело общество развитие империализма, закончится либо окончательной победой рабочего класса, либо гибелью обоих классов — имущих и неимущих. «Партии порядка», и среди них не в последнюю очередь социал-демократические партии, по сути дела есть антиобщественные партии. Их действия, всегда направленные на притупление или прекращение классовой борьбы,— антиобщественные действия. Социализм, как первая фаза коммунизма, или варварство, уничтожение всей цивилизации, созданной в период капитализма благодаря труду рабочих,— такова альтернатива, и другого выбора нет.

Если венгерский пролетариат и потерял ведущую роль, которую он приобрел благодаря захвату власти, то, я повторяю, потерял он ее лишь в плане международной классовой борьбы. Поэтому нельзя обрекать себя на роль бездеятельного наблюдателя в классовой борьбе или даже участника сотрудничества между классами. Этого нельзя делать даже тогда, когда рабочий класс введен в заблуждение социал-демократией, когда шеренги его передовых борцов поредели в результате белого террора, когда вера пролетариата в свое историческое призвание, в свое будущее подорвана предателями из его собственных рядов.

И нельзя считать причиной создавшегося тяжелого положения опоздание международной помощи, задержку мировой революции, ибо четыре месяца диктатуры — лишь короткий эпизод в мировой социальной революции, которая избавит пролетариат от рабства.

Падение диктатуры пролетариата выдвигает новые задачи перед рабочим классом, верным революционным традициям Венгрии:

1) не допускать, чтобы буржуазия с помощью своих социал-демократических лакеев беспрепятственно могла использовать аппарат власти буржуазного государства для восстановления капиталистического производства;

2) организационно готовиться к новому этапу пролетарской революции так, чтобы пролетариату не пришлось делить государственную власть с социал-демократическими лакеями;

3) осуществлять идеологическую и организационную подготовку пролетариата, чтобы к моменту захвата вла-

сти он не оказался таким неподготовленным, как было в марте.

Вести борьбу, создавать партийные организации, путем агитации повышать революционное сознание пролетариата — вот в чем состоит задача революционной партии рабочего класса — Коммунистической партии Венгрии.

III. Организация на принципиальной основе и единство действий

Источник всех ошибок диктатуры, главную причину ее падения — разумеется, не единственную, но главную с точки зрения тактики — следует искать в особенностях рабочего движения в Венгрии.

Венгерское рабочее движение в течение многих десятилетий не знало борьбы по принципиальным и тактическим вопросам, которую вел рабочий класс всего мира. Расхождения по теоретическим и тактическим вопросам, возникавшие в ходе борьбы повсюду, во всех рабочих партиях земного шара, почти совсем не затрагивали венгерскую рабочую партию. За исключением последнего времени внутри рабочей партии Венгрии не возникало группировок и направлений, соревнование между которыми привлекало бы внимание по крайней мере широкого круга активистов.

Совершенно косная в идейном отношении партийная и профсоюзная бюрократия, кругозор которой был ограничен парламентаризмом (политикой погони за депутатскими мандатами) и мелкими социальными реформами, в организационном отношении неограниченно господствовала над массами. По мере того как эта бюрократия становилась независимой от рабочих, она начинала чуждаться подлинных революционных интересов масс. По мере роста влияния профсоюзной бюрократии на политику страны снижалась ее готовность вести классовую борьбу.

Венгерское рабочее движение организационно строилось таким образом, что воля масс находила в нем искаженное, косвенное выражение. Уже с 90-х годов социал-демократическая партия Венгрии служила лишь непрочной оправой профсоюзов, ее искусственное постро-

ние отвечало двум целям: добиться создания духа профессиональной кастовости среди рабочих и вместе с тем строгого единства профсоюзной бюрократии в интересах неограниченного господства над массами. Вот почему в венгерском рабочем движении почти не было политических партийных организаций. А если и были, то они существовали лишь в надежде на получение депутатского мандата, будучи предвыборно-агитационными органами, через которые массы не могли оказывать какое-либо влияние на политику партии.

Подобная структура рабочего движения — строгое единство партийных и профсоюзных организаций при полновластном руководстве со стороны бюрократии — почти полностью предотвращала возможность борьбы революционных и реформистских направлений в рабочем движении, объединения сторонников этих направлений в группы, а затем их размежевания, раскола партии. Если в среде хорошо организованной профсоюзной и партийной бюрократии возникали расхождения по важным принципиальным тактическим вопросам рабочего движения или же, что случалось очень редко, такие вопросы ставились под давлением извне, то они решались келейным образом, причем, по возможности, из них выхолащивалось всякое идейное содержание. Тот же, кто не был склонен проблемы рабочего класса рассматривать как внутренние дела бюрократии, кто пытался апеллировать к массам, встречал сопротивление всего бюрократического аппарата партии и профсоюзов.

Это единство рабочего движения Венгрии, которое сохранилось и в период империалистической войны, расколовшей на два течения даже рабочее движение нейтральных стран, не было ни принципиальным единством, ни единством действия, а лишь единством партийной и профсоюзной бюрократии на платформе беспринципности, соглашательства и предательства в классовой борьбе. Соглашательская политика внутри движения привела к соглашательству вождей партии с буржуазией и затем в конце концов завершилась предательством в отношении рабочего класса, сделкой за счет его жизненных интересов. Если скрытая деятельность бюрократии становилась явной для широких масс, то пускалось в ход такое оружие, как «святое единство» рабочего класса. Под знаком этого подлое предательство, обусловленное

контрреволюционной косностью и выдававшееся за самоотверженность, соглашательство и инертное бездействие, выдававшиеся за энергичную деятельность, становились святая святых.

Окрепшее после войны революционное направление, если оно не хотело довольствоваться «свободой мнения» в узком кругу, а стремилось к свободе агитации и действий, должно было создать отдельную организацию. Лишь после революции 1918 г. было нарушено единство рабочего движения, что явилось предпосылкой не только революционных действий, но и революционной пропаганды и революционной организационной деятельности. Левое крыло рабочей партии большинства заколебалось после запоздалого и происшедшего с большими трудностями образования Коммунистической партии Венгрии. Однако в силу узости кругозора принадлежащие к левому крылу продолжали сохранять свое членство в социал-демократической партии, становясь соучастниками предательства пролетариата.

Раскол рабочего движения на две части с возобновлением классовой борьбы явился расколом «единого демократического фронта». А с точки зрения положения в рабочем движении образование революционной рабочей партии означало борьбу не на жизнь, а на смерть против реформистской, чисто парламентской соглашательской политики, против социал-шовинизма профсоюзной и партийной бюрократии. Это впервые открыто проявилось в венгерском рабочем движении.

Революционная рабочая партия была прежде всего революционной пропагандистской организацией. Но тому, чтобы она стала монолитной и дееспособной организацией, помешало последовавшее затем новое «объединение» рабочего движения.

Несмотря на все успехи в деятельности коммунистической партии в революционный период с ноября по март, она не смогла добиться должного повышения революционного сознания широких слоев пролетариата. Сопротивление революционному направлению оказывалось главным образом в самом рабочем движении. Не считая тех препятствий, которые чинила революционной пропаганде и революционной деятельности участвовавшая в буржуазном правительстве социал-демократическая партия, использовавшая в этих целях средства государст-

венной власти, сопротивление оказывалось главным образом в трех направлениях:

1. Социал-шовинизм, распространявшийся социал-демократической партией. Несмотря на готовность рабочих масс к классовой борьбе, это направление все же нашло почву среди рабочего класса. Многие не чуждались поддержки лозунгов «революционный патриотизм» и «интересы демократического государства», тем более, что после ноября организации рабочего класса были наводнены мелкобуржуазными элементами.

2. Распространявшиеся профсоюзами социал-реформистские взгляды, согласно которым главным вопросом рабочего движения является социальная политика и в которых даже вопрос ликвидации наемного труда всячески отодвигается на второй план в интересах «восстановления производства».

3. Сопротивление бюрократического аппарата партийного и профсоюзного движения, вся конструкция находящегося под его влиянием рабочего движения, приспособленная для предотвращения революции и осуществления классового сотрудничества.

Борьба сторонников революционной классовой борьбы с представителями соглашательской политики не была завершена в предшествовавший диктатуре пролетариата период революции. Партийная и профсоюзная бюрократия избежала этого тем, что «вопреки своим убеждениям» объединилась с коммунистами. Объединение произошло не на принципиальной основе. Партийная и профсоюзная бюрократия пошла на слияние по тем же причинам, по каким препятствовала революционной пропаганде коммунистов.

С их социал-шовинистической точки зрения, интернационализм был лишь вопросом внешнеполитической ориентации. При сложившемся внешнеполитическом положении социал-патриоты искали поддержку в коммунистическом направлении рабочего движения. Они стремились использовать красное знамя интернационализма для осуществления еще вчера провозглашавшегося лозунга «территориальной интеграции». Профбюрократы, пытавшиеся за два дня до установления диктатуры пролетариата осуществить меры по усилению капиталистической эксплуатации рабочих, вынуждены были уступить массам, которые, несмотря на все старания профсоюзной

бюрократии, все более энергично и активно осуществляли ликвидацию наемного труда, экспроприацию средств производства путем «стихийной» национализации предприятий. Наконец, поскольку весь партийный и профсоюзный аппарат открыто защищал капиталистическую эксплуатацию и вынужден был почти полностью снять маскировку, рабочие массы начали покидать их [1].

Оппортунизм бюрократии, который до этого ярко проявлялся в классовом сотрудничестве, теперь вызвал к жизни единство «без какой-либо принципиальной убежденности» [2]. Молодая революционная рабочая партия, коммунистическую программу которой якобы «безоговорочно» [3] приняло руководство социал-демократической партии, в силу своей организационной рыхлости растворилась в созданной партийной и профсоюзной бюрократией социал-демократической организации, приспособленной к антиреволюционной тактике классового сотрудничества и к парламентаризму. Революционные пролетарские элементы едва могли держаться на поверхности в партийных организациях, большинство которых составляли мелкобуржуазные элементы. Профсоюзная бюрократия, один из вождей которой, согласно заявлению видного представителя капиталистов [4], «заболел бессонницей в связи с проблемой повышения заработной платы, и все его помыслы были направлены на то, чтобы по возможности снизить эти высокие ставки», неизменно ломала голову над этим больным для нее вопросом. Она продолжала сотрудничество с буржуазией во время диктатуры пролетариата и тайно вместе с капиталистами чинила препятствия созданию социалистической экономики. Глава венгерских угольных магнатов после падения пролетарской диктатуры открыто заявил [5]:

«Советское правительство приняло решение о ликвидации всех угольных компаний и слиянии их в единое предприятие каменноугольных шахт. Однако с помощью

---

[1] См. статью Велтнера в «Арбейтер цейтунг».

[2] См. статью Бухингера в «Кампф».

[3] См. заявление Велтнера в пересыльной тюрьме.

[4] См. статью Калмана Кандо в «Нейе фрейе прессе» от 13 сентября 1919 г.

[5] См. статью Ференца Хорина в «Нейе фрейе прессе» от 13 сентября 1919 г.

компаний и профсоюзных лидеров осуществление этого решения было сорвано».

Следовательно, и при диктатуре пролетариата социал-демократическая партийная и профсоюзная бюрократия в измененной форме, приспосабливаясь к условиям, продолжала политику классового сотрудничества. Она поддерживала дружеские отношения не только с передовыми форпостами международной империалистической контрреволюции — различными военными миссиями Антанты, но и с «отечественными» эксплуататорами и тюремщиками рабочих.

Партия, которая была правящей, руководящей партией революционной диктатуры пролетариата, не могла освободиться от тех, кто в свою очередь не мог освободиться от классового сотрудничества. Единство, которое было основой диктатуры, временно не позволяло покончить с предателями; падение диктатуры не дало возможности осуществить намеченные планы и освободить партию от подобных элементов. Основанная на классовом сотрудничестве социал-демократическая тактика в результате проведения «политики равновесия», неизбежной при единстве, постепенно одерживала верх. Сочетание диктатуры пролетариата и классового сотрудничества — это даже представить себе трудно.

Классовое сотрудничество было неизбежно в силу организационной структуры рабочего движения. Внутри партии неизбежно приходилось проводить политику равновесия, ибо нарушение единства, преждевременный раскол представлял бы собой опасность для основанной на единстве диктатуры. Борьба двух направлений стала сначала подспудно, а затем открыто главным вопросом рабочего движения. А непосредственно перед падением диктатуры уже велись авангардные бои, предвещавшие скорый окончательный исход борьбы.

Социал-демократическая тактика нашла свое завершение в белом терроре. Белый террор, прелюдией к которому была «демократическая» контрреволюция, организованная руководством социал-демократической партии и профсоюзов, явился хотя и печальным, но блестящим подтверждением правильности тактической линии коммунистов. Приход к власти бюрократии, полиции, жандармерии и офицерского корпуса, смехотворное бессилие социал-демократической партии, переход членов

мелкобуржуазных партий в христианско-социалистическую партию рассеяли все иллюзии, связывавшиеся с межклассовым сотрудничеством. Опыт показывает, что буржуазия способна отказаться от открытой и грубой формы диктатуры, от неограниченной власти и пойти на сотрудничество с рабочей партией в управлении страной только в том случае, если рабочая партия готова принять наследство белого террора: охрану всеми имеющимися средствами частной собственности, паразитического существования буржуазии и бюрократии буржуазного государства. После белого террора может быть установлена демократия лишь типа «демократии» Носке.

В этих условиях главный вопрос наступающего этапа венгерского рабочего движения остается прежним. Главным вопросом, так же как в революционный период между ноябрем и мартом и во время диктатуры пролетариата, остается один — борьба между революционным коммунистическим направлением и соглашательским социал-демократическим направлением.

В свое время социал-демократическая партия ловко уклонилась от решительного столкновения, создав в один исторический момент единство рабочего движения, вернее видимость единства, и тем самым отдалив свое окончательное крушение. Следовательно, теперь задача состоит в том, чтобы революционный рабочий класс, мобилизовав все свои силы, добился окончательного решения данного вопроса, а в ожидании этого решения заранее готовился к нему.

Итак, главная задача — борьба против социал-демократии и ее штаба — партийной и профсоюзной бюрократии. Острая и беспощадная борьба, на которую не должны влиять разного рода разговоры о «борьбе между братьями», а также о том, что драка двух направлений рабочего движения вызывает смех у буржуазии.

Историческая миссия пролетариата — свержение через социальную революцию капитализма и построение коммунизма. И эта историческая миссия не допускает никакого оправдания предательства со стороны отдельных пролетариев, пролетарских слоев или даже со стороны большинства пролетариата. Никогда не было принято сентиментальничать со штрейкбрехерами. Никто никогда не считал борьбу с желтыми организациями борьбой между братьями. Рабочий класс не считал

братьями полицейских, этих наемников буржуазного государства, аппарат порабощения пролетариата, независимо от того, происходят или нет эти ставленники буржуазии из рядов пролетариата.

Класс капиталистов держит в рабстве рабочий класс не только физической силой, но и с помощью аппарата духовного принуждения, оказывающего выгодное для буржуазии влияние на сознание пролетариата. Социал-демократическая партия, которая защищает частную собственность, партийная и профсоюзная бюрократия, которая способствует сохранению эксплуатации и стремится притупить революционное сознание рабочего класса и ослабить его революционную энергию, в не меньшей мере являются частью государственного аппарата принуждения, чем церковь. Различие состоит лишь в том, что социал-демократическая агитация среди промышленных рабочих — приспособленная специально для рабочих пропаганда демократии — является более действенным, с точки зрения буржуазии, средством, чем церковная пропаганда.

Как указывали Маркс и Энгельс, буржуазия вынуждена рядиться в тогу общенационального народовластия. Белый террор не может долго продолжаться, потому что буржуазия не любит грубого и открытого господства силы. Она чуждается этого не из сентиментальности, не из гуманизма, не из моральных соображений, а потому, что господство голой силы не дает буржуазии возможности полностью использовать по отношению к рабочему классу свои преимущества. В период белого террора, при явной диктатуре она не имеет возможности использовать духовные и организационные преимущества, вытекающие из факта обладания капиталом, не имеет возможности использовать свои политические навыки, приобретенные за длительный период господства.

Вот почему буржуазия открытой классовой борьбе предпочитает более спокойное классовое сотрудничество. Демократическая форма господства не только более спокойная, но и более дешевая форма, поскольку при диктатуре буржуазия бросает в борьбу против пролетариата хотя лишь часть вооруженных сил, но довольно обременительную в финансовом отношении и весьма для нее опасную часть; кроме того, это раскрывает особо замаскированную основу ее господства — насилие. А здесь

с помощью самой рабочей партии она связывает революционные силы рабочего класса и сокращает расходы, связанные с обеспечением своего господства. Видимость того, что рабочий класс принимает участие в управлении государством, является одним из лучших средств, предохраняющих против революции.

Такая рабочая партия, которая служит в руках буржуазии орудием притупления классовой борьбы и ослабления революционной энергии рабочего класса, помогает классу капиталистов снижать расходы, связанные с обеспечением эксплуатации рабочих, не может называться братской партией. Если пролетарии, несознательные и слепые в политическом отношении рабочие состоят членами такой партии, то борьба против них, даже если она в необходимом случае переходит рамки агитации, не есть борьба между братьями.

Из вышесказанного вытекает, что борьба революционной рабочей партии против соглашателей отнюдь не дает повода буржуазии для радости, для злорадства. Роль буржуазии в этой борьбе подобна не роли смеющегося третьего, а роли игрока, поставившего на карту все: завод, дом, жену и любовницу, и даже жизнь его зависит от исхода игры. Класс капиталистов — не смеющийся, а помогающий одной стороне и трепещущий третий.

Ход классовой борьбы во всем мире показывает: буржуазный аппарат принуждения настолько ослаб, что без предательской социал-демократии буржуазия была бы не в состоянии сохранять свое господство и продолжать эксплуатацию. Партии социалистических предателей не только берут на себя задачу усыплять сознание и революционные силы рабочего класса, но всюду, где они находятся в правительстве, являются открытыми или замаскированными участниками подавления революционного рабочего класса с помощью вооруженной силы, средств принуждения.

Итак, буржуазия не с улыбкой, а с тревогой следит за борьбой, которая ведется повсеместно на земном шаре между революционными рабочими партиями и предателями рабочего класса. Союзник с трепетным беспокойством всеми средствами поддерживает предателей.

Решающая, окончательная борьба между двумя направлениями неизбежна. Любое стремление путем примирения отдалить окончательное решение или избежать

его служит лишь интересам предателей социализма, содействует классовому сотрудничеству. Следовательно, оно наносит вред.

Роль примирителя обычно брал на себя так называемый центр рабочего движения — социал-демократы, именующие себя левыми. У них было принято маскировать свою политику, направленную против интересов пролетариата, революционной фразой, а тем временем их правые коллеги вели подкоп под будущее рабочего класса. Когда они колебались между революционным и реформистским направлениями, то их слова были ближе к революционному направлению, а их действия — к соглашательскому направлению.

Примиренческое направление и его вожди в еще большей степени нуждаются в обмане, чем те, кто открыто нанялись в лакеи к буржуазии. Эта группа в рабочем движении является препятствием на пути ускорения окончательного решения классовой борьбы и победы революции, поскольку своими революционными фразами, колебаниями и шатаниями она удерживает значительные массы рабочих от революционных действий, ставит их на службу предателям социализма.

Дореволюционный центр венгерского рабочего движения исчез. Те, кто вкладывали в революционные фразы большой смысл, вскоре после установления диктатуры пролетариата перешли в революционный лагерь, а вечно колеблющиеся сбросили революционную маску и превратились в рупоры «демократической» контрреволюции. Сохранившаяся часть центра скомпрометировала себя как при диктатуре, так и при «демократической» контрреволюции и потому лишь ждет случая, чтобы влить новый яд в рабочее движение.

Любая организационная близость с этими шатающимися «представителями» рабочего движения весьма вредна. Если до и во время диктатуры пролетариата можно было обосновать контакт с такими деятелями, то после падения диктатуры, в новый период революционной классовой борьбы, полный разрыв с ними стал исторической необходимостью. И если есть массы, следующие за ними, то их нельзя вывести на правильный путь иначе, как посредством постепенного разоблачения их вождей.

Опыт венгерского рабочего движения в период дик-

татуры пролетариата свидетельствует о том, что амнистия, которую социал-шовинистические вожди с помощью колеблющихся вырвали у революционного крыла рабочего движения, стала источником бессилия революции. Непременным условием дальнейшего развития революционного движения, революционизирования масс и твердого осуществления пролетарской государственной власти является удаление из пролетарского движения колеблющихся. Классовое единство рабочего класса — залог прочности пролетарской власти и гарантия осуществления перехода от капитализма к первой фазе коммунизма — социализму. Но основой классового единства являются единство и твердость в осуществлении революционного действия. А предпосылкой для единства и твердости в революционном действии является разгром в рабочем движении его внутренних врагов — предателей, выступающих за классовое сотрудничество, и разного рода шатающихся, изгнание их из рабочего движения.

Лучшее средство борьбы с шатающимися, как и с другими выступающими в социалистической мантии лакеями буржуазии,— принудить их высказаться открыто и разоблачить их. В данный решающий период до крайности обостренной классовой борьбы рабочий класс может занимать лишь одну позицию: кто не с нами, тот против нас. Если классовый враг надевает дружескую маску или даже маску революционера, то он становится еще более опасным. Необходимо, следовательно, освободить революционную рабочую партию от всех элементов, склонных к какому-либо примирению с социал-шовинистами, с партийной и профсоюзной бюрократией и являющихся в революционном рабочем движении распространителями бацилл последующего разложения.

Единство рабочего движения — это необходимо подчеркивать всегда, а после опыта диктатуры особенно — выражается не в кажущемся единстве вождей, не в равновесии с партийной и профсоюзной бюрократией, а в решительном революционном выступлении масс.

Задача возрождающейся Коммунистической партии Венгрии состоит в создании условий для единого выступления масс. Это, однако, возможно лишь в том случае, если партия, опираясь на строго принципиальное единство, предотвратит любые колебания, не допустит примиренчества, будет организационно единой рабочей

партией, способной на революционные действия; если она продолжит свою работу в массах и таким образом включится в деятельность международной революционной рабочей партии.

IV. Тактика коммунистов

Ставший правящим классом, пролетариат Венгрии уже в момент взятия власти приобрел гораздо большее значение в международном рабочем движении, чем он имел в обычной обстановке в силу своего веса в капиталистическом мире. Одним рывком венгерский рабочий класс встал в первые ряды мировой пролетарской революции. Если до этого он плелся в последних рядах международного рабочего движения, то затем превратился в передовой боевой отряд борцов за освобождение пролетариата.

Падение диктатуры, как указывалось выше, коренным образом изменило международное значение венгерского рабочего движения. Но изменилось лишь международное значение венгерского рабочего движения. Происшедшее изменение не связано со значением рабочего класса в самой Венгрии, с тем, что буржуазия одержала победу над рабочим классом и что ряды передового отряда рабочего класса заметно поредели в результате белого террора — убийства многих сотен и ареста тысяч представителей пролетариата. Это изменение не связано с тем, что буржуазия, свергнув диктатуру пролетариата, установила в форме буржуазной демократии свою собственную диктатуру; внутреннее экономическое положение страны также не играло существенной роли.

Белый террор и демократия, при которых социал-демократическая партия и профсоюзы играют в буржуазном аппарате принуждения двойную роль — полицейского и попа, в конечном счете не препятствие, а стимулирующие факторы для развертывания и расширения революционного рабочего движения. Тот факт, что в период белого террора рабочее движение не может развиваться в рамках легальности и законности, а также открытый переход сохраняющегося легального рабочего движения на службу буржуазии ярко свидетельствуют о крахе легальности, законности.

В рабочем движении был период, когда Энгельс во введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции», доказывая жизненность рабочего движения и неизбежность социального развития, с гордостью отмечал, что рабочее движение жизнеспособно и при законности, что законность не убийственна для него[1]. Ныне этот тезис приобрел обратный смысл, ибо на данной стадии рабочего движения, при нынешнем уровне зрелости капитализма законность убийственна. Особенно убийственна она в Венгрии, где после возврата буржуазии к власти любая нереволюционная акция рабочего движения лишь помогает укреплению буржуазного аппарата принуждения.

Вооружение буржуазии, явившееся первым результатом «демократической» контрреволюции, отнюдь не служит серьезной помехой для развертывания революционного рабочего движения. При должной постановке организационной работы коммунистическая партия может полностью преодолеть возникающие в связи с этим трудности путем проведения мероприятий по вооружению пролетариата и разложению вооруженных сил буржуазии. Разумеется, не в рамках законности и не парламентскими средствами.

Катастрофическое ухудшение экономического положения в период «демократической» контрреволюции и белого террора, который лишь усугубится в результате мирного диктата международной контрреволюции, также не может быть серьезным препятствием ни для захвата власти, ни для организации производства на социалистических началах. Нет никакого сомнения, что после всего происшедшего буржуазия в еще меньшей степени способна быть организатором производства, чем непосредственно после войны. Сбалансированность экономики, нормальный ход производства, что означало бы возрождение капитализма, совершенно исключены по причине как внутреннего положения, так и внешнего.

Лозунги, пропагандировавшиеся социал-демократической партией в ноябрьско-мартовский период революции: «какой смысл национализировать железный лом», «подождем, пока не будет налажено производство» — потеряли смысл вместе с крахом капитализма в междуна-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 546.

родном масштабе. Если в победившей Англии добыча угля снизилась не в меньшей степени, чем в Венгрии, если в капиталистической Германии трудовая дисциплина упала не в меньшей мере, чем у нас в период пролетарской диктатуры, то не может быть сомнений относительно того, что должен предпринять рабочий класс. При любых обстоятельствах пролетариат должен взять власть в свои руки, чтобы экспроприировать средства производства, превратив их из орудий эксплуатации в средство существования трудящихся, ибо дальнейшее сохранение капитализма является уже не только вопросом эксплуатации, но и физического бытия всего рабочего класса.

Падение диктатуры пролетариата не изменило положения. Несомненно, было бы лучше врасти в социализм «без коликов в животе», как мечтают настроенные против революции сторонники механического толкования марксизма, но историческая необходимость принуждает рабочий класс взять в свои руки власть и средства производства, когда предоставляется возможность. Правда, коммунизм означает изобилие, но историческая необходимость ведет рабочий класс в царство коммунизма через семь неурожайных лет [1].

Вот почему после падения диктатуры у пролетариата Венгрии нет оснований не связывать свою тактику с состоянием мирового революционного пролетарского движения и вновь становиться на позицию ожидания мессии. В изменении средств его борьбы, в определении его методов решающим фактором может быть лишь состояние международного рабочего движения и соотношение классовых сил внутри страны.

Несомненно, что вооруженная буржуазия, поддерживаемая открыто действующей в интересах сохранения капитализма социал-демократической партией, не выпустит так легко из своих рук власть, как это произошло 21 марта. Она не отдаст власть, даже если международное положение, хотя и в другой форме, будет столь же благоприятным для рабочего класса, как в момент про-

---

[1] Согласно преданию, легендарный персонаж Иосиф Прекрасный, один из двенадцати сыновей патриарха Иакова, проданный своими братьями в Египет, разгадав сон фараона, предсказал наступление после семи высокоурожайных лет недород в течение семи лет, благодаря чему удалось предупредить голод.— *Ред.*

возглашения пролетарской диктатуры 1919 г. В то время социал-демократическую партийную и профсоюзную бюрократию страшила роль Носке, как и всякая другая роль, требующая решительности и упорства. Но поскольку после падения пролетарской диктатуры буржуазия не потерпит их у власти в иной роли, то их трусость в результате вооружения буржуазии и выбытия из партии элементов, ориентировавшихся на коммунистов, волей-неволей превращается в смелость в отношении революционного движения.

Таким образом, захват пролетариатом государственной власти не может произойти иначе, как в результате вооруженного выступления революционного пролетариата. Следовательно, захват пролетариатом государственной власти будет означать гражданскую войну, революционную классовую борьбу.

Сам по себе захват государственной власти уже требует проведения основательной подготовительной, организационной и пропагандистской работы. Пролетариат, как свидетельствует опыт Парижской коммуны, всесторонне проанализированный Марксом и Энгельсом, не может просто сохранить захваченный государственный аппарат, он должен его разрушить и взамен создать новый аппарат, соответствующий его собственным целям. Такая созидательная работа требует двойных усилий в период подготовки к захвату власти.

Подготовительная работа — это сама революционная классовая борьба, непосредственные выступления масс. Это единственная школа пролетариата по подготовке ко взятию и осуществлению власти.

Обеспечение непрерывности классовой борьбы является первейшей задачей. Тем самым революционная рабочая партия добивается двух целей: 1) препятствует обеспечению даже кажущегося равновесия в обществе, не допуская ни на минуту такого спокойного для буржуазии и состоящей у нее на службе социал-демократической партии положения, при котором буржуазное государство сможет без помех воссоздать свой аппарат власти; 2) организует передовые отряды революционной классовой борьбы и поднимает на борьбу более или менее инертные массы.

Классовая борьба — это не такая партизанская война, при которой силы, вместо того чтобы концентрироваться

для достижения конечной цели, рассредоточиваются. Подобно тому как попытки полностью или частично связать силы пролетариата в целях осуществления его минутных интересов — например, осуществления незначительных социальных реформ — являются предательством дела освобождения пролетариата, точно так же было бы серьезной тактической ошибкой неорганизованно и без должной подготовки растрачивать революционную энергию пролетариата в путчах.

В революционном рабочем движении путчи нельзя рассматривать как пробу сил; по своему значению они во многих отношениях подобны мелким сделкам между буржуазией и реформистским направлением в рабочем движении, когда ради минутных преимуществ или в целях использования конъюнктурного положения приносятся в жертву великие преобразовательные цели рабочего движения.

Пусть никто не заблуждается — сказанное выше не имеет ничего общего с причитаниями колеблющихся и шатающихся, которые в связи с пролетарской революцией говорят о «преждевременности», о «преждевременных родах». За такими рассуждениями, как правило, скрывается неспособность колеблющихся и шатающихся к действиям, отсутствие у них воли и решимости; в большинстве случаев подобные разговоры служат прикрытием соучастия в предательстве дела революции. Социал-демократические лидеры, которые до, во время и после пролетарской диктатуры твердили о ее преждевременности, чтобы по крайней мере в своих собственных глазах сохранить иллюзорную позу государственных деятелей, возвели преждевременность в общий принцип. Они утверждали, что экономические предпосылки революции не созрели, и на этом основании тормозили организационную и идеологическую подготовку революции.

Но захват власти 21 марта, национализация средств производства, развертывание социалистической хозяйственной деятельности не были преждевременными ни с точки зрения состояния капиталистической экономики, ни с точки зрения готовности рабочего класса. Когда класс капиталистов показал свою неспособность наладить производство, а рабочий класс проявил готовность и волю выполнить свое историческое призвание, то тем

самым подтвердилось, что пролетариат как класс исторически созрел для захвата и осуществления власти.

Диктатура пролетариата была преждевременной лишь с точки зрения состояния ведущей революционной партии рабочего класса — коммунистической партии, которая оказалась организационно неподготовленной в момент провозглашения Советской Республики. Коммунистическая партия, организационная и идеологическая работа которой была прервана в результате растворения в социал-демократической партии, была не в состоянии очистить рабочее движение и органы Советской Республики от чуждых и враждебных элементов. Советская власть не смогла освободиться от тех, кто саботировал все мероприятия диктатуры, тайно сговаривался с буржуазией, контрреволюцией и в согласии с примазавшимися к революции люмпен-пролетариями, против которых они вели для отвода глаз мнимую борьбу, усердно плодил коррупцию, активно участвуя в ней еще со времен буржуазной республики.

Ближайшей исторической задачей рабочего класса является завоевание государственной власти. Однако это дело не всего класса, который в период господства буржуазии невозможно в полной мере организовать, а революционной элиты класса. Следовательно, любая акция на пути к захвату власти должна быть подчинена интересам великого революционного выступления, направленного на захват государственной власти. Тот, кто придерживается этой точки зрения, тот выступает как против борьбы только за куцые социальные реформы, так и против распыления сил рабочего класса в небольших путчах.

Захват власти, я повторяю, не преждевременен ни сегодня, ни завтра, он не преждевременен, учитывая обреченность капитализма. Возможно, захват власти актуален и с точки зрения соотношения классовых сил. Но одним из важных факторов оценки каждого данного положения является организационная и идеологическая подготовленность. Следовательно, деятельность коммунистической партии в Венгрии должна быть в первую очередь направлена на проведение организационной работы (в том числе и в области вооружения рабочего класса) и пропаганды. Лишь основательное осуществление этой работы придает уверенность при выборе

момента для революционного выступления, которая является непременным условием успеха любого восстания, любого революционного выступления.

Любое выступление по инициативе буржуазии или состоящей у нее на службе социал-демократической партии, даже если оно неизбежно, может иметь лишь второстепенное значение; революционная рабочая партия должна стремиться держать инициативу в своих руках. Провозглашение диктатуры пролетариата 21 марта не было следствием инициативы революционной коммунистической партии. Возможность установления диктатуры обусловливалась соответствующей ситуацией, которая возникла в результате трусости и растерянности в тот момент настроенного против революции направления в рабочем движении. Отказ от взятия власти со стороны коммунистической партии явился бы непоправимой исторической ошибкой. Однако следствием указанной ситуации, в создании которой коммунистическая партия не играла решающей роли, явилось то, что вся организационная структура рабочего движения осталась прежней, не приспособленной к революционному выступлению. При таком положении социал-демократическая партия считала себя вправе требовать участия в осуществлении власти, ей удалось также убедить массы, что она участвовала в свержении капитализма, который в действительности всячески защищала.

Проведение организационной и идеологической подготовки к революционному выступлению масс, сохранение революционной рабочей партией инициативы готовит революционное крыло рабочего движения к тому, чтобы оно было в состоянии во время диктатуры пролетариата не делить власть с могильщиками власти пролетариата — с колеблющимися или с предателями дела пролетариата. Это позволяет избежать такого положения, при котором в осуществлении власти участвуют слои, подобные люмпен-пролетариям, присоединяющиеся к революции лишь после ее победы.

Однако указанная организационная и идеологическая подготовительная работа не означает возрождения тактики ожидания мессии, полного воздержания от массовых выступлений. Задача сохранения инициативы в своих руках, стремление не поддаваться на провокации не означают, что мы должны оставить в покое буржуазию и

ее социал-демократических лакеев. Нельзя упускать ни одной возможности для дезорганизации органов власти буржуазного государства. Надо использовать любой случай, для того чтобы принуждать социал-демократическую партийную и профсоюзную бюрократию как можно чаще сбрасывать с себя социалистическую маску и выступать с открытым забралом в защиту капиталистической эксплуатации, против рабочего класса. «Влево подталкивать массы, вправо гнать вождей», дезорганизовывать врага и организовывать собственные силы — все это возможно лишь при условии продолжения революционной классовой борьбы в полную силу. Но вместе с тем, повторяем, все силы следует сосредоточить на захвате государственной власти, этой задаче должны быть подчинены все действия рабочего класса.

Таким образом, задачи коммунистической партии в подготовке к захвату государственной власти состоят в следующем:

1) сплочение революционного пролетариата в революционной организации, организационное обособление его от предателей рабочего класса и, в первую очередь, создание революционного авангарда;

2) разъяснение широким массам рабочего класса исторической необходимости захвата государственной власти, различия между буржуазной демократией и пролетарской демократией, практической необходимости создания советской системы вместо парламентаризма;

3) в противоположность стремлению ряда профсоюзных и социал-демократических деятелей к миру как в промышленности, так и в сельском хозяйстве добиваться усиления влияния рабочего класса на производство;

4) удовлетворение любых интересов, представляющихся в данный момент выгодными, и использование любых возможностей должно быть подчинено интересам организационной и пропагандистской подготовки к революционному выступлению.

На тактику революционной рабочей партии, а после падения пролетарской диктатуры — на тактику Коммунистической партии Венгрии влияют, естественно, и соображения международного характера. Тут имеются в виду не возражения со стороны социал-демократических государственных деятелей, пытающихся замаскировать ими свою настроенность против революции и предательство,

не возражения со стороны открытых предателей, возвратившихся на реформистский путь и стремящихся этими возражениями оправдать свои колебания после падения диктатуры, не возражения со стороны тех, кто после падения Советской Республики вновь хотят стать посредниками между революционным и реформистским направлениями. Несомненно, что организация революционной рабочей партии и идеологическая подготовка рабочего класса потребуют столько времени, что уже организованное и организующееся революционное рабочее движение Запада начнет решающие бои за государственную власть до того, как венгерские коммунисты придут в полную боевую готовность. Следовательно, оценка международного положения с точки зрения тактики венгерского рабочего движения является не вопросом внешнеполитической ориентации (не может быть сомнений в отношении выбора между Российской Советской Республикой и мировыми империалистическими державами), а вопросом приспособления к единой международной тактике и включения в международное революционное рабочее движение.

V. Какой должна быть коммунистическая организация

Завершение борьбы между революционным и реформистским, коммунистическим и социал-демократическим направлениями рабочего движения — выше мы определили это как главную проблему данного этапа революции — является внутренним вопросом рабочего движения. Разгром приспешников буржуазии отчасти представляет собой вступление к разгрому самой буржуазии, а отчасти — один из этапов данной борьбы. Непосредственной целью революции является ликвидация диктатуры буржуазии, свержение ее власти, без чего невозможна экспроприация экспроприаторов. Организация новой власти, власти рабочего класса, и построение социалистического экономического строя есть вопрос следующего этапа революции. Однако это не означает, что в строительстве революционной рабочей партии, в ее агитационной деятельности могут игнорироваться вопросы, связанные с новой организацией власти и новой экономической системой.

Марксистская теория о государстве и социальной революции, которую коммунисты освободили от наслоений, появившихся в результате многолетних усилий оппортунистов социал-демократов, приводит к двум выводам:

1. Насилию буржуазного государства пролетариат должен противопоставить свое революционное насилие.

2. Став господствующим классом, пролетариат должен продолжать применять насилие, чтобы сломить сопротивление буржуазии и построить с помощью всех трудовых, ранее эксплуатировавшихся элементов новую систему экономики.

Социал-демократические партии, приспособленные только к парламентской политике и — что одно и то же — к классовому сотрудничеству, отказались от применения силы в отношении господствующего класса, и вместо установления созидательной революционной диктатуры пролетариата они в лучшем случае ожидают прихода социализма как мессии. Организация социал-демократических партий соответствует их принципам и взглядам на тактику: вместо боевой организации — аппарат по привлечению голосов, завоеванию избирателей; широкий доступ в партию для тех слоев общества, которые жизненно заинтересованы в сохранении частной собственности. В результате социал-демократические организации не только обуржуазились, но и потеряли свою гибкость. Влившаяся в рабочую партию мелкая буржуазия всегда была, перед лицом готового к восстанию за свои жизненные интересы пролетариата, защитником партийной и профсоюзной бюрократии, которая неизменно служила главным препятствием для любого связанного с риском выступления пролетариата. Когда социал-демократические партии с целью сохранения своей монополии и ограничения революционного меньшинства в рабочем движении вульгаристически проповедовали, что партия и класс — это одно и то же, они всячески стремились также притупить классовый характер партии, выставляя в качестве программной цели партии не освобождение рабочего класса, а заманивание в партийные организации «избирателей» или «членов профсоюзов», не согласных или безучастных к требованию национализации капиталистической частной собственности. Такие организации, которые, впрочем, при каждом решительном шаге терпели фиаско, не смогли бы свергнуть капитализм даже в

том случае, если бы партийные и профсоюзные бюрократы и так называемые социалисты хотели бы этого. Указанные крайне неоднородные по классовому составу организации были хорошо приспособлены для роли арьергарда смиренной парламентской оппозиции в рамках законности, но отнюдь не для борьбы за освобождение пролетариата.

Естественно, организационная структура революционной рабочей партии, коммунистической партии, которая в соответствии с положениями «Манифеста Коммунистической партии» открыто провозглашает, что своей цели она может достичь лишь путем насильственного свержения существующего общественного строя, должна строиться на совершенно иных принципах.

Согласно марксистскому учению, которое полностью подтвердилось предшествующим опытом пролетарской революции, господство буржуазии может быть свергнуто исключительно лишь пролетариатом. Мелкобуржуазные элементы города и деревни, которые, в противоположность пролетариату, в результате капиталистического развития дезорганизуются и становятся неспособными к самостоятельным выступлениям, не могут участвовать в руководстве социалистической революцией, какой бы степени обнищания они ни достигли, как бы низко их жизненный уровень ни опускался (пусть даже ниже уровня пролетариата). Роль мелкой буржуазии в период диктатуры пролетариата представляет собой уже следующий вопрос революции. А в период подготовки к революции, когда выступление пролетариата должно отвечать лишь его собственным классовым интересам, быть единым, необходимо закрыть двери пролетарских организаций перед теми, кто, отстаивая интересы своего слоя и привнося свою далеко не революционную идеологию, отрицательно влияет на пролетариат, мешает единству в период революционного выступления.

Революционная рабочая партия, указывает Ленин, есть передовой отряд пролетариата, способный взять власть в свои руки, организовать и повести весь народ к социализму. Она является учителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в строительстве общественной жизни без буржуазии и вопреки ей.

Революционная партия рабочего класса не должна принимать в свои ряды всех без разбора, ибо лишь путем

строгого отбора членов можно достичь единства действий, предпосылкой которого является идейное и организационное единство.

Нам могут предъявить обвинение, что такая партия есть не что иное, как секта, которая неспособна включить в себя всю массу пролетариата и не может рассматриваться как представитель всего класса.

Однако такое обвинение нетрудно опровергнуть. Лишь вульгарный марксизм мог породить социал-демократическую концепцию, согласно которой партия отождествляется с классом. Эта концепция, с одной стороны, служила прикрытием монополистических устремлений социал-демократической партийной и профсоюзной бюрократии, пытавшейся подавить революционные меньшинства в рабочем движении, а с другой — использовалась при режиме буржуазной демократии для подведения «легальной» основы под требования социал-демократии, которые обосновывались принципом большинства. Такой подход, разумеется, не оставляет места для включающих в себя и представляющих весь класс рабочих Советов, которые социал-демократы, к их величайшему огорчению, не могут своими заклинаниями исключить из реальной действительности. Ведь зачем нужен рабочий Совет, почему от имени пролетариата не взять бы власть и администрацию в свои руки социал-демократической партии, представляющей интересы всего класса?

Подлинная рабочая партия никогда не может включать в себя весь класс, и все же именно поэтому она является выразителем истинных интересов рабочего класса. Коммунистическая партия, если она не хочет потерять свой революционный характер, может принимать в свои ряды лишь революционеров, не имеющих ничего общего с чисто парламентской, контрреволюционной, соглашательской идеологией мелкой буржуазии или рабочей аристократией. Поскольку пропаганда коммунистической партии не ограничивается лишь членской массой, поскольку ее деятельность распространяется и на беспартийные массы класса, более того, она строит свое действие, опираясь на массы, на условия их жизни, обвинение в сектантстве отпадает. Отбор членов партии означает, что в целях подготовки к революции партия организационно отбирает из рядов пролетариата револю-

ционеров. Она отбирает высокосознательных пролетариев, чья самоотверженность, проистекающая из этой сознательности, чья надежность и дисциплинированность позволяют им быстро обрести революционную готовность при революционной ситуации.

Падение пролетарской диктатуры в Венгрии привело к такому положению, при котором возможность легальной деятельности коммунистической партии полностью исключается. Совершенно очевидно, что нелегальная партия не может быть открыта для любого и каждого. С другой стороны, средства, с помощью которых коммунистическая партия перестраивает общественный строй, не относятся к числу законных, конституционных средств. Насилию надо противопоставить насилие, необходимо готовить массовую акцию, вооруженное выступление пролетариата. Такова задача партии, более того — специальная задача партии. И именно потому, что коммунистическая партия, опираясь на массы, открыто говорит об этом, она не превратится в обыкновенную заговорщическую организацию. И все же данная задача партии, чисто революционный характер партии, ее беспрерывная борьба с полицией буржуазного государства делают необходимым закрыть двери организации для ненадежных элементов, тщательно отбирать членов партии.

Передовой отряд пролетариата, объединившийся в Коммунистической партии Венгрии, организованно действует не только в рамках самой партии, но и во всех областях жизни рабочего класса.

На фабриках и заводах, в кооперативах, в профсоюзах, в различных выборных органах предприятий в борьбе за повышение заработной платы и в забастовочном движении коммунистам нужно стремиться взять руководство в свои руки, вести борьбу против бюрократии во время выборов профсоюзных органов. Необходимо не только создавать партийные ячейки, но вообще всюду, где коммунисты вместе работают или вместе живут, они должны сплачиваться с целью осуществления единых выступлений, единых действий, в целях проведения агитационной работы. На каждом предприятии, в каждом цехе нужно создавать и расширять коммунистические организации; в этом состоит первоочередная задача в данный момент. Весьма важно занять все позиции, всюду, где рабочие живут или трудятся вместе, доби-

ваться избрания коммунистов профуполномоченными. Особое значение это имеет в профсоюзах, освобождение которых из когтей настроенной против революции бюрократии отвечает жизненным интересам рабочего класса.

Из революционного характера партии вытекает второй важнейший организационный принцип: строгая централизация. Это является такой же необходимой предпосылкой единого революционного действия, как и строгий отбор членов организации. Успешными могут быть лишь те массовые выступления, которые имеют единое руководство. Не связанные друг с другом, децентрализованные акции превращаются в путчи, приводят к рассеиванию сил. Остающиеся без отклика местные акции деморализуют не только тех, кто участвовал в этих безуспешных действиях, но и тех, кто не принимал участия в них (не из-за отсутствия революционной готовности, а в силу необходимости или по другим причинам).

Гарантией поддержания революционной готовности к действиям и осуществления воли масс при строгой централизации может быть лишь ликвидация партийной бюрократии.

Коммунистическая партия нуждается не только в членах, платящих взносы, но в активных, боевых и стойких революционных борцах, чья беззаветная самоотверженность дает возможность осуществить революционное восстание, проводить планомерную подготовку к нему, поднимать революционную сознательность пролетарских масс. Принадлежность к коммунистической партии не должна превращаться в будничную привычку, она должна всегда быть вечно живым и вместе с тем возвышенным проявлением революционного сознания и самоотверженности.

«Я — ничто, но я должен быть всем»[1] — вот что выдвинул молодой Маркс в качестве лозунга пролетариата в одной из своих ранних работ. Подготовка к тому, чтобы стать всем, как раз и является задачей коммунистической партии, при осуществлении которой надо сделать так, чтобы не только праздники, но и будни способствовали росту революционной сознательности и выработке высоких моральных качеств.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 426.

VI. Оценка положения

Глупость буржуазии, говорит Маркс, исправляет ошибки, совершенные рабочим классом.

Белый террор, который ввели объединившиеся бюрократия, офицерский корпус, полиция и жандармерия при «полезном» сотрудничестве социал-демократов, с помощью империалистов Антанты и от имени буржуазии, в значительно большей степени способствовал разоблачению буржуазной демократии в глазах рабочего класса, чем вся пропаганда социалистических идей в период диктатуры пролетариата. Он показал, что классовое сотрудничество, от которого, как мы видели, даже во время диктатуры не могли отвыкнуть отдельные слои пролетариата, представляет собой не сотрудничество рабочего класса с буржуазией, а полное подчинение рабочих интересам буржуазии.

Пролетариат Венгрии совершил ошибку, бросив, частично по трусости, частично потеряв веру в успех, оружие и предав собственную диктатуру, хотя у него имеется только один путь освобождения — установление своей революционной диктатуры, как моста, ведущего от капитализма к социализму. Кретинизм буржуазии способствовал исправлению этой ошибки рабочего класса, когда она отбросила завоевания октябрьской революции (так называемой революции астры) и открыто продемонстрировала, что нуждается в демократии лишь постольку, поскольку та сможет служить средством увековечивания эксплуатации. Диктатура, открытая, искренняя революционная диктатура соответствует жизненным интересам пролетариата, целям его освобождения, но она неприемлема с точки зрения буржуазии, с точки зрения ее эксплуататорских устремлений.

Это отчетливо подтверждается положением в Венгрии в данный момент.

После падения пролетарской диктатуры и изгнания профсоюзного социал-демократического правительства из бархатных кресел, в которых оно еще не успело как следует устроиться, после отстранения этого правительства от власти контрреволюционная буржуазия, сплотившаяся вначале в единой партии порядка, вскоре раскололась на различные группировки.

Пролетариат во время диктатуры мог создать новую

экономическую систему, потому что он сам трудится, потому что его труд является производительным трудом. Белым же террором можно восстановить лишь частную собственность на средства производства — основу для эксплуатации и получения прибавочной стоимости, но не прибавочный труд и прибавочный продукт, являющийся вещественной формой прибавочной стоимости.

Белый террор — господство бюрократии, офицерского корпуса, полиции и жандармерии, т. е. паразитов, ставших независимыми от капиталистов, живущих на готовом, за счет прибавочной стоимости, полученной буржуазией. Защитники буржуазии рекрутируются из тех слоев, которые не имеют особых классовых интересов, но их общей особенностью является то, что они живут за счет общества: обанкротившаяся в результате капиталистического производства, но цепляющаяся за обломки частной собственности мелкая буржуазия, люмпен-пролетарии, готовые грабить как при контрреволюции, так и в революцию, люмпен-буржуазия, будущие наследники палачей белого террора — венгерские юноши, мечтающие о карьере бюрократа или офицера. Над этим блистательным обществом простирает свои благословляющие руки церковь, которая страшно напугана антицерковными мероприятиями в период Советской Республики, которая испытывает такой страх за свое имущество и доходы, что нашла даже предлог для открытого отказа от десяти заповедей, объявив, что они имеют еврейское происхождение.

Пока социал-демократия еще осмеливалась говорить о классовой борьбе, пока она, заикаясь, произносила не только слово «демократия», но и «социализм», пока, наконец, существовала опасность каких-либо организованных действий рабочего класса, до тех пор христианская вывеска белого террора висела на социальной бечевке. Однако эта социальная бечевка была заменена национальной веревкой, когда неразумный эгоизм социал-демократических, профсоюзных вождей, мечтавших о министерских и статс-секретарских креслах и старавшихся в связи с этим как можно лучше услужить Антанте, добиться ее расположения и помочь забвению их «большевистского» прошлого, привел их к открытому отказу от классовой борьбы. «Бравые» социал-демократические вожди сами выплюнули свои ядовитые зубы — их у них

не выдирали. Так появился новый временный обладатель власти, уже отбросивший социальную окраску,— христианско-национальная партия. В данной партии полностью возобладали высшая бюрократия и высшее офицерство, которым настолько удалось восстановить дисциплину среди подчиненных, что они уже не считались более с их мнением. Но у этой партии не имелось классового тыла, основой ее господства служили оружие белой армии, а также беспомощность Антанты и опиравшихся на нее буржуазных и социал-демократической партий.

Общим с большинством других буржуазных партий у нее было отрицательное отношение к октябрьской революции, а общим с социал-демократической партией — ненависть к пролетарской революции. Христианско-национальная партия могла управлять от имени буржуазии, поскольку заседавшие в правлениях банков помещики, заводчики и банкиры являлись врагами республики; эта партия могла ни во что не ставить социал-демократию, поскольку ее белый террор был более действенным средством преследования коммунистов, чем действия скомпрометированной во время диктатуры социал-демократии.

Жаждущая прибыли буржуазия, которая хочет реализовать возвращенное ей с согласия социал-демократических вождей право на эксплуатацию, все же сама тянется к власти. Она не желает мириться со стремлением живущих за ее счет наемников обрести полную независимость. Этим объясняется, что христианско-национальную партию поддерживают лишь высшее духовенство и часть наиболее крупных землевладельцев, имущественные интересы которых могут быть защищены только террором — большая же часть буржуазии формирует особую партию.

В отношении преследования рабочего класса существует полное единство. Старые либералы поднимают на щит антисемитизм, так же как с ним мирятся и демократы-евреи, и все же они вынуждены объединиться в отдельных партиях, обособиться от христианско-национальной партии, поскольку, хотя белый террор и восстановил наемное рабство рабочих, буржуазный государственный аппарат принуждения, эта власть все же еще отнюдь не настоящая капиталистическая государственная

власть. В ней отсутствует экономическая основа, это скорее власть как самоцель, чем орудие на службе экономических интересов капиталистов.

Сторонники Фридриха являются выскочками в глазах подлинных аристократов-консерваторов, тем более, что клика Фридриха в целях привлечения крестьян вынуждена была выдвинуть несколько лозунгов, направленных против крупных землевладений. Партия мелких сельских хозяев зарится на крупные землевладения церкви и аристократии. Разбогатев на спекуляциях во время войны и эксплуатации города в период диктатуры, сторонники этой партии хотели бы вложить обесценивающиеся деньги в землю. Но христианско-национальная партия не осмеливается поднимать вопрос о земле церкви и магнатов, с которыми связано все прошлое христианско-национального движения. Итак, партия мелких сельских хозяев также стремится быть участником осуществления власти.

Финансовая аристократия и крупнопромышленная буржуазия хочет иметь окончательно налаженный режим, иметь гарантию против погромов. Но определенную часть сторонников Фридриха можно удовлетворить лишь погромами: люмпен-пролетарии и люмпен-буржуа могут преуспевать лишь с помощью открытого грабежа.

Империалисты Антанты также нуждаются в налаженном режиме, чтобы иметь возможность получать свою добычу. Они предпочитают республиканскую форму, но если венгерской буржуазии больше нравится монархия, то у них нет против этого возражений. Венгерская крупная буржуазия видит более надежного защитника своих интересов в монархии, поскольку она все же дальше отстоит от большевизма, чем буржуазная республика. И все же по иронии судьбы большая часть крупной буржуазии склоняется к республике, частично потому, что в данный момент у власти стоят представители королевской партии, а частично потому, что дом Габсбургов не в чести в странах Антанты. Особое сопротивление встретило бы провозглашение в Венгрии монархии в странах, образовавшихся на развалинах Австро-Венгрии, где венгерская монархия отождествляется с возрождением венгерского империализма. Буржуазную республику в Венгрии может спасать лишь то, что поддерживало французскую республику до го-

сударственного переворота Наполеона III. Касаясь роли буржуазии, Маркс писал следующее:

«Приговоренные историей способствовать падению монархии, которую они любили, они были предназначены ею к охранению республики, которую ненавидели» [1].

Итак, для нынешнего положения буржуазии в Венгрии характерно единство в отношении любой попытки выступления рабочего класса, в отношении даже любого подобного намерения, и вместе с тем — полный раскол внутри самого класса буржуазии. Сложилось такое положение, что государство оторвалось не только от всего народа, но и от господствующих классов, фактическая власть оказалась в руках карательных сил, которые мирятся с засильем бюрократии лишь постольку, поскольку совпадают их паразитические интересы. В противоположность этому буржуазия стремится к тому, чтобы государство выпячивало не карательную сторону своей деятельности, а свою экономическую сущность, чтобы оно завуалировало свою диктаторскую, террористическую сущность; она стремится лишить бюрократию и карательные силы самостоятельности и взять власть в свои руки.

На группы распалась не только буржуазия, но и пролетариат. Этот распад проявился, с одной стороны, в расколе социал-демократической партии, в борьбе среди профсоюзной и партийной бюрократии за посты статс-секретарей (выход союза землекопов из социал-демократической партии) и, с другой стороны, в стремлении рабочей аристократии полностью отказаться от классовой борьбы, отказаться от принципа интернационализма и перевести рабочее движение на национальную основу. (Заявление Яноша Ванцака редактору газеты «Ваш эш Феммункашок Саклапья».)

Социал-демократическая партия, которая уже перед октябрьской революцией была просто коалицией различных общественных слоев, а не пролетарской партией, потеряла часть своих членов в связи с образованием христианско-социалистической партии. Но в еще большей мере она потеряла доверие масс из-за отхода от нее революционного пролетариата.

Сплочение революционных элементов вновь взяла на

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 73.

себя возрождающаяся и освободившаяся от приставшей во время диктатуры люмпен-пролетарской и реформистской плесени Коммунистическая партия Венгрии — венгерский отряд III Интернационала. Не надо обладать особым оптимизмом для констатации того, что Коммунистическая партия Венгрии ведет свою революционную деятельность при более благоприятных международных условиях, чем в момент ее создания — год назад и чем в марте этого года, когда она превратила пролетариат Венгрии в правящий класс.

Волна международной контрреволюции, захлестнувшая диктатуру венгерского пролетариата, разбилась о скалу более сильного и более революционного пролетариата России. Удушение революции венгерского пролетариата заставило заговорить совесть пролетариата стран Антанты и укрепило движение в защиту диктатуры российского пролетариата от международного империализма.

Со времени поражения пролетарской революции в Венгрии коммунистическое движение в Германии выросло из детских штанишек, отказалось от тактики путчей. Рабочие, сплотившиеся в независимой социалистической партии, все громче требуют полного разрыва с желтым Интернационалом и безоговорочного присоединения к Москве, к III Интернационалу. Они порывают с колеблющимися вождями, они покидают тех, кто своими шатаниями ослабляют международную революцию, задерживают их освобождение от гнета капитала.

Подавляющее большинство пролетариев Италии решило присоединиться к III Интернационалу и ведет подготовку к установлению собственной диктатуры.

Капиталистическая экономика Англии и Америки испытывает невиданные потрясения, вызванные революционными забастовками. В пролетарском движении Франции также начался процесс очищения.

Социал-демократические партии и II Интернационал вынуждены были сбросить маску, с тех пор как после четырехмесячного существования пала диктатура пролетариата в Венгрии. Ее падение — об этом свидетельствуют также причитания австрийских социал-демократов, имеющих большие заслуги в подготовке венгерской контрреволюции,— вновь укрепило веру рабочего класса всех стран в справедливость высказанного Марксом во

время Парижской коммуны положения о том, что если рабочий класс не выполняет свой долг, если он остается пассивным, то капитал устанавливает над ним такое господство, какого до тех пор еще не существовало. Полный крах II Интернационала и рост III Интернационала свидетельствуют о том, что рабочий класс осознал справедливость тезиса Маркса и что его революционная сознательность представляет собой огромную революционную силу.

Коммунистическая партия Венгрии, которая в период перед установлением диктатуры пролетариата не растрачивала силы пролетариата в мелких путчах, ныне, сплачивая и подготавливая к новым боям пролетариат, обладающий большим революционным опытом, овладевает техникой революции, о которой Энгельс говорит, что это такое же искусство, как военное и всякое другое, что оно подчиняется определенным законам, забвение которых приводит к банкротству повинной в этом партии.

Истекший период революции создал в Венгрии истинных врагов революции, истинную контрреволюцию и поставил перед пролетариатом задачу — создать свою революционную руководящую партию в интересах преодоления контрреволюции и собственного освобождения. В этом состоит непреходящее значение диктатуры пролетариата в Венгрии.

Знамя новой революции белый террор окрасил кровью пролетариата в красный цвет. Вы должны помнить об этом!..

Послесловие

Habent sua fata libelli — у книг своя судьба. Судьба революционных трудов — революционная судьба. Даже до того, как они выходят из печати. Данная работа была закончена 7 ноября — во вторую годовщину пролетарской революции в России. Понадобилось почти два с половиной месяца, для того чтобы рукопись после многих перипетий удалось переправить из тюрьмы «демократии» в типографию. Два с половиной месяца в период социальной революции оставляют много больше следов в истории, чем два с половиной десятилетия мирного развития. За истекшие два с половиной месяца, полных

быстро сменявших друг друга событий, превратилось в реальность многое из того, что мы предсказывали с помощью единственного научного метода — марксизма.

В результате передачи всех дел на заключенных в судебные органы белый террор принял «законную и конституционную» форму. Более того, он принял «демократический» характер, когда народу предоставили всеобщее равное избирательное право при тайном голосовании. Диктатура офицерства, бюрократии, полиции и жандармерии путем образования кабинета «концентрации» создала себе демократический базис в лице «широчайших слоев населения»; она настолько расширила этот демократический базис, что сделала опорой строя саму социал-демократию. Полностью подтвердилось то, что говорилось в третьей главе этой брошюры:

«Опыт показывает, что буржуазия способна отказаться от открытой и грубой формы диктатуры, от неограниченной власти и пойти на сотрудничество с рабочей партией в управлении страной только в том случае, если рабочая партия готова принять наследство белого террора: охрану всеми имеющимися средствами частной собственности, паразитического существования буржуазии и бюрократии буржуазного государства».

Государственным палачом белого террора является главарь христианско-социалистической партии из Фадда Михай Бали, а его подручным — социал-демократ. Вот наиболее красноречивый символ «концентрации» христианских и социал-демократических деятелей.

Создание под давлением империалистов Антанты правительства Хусара — Фридриха — Пейера [1], несмотря на всю поддержку социал-демократов, не означало ликвидации диктатуры буржуазии и прекращения белого террора, подобно тому как падение диктатуры пролетариата не означало конца революции и краха большевизма. Касаясь прусской революции, Маркс писал:

---

[1] Коалиционное правительство так называемой «концентрации» во главе с реакционным политическим деятелем клерикального направления *Кароем Хусаром* (1882—1941), в которое входили, в частности, в качестве военного министра — один из главарей августовского путча 1919 г., фабрикант и контрреволюционер *Фридрих Иштван* (1883—1951), бывший с 7 августа по 25 ноября 1919 г. премьер-министром, и пресловутый предатель интересов рабочего класса правый социал-демократ *Карой Пейер* (1881—1956), получивший портфель министра труда и социального обеспечения.— *Ред.*

«Мы никогда не скрывали этого. Наша почва — не *почва законности,* а *революционная почва.* Теперь правительство, со своей стороны, отказалось от лицемерия законности. Оно стало на революционную почву, ибо и *контрреволюционная* почва является *революционной*» [1].

Сколько бы вождь «международной» социал-демократии ни отрекался от борьбы с помощью революционных средств, сколько бы прежние вожди рабочего класса Венгрии, вновь облачившиеся в социал-демократические мантии, ни проклинали свое участие в пролетарской диктатуре, сколько бы профсоюзная и партийная бюрократия ни прикрывала своим телом террор буржуазии,— пролетарскую революцию в Венгрии не задушить, даже с помощью социал-демократии. Если бы не действовали другие факторы, то и тогда сама контрреволюция обеспечила бы сохранение почвы для революции. Кретинизм буржуазии, говорит Маркс, исправляет ошибки пролетариата. Давно отказавшаяся от революционности социал-демократия в Венгрии распространяет свое влияние лишь настолько, насколько это допускается адмиралом Хорти. Сама буржуазия может свободно дышать лишь постольку, поскольку это позволяется защищающей и вместе с тем удушающей рукой офицерского корпуса.

Хорти, как в свое время Наполеон III, также перехватил политическую власть из рук капиталистов под предлогом защиты их от рабочих. В отличие от Луи Бонапарта, ему не нужно было вырывать власть из рук рабочих, ибо рабочий класс был добровольно отдан ему на милость вождями социал-демократии: начиная от Бёма и Кунфи и кончая Пейером и Миакичем.

Сколько бы ни назначались выборы в Национальное собрание, сколько бы ни провозглашались гарантии демократических прав, рабочее движение, основанное на классовом сотрудничестве, в такой же степени не располагает свободой действия, как и то, которое ушло в подполье, перешло на нелегальное положение и, преследуемое всеми ищейками белого террора, ведет подготовку к новому этапу пролетарской революции.

Правительство белого террора отрезало себе путь даже к буржуазной демократии. Более того, сама буржуазия выступила против всех завоеваний октябрьской

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 109.

революции 1918 г., словно осознав справедливость тезиса Маркса: «Если пролетариат еще не мог, то буржуазия уже не могла править Францией» [1].

Несмотря на все усилия антантовского империализма и их прислужников — венгерских социал-демократов, в Венгрии до сих пор еще не удалось создать прочное классовое господство буржуазии.

Промышленная буржуазия не может прийти к власти, так как не в состоянии гарантировать содержание 50—60 тыс. преторианских наемников белой армии.

Другая группа паразитов — бюрократы из государственного аппарата, будучи скорее равноправным компаньоном, чем слугой класса буржуазии, более уверенно чувствует себя под защитой ничем не связанных самоуправствующих вооруженных сил.

Феодально-помещичьи элементы, которые, объединившись через банки с крупной промышленной буржуазией, образовали финансовую аристократию,— эти старые рабовладельцы составляют слишком узкую прослойку, чтобы иметь возможность сосредоточивать в своих руках классовую диктатуру вопреки воле крестьянства и городской мелкой буржуазии. Их интересам тоже отвечает военная диктатура, которая потопит в крови любое выступление против частной собственности — не только капиталистической, но и феодальной,— а следовательно, и против крупных феодальных землевладений.

Однако это правительство, которое во время написания данных строк после больших мук покинули два социал-демократических министра, начинает уже терять почву среди городской мелкой буржуазии и малоземельного крестьянства, составлявших основу коалиции — христианско-национального господства. Интересы городской мелкой буржуазии и крестьянства пришли в столкновение, поскольку блокада города со стороны деревни задевает мелкую буржуазию в такой же степени, как и рабочий класс. Правда, голодная смерть рабочего класса, угроза которой в прямом смысле слова создалась в Венгрии, не очень волнует христианско-национальное правительство, но ухудшение условий жизни мелкой буржуазии и даже значительной части бюрократии побуж-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 192.

дает правительство принять ряд строгих мер против деревни. В ответ на это уже раздаются голоса о необходимости введения диктатуры крестьянства.

Итак, классовое господство не сможет принять демократические формы, они не появятся ни после выборов в Национальное собрание, ни в самом Национальном собрании.

Крах демократических методов, крах парламентаризма нигде не был столь очевидным, как теперь в Венгрии, в которой, несмотря на формальные гарантии всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании, социал-демократическая партийная и профсоюзная бюрократия, поседевшая в погоне за мандатами, после долгих, мучительных раздумий вынуждена была отказаться от участия в выборах. Следовательно, социал-демократия, хотя и поневоле, стала врагом парламентаризма. Она отказалась пока от парламентских средств политической борьбы. Но буржуазии социал-демократия обещала мир в промышленности, а поскольку мир в промышленности может наступить лишь в условиях кладбищенского мира, она содействовала тому, чтобы революционные элементы пролетариата оказались на кладбище.

Пролетариат в Венгрии ныне голодает, истекает кровью и... учится. Белый террор вырывает из рядов пролетариата тысячи жертв. Бежавшие в Вену вожди социал-демократии предали пролетарскую диктатуру во имя «цивилизации и справедливости», а главным жизненным вопросом «цивилизации и справедливости» в Венгрии стало то же, что и после подавления Парижской коммуны: как буржуазии освободиться от массы трупов пролетариев, убитых в то время, когда эти пролетарии по наущению бёмов [1], кунфи, ронаи [2] и велтнеров отка-

---

[1] *Бём Вильмош* (1880—1949) — правый социал-демократ. С 31 октября 1918 г.— статс-секретарь министерства обороны в правительстве Каройи, затем военный министр в буржуазном правительстве Беринкеи. В период Венгерской Советской Республики — нарком по военным делам, главнокомандующий Красной Армией. Фактически являлся одним из главарей контрреволюционного заговора против Венгерской Советской Республики. В конце июля 1919 г. будучи посланником в Вене, вступил с державами Антанты в переговоры и подписал секретное соглашение, направленное на свержение Советской власти в Венгрии.— *Ред.*

[2] *Ронаи Золтан* (1880—1945) — адвокат, правый социал-демо-

зались от революционной борьбы и бросили революционное оружие.

Пролетариат Венгрии прошел кровавую школу. Эта школа может оказаться еще более кровавой, поскольку после установленного Антантой империалистического мира легко может случиться, что демагогия относительно территориальной интеграции перерастет в военную авантюру белой армии.

В этих условиях революционной партии пролетариата, коммунистической партии, необходимо с удвоенной энергией вести борьбу против всех направлений начавшей разлагаться социал-демократической партии: борьбу как против вчерашних правительственных социалистов, так и против позавчерашних и завтрашних.

Знаменосцы белого террора — пейеры и миакичи являются не более опасными врагами пролетариата, чем вновь установившая интернациональные связи венская фракция венгерской социал-демократии. «Интернационализм» последней проявляется в том, что она вступила в союз с миссиями Антанты против пролетарской диктатуры, а теперь ищет связи с чешскими социалистами, входящими в правительство и выступившими с оружием в руках против диктатуры пролетариата в Венгрии в надежде вновь войти в правительство.

Против этих открытых и вновь надевших маску предателей пролетариата революционный рабочий класс должен бороться с неменьшей энергией, чем против буржуазии и белого террора. Тот союз, из которого лишь на днях вышло правое крыло социал-демократии, является, хотя и в иной форме, желанной целью левого крыла социал-демократов. Интернационализм, используемый этим левым крылом как прикрытие, революционность, провозглашаемая им после предательства революции, представляют собой демагогию, направленную на обман революционного пролетариата и преследующую цель увести его с пути мировой революции. В то же время лозунги интернационализма и революционности применяются как средства давления на буржуазию, чтобы ценой нового предательства идей интернационализма и

крат. Во время Венгерской Советской Республики — нарком юстиции. На съезде объединенной социалистической партии (12 июня 1919 г.) открыто требовал «мягкого применения диктатуры».— *Ред.*

революционности побудить ее к «более серьезному» классовому сотрудничеству. Борьба, которую так называемое левое крыло ведет с помощью оружия из папье-маше, преследует лишь одну цель — кунфи и бёмы хотят занять место пейеров и миакичей в очередном правительстве.

Однако международная пролетарская революция изолирует эту группу политических шулеров и предателей. Во всех странах Европы пролетарские массы хлынули под революционное знамя III Интернационала, которое было самым подлым образом предано этими «интернационалистами» — социал-демократами, ставшими, в надежде на 30 сребреников Антанты, иудами международной пролетарской революции.

Долг Коммунистической партии Венгрии, венгерской ветви международного союза пролетариата — III Интернационала, состоит в том, чтобы, разгромив всех врагов революции, от Хорти до Кунфи, добиться победы идей коммунизма в Венгрии. Эта победа не за горами. Крах капитализма в западных странах, волны революционной классовой борьбы, охватившие Европу от Болгарии до Англии, победоносная борьба Российской Советской Республики являются гарантией того, что пролетариат Венгрии не напрасно боролся в течение четырех с половиной месяцев диктатуры.

Школа белого террора научила рабочий класс, малодушно выпустивший из своих рук оружие, тому, чему он не хотел верить и к чему призывал его стремиться в борьбе авангард: существует лишь один выбор — между пролетарской и буржуазной диктатурой.

Все ужасы белого террора лишь побуждают партию коммунистов готовить с помощью организационной и разъяснительной работы новый этап революции, новую диктатуру пролетариата в Венгрии.

Победа начнется с суда над палачами и завершится построением социализма. И когда у могилы жертв террора мы призовем на суд всех — от Бёма и Кунфи до Хорти и Хусара,— кто ответствен за белый террор и его правовые злодеяния, то «тогда мы вспомним... и тоже воскликнем: **«Vae victis!** [1]

Безрезультатная резня... бесконечные жертвоприно-

---

[1] Горе побежденным! — *Ред.*

шения...— уж один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство *сократить,* упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство — революционный терроризм»* [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 548.

МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ — РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА

Статья, опубликованная в журнале «Коммунизмуш» № 1—2, 1920 г.

«...Если мы и разбиты, нам не остается ничего другого, как начинать сначала. А та, вероятно, очень короткая передышка между концом первого и началом второго акта движения, которая нам предоставлена, дает нам, к счастью, время для крайне необходимого дела: для исследования причин, сделавших неизбежным как недавний революционный взрыв, так и поражение революции...» [1]

Не похмелье, пришедшее на смену экстазу буржуазной революции, побудило учителя и передового борца написать эти строки в связи с поражением германской революции 1848 г. Когда мы готовимся к новым боям, к новому этапу исторического процесса социальной революции, для нас большее историческое значение имеет поражение рабочего класса после четырех с половиной месяцев тяжелых боев, чем легкая победа 21 марта. «Поражения — парижское в июне и венское в октябре 1848 г.— во всяком случае сделали несравненно больше для революционизирования умов народа в этих двух городах, чем февральская и мартовская победы» [2].

Разумеется, это нисколько не уменьшает значения поражения пролетариата. Ни поражения венгерского пролетариата, ни поражения международного пролетариата. Это не сотрет позорного клейма, которое вечно будет гореть на лбу предателей пролетариата. Даже в том случае, если историк пролетарской революции, быть

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 6.
[2] Там же, стр. 80.

может, установит, что причины падения диктатуры пролетариата следует искать не в них, не в их действиях и ошибках.

Именно сам рабочий класс вызвал собственное поражение. Хотя, разумеется, нельзя согласиться с утверждением тех вождей, которые пытаются прикрыть свою слабость и неспособность к руководству ошибками пролетариата. На деле поражение было вызвано не тем, что пролетариат якобы изменил вождям, а тем, что он малодушно изменил собственным интересам. При каких бы обстоятельствах венгерский рабочий класс ни взял власть 21 марта, несомненно, имелись средства, чтобы путем недопущения собственного «овеществления» «ввести в действие» по крайней мере часть эффективных факторов и «таким путем добиться желаемых результатов». Какими бы намерениями погрязшие в оппортунизме вожди рабочего движения ни руководствовались в тот момент, когда они с большой оглядкой все же вступили на путь диктатуры, рабочий класс так или иначе получил в форме системы Советов такую организацию, с помощью которой он мог бы от них избавиться.

Предательство подобных руководителей в такой же мере не оправдывает ведущую прослойку венгерского пролетариата, как малодушие рабочих не оправдывает ставших предателями вождей. То же самое в равной мере относится и ко всему международному пролетариату, который не проявил ни достаточной воли, ни должной силы для предотвращения нападения международной империалистической контрреволюции на Венгерскую Советскую Республику.

В настоящее время белый террор стремится принудить пролетариат Венгрии к покаянию. Международный пролетариат, который ныне потерял сильного, стоявшего у власти союзника, должен продолжать освободительную борьбу против класса капиталистов, черпая новые силы из поражения венгерского государства трудящихся.

Однако удар «демократической» и империалистической контрреволюции, приведший к падению Советской Республики, затронул лишь тот рабочий класс, который в ходе исторического развития вступил в определенный этап социальной революции; лишь он потерпел поражение, а не коммунизм, не марксизм.

Официальная буржуазная наука вновь твердит о

крахе марксизма. Вульгарный марксизм, пронырливая социал-демократия из падения диктатуры пролетариата сделали вывод о крахе коммунистической тактики, чтобы «спасти» безопасную с их точки зрения часть марксистской теории и включить ее в эклектическую, антиреволюционную философскую систему.

Но революционный марксизм, коммунистическая тактика не погибли под обломками диктатуры пролетариата Венгрии от кровавых рук палачей белого террора, а еще больше обогатились ценным опытом. Ошибка таилась не в теории или в ее применении. Напротив, вновь подтвердилась справедливость слов Маркса о том, что «теория осуществляется в каждом народе всегда лишь постольку, поскольку она является осуществлением его потребностей» [1].

То, что пролетариат Венгрии — хотя идеологически он не был подготовлен к социалистическому строительству, а его революционизирование сковывалось оппортунистической социал-демократией — создал во время диктатуры, причем создал нечто большое, свидетельствует: «...если восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, то он находит непосредственно в своем собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности...» [2].

В результате революционных выступлений, обусловленных собственным положением пролетариата, власть, несмотря на сопротивление руководства рабочей партии, перешла в руки рабочего класса. Эти выступления способствовали развертыванию классовой борьбы, они предотвратили раздел земли, привели к национализации производства. Но, несмотря на правильные с теоретической точки зрения устремления передового отряда революции, указанные выступления породили также причину того, что пролетарские массы сложили оружие и после короткой передышки в период «демократической» контрреволюции установился беспощадный и трусливый белый террор.

В настоящее время, когда белая контрреволюция достигла кульминационного пункта, рабочее движение, ре-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 423.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 16.

волюционное рабочее движение находится в полупарализованном состоянии. Оставшиеся в живых представители коммунистического авангарда революции вынуждены были, как затравленные звери, бежать за границу. Другие томятся в тюрьмах, ожидая казни или освободительной революции.

Остальная же часть рабочего движения настолько погрязла в болоте оппортунизма, что даже поставила себя вне рядов желтого Интернационала. Она отказалась не только от классовой борьбы, чтобы «освободиться от грехов диктатуры», но и от всякой революции, как какого-то бедствия, и бравирует своей контрреволюционностью. Своей притупленной критикой оппортунисты не стремятся наносить раны капиталистическому способу производства и общественному строю, а хотят лишь пробить такую брешь в диктатуре буржуазии, которая окажется достаточно широкой для того, чтобы «два лидера один за другим могли войти в зал заседания совета министров, а несколько других — в парламент».

Это крыло рабочего движения еще более бессильно, чем жестоко преследуемое коммунистическое движение, к тому же оно не может рассчитывать, что ему удастся остановить процесс своего разложения.

Подъем рабочего движения может начаться лишь на основе марксистской, революционной теории, на основе коммунистической критики. Речь идет о теории, действенность которой пропадает лишь после претворения ее в жизнь, и о критике, которая не ограничивается какими-либо рамками и имеет целью расчистить путь для власти, гарантирующей освобождение рабочего класса.

«Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [1].

Вот в чем, следовательно, состоит единство марксистской теории и практики коммунистической пролетарской революции!!

В то время как власть, опирающаяся на буржуазный сброд и люмпен-пролетариев, стремится запугать рабочий класс его же собственными деяниями, лишь мар-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 422.

ксистский коммунизм может влить в пролетариат смелость, пробудить в нем самосознание, которое укрепит его силы. Подобно тому как положение буржуазии не упрочилось благодаря диктатуре, осуществляемой от ее имени ставшей от нее независимой властью, так и капитализм не оздоровится в результате вхождения в правительство социал-демократических министра и статс-секретаря.

Историческая задача пролетариата, анализ которой является неотъемлемой частью марксизма, не потеряет своей актуальности до тех пор, пока она не будет осуществлена. А для того чтобы ее осуществить, нужно победить!

«Тогда мы вспомним... и тоже воскликнем:

Vae victis!

Безрезультатная резня... бесконечные жертвоприношения...— уж один этот каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство *сократить,* упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство — революционный терроризм»* [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 548.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ДЛЯ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЕЙ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ЧТО ГОВОРИТ III ИНТЕРНАЦИОНАЛ О ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ»

Опубликовано в 1920 г.

1.

Старик Бебель сказал однажды, что социал-демократия живет лишь благодаря ошибкам своих врагов. В этом много правды. Вся тактика антиреволюционной социал-демократии, для которой характерно отсутствие какой-либо инициативы, строилась в зависимости от позиции ее противников.

Если социал-демократия живет лишь благодаря ошибкам своих врагов, то революционная партия коммунистов черпает жизненную силу из анализа собственных ошибок.

Это придает особое значение любой критике революции.

В концерте ругани, клеветы, инсинуаций и злословия по поводу диктатуры пролетариата в Венгрии, в котором буржуазия играет первую скрипку, а венгерская и родственная ей прочая социал-демократия дуют в большую трубу, любая — пусть самая строгая — революционная критика звучит как хвалебный гимн. Не может быть такой строгой критики, толковой и революционной критики, которую революционные рабочие массы или вожди революции не встретили бы с удовлетворением и радостью.

На пустое резонерство, на жвачку тех, кто спокойно бездействовал во время революции, на придирки саботировавших пролетарскую диктатуру мародеров и революционных конъюнктурщиков у нас ответ короток:

Ошибки совершает тот, кто действует. А тот, кто бездеятелен и не напрягает всех сил во время революции, кто при неблагоприятной конъюнктуре избегает ответ-

ственности и ожидает лучших времен, выражая в крайнем случае свое одобрение или неодобрение по поводу революции и ее событий, тот совершает не ошибку, а преступление.

У нас есть краткий ответ и для других. Венгерские и разного рода иностранные социал-патриоты дружно проливают слезы над «венгерским кладбищем». Создается впечатление, что они хотят создать из слез пелену, для того чтобы венгерские пролетарии не видели свою революционную перспективу. Стремясь любыми средствами предотвратить революционный подъем, они пытаются «благими» советами помешать тому, чтобы все же живой рабочий класс восстал на кладбище и вновь взял власть в свои руки. Торговцам пролетарской кровью, называющим себя интернационалистами и оплакивающим судьбу Венгрии, мы отвечаем словами Ленина:

«Не с точки зрения «своей» страны я должен рассуждать (ибо это рассуждение убогого тупицы, националистского мещанина, не понимающего, что он игрушка в руках империалистской буржуазии), а с точки зрения *моего участия* в подготовке, в пропаганде, в приближении мировой пролетарской революции.

Вот что такое интернационализм, вот какова задача интернационалиста, революционного рабочего, действительного социалиста» [1].

Мы, выполнившие свой революционный долг, т. е. те, кто не занимался резонерством и саботажем, кто не ожидал, пока другие совершат за них пролетарскую революцию, кто не избегал ответственности в тяжелое время, кто не только одобрял или не одобрял события революции, но и действовал,— словом, те, кто был и остается революционером,— готовимся к новым боям с сознанием того, что мы были передовыми борцами мировой революции, интернационалистами, причем не на словах, а на деле. Правда, мы не сумели защитить от напавших на нас международных империалистов тот небольшой и слабый очаг мировой революции, который назывался Венгерской Советской Республикой. Однако мы больше, чем кто-либо, содействовали тому, чтобы великий и могучий оплот мировой революции — Советская Россия преодолела волны международной контрреволю-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 298.

ции, которые начали принимать наибольший размах именно в момент провозглашения Венгерской Советской Республики.

И хотя наш очаг разрушен, тлеющие огоньки под развалинами не погасли. Сколько бы ни лилась на них кровь, угли продолжают тлеть. Сколько бы ни помогали клике Хорти своими плевками в революционный огонь социал-демократы разных оттенков, от белых до розовых,— тлеющие угли разгорятся в пламя.

Наша задача, задача коммунистов, состоит в том, чтобы разжечь пламя, сжечь в нем все государство белого террора.

Наши ближайшие цели:

Извлекая уроки из самокритики и критики наших революционных соратников, создать революционные организации; во что бы то ни стало добиться того, чтобы стремление к революции промышленного рабочего класса и беднейшего крестьянства Венгрии вылилось в революционное действие.

В этой нашей деятельности мы располагаем более сильной поддержкой III Интернационала, чем это имело место в период существования Венгерской Социалистической Федеративной Советской Республики. Рост III Интернационала, постоянный подъем революционного движения и распространение мировой революции на все новые страны, победоносная война Советской России при поддержке международного рабочего класса против всемирного империализма — все это является подтверждением много раз провозглашавшейся истины: тот, кто рассчитывает на мировую революцию, тот строит свои планы не на песке.

2.

На диктатуру пролетариата в Венгрии обрушились море клеветы и горы инсинуаций. Реки недоброжелательной глупости питают море клеветы. Бо́льшую часть гор инсинуаций возводят те, кто не видит вершины, поскольку их кругозор ограничен кончиком собственного носа. (К их счастью, большинство из них появились на свет с длинными носами.)

Мы не намерены выступать против тех «философов

истории», чья великая мудрость состоит в стремлении всячески исправить историю. Они хотели бы изменить ход истории, но если речь идет о политическом предвидении, то они спотыкаются уже при определении перспективы на завтрашний день.

Целый ряд подобных критических высказываний раздается со стороны тех, кто хотя под давлением событий и вынужден был действовать и даже делал шаг вперед, но, как правило, затем отступал на два шага назад.

Другая группа, исходя из моральных соображений, видит одну из главных причин падения пролетарской диктатуры — хотя и не исключительно, но в значительной мере — в коррупции.

Подобная точка зрения после падения диктатуры нашла свое отражение в зарубежной и эмигрантской социал-демократической печати. Во время диктатуры пролетариата именно мы, коммунисты, первыми начали открытую борьбу против всех видов коррупции. И прежде всего эту борьбу вел наш благородный и незабвенный товарищ, олицетворявший собой революционный идеал преданности долгу, Тибор Самуэли, гибель которого является самой большой потерей нашей революции и имя которого даже после его смерти наводит ужас на всех контрреволюционеров.

Во время диктатуры пролетариата, конечно, всплыли на поверхность сомнительные фигуры и разный прочий сброд. Их появилось больше, чем немногочисленный аппарат небольшого пролетарского государства за короткий период своего существования успел изгнать из своих рядов. Это безусловно так. Мы не собираемся даже оправдывать данное обстоятельство тем, что общественная жизнь Венгрии всегда была огромной мусорной свалкой, а в настоящее время — целая гора мусора. Несомненно, что среди руководящих деятелей Советской Республики вряд ли можно было встретить коррумпированные элементы в прямом смысле слова. Однако имела место другая, более глубокая коррупция. Тайный сговор с буржуазией, покровительство контрреволюционерам, тайное сотрудничество с последышами объединений предпринимателей были гораздо опаснее, чем любые махинации мелких и крупных жуликов, ибо рыцари такой коррупции не только украли ризу господню, но и напялили ее на себя.

Эти не верившие в революцию элементы в течение всего периода пролетарской диктатуры занимались перестраховочными операциями. Они покровительствовали контрреволюционерам всех рангов и сословий в надежде на милосердие с их стороны в случае падения диктатуры. (В настоящее время они или в эмиграции или в тюрьме, белый террор преследует их не в меньшей степени, чем революционеров-коммунистов.)

У нас, коммунистов, меньше всего причин скрывать, что во время пролетарской диктатуры имела место коррупция. Мы заранее знали, что это будет иметь место. И не только на основе опыта России, где чрезвычайные комиссии с беспощадной строгостью расправлялись с коррупцией. Мы помним также слова Маркса: «Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что время от времени кто-нибудь даже оказывается забрызганным грязью, это — несомненно. Или — или» [1].

Не было и не будет революции, которая избежала бы этого. Нужно все делать, чтобы свести грязь до минимума, необходимо искоренять ее каленым железом. Людям же, которые стремятся любой ценой избежать того, чтобы к ним приставала грязь, которые хотят вдыхать лишь аромат розового масла, мы говорим: волков бояться — в лес не ходить. Пусть они задумаются, честно ли греться возле костра, дрова для которого добыты другими под угрозой нападения волков.

Помимо обычной для каждой революции грязи, остающейся в наследство от капитализма, в Венгрии во время диктатуры пролетариата была особая причина возникновения коррупции. В результате провозглашенного социал-демократами лозунга о «мягком» осуществлении диктатуры жадные до добычи буржуазные элементы, в первую очередь люмпен-буржуа, проникли в различные советские учреждения.

Заняв там соответствующие посты, они, в условиях отсутствия контрольных органов в еще не сформированном аппарате пролетарского государства, саботировали мероприятия диктатуры, более того, в соответствии со своим классовым положением и идеологией, они стремились найти средства, чтобы обеспечить себе уровень

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 402.

жизни, намного превышающий материальный уровень пролетарских масс. Во многих случаях им удавалось это. Они нанесли материальный и моральный ущерб Советской Республике.

Возгласы ужаса по поводу коррупции, раздающиеся после падения пролетарской диктатуры в буржуазной и социал-демократической печати, касаются не этих в корне коррумпированных элементов, а представителей отрядов безопасности, вышедших из пролетарских и люмпен-пролетарских элементов. Не только буржуазная пресса, но отечественная и эмигрантская социал-демократическая печать сочинила такие ужасы, что слабонервным их не рекомендуется читать перед сном.

Несомненно, что в эту группу попали довольно одиозные элементы. Но во всяком случае коррупция, в которой они замешаны, меньше той, в которой участвовали расхаживающие с поднятой головой люди, провозгласившие ради спасения своей шкуры лозунги о снисходительном отношении к буржуазии в то время, когда они должны были помогать беспощадному искоренению контрреволюции. Они забрасывают стряхнутой с самих себя грязью бойцов отрядов безопасности, а вместе с ними честнейшего и старейшего участника венгерского рабочего движения Енё Ласло, который хотя и мог ошибаться, но всегда был бескорыстным и самоотверженным борцом.

Один прусский тайный советник — по имени Гнейст — во время разговора о том, что среди жертв революции в Германии в 1848 г. было много лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, сказал следующее:

«Часто утверждают, что среди погибших насчитывается несколько десятков человек, имевших судимость за уголовные преступления. Среди них, разумеется, не было действительных тайных советников. Если бы это утверждение и соответствовало действительности, то и тогда смерть сделала бы этих людей честными».

Мы не связаны круговой порукой с тайными советниками и можем свободно выразить свое мнение, добавив, что убитые воры и в жизни были честнее, чем тайные советники и те господа министры, которые лишь вследствие падения монархии не стали тайными советниками.

Коммунисты со спокойной совестью могут предстать

перед своим высшим форумом — III Интернационалом в связи с клеветническим обвинением в коррупции, ибо не отрицают, что в их ряды проникли коррумпированные элементы. Каждому мы можем ответить словами Маркса:

«Однако, если принять во внимание, какие огромные усилия употребляет весь официальный мир в борьбе против нас, официальный мир, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прямо-таки глубоко в нем увязал; если принять во внимание грязную клевету «демократии глупости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если знать историю всех остальных партий *того же периода;* если, наконец, спросить себя, какие же *факты*... могут быть выдвинуты против всей партии,— то приходишь к заключению, что... наша партия выделяется своей чистотой» [1].

Этот наш ответ относится и к тем, чье наступательное оружие служит в первую очередь для самообороны. И все же мы должны извлечь урок на будущее. А урок состоит в следующем: партия должна строго отгородиться от двух наиболее одиозных групп коррумпированных элементов — от социал-демократии и люмпен-пролетариата.

3.

Теперь мы подошли к общему вопросу — о прошлом и будущем партии, к вопросу об организации партии в прошлом и в будущем.

С самого начала своего существования Коммунистическая партия Венгрии стремилась к осуществлению большевистского организационного принципа — чистота собственных рядов и централизм.

Чистоты рядов, когда в партию принимают не каждого, кто этого пожелает, а лишь того, кого во всех отношениях можно считать надежным революционером, удалось достичь лишь в России. В западноевропейском рабочем движении двери партии открыты для всех. Это объясняется тем, что западноевропейские партии приспособлены для использования сугубо легальных средств

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 402—403.

и, будучи чисто парламентскими партиями, они превратились в организации по вербовке голосов. Не проводя никакой нелегальной работы и развертывая весьма незначительную революционную деятельность, западноевропейские рабочие партии принимают в свои ряды новых членов, не подвергая их предварительному отбору.

В период создания Коммунистической партии Венгрии массы венгерского рабочего класса почти с недоумением относились к большевистскому организационному принципу — строгой централизации партии и отбору членов партии. Воспитанные социал-демократической партией, они с особым недоверием относились к строгой централизации. И вполне законно, ибо в легальных партиях строгая централизация наносила вред, ибо единственным противовесом партийной бюрократии было демократическое самоуправление организаций.

В Венгрии положение осложнялось особенностью структуры рабочего движения, когда каждый член профсоюза одновременно являлся членом социал-демократической партии. С организованного рабочего взимали вместе с профсоюзным взносом и партийный взнос, независимо от того, хотел ли он этого или нет, считал ли он себя социал-демократом или нет. Таким образом, каждый состоявший в профсоюзе член компартии платил взносы и в социал-демократическую партию. (Первое выступление коммунистов имело целью добиться, чтобы коммунисты — члены профсоюзов не были вынуждены покидать профсоюзы при вступлении в коммунистическую партию.)

В Венгрии не удалось обеспечить чистоту рядов коммунистической партии. Период с конца ноября 1918 г. по 20 февраля 1919 г., когда вместе с арестом руководителей партии практически были разогнаны и партийные организации, являлся недостаточным для создания широкой сети партийных организаций. За коммунистической партией шли массы. Ее динамичная революционная агитация, ее образцовая марксистская тактика, ее правильно выбранные лозунги, ее смелые революционные действия всколыхнули пролетариат и вызвали большую симпатию по отношению к коммунистам. Но организационно эти массы принадлежали к комплексу профсоюзов и социал-демократической партии.

Все же руководство массами ускользнуло из рук со-

циал-демократической партийной бюрократии. И в этом, по сути дела, следует искать объяснение объединению.

Прав наш друг Радек, сказавший, что во время пролетарской диктатуры в Венгрии нужна была «толстая дубина», призванная дубасить по спинам Гарбаи, Велтнера и Кунфи.

Но существовавшая в то время коммунистическая партия по отношению к тогдашней социал-демократической партии, после того как последняя уже «встала на позиции диктатуры», была бы не толстой дубиной, а лишь тросточкой. Это хорошо знал Жигмонд Кунфи, который с величайшим огорчением отказался от возможности блеснуть ораторским искусством в парламенте. Он хотел бы сохранить организационную самостоятельность социал-демократической партии с явной целью обеспечить для нее при удобном случае возможность отступления от диктатуры с наименьшим ущербом и без особой компрометации. Социал-демократические лидеры считали, что такого случая придется ждать недолго, и 2 мая уже предприняли подобного рода попытку.

Конечно, коммунистическая партия быстро разрослась бы в первые дни диктатуры, когда еще не было туч, предвещавших бурю. Но в результате этого из тросточки получилась бы не толстая дубина, а трухлявый пень. Тогда пришедшую к власти коммунистическую партию — и с этим мы считались — заполонили бы элементы из самых различных течений социал-демократической партии, и особенно из той части так называемых левых социал-демократов, которая, за исключением небольшого числа действительно революционных элементов, всегда держала нос по ветру. Впоследствии, после падения диктатуры пролетариата, бо́льшая часть этих левых социал-демократов стала хорошими коммунистами, но во время диктатуры они не могли освободиться от идеологии, которая, быть может, является левой и социал-демократической, но ни в коем случае не большевистской. Изолировать партию от этих масс было бы невозможно. Их позиция вынудила социал-демократических лидеров стать на путь диктатуры. Вхождение же их в коммунистическую партию без официального объединения двух партий привело бы к образованию «социалистическо-коммунистической» партии, причем социал-демократическая партия не была бы сильно «скомпрометирована»

участием в диктатуре. Социал-демократическую партию до поры до времени можно было связать, сделав ее «соучастником» коммунистических «преступлений».

О том, что мы должны были взять власть в свои руки, спорить излишне. Совершенно прав Радек, сказавший, что тот, кто хочет иметь нотариально заверенные гарантии успеха революции, не революционер. Тот, кто верит только в нотариально заверенные гарантии успеха, заслуживает, чтобы его отправили в ясли.

Когда мы брали власть, то учитывали не только наступление империалистов, выступающих против любой пролетарской революции. Вследствие особых обстоятельств провозглашения пролетарской диктатуры каждый, кто видел чуть дальше своего носа, должен был считаться с тем, что Антанта напустит на нас, «большевистских грабителей», своих цепных псов. Если мы хотели использовать политическую ситуацию для захвата государственной власти — а отказ от этого был бы смертельным грехом,— необходимо было пока насколько можно связать социал-демократическую партию. Нужно было учитывать, что в такой территориально небольшой стране, как Венгрия, где некуда было отступать, по возможности следовало избегать гражданской войны, в которой социал-демократы открыто выступали бы против нас, до тех пор, пока мы не получим некоторую передышку в войне с внешними врагами и буржуазной контрреволюцией.

Несомненно, что в самом объединении уже были зародыши поражения. Вместе с тем очевидно, что, если бы не удалось связать до поры до времени социал-демократическую партию, Советская Республика пала бы еще быстрее. Она пала бы уже 2 мая, когда поднялась паника в связи с успехами на фронте румын и чехов. Уже тогда нам с величайшими трудностями удалось воспрепятствовать «почетному» отступлению от диктатуры объединившейся с нами социал-демократической партии. Если бы социал-демократическая партия, как коалиционная партия, 2 мая осмелилась открыто выступить против призыва коммунистов к оружию, то ни в коем случае не удалось бы добиться и половины того, что было сделано в области вооружения рабочего класса. Тогда социал-демократические лидеры смогли бы спасти свою шкуру и, вероятно, пошли бы до поры до времени на

коалицию с буржуазией. Правда, белый террор не заставил бы себя ждать и в этом случае.

Если бы две партии не объединились, а вступили в коалицию, то в период с 21 марта по 2 мая в условиях войны с внешним врагом коммунистическая партия ни в коем случае не смогла бы оттеснить социал-демократическую партийную и профсоюзную бюрократию. Для этой упорной и рафинированной бюрократии было бы легче легкого, выйдя из коалиции, с помощью профсоюзов привести диктатуру к поражению.

Зародыши поражения, таившиеся в объединении, можно было бы задушить. Если бы коммунистическая партия имела достаточно большой руководящий штаб, прошедший школу пусть даже не революции, а рабочего движения, имела бы, в первую очередь, опытных агитаторов и организаторов, то за несколько месяцев из объединенной партии можно было бы сделать коммунистическую партию. Наша цель состояла в том, чтобы изгнать прежних лидеров, а профсоюзную бюрократию, оттеснив ее от политики, заставить заниматься чисто хозяйственно-организационной работой. Некоторую часть профсоюзной бюрократии — самые различные элементы ее — удалось привлечь на сторону диктатуры или же свести ее функции к чисто хозяйственно-организационным вопросам. Таким образом, часть бюрократии, безусловно, была уже обезврежена. Но для завершения работы у нас не хватило времени. И особенно помешала война с внешними врагами.

Несомненно, что в данной области мы совершили ошибки. Очень много социал-демократических лидеров получили важные посты. Однако очевидно, что причину этого следует искать не только в нашей уступчивости, но и в том, что значительная часть социал-демократических лидеров еще имела корни в массах и располагала значительным практическим опытом, намного превышавшим опыт большей части коммунистических руководителей.

Ленин первым показал значение практического опыта буржуазии, как важного политического фактора перед лицом неопытности рабочего класса в практических делах. Социал-демократических лидеров уже потому не следует допускать до любых руководящих постов при диктатуре, равно как нельзя давать буржуазии политические права, что эти навыки, с помощью которых они

умеют «обращаться» с несознательными массами, преследуя свои, контрреволюционные цели, представляют собой весьма большую опасность для молодых коммунистических партий, а следовательно, и для революции.

4.

Таким образом, судьбу диктатуры пролетариата решило не само объединение. Причина падения диктатуры заключалась в том, что в тот период в Венгрии вообще не было организованной рабочей партии. Имелись профсоюзы, кооперативы, рабочие клубы, рабочие просветительные общества, существовала даже рабочая армия, не было лишь рабочей партии.

Коммунистическая и социал-демократическая партии в равной мере растворились в рабочих Советах и различных советских учреждениях. Лучшую часть коммунистов, всех, кто, подходя с самой строгой меркой, не был крайне необходим в тылу, нам пришлось послать на фронт. Горбатые и хромые, которых во время мировой войны десять раз объявляли «негодными», сражались в рядах Красной Армии или же вели политическую агитацию на фронте.

Это — не специфически венгерское явление. После провозглашения диктатуры пролетариата в России все коммунисты там также были заняты в государственном аппарате, в Красной Армии, в управлении производством, а для организационной работы в партии ощущался недостаток сил. С другой стороны, большевистскую партию в то время наводнили различного рода карьеристы и конъюнктурщики. Но большевистская партия в России имела старые, взращенные революцией кадры. Она располагала рабочей интеллигенцией, прошедшей большую политическую школу в ссылках, тюрьмах, эмиграции. Поэтому большевикам легко было осуществить чистку своих рядов, и в первую же весну диктатуры пролетариата Российская коммунистическая партия была реорганизована.

И в Венгрии не было недостатка в подобных устремлениях. Несмотря на сопротивление социал-демократической партийной бюрократии, мы также приступили к чистке своих рядов. (В этом отношении образцово поработала партийная организация V района Будапешта.)

Чистку начали снизу. Мы выбили почву из-под ног колебавшихся и саботировавших мероприятия диктатуры лидеров, рассчитывая затем совсем изгнать их. Но чистка вступила лишь в начальную стадию, а в провинции к ней вряд ли успели вообще приступить. До провозглашения диктатуры коммунистическая партия почти не имела своих организаций в провинциальных городах. Большая часть провинциальных организаций лишь слепо следовала за будапештскими социал-демократическими лидерами, объявившими себя сторонниками диктатуры.

Но это отнюдь не означает, что большевизм не имел почвы в рабочем классе и среди беднейшего крестьянства провинции.

Вместо растворившейся в организациях пролетарского государства рабочей партии необходимо было создать новую партию. Такие намерения, повторяю, имелись, но для их реализации недоставало сил, да и не было должного понимания важности этого вопроса.

Даже и сегодня еще у передового революционного отряда нет четкого представления об отношениях между партией и рабочим Советом, о роли партии в период диктатуры пролетариата. Правда, после падения пролетарской диктатуры все же в этот вопрос внесена некоторая ясность, чему во многом способствовала внутренняя борьба в немецком рабочем движении, в германской партии коммунистов [1].

[1] Небезынтересно отметить, что цикл лекций, прочитанных мною в период диктатуры по вопросу о взаимоотношениях партии, профсоюзов и рабочих Советов и имевших целью вызвать дискуссию и подготовить почву для создания, в противовес стремлению профсоюзов к политическому руководству, сильной коммунистической партии, почти не получил отклика. Большая часть коммунистов, в противовес профсоюзам, придавала значение лишь рабочим Советам. Следуя ошибочным взглядам Эрвина Сабо, они считали, что роль партии кончается с победой буржуазно-демократической революции. К профсоюзам они относились подобным же образом. Они не только отрицали право профсоюзов на существование в период диктатуры, но и вообще отрицали их историческое значение. Социал-демократические лидеры, естественно, всячески цеплялись за свои крепости — бюрократизированные профсоюзы. Социал-демократы умело использовали в своих целях путаные синдикалистские высказывания части коммунистов, ведя работу среди привязанных к профсоюзам рабочих. Впрочем, вся дискуссия не достигла цели — вызвать интерес к созданию революционной партии, частично из-за отсутствия интереса к этому у лидеров, а частично из-за того, что все силы были сосредоточены на других проблемах.

Итак, центр тяжести рабочего движения переместился в профсоюзы. Это объясняется не только отсутствием партии, но и неудачным формированием рабочих Советов. Рабочие Венгрии не имели соответствующего политического опыта до установления диктатуры пролетариата. Социал-демократическая партия в период буржуазной революции превратила рабочие Советы в расширенные органы профуполномоченных. Эти рабочие Советы имели корни не на предприятиях, не в самих рабочих массах, а в партийном и профсоюзном руководстве. Избранные во время диктатуры рабочие Советы также были далеки от того, чтобы представлять элиту или широкие массы пролетариата. Те профсоюзы, которые объединяли работников физического труда, в борьбе с рабочими Советами в демагогических целях могли легко ссылаться на свой чисто пролетарский характер. Провинциальные рабочие Советы были полны мелкобуржуазных элементов. В деревне в еще бо́льшей степени, чем в свое время в России, Советы бедноты были заполнены зажиточными крестьянами, мелкой буржуазией и прочими чуждыми элементами, являвшимися типичными ноябрьскими социалистами [1]. Все это, разумеется, имело место в связи с отсутствием организованной партии.

Поэтому центр тяжести рабочего движения и переместился в профсоюзы.

Первое столкновение коммунистических и социал-демократических лидеров произошло в профсоюзах, перед лицом заводских профуполномоченных. История рабочего движения всего мира свидетельствует о том, что одной из самых трудных задач является борьба с профсоюзной бюрократией. По этой причине, например, часть революционных рабочих Германии отказалась от дальнейшей борьбы за революционизирование профсоюзов, та же причина способствует мертворожденному движению Arbeiter-Union [2] в Германии.

---

[1] Автор имеет в виду правооппортунистические соглашательские элементы социал-демократии, вступившие в ноябре 1918 г. в сговор с буржуазией и поддерживавшие коалиционное правительство, образованное после революции 31 октября 1918 г. с участием социал-демократов.— *Ред.*

[2] Всеобщий рабочий союз — профсоюзное движение, возникшее в 1919 г. в Германии. Примыкало к раскольнической анархо-синдикалистской группе, называвшейся коммунистической рабочей партией Германии.— *Ред.*

В Венгрии даже начать такую борьбу было трудно. Прежде чем непосредственно схватиться с профсоюзной бюрократией, нужно было развернуть пропаганду за отделение партии от профсоюзов. Параллельно мы агитировали, хотя и недостаточно, за преобразование профсоюзов в промышленные союзы. (Профсоюз рабочих химической промышленности после изгнания консервативных лидеров удалось преобразовать в промышленный союз. Организации рабочих кожевенной промышленности также объединились, образовав промышленный союз). Подобные устремления, которые, впрочем, к концу периода пролетарской диктатуры имели шансы на успех, поскольку у нас уже была возможность обращаться к самим массам, были направлены на то, чтобы одним ударом освободиться от заполонивших профсоюзы мелкобуржуазных элементов, от ноябрьских социалистов и мартовских коммунистов[1]. Кроме того, это был лучший способ нацелить профсоюзы на решение новых задач — участие в хозяйственном строительстве пролетарского государства.

Все это было предпосылкой борьбы за создание боевой партии и очищение ее рядов.

Пока этого не удалось добиться, мы почти целиком зависели от профсоюзов, которые находились в руках абсолютно коррумпированной бюрократии. Рабочие массы, и в первую очередь заводские рабочие, призванные быть революционным авангардом, видели в профсоюзах единственную форму своего представительства. Рабочие Советы они рассматривали скорее как чисто административные органы, поскольку существовавшие до диктатуры пролетариата карикатурные рабочие Советы, куда коммунисты просто не допускались в соответствии с решением, принятым без каких-либо возражений большинством социал-демократов, никогда не были боевыми органами рабочего класса. В профсоюзах господствовала полностью коррумпированная профсоюзная бюрократия, неспособная освободиться от идеологии борьбы за повышение заработной платы и заключение

[1] Имеются в виду неустойчивые элементы, примкнувшие к коммунистам в марте 1919 г. не по идейным, а по конъюнктурным соображениям, обусловленным бурным ростом влияния компартии в массах.— *Ред.*

коллективных договоров и оплакивавшая времена «умеренного прогресса».

Итак, отсутствие партии наложило свою печать на судьбу пролетарской диктатуры. Этой партии не было вследствие объединения, но ее не было бы и в том случае, если бы две партии сохранили организационную самостоятельность. Небольшая и слабо организованная коммунистическая партия неизбежно растворилась бы в советских учреждениях. Социал-демократической партии, конечно, удалось бы сохранить больше сил для собственной партийной работы, но от этого диктатура лишь пострадала бы.

Повторяем, можно было бы ликвидировать зародыши поражения, таившиеся в объединении. Часть ошибок нам уже удалось устранить при формировании второго Советского правительства [1]. Хотя мы потерпели поражение на партийном съезде и среди делегатов съезда Советов было много элементов, настроенных против революции, нам все же удалось в какой-то степени исправить ошибку, совершенную в период объединения. Эта ошибка выразилась в том, что мы не отстранили большую часть социал-демократических лидеров от активной политической деятельности и ради левого крыла социал-демократов относились в течение некоторого времени снисходительно к их правому крылу.

Рабочие Советы, Республика Советов, как постоянно подчеркивал Ленин, должны опираться на массовые организации рабочего класса. Ввиду отсутствия партии единственными массовыми организациями пролетариата являлись профсоюзы. На них мы вынуждены были опираться и при создании Красной Армии. В этом состояла внутренняя причина падения диктатуры.

Хотя в информации, которую после рукопожатия с Хорти [2] опубликовали старающиеся вывернуться социал-

---

[1] 4 апреля была произведена первая реорганизация Революционного Правительственного Совета, сформированного 21 марта 1919 г., приведшая к увеличению в нем числа коммунистов и левых социал-демократов.— *Ред.*

[2] Автор имеет в виду нашумевшую статью, опубликованную в газете «Непсава» ее редактором Яношем Ванцаком. В ней он на другой же день после провозглашения Хорти главой государства (1 марта 1920 г.) от имени руководства социал-демократической партии выразил глубочайшее почтение «его превосходительству» регенту и предложил ему свои услуги. Ванцак писал: «Оставаясь на

демократические лидеры в газете своих австрийских коллег «Ди геверкшафт», и делается попытка оправдаться, она все же характеризует положение, существовавшее при диктатуре пролетариата. В их «исповеди» между прочим говорится:

«Все без исключения профсоюзы выступали против диктатуры Советов. В период господства Советов они полностью отвергали диктатуру и на многочисленных совещаниях критиковали ее, особо указывая на ухудшавшееся с каждым днем положение рабочих».

В брошюре, посвященной провозглашению и падению пролетарской диктатуры, Вильмош Бём пытался оправдать в глазах австрийского рабочего класса ванцаков и прочий подобный сброд. В редко читаемой работе Маркса «Господин Фогт» есть глава под названием «Патроны и сообщники». В ней патроны и сообщники отнесены в отдельные группы. «Бежавший на чужбину» профсоюзный бюрократ объединяет в своем лице и патрона и сообщника.

5.

При том состоянии мировой революции (оно сразу после провозглашения Венгерской Советской Республики стало складываться самым неблагоприятным образом) падение диктатуры было неизбежным. Избежать падения можно было бы в том случае, если бы революция перекинулась в одну из соседних стран. Без объединения падение диктатуры наступило бы еще раньше, чем при объединении, последствия которого являлись особенно вредными с точки зрения темпов революционизирования рабочего класса. Но объединение партий имеет одно непреходящее значение, выражающееся в том, что с дороги революции почти полностью было устранено одно из главных препятствий — венгерская социал-демократическая партия.

Если бы две партии вступили в коалицию, то социал-демократическая партийная и профсоюзная бюрократия наверняка нашла бы способ «почетно» и даже с некото-

---

своих принципиальных позициях, мы с готовностью протягиваем мозолистую руку в знак примирения; мы полностью доверяем вашему высокопревосходительству решить, чего стоят эти руки».— *Ред.*

рого рода «выгодой» выйти из коалиции. Она смогла бы даже сохранить собственное единство, хотя и не в такой полной мере, как раньше. Но ей пришлось выйти из объединенной партии и III Интернационала обесчещенной, скомпрометировав себя в глазах правых и левых. Она распалась на части и навечно себя разоблачила. Всем течениям в социал-демократическом руководстве пришлось сбросить с себя маски. Это пришлось, в частности, сделать течению, представители которого сначала открыто вступили в сговор с Фридрихом и Хусаром, а затем поступили на службу к Хорти и встали на позицию территориальной интеграции, а также другому течению, представители которого в свое время называли клику Фридриха белыми большевиками, а теперь в зависимости от изменения революционной конъюнктуры то надевают шубу мехом вверх, то вниз.

Такое падение диктатуры, при котором социал-демократическая партия окончательно и бесповоротно скомпрометировала себя, открыло перед партией пролетарской революции — перед коммунистической партией новые возможности для развертывания организационной работы.

Опыт диктатуры делает необходимым и вместе с тем дает возможность построить коммунистическую партию полностью в соответствии с большевистскими организационными принципами. То, что до и во время диктатуры было почти неосуществимым в связи с тогдашним уровнем идеологической зрелости масс, сегодня, вследствие органического развития венгерского рабочего движения, не только возможно, но уже начинает осуществляться.

Коммунистическая партия вынуждена была уйти в подполье. Она лишена каких-либо возможностей легальной деятельности, подобно тому как в свое время были лишены таких возможностей русские большевики. Вследствие этого объективно исключается возможность приема в коммунистическую партию кого-либо без предварительной проверки. Каждый, кто хочет стать членом партии, должен пройти проверку, причем чем сильнее преследования, тем строже должна быть проверка. Необходимо убедиться, располагает ли тот, кто хочет стать активным членом партии, духовными и моральными качествами большевистского революционера. Следует

посмотреть, не революционная ли конъюнктура толкает его в наши ряды? Нужно проверить, насколько глубоки его убеждения, не поколеблют ли его решимость неудачи и поражения. Что касается людей, вступающих в ряды пролетарских революционеров не вследствие своего классового положения, положения эксплуатируемых короче говоря, что касается так называемых интеллигентов, то следует выяснить, чем их знания и революционная решимость могут способствовать усилению коммунистической партии. Для тех, кто еще не соответствует полностью предъявляемым требованиям, необходимо организовать школу по подготовке к вступлению в коммунистическую партию в форме института сочувствующих.

Но проверка необходима не только при приеме. Нужно проявлять постоянную заботу о том, чтобы во всей коммунистической семье обеспечивался должный уровень убежденности, революционной решимости, самоотверженности, дисциплины, солидарности и бескорыстия. Надо действовать так, как учит Ленин в одной из последних своих брошюр,— поддерживать чистоту партии путем неуклонного повышения требовательности насчет работы действительно коммунистической [1].

В западноевропейском рабочем движении исключается возможность создания такой партии, которая бы по своей революционности достигла уровня Российской коммунистической партии, исключается до тех пор, пока западноевропейские рабочие партии ведут лишь легальную организационную работу в массах и имеют лишь легальные массовые организации. В венгерском же рабочем движении такая возможность сегодня имеется. Итак, ближайшей нашей целью является повышение революционности Коммунистической партии Венгрии до уровня ведущей партии III Интернационала — РКП(б).

История диктатуры показала каждому значение революционной рабочей партии в пролетарской революции. Вопреки синдикалистским взглядам действительность показывает, что роль революционной партии не заканчивается не только с победой буржуазной революции, но и с захватом власти. Партия есть хребет Советской Рес-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 28.

публики. Коммунистическая партия служит гарантом нормальной деятельности всего механизма советской системы. Поэтому большую ошибку совершают те коммунисты, которые, философствуя по поводу того, является ли коммунистическая партия действительно партией, способствуют тем самым снижению ее авторитета в массах и преданности ей. Пролетарское государство не такое государство, как буржуазное. Но все же это государство. Средства власти сосредоточены в руках одного класса для подавления, обуздания другого класса. Следовательно, это все же государство.

Так же обстоит дело и с партией, и данный тезис мы предлагаем любезному вниманию тех, кто пишет о фетишизации партии. Коммунистическая партия не такая партия, как социал-демократическая. Но все же это — объединение революционной элиты рабочего класса в интересах достижения политических целей, а следовательно, это партия. Если уважение и любовь к коммунистической партии, когда она ставится превыше всего, если гордость в связи с принадлежностью к партии есть фетишизация, то тогда это есть фетишизация революции, ибо коммунистическая партия представляет революционное сознание, революционное действие. Коммунистическая партия ныне органически вырастает из венгерского рабочего движения. Классовая, боевая партия должна быть способна действовать в нелегальных условиях, должна представлять собой централизованную партию со строгим отбором членов. Никто другой в Венгрии, кроме этой секции III Интернационала, не может быть движущей силой революции, развивать сознание и революционную волю масс, быть инициатором революционных действий.

В деятельности венгерской социал-демократической партии после падения диктатуры имеется, несмотря на весь ее отвратительный характер, трагический момент. Данная партия сложилась как политическая партия рабочего класса уже после начала белого террора. Она возродилась как легальная партия. А само существование легальной рабочей партии в период господства белого террора есть поддержка белого террора. (Это, естественно, не относится к экономическим и культурным организациям пролетариата, хотя в Венгрии они отождествляют себя с социал-демократической партией и в

таком виде в настоящее время также играют определенную контрреволюционную роль.)

Диалектика контрреволюции в Венгрии неизбежно толкает социал-демократическую партию на поддержку белого террора.

Первый же документ венгерской социал-демократии, появившийся на свет после падения пролетарской диктатуры, не считая эмигрантской ругани, явился поддержкой белого террора. Не говоря уже об открытых доносах на томящихся в тюрьмах коммунистов и вообще на большевизм и его проявления в Венгрии, опубликованных в венгерской и заграничной печати лидерами партии всех направлений, одним из первых решений съезда реорганизованной социал-демократической партии было: виновные должны понести наказание. Следовательно, согласно принятой на съезде резолюции, те, кто служили диктатуре — ибо они в любом случае виновные,— должны быть осуждены судом палачей белого террора, который уже тогда принимал все более широкий размах. Это заявление, не только поддержавшее белый террор, но и способствовавшее его расширению, явилось предпосылкой для узаконения существования социал-демократической партии в христианской Венгрии. Второе условие существования легальной партии — участие в «христианской концентрации» [1] вызвало одобрение социал-демократическими государственными деятелями смертных приговоров Корвину [2], Ласло [3], Кере-

---

[1] *«Христианская концентрация»* или *«христианский блок»* — блок различных контрреволюционных, реакционных и клерикальных группировок, сколоченный в начале 1920 г. в целях сохранения ведущей роли в политической жизни страны партии «христианско-национальное объединение» и упрочения хортистского режима.— *Ред.*

[2] *Корвин Отто* (1894—1919) — венгерский революционер, коммунист, самоотверженный борец за дело рабочего класса, видный деятель Венгерской Советской Республики 1919 г. В период Советской Республики, руководя особым следственным отделом Наркомата внутренних дел, вел решительную борьбу против контрреволюционных заговорщиков. После поражения Советской власти в Венгрии, несмотря на разгул белого террора, принимал участие в руководстве нелегальной деятельностью компартии. Выслеженный провокатором, был арестован и после жестоких пыток казнен в декабре 1919 г.— *Ред.*

[3] *Ласло Енё* (1878—1919) — адвокат, деятель венгерского рабочего движения, погибший от рук хортистских палачей. В ноябре 1918 г. участвовал в организации Компартии Венгрии. Во время

кешу [1], Штейгеру, Сирмаи [2], Гомбошу [3] и многим другим товарищам.

Тот факт, что затем клика Ванцака протянула руку Хорти, по правде говоря, должен быть в первую очередь поставлен в вину не этим совершенно несознательным элементам, не имеющим ни политической подготовки, ни кругозора. Указанный шаг, отвратительный, удручающе омерзительный шаг является лишь продолжением той политики, которую проводили правое и левое крыло социал-демократической партии, для того чтобы доказать свою непричастность к диктатуре социалистическо-коммунистической партии, а затем образовать — те из них, кто могли это сделать,— легальную социал-демократическую партию в период белого террора.

Если бы социал-демократическая партия в Венгрии и не была вынуждена письменно заявить, что белый террор представляет собой клеветническую выдумку венских эмигрантов, если бы она даже не входила в правительство белого террора, то и тогда само ее легальное существование являлось бы поддержкой белого террора как внутри страны, так и вне ее.

Легальность и стремление к легальности играют роковую роль в трагедии социал-демократической партии. В этой трагедии отсутствует элемент величия. Мученики рабочего класса, которые до самой своей ужасной смерти считали себя социал-демократами, являются мучениками, павшими за диктатуру, а не в результате борьбы социал-демократии в период после падения диктатуры.

Венгерской Советской Республики — комиссар революционных трибуналов.— *Ред.*

[1] *Керекеш Арпад* (1896—1919) — рабочий-коммунист, во время диктатуры пролетариата входил в состав отряда особого назначения, руководимого Тибором Самуэли. После поражения Венгерской Советской Республики был схвачен и казнен по приговору хортистского трибунала.— *Ред.*

[2] *Штейгер, Сирмаи* — венгерские коммунисты, казненные хортистскими палачами.— *Ред.*

[3] *Гомбош Ференц* (1876—1919) — чепельский рабочий-металлист, коммунист. Был председателем ревтрибунала, затем командиром одного из отрядов особого назначения. Принимал активное участие в подавлении контрреволюционных мятежей. После падения Советской власти в Венгрии был схвачен и казнен хортистскими палачами.— *Ред.*

Их трагедия усугубляется тем, что они умерли за такую идею — идею диктатуры пролетариата, которую они ненавидели и противниками которой были. Не считая этого, величественность трагедии в партии ванцаков подменена тошнотворным фарсом. Может быть, это не соответствует правилам, излагаемым в школьных учебниках, но в политике это все же трагедия.

Подпольная деятельность представляет собой новую героическую эпоху в истории коммунистической партии, освобождение из ада белого террора через очистительный огонь.

Возможно, наш друг товарищ Радек и прав в том, что победа революции, установление пролетарской диктатуры в западноевропейских странах, вызовет необходимость создания коалиции различных рабочих партий. Однако в Венгрии такой курс является пройденным этапом. Не может быть Венгерской Советской Республики без чисто коммунистического руководства.

Как мы уже подчеркивали, во внутреннем плане диктатура была подорвана отсутствием революционной рабочей партии. Указанное обстоятельство дало контрреволюционерам возможность установить в стране режим белого террора. На смену белому террору может прийти лишь диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства под исключительным руководством коммунистической партии, основанной на централизме и строгой чистоте ее рядов.

Этим определяются особое историческое положение и задачи Коммунистической партии Венгрии.

6.

Когда была провозглашена диктатура пролетариата в Венгрии, социал-шовинисты всех стран — такие же враги диктатуры, как и империалистическая буржуазия,— поспешили объявить ее националистическим «блефом». С тех пор подобное обвинение много раз повторялось деятелями, которых при всем желании нельзя обвинить в интернационализме. Но нашлись и благожелательные люди, которые тем не менее, не зная фактов, поверили в эту клевету. По их мнению, идеологически диктатура пролетариата в Венгрии была порождена

чем-то вроде национал-большевизма, который поднимает в настоящее время голову в Германии.

Некоторые обстоятельства, при которых была провозглашена диктатура, также способствовали распространению подобных взглядов. Тот факт, что отставка графа Михая Каройи с поста президента буржуазной республики была объявлена одновременно с провозглашением пролетарской диктатуры, создал впечатление, будто коммунисты в деле провозглашения Советской Республики действовали заодно с Каройи. В одной из партийных газет приводилась цитата из бульварной литературы, которая разрослась после падения диктатуры пролетариата и в надежде на хороший бизнес называет себя коммунистической, относительно того, будто ушедшее в отставку буржуазное правительство назначило Революционный Правительственный Совет.

Следует отметить, что граф Михай Каройи сам заявил в австрийской газете «Арбейтер цейтунг», что он понятия не имел о договоренности социал-демократических лидеров с коммунистами относительно провозглашения Советской Республики. Необходимо также отметить, что в момент объединения, при формировании революционного правительства коммунисты знали лишь о том, что буржуазное правительство ушло в отставку. Ушел ли в отставку Каройи или нет, коммунисты не знали, да это их и не интересовало. Оружие уже находилось в руках рабочих. Армия, как бы она ни была деморализована, уже встала на сторону диктатуры и вполне могла принять участие в гражданской войне. Тот, кто не встал бы на сторону диктатуры пролетариата по доброй воле, сделал бы это под давлением обстоятельств.

Ни в момент провозглашения диктатуры пролетариата, ни впоследствии венгерские коммунисты не имели ничего общего с национал-большевизмом. Та часть буржуазии, которая в провозглашении диктатуры пролетариата усматривала лишь национал-большевизм и считала ее трюком, вскоре под лавиной декретов диктатуры протрезвела, увидев, что коммунисты весьма серьезно приступили к экспроприации частной собственности и лишению буржуазии политических прав.

Венгерский шовинизм, несомненно, играл определенную роль при принятии решения социал-демократами.

Но коммунисты противопоставляли этому национализму наичистейший интернационализм. Мы не пошли на уступки шовинизму, мы не сделали этого, руководствуясь интернационализмом, и почти доктринерски рассматривали нашу революцию как часть мировой пролетарской революции. Мы никогда не стояли на каких-то исключительно венгерских позициях, а всегда — на позициях мировой пролетарской революции.

Такова была наша линия во время войны, которую навязала нам Антанта, данную линию мы проводили и в армии. В Красной Армии, где роль офицерского корпуса постепенно возрастала, национал-большевизм сильно укоренился. Весьма характерным было требование, чтобы венгерский национальный флаг был приравнен к красному знамени или чтобы красное знамя мировой революции было обшито каймой из национальных цветов.

Коммунисты резко отклонили национал-большевизм, хотя и проявившийся в символике. И это было разумно, правильно, поскольку любая уступка национализму, официальное проникновение венгерского шовинизма в армию и институты пролетарского государства лишили бы Венгерскую Советскую Республику ее международного значения. Победа национал-большевизма не способствовала бы спасению пролетарской революции, а лишь явилась бы прелюдией к победе офицерского корпуса и мелкой буржуазии.

Социал-шовинисты всех стран всегда заинтересованы в том, чтобы скомпрометировать большевизм национализмом. Подобного рода клеветы не избежали ни Советская Россия, ни российские коммунисты. Социал-шовинисты хотели бы лишить революционную войну, которая является спутником революции, характера гражданской войны и окрасить ее в цвета националистической войны.

Чешские социал-шовинисты охотно воспользовались случаем, представившимся в связи с тем, что наша Красная Армия отбила нападение чешского империализма и перешла в контрнаступление, для того чтобы еще больше укрепить «гражданский мир» с «собственной» буржуазией. Они наводнили печать всего мира сообщениями о том, что Венгерская Советская Республика под вывеской большевизма ведет националистическую войну с целью возвращения себе словацких земель. Венгерские

коммунисты подчеркивали, что они стоят на позициях мировой революции, но чешские социал-шовинисты остались теми же, кем и были,— националистическими лакеями националистической буржуазии.

Господин Штивин, который одно время щеголял в одежде «левого социал-демократа», а теперь вновь надел ливрею лакея буржуазии, может засвидетельствовать, если не захочет лгать, что венгерские коммунисты были не национал-шовинистами, а самыми настоящими интернационалистами.

Мы не можем сказать того же о бывших «наших товарищах», о социал-демократах. В вопросе о Deutschwestungarr [1] и вообще об автономии территорий с немецким населением, как и в словацком вопросе, они, за исключением одного-двух человек, проявили себя как социал-шовинисты. Но тут мы последовательно навязывали коммунистическую точку зрения и не допускали возобладания венгерского национал-шовинизма.

Вполне естественно, что сегодня часть венгерских социал-шовинистов развернула пропаганду территориальной интеграции, а другая часть в качестве агентов чешских социал-шовинистов проводит работу среди венгерских рабочих в Словакии и публикует открытые письма к рабочим Словакии, направленные против большевизма.

В венгерской пролетарской революции коммунисты действовали как сознательные поборники мировой революции. Мы никому не позволим это оспаривать.

7.

В связи с диктатурой пролетариата в Венгрии возникает целый ряд вопросов. Сколько проявляется противоречивых интересов, сколько клеветы, непонимания, глупых утверждений льется по адресу нас, коммунистов, когда речь заходит о наших революционных действиях. Карл Каутский — патриарх фальсификаторов Маркса — также удостоил нас тем, что между прочим выпустил в нас одну из своих давно притупившихся стрел.

---

[1] Так называлась Западная Венгрия с немецким населением.— *Ред.*

В своем сочинении «Терроризм и коммунизм», написанном в старческом возрасте, Каутский говорит: в Будапеште не спрашивают «какая политика возможна и необходима при данных экономических условиях, а исходят из того, что поскольку социализм нужен пролетариям тотчас же, то задача социалистов состоит в немедленном претворении его в жизнь всюду, где они приходят к власти».

Каутский, к которому когда-то и мы приходили учиться, отучил нас ходить к нему с вопросом о том, какая политика является марксистской политикой.

Не вдаваясь здесь в анализ экономических мероприятий диктатуры, следует все же отметить, что в падении Венгерской Советской Республики решающую роль сыграли отнюдь не экономические причины [1].

Каковы бы ни были экономические трудности во время диктатуры, какие бы препятствия для производства ни вставали в связи с блокадой, гражданской войной, сокращением рабочей силы в результате мировой войны, в связи с саботажем со стороны имущего крестьянства, венгерская диктатура пролетариата и сегодня была бы еще жива и шла семимильными шагами к социализму, если бы все зависело лишь от внутреннего экономического положения.

Насколько бесплодными и беспредметными являются мудрствования псевдомарксистов по поводу того, созрело ли капиталистическое производство для социализации, ярко свидетельствует именно опыт ведения хозяйства в период диктатуры пролетариата в Венгрии.

Никакие объективные факторы не препятствовали социализации производства. Концентрация предприятий — как экономическая, так и техническая — успешно

---

[1] Экономические проблемы диктатуры детально рассматриваются в недавно вышедшей интересной книге нашего товарища, бывшего председателя Совета Народного Хозяйства Енё Варга «Die Wirtschaftlichen Problemen der proletarischen Dictatur». Wien, 1920. («Экономические проблемы диктатуры пролетариата».) Со многими положениями этой книги мы не можем согласиться, но из нее видно, что отсталое экономическое устройство Венгрии все же вполне подходило для проведения так называемой социализации. Эта книга пропагандирует большевизм, ее значение возрастает благодаря тому, что товарищ Варга, проанализировав опыт пролетарской диктатуры в России и Венгрии, отказался от взглядов Каутского.

осуществлялась, несмотря на весь саботаж со стороны профсоюзной бюрократии и части интеллигенции. За четыре месяца уже были созданы основы для регулируемого производства, хотя в Венгрии военная экономика не породила каких-либо образцовых институтов, а те, что породила, начал разрушать уже социал-демократический министр торговли в правительстве Каройи, стремившийся возвратиться к капитализму, основанному на свободной конкуренции.

Социализированные крупные сельскохозяйственные предприятия, коллективная обработка земли оказались не утопией. Если кто-либо найдет время глубже изучить мероприятия венгерской диктатуры пролетариата в области сельского хозяйства, то он увидит, что Каутский напрасно отказался от своих взглядов, изложенных в его давней блестящей работе по аграрным вопросам, и пересмотрел форму перехода к социалистическому способу ведения сельского хозяйства, сведя все до уровня какой-то бессрочной аренды.

В период диктатуры пролетариата в Венгрии подтвердилось не только существование объективных условий для экспроприации экспроприаторов, но и то, что по мере продвижения революции на запад будет облегчаться задача создания субъективных условий для организации пролетарской экономики, установления социалистической трудовой дисциплины.

Несомненно, что при революционном преобразовании на первых порах снижается дисциплина и производительность труда. После экспроприации средств производства не происходит немедленная замена капиталистической трудовой дисциплины новой, социалистической трудовой дисциплиной. Российская Советская Республика уже давно ведет борьбу за установление новой трудовой дисциплины и старается заложить основы социалистического труда на предприятиях с помощью кажущихся на первый взгляд примитивными средств (коммунистические субботники).

С первых же дней диктатуры в Венгрии мы видели примеры стремления самих рабочих, т. е. стремления снизу, укрепить дисциплину и повысить производительность труда на предприятиях. Можно напомнить пример будапештских токарей, которые без всякой так называемой «инициативы сверху» заявили, что в целях создания

стимулов, обеспечивающих должную дисциплину труда, и призвания к порядку тунеядцев на заводах вновь вводится аккордная система оплаты труда. И это сделали рабочие, которые в период буржуазной революции вели самую ожесточенную борьбу за повышение заработной платы. Можно указать и на пример прокатного цеха Чепельского завода, где производительность труда на третьем месяце диктатуры пролетариата повысилась на 100%. Выдающиеся примеры Диошдьерского металлургического комбината и Будапештского сталелитейного завода свидетельствуют о том, что вскоре после провозглашения диктатуры трудовая дисциплина среди наиболее сознательной части рабочих стала повышаться. Повысилась производительность труда во всей деревообрабатывающей промышленности, где имелись для этого объективные условия: исправное оборудование, соответствующие запасы сырья и т. д.

Конечно, были и тревожные примеры падения дисциплины и производительности труда. Но к концу периода существования диктатуры уже повсюду, в том числе и в горнорудной промышленности, появились признаки того, что вскоре будут созданы условия для новой дисциплины труда.

Это свидетельство жизненности нового способа ведения производства проявилось, несмотря на сопротивление, например, того же Ванцака. Ныне Ванцак ежедневно в официальном органе социал-демократической партии «Непсава» предлагает Миклошу Хорти «поддержку и сотрудничество рабочих в интересах восстановления национального производства», а во время диктатуры он протестовал против использования профсоюзов в целях повышения трудовой дисциплины.

Можно не сомневаться, что «данные экономические условия» все в большей степени делают социализм «возможным и необходимым» по мере продвижения пролетарской революции на запад. Примером тому служит Венгрия, которая расположена не так уж далеко на запад от России.

8.

Белый террор, диктатура буржуазии в Венгрии по решительности их осуществления далеко превосходят диктатуру пролетариата. Вряд ли можно найти пример такого белого террора. Пресловутый террор в Финляндии лишь младший брат венгерского.

Согласно библейской легенде, путь на Голгофу привел к искуплению грехов.

Каким может быть искупление грехов венгерским пролетариатом, идущим на Голгофу?

Неизлечимо слабоумные ныне вновь начинают проповедовать свое «чувство и убеждение», что «между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата существует и путь демократии, как путь борьбы и успеха»[1]. Мы не помним точно, где было сказано — в «Вёрёш уйшаг» или в «Непсава»,— что в период диктатуры пролетариата для Жигмонда Кунфи диктатура пролетариата была «единственным путем». Высказывание Кунфи приводится нами не для того, чтобы указать на непоследовательность: это излишне, а в политическом плане, особенно в указанном случае, не имеет никакого значения.

Мы обращаем внимание рабочих на данный вопиющий пример лишь для того, чтобы пролетарии видели — венгерская социал-демократия ничему не научилась и ничего не забыла за период революции, которая, как признают сами социал-демократические лидеры, привела к коренным преобразованиям во всех областях. Эти «герои» II Интернационала в свое время в Берне разглагольствовали в защиту принципа территориальной интеграции и надеялись, что державы Антанты защитят «молодую венгерскую демократию от соседних империалистических государств». Ответом держав Антанты была Лига наций — лига империалистических грабителей, созданная в целях распределения территорий различных стран, оказавшихся неустроенными после мировой войны.

Бернский «герой» и ныне ждет от «держав Антанты» помощи в деле защиты от белого террора. По его словам, «самым верным способом укрепления этой власти

---

[1] *Жигмонд Кунфи.* Открытое письмо к рабочим Словакии.

было бы предложение кликой Хорти себя в распоряжение держав Антанты в качестве орудия противодействия коммунизму». Поэтому он предостерегает пролетариат окружающих Венгрию стран от III Интернационала, от диктатуры пролетариата. По его мнению, тот, кто в этих странах «серьезно трудится в целях создания диктатуры пролетариата, тот сознательно или несознательно есть союзник клики Хорти».

Итак, союзниками Хорти являются не провокаторы, посланные генштабом белой армии в соседние с Венгрией страны с заданием создать предлог для вторжения туда Хорти. Союзники Хорти — не те социал-демократы, из-за недолговечного переходного правительства которых были арестованы Отто Корвин, Ференц Янчик[1], Шандор Келлнер[2] и многие другие коммунисты, части из которых уже нет в живых, а остальные сидят в хортистских тюрьмах. Отнюдь не союзники Хорти якобы и те социал-демократы, которые сидят в правительстве и каждый день протягивают руку Хорти, стоящему по горло в пролетарской крови. Жигмонд Кунфи — тоже не союзник Хорти, ибо он объявляет диктатуру пролетариата союзником Хорти.

Оказывается, союзники Хорти те, кто серьезно стремится к диктатуре пролетариата, как к переходному этапу на пути к социализму. Союзники Хорти те, кто серьезно стремится к социальной диктатуре и может противостоять нападкам грабительского империализма.

Антанта нуждается в том, чтобы клика Хорти научила ее бороться против коммунизма? Как будто патроны колчаков, деникиных, юденичей и маннергеймов до сих пор не ведали о значении белого террора в борьбе против диктатуры пролетариата.

---

[1] *Янчик Ференц* (1882—1938) — рабочий-металлист, активный деятель рабочего движения, один из организаторов революционного движения бывших военнопленных. Участник гражданской войны в Советской России, один из основателей Компартии Венгрии. В период Венгерской Советской Республики командовал Красной гвардией в Будапеште.— *Ред.*

[2] *Келлнер Шандор* (1887—1919) — рабочий-печатник, один из основателей Коммунистической партии Венгрии. Участвовал на стороне революции в гражданской войне в России и в деятельности революционных комитетов военнопленных. Во время Венгерской Советской Республики — правительственный комиссар области Шомодь. После поражения Советской власти был убит контрреволюционерами.— *Ред.*

Выходит, что державы Антанты всегда испытывали отвращение к пролитию пролетарской крови, что они не привыкли топить в крови революционные выступления рабочих. Выходит, державы Антанты поддерживают Миклоша Хорти в его палаческой деятельности из чувства любви, а не потому, что его белая армия — последний резерв антибольшевистского кордона. Ллойд Джордж и Керзон пойдут к Хорти за советом, как разгромить ирландскую революцию, как одолеть Советскую Россию, как парализовать революцию — веселящим газом или ударом по голове?

«В интересах венгерских жертв коммунизма» «международные» социал-демократы клевещут перед лицом рабочих на диктатуру пролетариата. Венгерские рабочие являются мучениками революции и жертвами социал-демократического предательства; ничто, кроме новой коммунистической революции, не сокрушит белый террор, истребляющий рабочий класс.

В том, что помощь мировой революции запоздала, что Антанта посадила Хорти на шею венгерскому пролетариату, в немалой степени повинны империалистические наемники и лакеи из II Интернационала. Союзник Хорти тот, кто является врагом мировой пролетарской революции, кто «предостерегает» рабочих от III Интернационала, кто не критикует революцию, а позорит ее в глазах рабочих других стран, которые являются единственными союзниками рабочего класса хортистской Венгрии.

Будем справедливы, и не ради них, а ради нас самих. Они несознательные союзники Хорти. Все, что они говорят и делают, вообще говоря, является выражением несознательности рабочего класса, борьбы несознательности с развивающимся сознанием в массах пролетариата. Эта несознательность находила выражение в требовании «умеренной диктатуры», в сопротивлении установлению классовых продовольственных норм, в пропаганде пацифизма во время революционной войны, в провозглашении лозунга — диктатура есть «диктатура членов профсоюзов». Она проявлялась в мелкобуржуазном шатании из стороны в сторону, которое представляло собой постоянную внутреннюю опасность для всей диктатуры, поскольку при отсутствии организованной революционной партии шатания приходилось преодолевать

гибкой деятельностью вождей, да и то лишь с временным успехом. Несознательность выражалась в вере в то, что отрицание прошлого, связанного с диктатурой, окажется талисманом против мести буржуазии, а также в попытках представить белый террор в глазах «западных демократий» как «белый большевизм». Несознательность питает веру в то, что в Венгрии будто может существовать легальное рабочее движение, которое не будет способствовать маскировке белого террора, и что лозунгами парламентской демократии можно привести в движение широкие массы, после того как рабочий класс познал советскую систему.

В свежем, молодом, здоровом и неистощенном мозгу рабочего класса элементы самосознания развиваются сегодня — в час социальной революции — сильнее, чем у тех, кто когда-то был выразителем чаяний сознательных рабочих, но кто затем не смог идти в ногу с революционным развитием рабочего класса, а тем более возглавить его. Судьба подобного рода людей — тормозить дело всюду, где только возможно, а когда это не удается — предаваться переживаниям. Будучи представителями несознательного прошлого, они не в состоянии уже плестись за революцией. Эта несознательность превращает их во врагов рабочего класса, ибо самым большим врагом рабочих является, наряду с эксплуататорами, их несознательное прошлое и несознательность, существующая еще в настоящее время.

Коммунизм является выражением чаяний пролетариата. Поэтому велик долг тех, кто назвали себя коммунистами, и особенно наш долг, коммунистов Венгрии.

Жизнь коммунистов, которым удалось выжить во время пришедшего на смену диктатуре социал-демократического правительства, правительства Фридриха — Пейера и последующих правительств, принадлежит рабочему классу и беднейшему крестьянству Венгрии, стонущим и истекающим кровью под гнетом белого террора. Только мировая пролетарская революция и коммунистическая революция самого венгерского рабочего класса может спасти его от исчадия ада, от клики Хорти и Миакича [1]. Содержанием жизни каждого коммуниста

[1] *Миакич Ференц* (1876—1924) — правый социал-демократ, один из лидеров венгерских профсоюзов. В правительстве Хусара —

должна стать неустанная работа, беспощадная и самоотверженная борьба за мировую пролетарскую революцию.

Только так мы можем содействовать освобождению венгерского пролетариата. Тот, кто спасся, но не участвует со всей энергией в борьбе III Интернационала за мировую революцию, тот «сознательно или несознательно является союзником» клики Хорти.

Сила пролетариата Венгрии, с помощью которой он освободит себя от белого террора,— в его собственной исторической миссии и в Коммунистическом Интернационале, где нашла организационное выражение международная солидарность пролетариата.

Выразителем, организационным воплощением этой исторической миссии является и Коммунистическая партия Венгрии — венгерский отряд III Интернационала. Укрепление ее — необходимая предпосылка нового прихода к власти пролетариата. У III Интернационала и его венгерского отряда — Коммунистической партии Венгрии хватит сил, чтобы превратить виселицы, расставленные хортистами, в виселицы для хортистов и освободить трудящихся Венгрии не только от белого террора, но и от всех видов эксплуатации.

Данными выводами по вопросам тактики я заканчиваю заметки, посвященные установлению диктатуры пролетариата в Венгрии. Я вернусь к этой теме лишь в том случае, если интересы рабочего движения при определенных условиях вновь потребуют критического разбора вопросов тактики. Твердо убежден, что было бы смертным грехом упустить 21 марта случай захватить власть и что победа, которую коммунистическая партия одержала тогда над социал-демократией, не была реализована не в результате наших ошибок, а вследствие того, что не от нас зависело довести борьбу до победного конца во время диктатуры.

Помимо революционизирования рабочего класса, утверждения идей и идеалов коммунизма и того международного значения, которое диктатура пролетариата имела в то время, эта диктатура оставила после себя целый ряд других ценностей, также имеющих большое

статс-секретарь министерства торговли. С 1922 г.— депутат хортистского парламента.— *Ред.*

международное значение. К ним в первую очередь относятся связанные с падением диктатуры тактические уроки, уроки, касающиеся организации экономики и особенно организации сельского хозяйства, отношений между рабочим классом и крестьянством, внешней политики пролетариата, стоящего у власти.

Систематический критический разбор указанных вопросов затрудняется тем, что все материалы находятся в руках белых террористов. И все же мы вскоре должны взяться за такую работу, поскольку она необходима для определения будущих задач пролетарской революции.

РОЛЬ ПАРТИЙ В УСТАНОВЛЕНИИ ДИКТАТУРЫ

Статья, опубликованная в газете «Вёрёш уйшаг» 27 июня 1920 г.

I.

Экономические и социальные антагонизмы между классами и противоречия внутри классов на поверхности общества, в рамках государства проявляются в противоречиях между партиями. В соответствии с экономическими условиями и расстановкой классовых сил в Венгрии накануне провозглашения диктатуры пролетариата буржуазия группировалась в следующих партиях: в партии Каройи — наиболее радикальные, в первую очередь городские элементы мелкой буржуазии; в партии мелких сельских хозяев — мелкие земельные собственники, за исключением тех из них, кто после ноябрьской революции[1] пытался найти представительство своих интересов в социал-демократической партии; представители финансового капитала, промышленности, средние землевладельцы, оптовые торговцы объединялись для участия в кампании по выборам в парламент во всевенгерской гражданской партии. Эта партия была самым откровенным выразителем венгерской империалистической и шовинистической угнетательской идеологии. Сторонники указанной партии громче всех выступали с требованием территориальной интеграции, которое с большей или меньшей степенью маскировки поддерживали все партии, в том числе и социал-демократическая партия.

---

[1] Буржуазно-демократическую революцию, начавшуюся 31 октября 1918 г. и получившую дальнейшее развитие, когда 16 ноября Венгрия была провозглашена республикой, принято называть в венгерской литературе октябрьской революцией или «революцией астры».— *Ред.*

Отстраненные от власти крупные землевладельцы даже в этой явно реакционной партии были представлены слабо. После ноябрьской революции они еще не смогли политически объединиться в отдельной партии. Они еще не сумели найти новые лозунги для оказания влияния на массы вместо старых государственно-правовых лозунгов. По сути дела, партия, именовавшаяся партией порядка — следует отметить, что, как правило, каждая партия, независимо от ее наименования, объявляла себя партией порядка,— была буржуазной партией. Данная партия провозгласила своей программой восстановление в стране положения, существовавшего до и во время войны; не осмеливаясь настаивать на восстановлении монархии, она все же требовала реставрации всех старых государственных институтов и всего административного управления. Сторонникам партии не удалось прийти к власти, но они были близки к этому.

Власть находилась в руках мелкобуржуазных партий — партии Каройи и партии мелких сельских хозяев, а также в руках заполоненной мелкобуржуазными элементами социал-демократической партии.

Низовые прослойки бюрократии влились в участвовавшие в правительстве партии: формально, в первую очередь через профсоюзы,— в социал-демократическую партию; но по своей идеологии они скорее тяготели к мелкобуржуазным партиям. Высшие прослойки чиновничества проявляли определенную сдержанность, ожидая развития событий. С ноября месяца пролетариат организовывался в двух партиях. Партией большинства, членские взносы в которую вследствие участия в профсоюзах и особого положения партии платили все рабочие, была социал-демократическая партия. Меньшинство рабочего класса объединялось в коммунистической партии. Армия, бóльшая часть которой состояла из пролетариев (главным образом из люмпен-пролетариев), также формально примыкала к социал-демократической партии. Совет солдатских депутатов, в котором подавляющее большинство имели социал-демократы, мог бы распоряжаться армией, если вообще ею можно было распоряжаться.

Особые обстоятельства возникновения пролетарской диктатуры следует скорее объяснить особой природой находившихся у власти партий, чем своеобразием соот-

ношения классовых сил и международного положения. Только разобравшись в характере мелкобуржуазных демократических партий, возможно понять, каким образом власть так легко, без кровопролития перешла в руки рабочего класса.

В октябрьско-мартовский период революции вообще, но особенно к концу его, хотя страна и не находилась в состоянии безвластья, но власть отнюдь не являла собой картину явного господства какого-либо класса. Демократическая фразеология графа Каройи и присоединившихся к нему буржуазных идеологов из распавшейся гражданской радикальной партии о том, что они представляют не класс, не «древнюю избранную нацию», а «народ», была совершенно искренней. Эта фразеология вытекает из классового положения и идеологии еще революционной части мелкой буржуазии. Из идеологии той мелкой буржуазии, в которой, как говорил Маркс, сталкиваются интересы сразу двух классов. Партии мелкой буржуазии представляли не особые классовые интересы, а вообще строй частной собственности. Они представляли не интересы крупных землевладений, против которых шумно выступали, и не финансового капитала, который министр финансов правительства Каройи четыре месяца держал на операционном столе, чтобы вырезать у него налог на имущество. Они представляли, повторяю, интересы частной собственности вообще, не отдавая себе отчета в том, что ее наиболее развитой, господствующей формой является капиталистическая частная собственность, природу которой нельзя изменить.

Данные партии не могли установить особое классовое господство и создать аппарат такого господства. Их судьба была бы решена даже в том случае, если бы они 20 марта и не покинули добровольно министерские кресла. Если и не рабочий класс, то коалиция крупной буржуазии и социал-демократии вырвала бы власть из их рук, в результате чего социал-демократическая партия, как это и предполагали ее колеблющиеся вожди, окончательно выродилась бы в особое орудие буржуазного аппарата принуждения; к этому, впрочем, всегда стремилась часть социал-демократических лидеров.

Реальная власть, по сути дела, находилась в руках социал-демократической партии, причем эта власть продолжала служить интересам буржуазии. Однако уча-

стие социал-демократической партии в правительстве и даже ее преобладающая роль в правительстве не означали еще господства рабочего класса, так же как президентство графа Михая Каройи не означало господства крупных землевладельцев. Участие социал-демократов в правительстве привело лишь к затяжке с созданием аппарата классового господства пролетариата, к тому, что сохранившаяся часть прежнего аппарата власти не встречала серьезных препятствий, если не считать сопротивления масс, в деле защиты буржуазии и частной собственности.

Таким образом, в период перед провозглашением диктатуры пролетариата установилось типичное господство партий. Если верить идентичным, по существу, заявлениям графа Михая Каройи и Жигмонда Кунфи, то предшествовавшее Советской Республике буржуазное правительство не думало, что его отставка приведет к изменению формы государства. Оно считало, что правительственная власть перейдет от одной партии к другой при сохранении буржуазного государственного строя. Согласно этим заявлениям, все члены правительства были убеждены 20 марта (а министры от буржуазных партий — даже и на заседании совета министров 21 марта), что буржуазное государство во главе с социал-демократическим правительством «в боевом содружестве с коммунистической партией» защитит строй частной собственности.

Буржуазия пережила двойное разочарование. Буржуазия разочаровалась в коммунистической партии, которая, как она вначале считала, была склонна пойти на «боевое содружество» или занять, по крайней мере, нейтральную позицию по отношению к любому буржуазному правительству, а следовательно, и социал-демократическому правительству. Она разочаровалась также в силе своего союзника — социал-демократической партии, потеряла веру в ее добропорядочность.

Буржуазные партии в период провозглашения диктатуры пролетариата оказались не в роли непобежденного третьего, а в роли обманутого третьего.

Слабое сопротивление буржуазии в начальный период диктатуры пролетариата помимо других факторов (ее неорганизованность, международное положение и т. д.) обусловливалось главным образом двумя об-

стоятельствами. Часть буржуазии увидела в Революционном Правительственном Совете своих старых, всегда верных буржуазии союзников. А другая ее часть была настолько парализована обманом со стороны своих старых союзников, что из этого состояния ее едва могли вывести последовавшие один за другим многочисленные удары Советской Республики по частной собственности.

Указанные особенности провозглашения диктатуры до некоторой степени придали ему характер путча. Если кто-либо желает подвести провозглашение Советской Республики в Венгрии под весьма растяжимое понятие путча, то данный путч не был в строгом смысле слова путчем марксистской коммунистической партии, тактика которой строится не на путчах, а путчем социал-шовинистов. Но эти прислужники буржуазии руководствовались отнюдь не революционными соображениями. Напротив, они действовали так, с одной стороны, в силу своего оппортунизма — из-за страха потерять власть над рабочими массами, которые побуждали их приспосабливаться к коммунистам и коммунистической программе, а с другой стороны, в силу шовинизма, надеясь осуществить свои социал-шовинистические устремления в условиях нового внешнеполитического положения. Таковы были причины, побудившие социал-демократических вождей пойти на путч, на обман своих союзников. Революционный путч, вызванный оппортунизмом,— довольно редкое явление в истории революций.

II.

Объяснение этому своеобразному историческому явлению следует искать в борьбе двух партий пролетариата — социал-демократической и коммунистической.

В результате ноябрьской революции венгерская социал-демократическая партия приобрела решающее влияние, несмотря на то что участие ее официальных лидеров в революции выразилось лишь в том, что двое из них после победы революции отказались от присяги монархической конституции, а некоторые из них и через две недели после революции еще решительно протестовали против провозглашения республики. В водовороте событий, связанных с захватом власти, исчезли все прин-

ципиальные положения программы социал-демократической партии. Своим открытым отказом от классовой борьбы социал-демократические лидеры прямо впрягали рабочий класс в колесницу буржуазии.

Партийная и профсоюзная бюрократия могла ссылаться на широкие массы. В результате прилива в социал-демократическую партию и профсоюзы больших масс рабочих и мелкой буржуазии социал-демократические лидеры обрели небывалую силу. Но ради голосов избирателей и позиций в правительстве, обеспечивающих влияние на выборы, они повернули резко вправо.

Коммунистическая партия, образовавшаяся из рабочих, которые были по горло сыты предательством партийной и профсоюзной бюрократией забастовок в годы войны, из военнопленных, возвратившихся из России, из старых противников партийного руководства («вышвырнутых», как их называли в «Непсава»), вскоре создала серьезные трудности для социал-демократической партии. При сложившемся положении, когда обуржуазившаяся социал-демократическая партия, выступая от имени рабочего класса, отказывалась от власти, а буржуазные партии не могли удержать власть, особенно опасным для социал-демократической партии был лозунг: «Всю власть — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

При тогдашних экономических условиях и при том соотношении классовых сил, о чем говорилось в предыдущей главе, для коммунистической пропаганды не представляло особых трудностей найти благодатную почву в рядах пролетариата.

Психология масс социал-демократической правительственной партии была психологией угнетенного класса, а их идеология — идеологией оппозиционной партии. Позиция социал-демократических вождей по отношению к коммунистической партии в глазах рабочих социал-демократов подрывалась тем обстоятельством, что классовые враги рабочих были политическими друзьями социал-демократических вождей, а товарищи рабочих по классу — политическими противниками их вождей.

Партийная бюрократия в своем стремлении обеспечить монопольную власть над рабочим классом объявила себя единственным представителем рабочего класса,

но вышедшие из ее рядов деятели правительства являлись глашатаями и поборниками надклассовой национальной солидарности. Агитация коммунистической партии, которую не имеющие никакой революционной и марксистской подготовки деятели называли демагогией, была подлинно марксистской пропагандой и в теоретическом отношении. Социал-демократические вожди, вынужденные в прямом смысле слова бежать от настоятельных требований масс, не понимали, что «невозможные» требования, которые коммунисты бросили в пролетарские массы, составлены строго по рецептам марксистской революционной тактики. Поскольку бóльшая часть социал-демократических вождей в настоящее время еще не отдает себе отчета в том, какое значение с точки зрения научно обоснованной политики имеют эти требования, которые невозможно осуществить при капитализме, но которые отпадут сами по себе при диктатуре пролетариата, следует сослаться на одно из сформулированных Марксом правил революционера:

«Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но для того чтобы энергично и грозно выступить против этой партии, которая начнет предавать их с первого же часа победы, рабочие должны быть вооружены и организованы... немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и создать условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие для временно неизбежного господства буржуазной демократии,— вот главное, что пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания» [1].

Таковы требования, которые безработные, демобилизованные солдаты и осуществлявшие национализацию заводов рабочие предъявляли буржуазной демократии и глашатаям буржуазии, называвшим себя социалистами-демократами, и от которых они добровольно отказались после провозглашения диктатуры пролетариата. Приве-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 263—264.

денная цитата содержит обоснование выступления коммунистов против раздела земли.

Стремясь ослабить воздействие коммунистической тактики, социал-демократическая партия, по горло увязшая в политике буржуазного правительства, возобновила если не классовую борьбу, то болтовню о классовой борьбе. Социал-демократические лидеры всюду трубили: «Мы остаемся тем, кем были, а были мы такими же, каковыми являемся сейчас». Они поставили правое крыло своей партии поистине в трагикомическое положение.

Сложилось положение, когда, как выразился один чувствительный социал-демократический вождь, «надо было выбирать между Лениным и Носке».

И социал-демократы избрали не роль Носке, а сделали вид, что присоединяются к Ленину. Они приняли такое решение без всякого убеждения, более того, вопреки своим убеждениям, как об этом писали после падения диктатуры пролетариата участвовавшие и не участвовавшие в деятельности органов диктатуры социал-демократические вожди.

Как заявили представители социал-демократической партии, они «безоговорочно» приняли коммунистическую платформу, которая, несомненно, была исключительно ясной и практичной.

Речь идет, как свидетельствует приведенное выше лирическое признание, о полной капитуляции, которую коммунисты приняли с подобающим, но отнюдь не достаточным подозрением.

Причиной капитуляции был отрыв партийной и профсоюзной бюрократии от масс, о чем также говорят заявления социал-демократов. Социал-демократическое правительство во главе буржуазного государства не удержалось бы и недели. Не удержалось бы даже с помощью средств, к которым прибегал Носке; но оно не располагало такими средствами.

Социал-демократы не пытались торговаться с коммунистической партией, поскольку не могли рассчитывать на какие-либо уступки по принципиальным или тактическим вопросам.

А коммунисты в данных условиях были вынуждены пойти на объединение.

Одним из ответов социал-демократам мог бы быть

отказ от власти. Социал-демократы уже отказывались от власти от имени рабочего класса.

Однако отказ от власти со стороны коммунистов явился бы вечно компрометирующим и неисправимым преступлением в то время, когда подавляющее большинство рабочего класса, хотя идеологически еще и неподготовленное, стремилось к власти.

Вторым ответом могло бы быть: компартия одна берет власть. Но только что сформировавшаяся коммунистическая партия сплачивала в своих рядах лишь меньшую часть пролетариата. Правда, большинство рабочего класса было настроено революционно и рвалось к власти, но его привязанность к профсоюзам была по крайней мере такой же сильной, как и стремление к власти. Революционная перестройка профсоюзов, очищение их от бюрократии требовали больших усилий в течение многих месяцев. А без профсоюзов или вопреки им наладить производство во время пролетарской диктатуры было бы невозможно.

Была и третья возможность — установить диктатуру в форме коалиции. Такая коалиция развалилась бы за одну неделю, а вместе с этим пала бы и диктатура.

Объединиться с более или менее скомпрометированными апостолами классового сотрудничества, чья революционная неблагонадежность была более чем несомненна,— вот какой оставался наиболее приемлемый путь, обеспечивавший более длительную передышку для пролетарской диктатуры. Вопрос освобождения пролетарской диктатуры от контрреволюционных элементов был вопросом времени. Кроме того, в указанном случае представлялось более легким делом оторвать колеблющихся от правого крыла. Это было легче сделать в рамках одной партии. Кроме того, молодая коммунистическая партия не располагала достаточными силами для создания хозяйственного и административного аппарата пролетарского государства. Если бы коммунистической партии удалось предварительно расколоть социал-демократическую партию — а она к этому стремилась,— то тогда, именно лишь тогда, коммунистическая партия могла бы действовать иначе. Однако колеблющиеся элементы левого крыла оказались фанатиками партийного единства.

Для старых, реалистически мыслящих политиков со-

циал-демократической партии революция стала единственной реальной политикой. Оппортунистам диктатура представлялась приемлемой в сложившейся обстановке, и они присоединились к революции и к диктатуре. Для коммунистов объединение в данных условиях являлось исторической необходимостью. От этого зависела возможность прихода к власти, что одновременно означало революционизирование широких масс, распространение революционной идеологии, овладение методами строительства социализма, возможность самого социалистического строительства, укрепление III Интернационала, поддержку революции русского пролетариата.

Мы не ждем приговора историков. Дальнейшее развитие событий не только вынесет приговор относительно правильности коммунистической тактики, но и даст моральную оценку позиции социал-демократии.

ОТКРЫВАЮТСЯ ДВЕРИ ТЮРЕМ

Статья, опубликованная в газете «Вёрёш уйшаг» 15 января 1921 г.

В хортистской Венгрии опубликован указ об амнистии. Помилование, дарованное «благородным» палачом, в первую очередь, разумеется, распространяется на тех, кого для вида заключили в тюрьму за то, что, будучи «честными» белыми террористами, они убивали рабочих и евреев. Но амнистия, для вида, касается и тех, кто после зверских истязаний попали в тюрьмы христианской Венгрии как коммунисты.

Иначе говоря, «демократия» на хорошем пути, на пути к «подлинной демократии». Если дело пойдет так и дальше, то Хорти действительно станет «демократом», и не только Ванцак, но и Кунфи «приостановят» классовую борьбу, как они уже привыкли это делать в период своих «великих демократических порывов».

Акт амнистии есть подлый обман, гнусная ложь, но как симптом, как характерный момент он все же заслуживает внимания. Хорти объявил амнистию в то время, когда премьер-министр шлет телеграммы в Советскую Россию, в которых пожирающая большевиков христианская и господская Венгрия просит доступа в прихожую Советской России. Хортистская Венгрия хочет вступить в переговоры с большевистской Россией, чтобы добиться освобождения тех коллег ее палачей-офицеров, которые держатся здесь в качестве заложников, в качестве залога за жизнь сидящих в тюрьмах Венгрии наших товарищей.

Хорти наплевал на протесты и мольбы социал-патриотов, сообщников клики Кунфи, а под воздействием подкрепленного силой выступления представителей Ком-

мунистического Интернационала, Советской России он со скрежетом зубовным вынужден, по крайней мере, сделать вид, что предоставляет амнистию венгерским борцам пролетарской революции.

Советская Россия вызвала в свою прихожую представителя «его превосходительства» регента. Она продиктует там условия, на которых готова освободить застрявших в России собратьев венгерских офицеров-палачей. Жигмонд Кунфи, этот выживший из ума и потерявший всякую совесть вождь венгерских социал-демократов, пишет, что «Чичерин по-своему разговаривает с Хорти». Да, Чичерин разговаривает, но разговаривает как большевик, который в борьбе против разнузданного белого террора прибегает не к фразам о гуманности, как это делают социал-демократы, а к средствам власти, применение которых будет, несомненно, эффективным.

Ни один венгерский офицер не сможет покинуть пределы Советской России до тех пор, пока жизнь томящихся в тюрьмах венгерских героев международного пролетариата — венгерских коммунистов находится в опасности. Они будут находиться здесь до тех пор, пока борцы пролетарской революции не выйдут из тюрем.

Вот вам новое свидетельство того, и это подтверждается указом об амнистии и переговорами, что единственной властью рабочих является Советская власть. Социал-демократические партии, разного рода министры-социалисты наводнили мир показными протестами против белого террора. Хорти наплевал на их протесты, хотя эти социал-демократические государственные мужи являются влиятельными политическими деятелями могущественных буржуазных государств. Советская Россия, изолированная, атакуемая со всех сторон республика рабочих и крестьян, протестует против белого террора не пустыми словами и бесплодными действиями. Ее протест принесет свои результаты. Если Советская Россия и не откроет двери всех тюрем Венгрии, то своими действенными протестами она вырвет из тюрем много наших боевых товарищей.

В результате этого белый террор в Венгрии еще не прекратится. О том, чтобы он не прекращался, заботятся международный империализм и венгерская социал-демократия. Белому террору может положить конец лишь диктатура пролетариата, свержение власти буржуазии,

одной из опор которой является предательская социал-демократическая политика клики Кунфи и Ванцака.

Двери тюрем, в которых томятся рабочие, может открыть лишь власть рабочих, и первые замки венгерских тюрем будут сбиты властью рабочих и крестьян Советской России.

Остальные замки также будут сорваны по мере распространения власти рабочих на запад от Советской России.

КАК ОТКРЫВАЮТСЯ ДВЕРИ ТЮРЕМ?

Опубликовано в газете «Пролетар»
30 сентября 1921 г.

Осталось лишь несколько недель до того, когда откроются двери тюрем хортистской Венгрии и 400 политических заключенных выйдут из одиночных камер заключения и из лагерей для интернированных. Находящийся у власти русский пролетариат с большой любовью готовится к встрече испытавших столько страданий борцов преследуемого венгерского пролетариата. Только в головах социал-демократических клеветников могла родиться подлая мысль, будто Советская Россия будет допрашивать прибывающих в порядке обмена на ее территорию венгров, социал-демократы они или коммунисты. Советская Россия никому не навязывает политические убеждения. Русские коммунисты, какого бы они ни были мнения о предателях венгерской пролетарской революции, в политических заключенных видят прежде всего жертвы хортистских палачей.

В противовес всем легендам Кунфи, в противовес социал-демократическим лживым измышлениям необходимо еще раз подчеркнуть, что рабочие Советской России заботливо готовятся встретить политических заключенных, освобождающихся ныне от цепей Хорти, независимо от их партийной принадлежности и политических убеждений.

Если внимательнее разобраться в этих социал-демократических легендах, то можно увидеть, что в них, по сути дела, нет ничего, кроме бесплодного разглагольствования, отражающего беспомощность социал-демократии. Несмотря на всю шумиху, поднятую социал-демократами, они оказались не в состоянии освободить из

тюрьмы или из лагеря для интернированных хотя бы одного представителя венгерского рабочего движения. Они боятся, что массы заметят их позорную беспомощность, и потому стремятся замаскировать ее распространением клеветнических измышлений о том, что коммунисты будут желанными гостями русских большевиков, а социал-демократов там ждут мучения. Известно, что великодушный пролетариат России не трогал и не трогает даже собственных меньшевистских предателей, если только они не ведут активную контрреволюционную деятельность. Естественно, что венгерских меньшевиков и подавно никто не тронет и пальцем. Более того, никто не будет интересоваться их партийной принадлежностью. Свою беспомощность социал-демократы всегда прикрывают клеветой на большевиков. Лживые измышления Кунфи достойно дополняют вымыслы каутских и дитманов.

Беспомощность социал-демократов

Что до сих пор смогли сделать социал-демократические вожди и партии в интересах облегчения тяжелой участи политических заключенных из рядов венгерского рабочего движения? Уполномоченные итальянской социалистической партии приезжали в Венгрию, заглянули даже в лагерь для интернированных — в Хаймашкере, но клика Хорти, не дав им выполнить миссию, вскоре выдворила их из страны.

Делегация английской лейбористской партии собрала целый ряд сведений о чудовищных зверствах. Правда о венгерском аде стала известной миру, но ни английская лейбористская партия, ни ее единомышленники не предприняли ни одного шага против клики Хорти.

Однако кое-что было все же сделано. Международный союз транспортных рабочих, входящий в Амстердамский Интернационал профсоюзов, 20 июня 1920 г. объявил бойкот Венгрии белого террора. Он заявил, что до тех пор, пока не прекратится белый террор, прерывается железнодорожная, телеграфная и телефонная связь с Венгрией. Ни пассажиры, ни посылки, ни товары, ни письма не смогут быть доставлены в Венгрию или покинуть ее пределы. Пролетариат Европы с большим воодушевлением встретил и проводил этот бойкот, а про-

летариат Венгрии со вздохом облегчения начал вновь поднимать голову.

Но бойкот был акцией не только революционного пролетариата, но и предательской профсоюзной бюрократии, вследствие чего он оказался в конечном счете половинчатой, не доведенной до конца мерой.

Французское правительство оказало нажим на находящихся у власти австрийских социал-демократов, а австрийская профсоюзная бюрократия уговорила международную профсоюзную бюрократию начать переговоры с правительством белого террора в Венгрии, а затем совсем отменить бойкот. Путем объединенного давления, общего бойкота пролетариат Европы смог бы свергнуть правительство белого террора в Венгрии, но такая единая, действительно революционная пролетарская акция будет утопией до тех пор, пока во главе пролетариата стоят старые оппортунистические профсоюзные бюрократы, пока профсоюзы возглавляет желтый Амстердамский Интернационал.

Не успев начать бойкот, социал-демократия сорвала его. Белый террор в Венгрии не прекратился, ни один политический заключенный не вышел из тюрьмы.

Реалистическая политика русской пролетарской диктатуры

До сих пор действительно революционные, а следовательно, действенные и позитивные акции против белого террора в Венгрии предпринял только находящийся у власти русский пролетариат. Уже само существование Российской Советской Республики представляет собой постоянную смертельную угрозу для правительства белого террора. Томившиеся в австрийских лагерях для интернированных бывшие венгерские народные комиссары были освобождены по Копенгагенскому соглашению между Советским и австрийским правительствами, согласно которому репатриация австрийских военнопленных ставилась в зависимость от освобождения венгерских народных комиссаров, находившихся в руках австрийского правительства.

Когда на процессе десяти бывших народных комиссаров судьи белого террора приговорили шестерых из них

к пожизненному заключению, а четырех — к смертной казни, решительное выступление Советского правительства приостановило приведение смертных приговоров в исполнение. Находящийся у власти русский пролетариат собрал тогда около тысячи венгерских офицеров и разместил их в концентрационных лагерях, объявив заложниками за находившихся в заключении в Венгрии народных комиссаров.

6 августа 1920 г. Советское правительство России направило венгерскому правительству радиограмму о том, что оно «распорядилось заключить в концентрационные лагери тысячу венгерских офицеров из числа находящихся еще в России. Десятеро из этих офицеров... объявлены непосредственно заложниками в отношении десяти бывших Народных Комиссаров, представших ныне пред подобием суда в Будапеште, и подвергнутся той же участи, какая постигнет Народных Комиссаров, если кровожадные замыслы Венгерского Правительства в отношении последних будут осуществлены» [1].

12 ноября 1920 г. находящийся у власти русский пролетариат вновь направил резкую ноту венгерской военщине. Он заявил, что «судьба венгерских офицеров», задержанных в России в качестве заложников, «неразрывно и безоговорочно связана с судьбой Народных Комиссаров, посаженных на скамью обвиняемых в будапештском процессе» [2].

Не только за народных комиссаров!

Но русский пролетариат выступил в защиту не только десяти народных комиссаров, но и всех страдавших в венгерских застенках политических заключенных. В ноте Чичерина указывалось, что «Венгерское Правительство должно будет, кроме того, принять во внимание, что, кроме вышеупомянутых 10 заложников, в концентрационных лагерях Советской России содержится значительное число венгерских офицеров, на судьбу которых не могут не оказать влияния все меры, которые

[1] «Документы внешней политики СССР», т. III, М., 1959, стр. 89—90.

[2] Там же, стр. 326.

будут приняты против политических заложников Венгерского Правительства» [1].

Венгерское правительство белогвардейских офицеров испугалось. Оно понимало, что слово русского пролетариата — серьезное предупреждение и что жизни тысячи венгерских офицеров действительно неразрывно и безоговорочно зависят от жизней пролетариев, находившихся в руках венгерских офицеров-палачей. 25 декабря 1920 г. тогдашний министр иностранных дел Венгрии граф Телеки направил ноту советскому народному комиссару по иностранным делам, в которой сообщалось о готовности вступить в переговоры относительно судьбы политических заключенных, хотя действия Советского правительства «в отношении невинных военнопленных совершенно несправедливы, бесчеловечны и противоречат законам цивилизации».

На эту ноту Чичерин 30 декабря 1920 г. ответил согласием начать переговоры через своего дипломатического представителя в Ревеле Литвинова. Вместе с тем он решительно отверг наглые выпады венгерских палачей: «Российское Правительство отвергает обвинения, направленные по его адресу при Вашем посредстве замкнутой кастой крайних милитаристов, которая в настоящее время при помощи грубой силы и самого беззастенчивого насилия держит в своих руках власть над Венгрией, завоеванную для них румынскими штыками. Этому Правительству, которое господствует при помощи убийств и погромов, возводит избиения, пытку и бандитизм в политическую систему, менее всего уместно взывать к гуманности и цивилизации...» [1].

Решительное выступление Российской пролетарской республики было проявлением действительно реалистической политики. Это выступление не только в принципе продемонстрировало венгерскому рабочему классу, что Советское правительство России и сегодня считает бывшее Венгерское Советское правительство «своим верным союзником» и что русский пролетариат и сегодня считает подвергающихся преследованиям венгерских пролетариев товарищами по оружию, но явилось также

---

[1] «Документы внешней политики СССР», т. III, стр. 326.
[2] Там же, стр. 439.

своевременной практической помощью четыремстам жертвам венгерского белого террора.

Рабочий класс всей Европы и венгерский пролетариат должны отдавать себе отчет в том, что не любопытство различных иностранных делегаций, не видимость бойкота со стороны желтого Амстердамского профсоюзного Интернационала, а лишь суровые революционные меры русской пролетарской диктатуры — заключение в концентрационные лагеря соратников белогвардейских офицеров-палачей и объявление их заложниками смогло принудить правительство белого террора в Венгрии к серьезным уступкам.

Успехи в революционном пролетарском движении могут быть достигнуты не причитанием, не «покачиванием головой», как это делает Кунфи, не пацифистскими лозунгами, не сентиментальным псевдогуманизмом, а реалистическими, решительными, т. е. большевистскими, революционными действиями.

Освобождение 400 венгерских политических заключенных показало также пути и методы окончательной ликвидации белого террора в Венгрии. Не реформистская дипломатическая возня, не половинчатый профсоюзный бойкот, а коммунистическая реалистическая политика и проникнутая большевистским духом диктатура пролетариата, которая не страшится классового террора и видит в буржуазии и в ее наймитах-офицерах врага, который должен быть уничтожен.

ЧЕМУ МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА НАУЧИТЬСЯ НА ПРИМЕРЕ ВЕНГЕРСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Статья, помещенная в сборнике «В стране виселиц», 1924 г.

I.

В ближайшие дни исполнится пять лет с тех пор, как небольшая группа (нас, старых бойцов, было совсем мало) борцов венгерского рабочего движения 20 ноября 1918 г. создала в Будапеште Коммунистическую партию Венгрии. Почти пять лет прошло и с тех пор, как возникла Венгерская Социалистическая Федеративная Советская Республика (21 марта 1919 г.).

Между этими двумя событиями лежат всего четыре месяца. От основания Коммунистической партии Венгрии до захвата государственной власти венгерским рабочим классом прошло примерно столько же времени, сколько продолжался период пребывания у власти трудящихся, период революционной диктатуры пролетариата в Венгрии.

Совпадение этих двух периодов по длительности — от возникновения партии до захвата власти, с одной стороны, и от захвата власти до падения диктатуры — с другой, вовсе не случайность. Кратковременность существования Венгерской Советской Республики объясняется если и не исключительно, то в большей степени тем, что коммунистическая партия, авангард пролетариата, в течение упомянутого слишком короткого исторического периода не успела стать крепкой, твердой организацией. Поэтому и не оказалось у пролетарской диктатуры в Венгрии такого руководителя, каким в России с самого начала пролетарской революции была большевистская партия, имевшая за спиной полтора десятка лет боевого марксистского, революционного прошлого.

Коммунистический Интернационал, особенно его

II конгресс, весьма тщательно обсудил уроки венгерской революции. Те из тезисов II конгресса, в которых разбирается вопрос о роли коммунистической партии и ее отношении к центристским партиям, а также условия вступления в Коминтерн, основываются в бóльшей своей части на опыте венгерской пролетарской революции и Коммунистической партии Венгрии. Таким образом, этот опыт, приобретенный ценой крови венгерского пролетариата, стал общим достоянием рабочих всего мира. Но он не вошел еще в нужной степени в кровь и плоть международного рабочего класса. Нынешняя борьба германского пролетариата за власть, борьба Коммунистической партии Германии и иллюзии относительно поведения социал-демократических вождей показывают, что необходимо вновь и вновь возвращаться к урокам венгерской пролетарской революции.

II.

Почему же потерпела поражение Венгерская Советская Республика?

Причины ее падения, оценивая их почти через пять лет, кратко и схематично можно определить так:

1. Незначительность территории Советской Республики и, следовательно, отсутствие оперативного простора для отступательных военных операций.

2. Отсутствие того благоприятного сочетания условий международного политического положения, о котором товарищ Ленин неоднократно говорил как об одном из факторов, содействовавших успеху русской революции.

3. Отсутствие организованной, централизованной, дисциплинированной и, следовательно, способной маневрировать коммунистической партии.

4. Неразрешенность крестьянского вопроса, т. е. вопроса о земле.

Первые две из перечисленных причин ясны на первый взгляд даже тем, кто слабо знаком с историей венгерской пролетарской революции. «Искалеченная» Венгрия, в которой пролетариату удалось взять власть в свои руки, располагает столь крошечной территорией, что от одного ее края до другого скорый поезд идет не больше 10—12 часов. Чешская граница находится на расстоянии

60—70 километров от столицы Венгрии Будапешта, где сосредоточены значительная часть промышленности (особенно военной) и большинство рабочих. В конце мировой войны соглашением о перемирии границы страны были определены таким образом, что ни в какой мере не обеспечивали возможности ее обороны. При наступлении противника пришлось сразу же отступать, оставляя ему территорию. И если бы венгерская пролетарская армия отступала на столько же, на сколько в течение одной недели отступала российская Красная Армия во время похода Колчака или Деникина, она очутилась бы уже вне территории страны. При таких условиях пролетарская диктатура должна была пасть, как только исчезла возможность военными силами удерживать столицу — центр военной промышленности и пролетариата.

Каково же было международное положение в то время, когда венгерский пролетариат держал власть в своих руках? С одной стороны, международный империализм и его сателлиты, окружающие Венгрию (Чехословакия, Румыния, Югославия), располагали еще недемобилизованными армиями, не связанными ни внутренними, ни внешними вражескими силами, с другой стороны, Советская Россия при всем своем желании не могла оказать военную помощь молодой Венгерской Советской Республике. Как раз в то время Колчак захватил Пермь и наступал в направлении Вятки. Позже, когда мы рассчитывали, что красные войска, наступающие на Украине в направлении Бессарабии и Галиции, оттянут на себя военные силы Румынии, превосходящие наши силы, восстание известного авантюриста атамана Григорьева поставило под угрозу тыл самих русско-украинских красных войск. Международный авторитет Советской России в то время был весьма незначителен. Антанта назначила дипломатические переговоры на Принцевых островах. Советская Россия, еще не располагая никакими дипломатическими связями, не могла, следовательно, дипломатическим путем оказать нам помощь.

Провозглашение Венгерской Советской Республики совпало с тем периодом международной революции, когда демобилизационный кризис капитализма уже пришел к концу и волны международной пролетарской революции пошли на убыль. Спустя несколько дней после

провозглашения Венгерской Советской Республики закончился первый боевой период революции в Германии (падение Баварской Советской Республики). Коммунистический Интернационал только что был создан. Секции Коминтерна в большинстве стран находились еще в стадии организации. В соседних с Венгрией странах, в Румынии и Чехословакии, коммунистических партий еще не было, а в Югославии коммунистическая партия только что образовалась. Коммунистическая партия Австрии в то время, так же как и ныне, была не в состоянии организовать серьезное выступление против сильной и хорошо организованной австрийской социал-демократической партии, правые и левые лидеры которой в одинаковой степени осуществляли по поручению Антанты блокаду Венгрии. Более того, из недавно опубликованных документов выяснилось, что один из видных лидеров австрийской социал-демократии — Реннер сам настаивал перед Антантой на вооруженной интервенции против Венгерской Советской Республики.

В странах Антанты еще не было крупных коммунистических партий. Идеи коммунистической революции выражали только небольшие, не имеющие влияния на массы группы, и притом выражали довольно расплывчато. Несколько организаций, входящих во II Интернационал, назначили на 21 июля международную политическую забастовку, лозунги которой были направлены против вмешательства империалистов в дела Венгерской и Российской Социалистических Республик. Но эта забастовка была сорвана. Коминтерн в своем воззвании от 25 июля вполне справедливо указывал, что первым результатом этого предательства является подготовка империалистами нового штурма против героической Венгерской Советской Республики.

В такой международной обстановке, без всякой реальной поддержки венгерский пролетариат был не в состоянии больше четырех с половиной месяцев продолжать борьбу за сохранение той власти, которая и без того являлась не очень устойчивой.

III.

Из уроков венгерской пролетарской диктатуры прежде всего и больше всего заслуживают внимания те, которые связаны с вопросом: почему оказалась слабой власть пролетариата?

21 марта, когда провозгласили Советскую Республику, коммунистической партии было всего около четырех месяцев. Освободить широкие массы или, по крайней мере, решающие слои венгерского рабочего класса от традиций социал-демократии в течение этих четырех месяцев было невозможно. Еще меньше могла идти речь об организационном охвате тех слоев рабочих, которые стали ориентироваться на коммунистическую партию. Тем более, что арест и избиение (почти до смерти) руководителей коммунистической партии и союза молодежи, совершенные еще 21 февраля 1919 г., при участии и при живом одобрении со стороны правых и левых лидеров социал-демократии, а также разгром партийных организаций — все это на время парализовало незадолго до того начатую организационную деятельность партии.

За коммунистической партией стояли массы. Живая, пламенная революционная агитация, правильно выбранные, соответствующие моменту лозунги, смелые и беспощадные революционные выступления всколыхнули весь пролетариат и поставили социал-демократических лидеров, как правых, так и левых, в тяжелое положение. Однако эти массы организационно входили в профессиональные союзы и в социал-демократическую партию. Объединить их организационно в коммунистическую партию не представлялось еще возможным, хотя фактом основания такой партии они доказали бы, что умеют оценить значение и роль партии.

Положение осложнялось той особенностью структуры венгерского рабочего движения, что каждый член профсоюза являлся одновременно и членом социал-демократической партии. Обстановка была такой же, как и в норвежском рабочем движении, где даже значительная часть коммунистов оказала сильное сопротивление предложению об индивидуальном приеме в коммунистическую партию, а не коллективном, через профсоюзы. С членов профсоюза вместе со взносами в профсоюз взимались и взносы в социал-демократическую партию,

а исключение из социал-демократической партии означало исключение из профсоюза. Естественно, широкие массы рабочих крепко держались за свои профсоюзы, и коммунистическая партия — кроме небольшой ее части — своевременно осознала, что не следует бойкотировать профсоюзы, находящиеся под реформистским руководством, а необходимо завоевать их.

21 марта, после того как социал-демократические лидеры под нажимом масс и под влиянием внешнеполитической обстановки формально признали программу коммунистической партии, последняя объединилась с партией социал-демократов. И уже в этом объединении крылись зачатки падения диктатуры. Молодая, организационно еще не окрепшая коммунистическая партия, имея всего одного-двух руководителей с большим революционным опытом, почти бесследно растворилась в социал-демократической каше.

Иллюзия о том, что старых лидеров социал-демократии и профсоюзную бюрократию удастся в два счета отстранить от политического руководства и использовать только в хозяйственной области, должна была исчезнуть. Даже большая часть левых лидеров социал-демократии, из которых многие после падения диктатуры пролетариата стали хорошими коммунистами, в то время была тысячами нитей связана с правыми лидерами социал-демократии. В этой области мы, коммунисты, совершили целый ряд ошибок. Мы не проявили достаточно энергии, чтобы устранить социал-демократических лидеров с их постов. Ради левых социал-демократических деятелей мы пощадили правых. При этом у нас было очень немного коммунистов — руководителей и рядовых членов партии, имеющих за спиной стаж практической работы, прошлое и опыт, которые можно было бы противопоставить дезорганизующей деятельности лидеров социал-демократов, имевших большой опыт.

Тщетными оказались наши попытки исправить ошибку, каковой явилось объединение с социал-демократами. Коммунистическая партия растворилась в социал-демократической партии, а социал-демократическая партия растаяла, растворилась в рабочих Советах и различных советских учреждениях. В Венгрии во время диктатуры фактически не было организованной рабочей партии. Имелись профсоюзы, кооперативы, рабочие

клубы, была даже рабочая армия, только не было рабочей партии. На третьем месяце существования диктатуры обнаружилось, какие роковые последствия вытекали из этого обстоятельства. Особая трудность положения состояла в том, что даже среди коммунистов не все признавали эту ошибку. Было много коммунистов, утверждавших, что с образованием Советской Республики вообще исчезла надобность во всякой партии. «Рабочие Советы — все; надо упразднить даже профсоюзы» [1].

Вопросы о взаимоотношениях партии и Советов рабочих депутатов, партии и профсоюзов были запутанны и неясны еще долго после падения Венгерской Советской Республики. Вот почему тогда, естественно, в широких кругах не нашло отклика стремление создать вместо «растворенной» коммунистической партии и социал-демократической партии организованную, централизованную, дисциплинированную рабочую партию. Это было, впрочем, невозможно еще и потому, что война отнимала все силы и наша нелегальная организация (в которой уже участвовали и некоторые левые руководители профсоюзов) не могла достаточно энергично и быстро развернуть борьбу против лидеров социал-демократов.

Ввиду отсутствия коммунистической партии Советы рабочих депутатов и профсоюзы находились вне действенного руководства со стороны коммунистов. Профсоюзная бюрократия и старые чиновники, вступившие в социал-демократическую партию во время буржуазной революции, открыто вели саботаж в профсоюзах и советском государственном аппарате. Ясно, что саботаж стал возможен потому, что в учреждениях некому было сплотить под единым руководством и без того малочисленных коммунистов. В армии вследствие отсутствия необходимой организационной работы не имелось соответствующего командного состава, не проводилось соответствующей политической работы. Ввиду того, что после возникновения Советской Республики пришлось немедленно вступить в бой с регулярными армиями, нужно

---

[1] Профсоюзная бюрократия, отождествлявшая себя с профсоюзами, сумела эти нелепые выпады, направленные против профсоюзов, с успехом использовать перед рабочими массами против коммунистов.

было сразу же использовать офицерство старой армии. Из-за отсутствия организованного коммунистического руководства мы не могли заботиться о политическом контроле.

Непонимание сущности и роли партии дошло до того, что один из левых лидеров социал-демократии серьезно рекомендовал влить формально еще функционировавший Центральный секретариат партии в Народный комиссариат по внутренним делам на том основании, что последний призван руководить внутренней политикой Советской Республики.

В таких условиях положение социал-демократии, лидеров профсоюзов и связанных с ними буржуазных слоев чрезвычайно облегчалось. И, наоборот, руководящая деятельность тех, кто стремился сохранить пролетарскую диктатуру, в большинстве случаев стала неуверенной, ибо в их руках не было организации, способной к руководству.

Центрами рабочего движения становились профсоюзы, почти полностью сохранившие в хаосе первых недель революции свои старые формы. Именно профсоюзы являлись видимым представительством рабочего класса. В них-то и организовала социал-демократическая партийная бюрократия контрреволюцию. С помощью профсоюзов она использовала политический, военный и продовольственный кризис для свержения пролетарской диктатуры. А использовать для этого профсоюзы она могла ввиду отсутствия руководства и влияния коммунистической партии. Молодому рабочему России, получившему в готовом виде хорошо организованную, централизованную РКП(б), способную влиять на широкие рабочие и крестьянские массы, умеющую маневрировать и имеющую за собой большие революционные традиции и опыт, трудно понять и даже представить себе, что дело может обстоять иначе. На примере венгерской революции, сопоставляя этот пример с российским опытом, молодой рабочий может и должен научиться следующему.

1. Без коммунистической партии, без коммунистического руководства рабочий класс не может освободиться окончательно даже в том случае, если благодаря счастливому стечению обстоятельств власть окажется в его руках.

2. Социал-демократия, меньшевики стремятся свести дело революции к торжеству контрреволюции даже в том случае, если они принимают платформу Советской власти.

IV.

Второй основной причиной, приведшей Венгерскую Советскую Республику к гибели, была неразрешенность крестьянского вопроса — вопроса о земле. Венгрия, хоть и не в такой степени, как Россия, является прежде всего аграрной страной. Правда, она имеет развитую промышленность, пролетариат, состоящий из высококвалифицированных рабочих. Но главную массу ее населения составляют сельскохозяйственные рабочие, а также владельцы карликовых и небольших земельных участков. Структура земельной собственности в Венгрии приобрела «всемирную славу», ибо нигде, даже в России, распределение земель не было столь непропорциональным. Из общей площади пахотной земли в 1916 г. 35% приходилось на хозяйства размером больше 100 хольдов (50 десятин). Если же брать всю земельную площадь, то на крупные поместья приходится еще большая доля. Громадный процент среди населения, живущего сельскохозяйственным трудом, занимают не имеющие земли поденщики и батраки.

Советская Республика декретом от 3 апреля постановила, что все крупные и средние хозяйства со всем движимым и недвижимым инвентарем безвозмездно переходят в собственность Советского государства. Один из декретов, появившихся несколько позже, освобождал от экспроприации все хозяйства меньше 100 хольдов. Национализированная таким образом земля формально подлежала обработке кооперативами, но фактически управление этими национализированными хозяйствами осталось в тех же руках, что и прежде,— в руках управляющих крупными поместьями, и оно осуществлялось без участия заинтересованных крестьян. Часть сельскохозяйственных рабочих все-таки почувствовала, что пролетарская диктатура освободила их. Но безземельные сельскохозяйственные поденщики, бывшие временными рабочими в крупных имениях, земли не получили и поэтому не были заинтересованы в защите пролетарской диктатуры.

Таким образом, аграрная революция в Венгрии не была осуществлена. Часть крестьян смотрела на революционный переворот равнодушно, другая же часть их относилась к пролетариату прямо враждебно, отчасти потому, что не была удовлетворена, а отчасти и потому, что боялась реквизиций зерна. Только незначительная часть крестьянства сочувствовала революции, и еще меньшая — активно поддерживала ее. Часть руководителей Советской Республики настаивала на том, чтобы не дробить крупные хозяйства, ибо это угрожало якобы «непрерывности производства». Они догматически держались за этот фетиш и не хотели понимать, что революция по необходимости нарушает «непрерывность производства» и что без жертв пролетариат не сможет победить...

В широких массах пролетариата отсутствовало также понимание революционной роли крестьянства. Масса рабочих имела в виду только свои чисто потребительские интересы и не могла понять, что без удовлетворения крестьянства — а удовлетворить его можно только разделом земли — немногочисленный пролетариат не сможет сохранить власть в борьбе против внутреннего и внешнего врага. Вместо союза рабочих и крестьян, необходимого в интересах революции, создалась пропасть между рабочими и крестьянами — непоправимый урон для революции. Непонимание нэпа, которое проявилось в России в начале проведения этого курса экономической политики у небольшой группы членов коммунистической партии, в Венгрии приняло массовые масштабы. Вот почему не удалось не только активизировать широкие слои крестьянства в интересах революции, но даже нейтрализовать их. Без нейтрализации некоторой части крестьян и без привлечения их широких масс на сторону революции пролетариат не был в состоянии удержать власть.

Вот второй наиболее существенный урок венгерской пролетарской революции, урок, который молодое поколение революции должно серьезно усвоить.

V.

Третий важный урок венгерской пролетарской диктатуры стал уже, так сказать, общеизвестным. Он заключается в том, что пролетариат может произвести выбор только между двумя видами власти: диктатурой пролетариата или диктатурой буржуазии. В настоящее время излишне подробно разъяснять это тем, кто знает, что такое хозяйничанье Колчака в Сибири, Деникина на Юге. Господство Хорти продолжается вот уже пятый год. И это тем более необходимо отметить, что оно свидетельствует о возможностях буржуазной диктатуры продержаться не меньшее время, чем пролетарская диктатура.

Надо надеяться, что вслед за настоящей небольшой брошюркой вскоре будет написана обстоятельная история венгерской пролетарской революции, по которой российская рабочая молодежь получит возможность гораздо более систематически и полно усваивать уроки революции.

СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ — СОЮЗНИЦА СССР

К 5-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕНГЕРСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья, опубликованная в газете «Правда» 21 марта 1924 г.

Пять лет тому назад 21 марта улицы Будапешта кишели народом: пролетарские массы восторженно приветствовали переход власти в Венгрии к Советам рабочих и крестьян. 22 марта мы получили первое приветствие Ленина:

«Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм. Решения московского конгресса III, Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем вам как только возможно скоро. Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой.

С коммунистическим приветом и рукопожатием Ленин» [1].

Как оказалось, причиной некоторой сдержанности этого приветствия было подозрение Ленина, что сообщение о возникновении Венгерской Советской Республики является мистификацией социал-демократов. На подозрительное отношение настраивал, между прочим, тот факт, что почти все руководство Коммунистической партии Венгрии находилось в тюрьме. Правда, разговор между Москвой и Будапештом по радио рассеял опасения относительно возможности обмана, но опасения за судьбу молодой Советской Республики тем не менее оста-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 216.

лись. Известную сдержанность особенно внушали два обстоятельства: первое — это объединение коммунистической и социал-демократической партий и образование правительства из представителей обеих партий, а второе — это международное положение советских республик в то время.

Первое обстоятельство мы рассчитывали парализовать быстрым развитием революции и созданием таким образом безвыходного положения для социал-демократов. С 21 марта по 3 апреля, в течение двух недель, Венгерское Советское правительство в результате настойчивых требований коммунистов издало следующие важные декреты: распоряжение об организации Красной Армии и наборе в нее, о роспуске полиции, об организации революционных трибуналов, о национализации промышленных и горных предприятий и путей сообщения, о национализации жилых домов, о начале социализации кредитных предприятий, об установлении трудовой повинности и права на труд, о снижении квартирной платы и переселении пролетариев в квартиры буржуазии, о создании рабочих университетов и подготовительных курсов, о национализации магазинов, о национализации крупных и средних землевладений.

Опыт показал, что все эти декреты, создавшие и у Ленина впечатление о быстром переходе венгерской революции на коммунистические рельсы, не были, однако, в состоянии нейтрализовать последствия союза с социал-демократами.

Тем не менее тотчас же дало себя почувствовать большое международное значение провозглашения Советской Республики. Но тут же был и зародыш ее близкого падения. Международное положение Советской России и влияние, которое оказывала на него венгерская революция, лучше всего охарактеризованы следующими словами газеты французских империалистов «Тан»: «Политика Принцевых островов устарела, ибо в тот момент, когда мы пригласили Ленина на Принцевы острова, мы собирались разговаривать с ним как с побежденным. Но после эвакуации Одессы и после венгерской революции мы должны с ним разговаривать как с победителем».

А газета английской буржуазии «Дейли кроникл» писала в передовице, что положение в Венгрии серьезно, судя по тому влиянию, которое оно оказало на Румынию,

Польшу и Чехословакию. Во власти Ленина, писала газета, находится теперь Украина, и в Венгрии он получает гораздо более выгодный плацдарм для нападения на эти три государства.

Товарищ Чичерин на второй день после возникновения Советской власти в телеграмме на мое имя охарактеризовал положение Советской России и нашу роль в этом вопросе: «Тактика Антанты в настоящее время заключается не в посылке своих собственных войск против нас, а в том, что она толкает на войны других. Германия подчинилась воле Антанты и создала под руководством Гинденбурга новую армию в виде левого фланга против нас; польская армия является центром, а войска украинского Петлюры — правым флангом этой международной армии интервентов. Поэтому наше положение на западе тяжелое. Ввиду того, что украинские советские войска приближаются в настоящее время к Галиции, где положение уже революционное, мы находимся близко к нашему венгерскому союзнику, стоящему в тылу наших противников. Появление союзника в Средней Европе для нас чрезвычайно ценно».

Эта телеграмма была не очень ободряющей, тем более что мы знали: у Красной Армии сложилось затруднительное положение на Восточном фронте. Однако мы надеялись, что сможем отражать нападения румын и чехов хотя бы до тех пор, пока не установится связь с Россией через Галицию и пока не наступит возможность удалить из правительства тех из социал-демократов, которые оказались совершенно ненадежными союзниками.

Мы полагали, что установление территориальной связи с Советской Россией и быстрое развертывание революции обеспечат существование Венгерской Советской Республики. Но дальнейший ход событий показал, что без сильной единой коммунистической партии, не освободившись от мелкобуржуазных традиций социал-демократии, Советской Республике не удастся продержаться больше нескольких месяцев и дождаться соединения Красных Армий — российской и венгерской.

Не имея коммунистической партии, мы, коммунисты, были вынуждены делать одну за другой уступки социал-демократам. Больше всего колебаний возникло у нас по вопросу о земле, по этому наиболее острому вопросу. Землю мы национализировали, но не роздали крестьянам

и, следовательно, не удовлетворили пролетарские и полупролетарские элементы.

Телеграмма товарища Зиновьева, в которой он дал нашей партии весьма полезные советы по вопросу аграрной политики и в отношении привлечения крестьянства на свою сторону, отчасти запоздала, а отчасти не оказала влияния на доктринеров.

Внешнеполитическое положение было еще хуже. Ни в одной из соседних стран не было коммунистической партии, за исключением Австрии, где имелась слабая коммунистическая партия. Только в одной Югославии рабочий класс оказал некоторое сопротивление планам интервентов при самом возникновении Советской власти. Румынское боярство и чехословацкая буржуазия имели полную возможность организовать вооруженную интервенцию против Венгерской Советской Республики. Австрийская социал-демократия, лидерами которой были премьер-министр Реннер и министр иностранных дел Бауэр, напуганная революцией, умоляла Антанту, и особенно Чехословакию, вмешаться. В Германии силы коммунистической партии были связаны, а «независимые» социал-демократы не шли дальше выражения платонических симпатий, которые исчезли, как только Советская Республика показала некоторыми своими мероприятиями, что она серьезно берет курс на коммунистическую революцию. В общем, Венгерская Советская Республика уже в момент своего возникновения оказалась изолированной, не имея реальной помощи извне.

Как известно, толчок провозглашению Советской Республики дала нота Антанты, требовавшая от Венгрии отказа от территорий, на которых жили не угнетенные венгерским феодальным дворянством и буржуазией национальности, а почти коренное мадьярское население. Пацифистское правительство графа Каройи, не решавшееся признать право народов на самоопределение, получив ноту, отказалось от власти, не желая брать на себя ответственность за уступку территорий, населенных венграми. Возникновение Советского правительства в таких условиях вызвало у интеллигенции и у части офицерства «национал-большевистские» настроения. Поэтому-то венгерская буржуазия и не оказывала вначале никакого сопротивления пролетарской диктатуре. Внешняя политика Советского правительства вследствие всего этого была

неуверенной. Если правительство хотело парализовать контрреволюционные силы внутри страны, оно должно было учитывать эти «национал-большевистские» настроения. Колебаниям правительства способствовало и сознание того, что для продолжения войны у него нет сил и что оно не может рассчитывать на поддержку пролетариата только что освободившихся от национального гнета соседних государств. Поэтому лавирование в области внешней политики превратилось в сплошное шатание без всякого определенного твердого курса.

Вот в такой обстановке пять лет тому назад венгерский пролетариат начал свой тяжелый путь борьбы за власть. Эта борьба богата не только героическими боевыми эпизодами. Она дала ценный опыт международному пролетариату. И самое главное состоит в том, что венгерский пролетариат оказал громадные услуги международной революции и ее бастиону — Советской России.

Главнокомандующий военными действиями против Венгрии — монархист генерал Франше д'Эсперэ пишет в своих мемуарах, что он как раз закончил составление плана военных действий против России и начал подготовлять переброску своих войск через Бессарабию, когда в Венгрии вспыхнула пролетарская революция, которая расстроила планы французской военной партии против России.

Не менее ценны уроки, констатированные II конгрессом Коминтерна. Эти уроки относятся прежде всего к роли коммунистических партий после захвата власти, к оценке социал-демократии. II конгресс Коминтерна учитывал эти уроки, но, к сожалению, они до сих пор еще недостаточно усвоены всеми, в частности в вопросе о роли социал-демократии, как это показывают события в Германии.

Вот уже больше четырех лет венгерский рабочий класс изнывает под гнетом режима Хорти и венгерской социал-демократии. Мучаясь, истекая кровью, пролетариат формирует организованный коммунистический авангард, который должен повести его к новым боям, к новой революции.

Четыре с половиной месяца, в течение которых венгерский пролетариат боролся за власть, не только принесли пользу Коминтерну, но и обогатили революцион-

ным опытом венгерский рабочий класс, который в настоящее время еще не в состоянии предпринять самостоятельные действия, так как еще не оправился после поражения. Но волны забастовок, выступления все новых и новых коммунистических групп уже показывают, что скоро он сможет стать в боевые ряды международного пролетариата и заклеймит лидеров II Интернационала, принимавших столь активное участие в свержении Венгерской Советской Республики.

ИЗУЧАТЬ КРЕСТЬЯНИНА!

ЗАМЕТКИ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

Опубликованы в журнале «Уй марциуш», IX, 1925 г.

Из того наследства, которое в виде уроков оставила после себя диктатура пролетариата в Венгрии, самым ценным с точки зрения промышленных рабочих является осознание важности крестьянского вопроса. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время каждый более или менее сознательный рабочий — считающий себя коммунистом или же готовящийся стать им — знает и признает, что непременным условием победы пролетариата в классовой борьбе является революционный союз рабочего класса и крестьянства. Значительные круги промышленных рабочих понимают — и это опять-таки не преувеличение,— что руководящая роль в таком союзе, в совместной борьбе двух трудовых классов, принадлежит пролетариату. Организованные коммунисты или люди, не состоящие еще в коммунистической партии потому, что не нашли пути к скрывающимся в подполье ее организациям, должны, кроме того, знать, что в рабочем классе, ведущем за собой трудовое крестьянство, руководство должно осуществляться коммунистической партией.

Спрашивается, достаточно ли знать только это, чтобы коммунисты могли создать основанный на взаимном доверии, а следовательно, прочный революционный союз пролетариата и крестьянства? Достаточно ли этого, чтобы промышленные рабочие могли вести за собой крестьянство? Для того чтобы вообще им можно было руководить, необходимо вырвать беднейшее крестьянство из-под влияния крупных землевладельцев. Крупные землевладельцы с помощью среднепоместного дворянства,

интеллигентов — выходцев из рядов джентри, кулаков, обработанных депутатов от партии мелких сельских хозяев и разного рода подкулачников крепко ведут крестьянство на поводке, каждая нить которого свита из его жил. Достаточно ли этого, чтобы коммунисты могли проводить правильную политику в интересах крестьянства, и, опираясь на нее, развернуть действенную агитационную и организационную работу среди беднейшего крестьянства в целях создания и укрепления революционного союза рабочих и крестьян? Мы думаем, что недостаточно! Далеко не достаточно! И чтобы убедиться, насколько недостаточно, венгерским коммунистам не нужно далеко ходить за примером. Стоит лишь изучить крестьянскую политику диктатуры пролетариата в Венгрии, и мы сразу получим ответ.

Рабоче-крестьянский союз на первом и втором этапах венгерской революции

В агитационной кампании, развернутой Коммунистической партией Венгрии в первый период пролетарской революции (до прихода к власти), лозунг революционного союза рабочих и крестьян неизменно провозглашался. Вот свидетельствующая об этом цитата:

«Противоречия между городом и деревней созданы основанным на частной собственности капиталистическим производственным строем, который возвел китайскую стену между промышленным и сельскохозяйственным пролетариатом. Эту стену пролетариат может снести лишь в непосредственной политической борьбе против частной собственности и капиталистического способа производства».

Многие факты свидетельствуют о том, что Коммунистическая партия Венгрии своей широкой пропагандой в течение почти четырех месяцев, предшествовавших захвату власти, своими лозунгами в пользу союза рабочих и крестьян и призывами к революционному захвату земли завоевала симпатии самых широких слоев беднейшего крестьянства. (На съезде союза сельскохозяйственных рабочих в январе 1919 г., несмотря на сопротивление всего бюрократического аппарата союза, удалось создать небольшую коммунистическую фракцию, причем никакой

предварительной работы перед съездом не проводилось; побывавшие в России крестьяне еще до установления диктатуры пролетариата стали играть ведущую роль во многих селах; в Бодрогкезе, в Закарпатской Украине, области Хайду и в других местах образовались коммунистические крестьянские организации, которые революционным путем брали землю в свои руки.)

На втором этапе венгерской революции (после провозглашения Советской Республики) Советское правительство затянуло урегулирование земельного вопроса. Кроме того, его решили без учета стремлений крестьянства — крупные земельные владения не были поделены между крестьянами. Все это говорит о том, что революционный лозунг союза рабочих и крестьян не занимал еще в сознании рабочего класса, в политике и агитационной работе коммунистов того места, которое он должен занимать в стратегии пролетарского государства в силу своего решающего значения.

Вместо укрепления складывавшегося союза рабочих и крестьян ошибочная аграрная политика диктатуры пролетариата привела к обратным результатам — к переходу крестьянства на сторону контрреволюции. Такая политика была обусловлена следующими коренными ошибками:

1. Неправильные установки власти. Советское правительство ставило во главу угла соображение (а правильнее, иллюзию) о «непрерывности сельскохозяйственного производства» и не считалось с реальной необходимостью удовлетворить интересы беднейшего крестьянства путем раздела крупных землевладений и тем самым сделать широкие крестьянские массы кровно заинтересованными в сохранении любой ценой Советской власти. (Превращение крупных землевладений в кооперативные, а в действительности в государственные предприятия породило среди батраков мнение, что революционное преобразование выразилось лишь в превращении их «из помещичьих батраков в государственных». Задержка с разделом земли не только вызвала среди малоземельных крестьян и середняков недовольство, но и создала представление, будто пролетарское государство намерено отобрать и их земельные участки.)

2. Коммунисты, не говоря уже о социал-демократах, недооценили роль и значение крестьянства в венгерском

обществе, в экономике страны и вообще недооценили значение крестьянства. Они не считались с тем, что в Венгрии сельское население составляло значительное большинство населения.

3. Советская власть Венгрии недооценивала революционное значение крестьянства и возможности его революционизирования. Не поняв должным образом природу расслоения крестьянства, она искала союзников лишь в батраках и сельскохозяйственных рабочих и тем самым заведомо сужала резервы революции. В малоземельных крестьянах и середняках она видела лишь товарного производителя, который продает свою продукцию, и в результате его интересы приходят в противоречие с интересами пролетария — потребителя. Она видела лишь то, что отделяет крестьян от пролетариев, не замечая, что феодальная система крупных землевладений, обусловленная этим политика правящих классов, многовековое угнетение и эксплуатация сделали указанные слои союзниками рабочего класса и что такой союз может быть немедленно реализован путем проведения рабочим классом соответствующей политики в отношении крестьян, и в первую очередь путем раздела земли.

4. Недооценка революционного значения крестьянства и вообще его веса в обществе привела к недооценке рабочим классом удельного веса крестьянства как одного из союзников в рабоче-крестьянском блоке и его специфического значения внутри союза. Вследствие этого рабочий класс не сумел правильно определить место и роль крестьянства в союзе. В результате промышленный рабочий класс помимо отказа от раздела земли требовал проведения таких мероприятий (а в некоторых районах целый ряд подобных решений был осуществлен), которые вообще не учитывали интересы крестьянства и делали еще более невозможным создание союза, основанного на взаимном доверии. Это привело и к тому, что способы и формы работы среди крестьянства (пропаганда и агитация) также способствовали отчуждению крестьянства.

Теоретической базой всех перечисленных выше ошибок был неправильный в своей основе, но по тем временам понятный взгляд, согласно которому развитие сельского хозяйства по пути социализма является механическим и прямым продолжением капиталистического развития сельского хозяйства. Т. е. господствовал тот взгляд,

будто при диктатуре пролетариата просто должно продолжаться поглощение мелкотоварных хозяйств крупными хозяйствами, которые находятся уже не в частной, а в государственной собственности [1].

Итак, венгерские коммунисты и венгерский рабочий класс на первом и особенно на втором этапах пролетарской революции в Венгрии не могли наполнить лозунг рабоче-крестьянского союза таким конкретным экономическим и политическим содержанием, которое обеспечило бы действительное претворение в жизнь этого лозунга. Они не сумели найти политические, организационные и агитационные методы и формы сближения с крестьянством. Вследствие этого не удалось повести крестьянство как революционного союзника и резерв революции на борьбу под руководством пролетариата в защиту пролетарской диктатуры. Напротив, значительные слои крестьянства стали резервом контрреволюции. Короче говоря, коммунисты и венгерский рабочий класс на первом и втором этапах пролетарской революции не смогли обеспечить руководство венгерским крестьянством.

Как создать новый союз?

И что нужно сделать для того, чтобы рабочий класс мог на новом этапе революции обеспечить руководство крестьянством?

Как известно нам из собственной истории, для этого недостаточно лишь знать, что классовое положение рабочего класса, его сосредоточенность в городах, его боевое прошлое обеспечивают ему руководящую роль в любой борьбе против капитализма и, разумеется, в борьбе против пережитков феодализма; а следовательно, он должен осуществлять и руководство крестьянством. Это-

---

[1] Эволюция аграрного вопроса в России после революции и особенно после введения нэпа показывает, что социалистическое развитие сельского хозяйства при диктатуре пролетариата происходит не в форме концентрации предприятий на основе экспроприации крестьянства и его разорения, а путем объединения хозяйств крестьян, претензии которых на землю удовлетворяются и уровень благосостояния и культуры которых значительно повышается. Переход к крупным хозяйствам на основе такого объединения крестьянства, естественно, происходит по возможности медленно, и объединение крестьян в кооперативы осуществляется не путем декретирования, а путем убеждения в преимуществах ведения крупного хозяйства. Незадолго до своей смерти это особо подчеркивал Ленин, опиравшийся на накопленный в последнее время опыт.

го недостаточно, даже если мы, извлекая уроки из ошибочной, неправильной аграрной политики диктатуры пролетариата, будем теперь проводить правильную, единственно правильную линию на раздел земли и сделаем конфискацию крупных землевладений и бесплатный раздел их между крестьянами, а также лозунг рабоче-крестьянского союза основными лозунгами партии и рабочего класса.

Рабоче-крестьянский союз в Венгрии осуществляется не путем договора или союза между двумя партиями — рабочей и крестьянской. Рабоче-крестьянский союз осуществляется в результате борьбы рабочего класса за интересы крестьянства, в результате руководящей деятельности коммунистов в совместной борьбе за общие цели двух классов, в борьбе, сближающей интересы двух классов. (Это, естественно, не исключает возможности заключения коммунистами в интересах революции и в конкретных целях боевого союза с какой-либо крестьянской партией или крестьянской организацией.)

Политика социал-демократической партии и крестьянских партий была направлена на то, чтобы отделить рабочий класс от крестьянства. В интересах сближения двух классов необходимо, чтобы рабочий класс под руководством коммунистов проводил такую политику, которая в целом и в частностях, в отношении дальних и ближних целей соответствовала бы интересам беднейшего крестьянства. Таким путем можно добиться популяризации среди крестьянства идеи союза с рабочим классом. Разумеется, не в меньшей мере надо стремиться и к популяризации идеи союза среди рабочих — путем показа общности основных экономических и социальных интересов с крестьянством.

Помимо сближения рабочих и крестьян перед коммунистами и вообще перед рабочими стоят еще две основные задачи, касающиеся создания союза с крестьянством.

Первая задача вытекает из того, что коммунисты стремятся заключить с крестьянством не вообще какой-то союз, а союз с революционными целями — даже в том случае, если не во все моменты революции применяются те средства, которые являются специфическими средствами бурного периода революции, и даже тогда, когда лозунги конкретных акций содержат требования, лишь

частично являющиеся революционными. Таким образом, задача состоит в том, чтобы завоевать крестьянство для революции. Путем терпеливой, упорной работы, на примерах из живой действительности надо убеждать крестьян в том, что предложенный коммунистами путь есть единственный путь, ведущий к цели.

Вторая: необходимо убедить крестьянство в том, что рабочий класс стремится осуществлять над ним руководство не ради самого руководства. Надо убедить крестьянство, что в его интересах, чтобы рабочий класс вел совместно с ним борьбу за землю, за заводы и фабрики, за освобождение угнетенных и эксплуатируемых, против капитализма.

Это означает, что задолго до того, как партия пролетариата — коммунистическая партия даст сигнал к штурму в революционной борьбе, требуется путем повседневных боев, частичных требований завоевать доверие крестьянства к целям коммунистов, к их методам и средствам борьбы. Необходимо на основе использования опыта диктатуры пролетариата, в том числе негативного опыта, создать атмосферу доверия между рабочим классом и крестьянством. Подобно тому как коммунисты не ограничиваются борьбой за конечные цели, а возглавляют движение масс за осуществление повседневных требований рабочих, выдвигая частичные требования и проводя частичные акции, так и борьба за повседневные интересы крестьянства должна стать предметом постоянной деятельности коммунистов и рабочего класса. Лишь на пути повседневных боев за удовлетворение частичных требований может быть восстановлен союз рабочего класса и крестьянства. И именно на основе доверия, обретенного в этих повседневных боях, он может превратиться в революционный боевой союз под руководством коммунистов.

Для осуществления указанных двух задач необходимо, чтобы коммунисты и руководимые ими массы промышленных рабочих не довольствовались осознанием важности крестьянского вопроса и революционного значения крестьянства, не довольствовались пониманием того, что аграрный вопрос, крестьянский вопрос, является одним из центральных вопросов венгерской революции. Коммунистам, рабочим необходимо вникать в детали крестьянского вопроса: следует уделять величайшее

внимание условиям жизни крестьянства, начиная с изменений в структуре крестьянства, его горестям и бедам.

Только путем постоянного внимания к таким деталям можно проверять на оселке действительности правильность ближайших целей и методов коммунистической крестьянской политики, в том числе правильность средств и методов пропаганды и агитации. Только так, путем применения методов работы, основанных на тщательном изучении деталей, можно добиться, чтобы требования коммунистов в защиту интересов крестьянства не только нашли отклик в крестьянских массах, но и убедили их в том, что они нуждаются в руководстве, и именно в руководстве со стороны промышленного рабочего класса. Для того чтобы руководить, рабочие должны лучше знать крестьянина, знать так, как крестьянин знает самого себя. Нужно проникнуть в самую глубину души крестьянина, чтобы понять его основные повседневные интересы и, опираясь на это, не торопясь, постепенно вовлекать крестьян в революционную борьбу за общие интересы.

Мы не достигли этого на первом и втором этапах революции. Мы не знали достаточно хорошо крестьянина. Вот почему во многом недооценивавшееся нами крестьянство на весах революции и контрреволюции оказалось на чаше контрреволюции. Для того чтобы рабочий мог учить крестьянина и руководить им, он должен изучать крестьянина.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ЛЕНИН И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА В ВЕНГРИИ»

1927 г.

Эту небольшую, составленную товарищем Натонеком брошюру, содержащую высказывания Ленина по поводу диктатуры пролетариата в Венгрии, мы предлагаем вниманию читателей как ценный вклад в освещение вопросов пролетарской революции в Венгрии и вообще пролетарской революции.

Настало время обобщить для коммунистических партий опыт и уроки пролетарской диктатуры в Венгрии. Это надо сделать потому, что все более сказывается относительный характер частичной стабилизации капитализма, а также потому, что пролетарская революция в Венгрии, которая для венгерского пролетариата отнюдь не превратилась просто в памятное историческое событие, будет во все возрастающей степени являться движущей силой новой венгерской революции. Таким образом, в недалеком будущем уроки революции как оружие новой революции безусловно потребуются всем коммунистам, и особенно тем из них, кто служит делу мировой революции в Юго-Восточной Европе. Во всяком случае, настало время, когда коллективный труд венгерских коммунистов сделает этот опыт общим достоянием международного пролетариата. В настоящее время завершается сбор материалов, необходимых для научной разработки великой истории революции. А до тех пор, пока это будет сделано, целесообразно разработать отдельные частные вопросы. Такую полезную работу проделал товарищ Иштван Натонек, который собрал все, что говорил или писал Ленин о пролетарской революции в Венгрии, и, переведя

эти материалы на венгерский язык, сделал их доступными для пролетарских читателей.

Излишне говорить, что каждое слово великого вождя мировой революции имеет решающее значение с точки зрения критической оценки революции. Особую ценность для нас представляют те места, где иногда содержится критика революции, критика наших методов и политики. Эта критика гораздо мягче, чем наша самокритика, и несравненно мягче, чем критика со стороны многих коммунистических и некоммунистических «критиков» пролетарской революции в Венгрии. Мягче именно потому, что стоящий на недосягаемой высоте великий революционер отличался от многих критиков нашей революции также и тем, что ни на мгновение не сомневался в правильности захвата власти и что его вера в будущее венгерской пролетарской революции ни на секунду не была поколеблена. Вот чем критика Ленина в основном отличается от «суждений» тех, кто во время и после пролетарской диктатуры считали вообще неправильным захват власти, или тех, кто после падения пролетарской диктатуры прикрывают критикой свое неверие в будущую венгерскую революцию.

Поэтому данная брошюра имеет важное значение для венгерского читателя. Она дает отправную точку, указывает направление, как нужно критиковать и как следует по достоинству оценивать тот период революции венгерского пролетариата, когда он взял власть в свои руки и сумел в течение нескольких месяцев защищать ее от внутренней и внешней контрреволюции.

За этой брошюрой наверняка последуют другие, посвященные истории диктатуры пролетариата в Венгрии. Они послужат обогащению идеологического арсенала международного коммунистического движения.

ПИСЬМО КОМАНДОВАНИЮ КРАСНОЙ АРМИИ

Опубликовано в журнале «Уй марциуш», X—XI, 1927 г.

Эту награду, высшую награду первого отряда мировой пролетарской революции, я принял не только от своего имени, но и от имени тех венгерских рабочих и крестьян, которые боролись вместе со мной, рядом со мной на фронтах русской и венгерской пролетарских революций.

В первую очередь от имени Тибора Самуэли [1], который был самоотверженным и неустрашимым борцом обеих революций и образ которого навечно запечатлен в сердцах пролетариев двух стран. От имени тех венгерских рабочих и крестьян, которые в 1917 г. сражались под Нарвой, на Урале, в Сибири, которые пали на поле битвы или стали жертвами палачей международной контрреволюции. От имени Лигети [2], Яроша [3], Рейнера [4],

[1] *Самуэли Тибор* (1890—1919) — выдающийся борец венгерского рабочего и коммунистического движения, один из руководителей Венгерской Советской Республики 1919 г. В период первой мировой войны был в плену в России, где вел революционную агитацию среди венгерских военнопленных. Во время гражданской войны участвовал в организации интернациональных частей, был одним из руководителей венгерской группы при ЦК РКП(б). Вернувшись на родину, принимал участие в организации венгерской компартии, являлся членом ее ЦК, редактировал центральный орган компартии газету «Вёрёш уйшаг». В период Венгерской Советской Республики — заместитель наркома обороны, затем — нарком просвещения. Став комиссаром революционных трибуналов прифронтовых районов, вел непримиримую борьбу против сил контрреволюции. После падения Советской власти при попытке перехода австрийской границы погиб.— *Ред.*

[2] *Лигети Карой* (1890—1919) — рабочий-слесарь. В 1916 г. попал в русский плен. В 1917 г. вступил в ряды большевистской партии, вел организаторскую работу в Омске среди военнопленных.

Винермана[5], этого бывшего рабочего-жестянщика, ставшего командиром партизанского отряда, и от имени многих других, которых перечислить невозможно, но которые пожертвовали самым дорогим — жизнью, сражаясь на различных фронтах в рядах Красной Армии России.

Я принимаю эту награду от имени рабоче-крестьянских полков славной Красной Армии потопленной в крови Венгерской Социалистической Республики, от имени той армии, которая отражала атаки в самое грозное для русской революции время, неся на своих штыках мировую революцию. От имени Енё Ласло, Отто Корвина, Арпада Керекеша и многих других, ставших после поражения нашей революции жертвами чудовищного белого террора.

Я рассматриваю эту высокую пролетарскую награду и как предназначенную также нашей партии, Коммунистической партии Венгрии, той партии, которая, находясь в подполье, высоко держит обагренное кровью побежденной революции красное знамя новой революции. Я принимаю эту награду от имени Матиаса Ракоши, Золтана Санто, венгерского батрака Кочиша и многих других томящихся в тюрьмах наших героев. Я принимаю эту награду и от имени тех, кто в рядах Коммунистической партии Венгрии ведет в подполье борьбу в хортистской Венгрии ради того, чтобы новая Красная Армия новой Венгерской Советской Республики соединилась с рабоче-крестьянской Красной Армией Советского Союза.

Один из организаторов интернациональных частей Красной Армии. В начале 1918 г. в Омске под его редакцией стала выходить газета «Форрадалом» («Революция»). Героически сражался за победу Советской власти в Сибири. Тяжело раненный, был захвачен в плен и в 1919 г. казнен белогвардейскими палачами.— *Ред.*

[3] *Ярош Бела* (? — 1918) — в 1915 г., будучи офицером австро-венгерской армии, попал в русский плен. В 1917 г. вступил в ряды РКП(б), принимал участие в организации отрядов Красной гвардии. В 1918 г. был схвачен белогвардейцами и казнен.— *Ред.*

[4] *Рейнер Карой* (? — 1918) — юрист. В первую мировую войну попал в русский плен. В 1917 г. вступил в ряды большевистской партии. В ноябре 1918 г. был схвачен белогвардейцами и убит.— *Ред.*

[5] *Винерман Енё* (? — 1918) — рабочий-жестянщик. В первую мировую войну попал в русский плен. После 1917 г. принял участие в организации частей Красной гвардии. Геройски погиб во время гражданской войны.— *Ред.*

И, наконец, я принимаю ее от имени тех, кого белый террор разбросал по всему свету, но кто продолжает борьбу на различных фронтах мировой революции, не забывает о Коммунистической партии Венгрии и поддерживает ее неустанную героическую борьбу.

Я принимаю от Сергея Сергеевича Каменева орден Красного Знамени в сознании того, что впредь я буду не в меньшей степени его достоин, чем в прошлом, в твердой уверенности, что я смогу еще передать этот орден Красной Армии венгерских рабочих и крестьян.

С коммунистическим приветом.

ЧЕРЕЗ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ГАЗЕТОЙ «ВЁРЁШ УЙШАГ»

Опубликованы в журнале «Уй марциуш», III, 1928 г.

Подшивка газет, отпечатанных плохими красками на плохой бумаге. Но в них чувствуется такое биение пульса революции, как ни в одной революционной газете со времен Марата. Плохие краски блекнут на плохой бумаге, но не может замереть пульс революции и иссякнуть яркий источник света, освещающий традиции и уроки революции для венгерских рабочих и крестьян-бедняков... Читая эту газету, отпечатанную плохими красками на плохой бумаге, чувствуешь, что живешь между двумя Мартами [1]...

«Тщетно нас пытаются душить!» — гласит передовица одного из январских номеров газеты, призывающая к революционному сопротивлению и натиску на венгерских буржуа и социал-демократов. И теперь, девять лет спустя, сколько бы ни пытались душить, консолидировать, санировать, избивать, арестовывать, венгерский пролетариат живет, растет, трудится, борется, терпит поражения и вновь сплачивает свои силы, вновь борется; неизменно борется и революционный хозяин выходившей девять лет назад газеты «Вёрёш уйшаг» — Коммунистическая партия Венгрии.

Мы не начинаем снова — мы никогда не прекращали борьбу. Бои, начатые более девяти лет назад Коммунистической партией Венгрии, ее победы и поражения на-

[1] Имелось в виду, что вслед за пролетарской революцией в марте 1919 г. наступит новая победоносная социалистическая революция, символически называемая мартовской.— *Ред.*

столько потрясли основы венгерского общества, что они никогда не смогут быть восстановлены в том виде, в каком существовали до того, как девять лет назад мы приступили к их разрушению. Политика консолидации, проводимая господствующими классами — помещиками и капиталистами, направлена на восстановление довоенного соотношения классовых сил, на восстановление дореволюционного общественного строя. Социал-демократический мотив лозунга политики консолидации: давайте и мы возьмемся за восстановление — за восстановление дореволюционных методов рабочего движения и дореволюционного положения рабочего класса. Ни то, ни другое не осуществимо. И то и другое заклеймено не только как реакционный, но и как утопический лозунг, заклеймено тем, что произошло девять лет назад — 21 марта, когда пролетариат, взяв власть и осуществляя в течение четырех с половиной месяцев диктатуру, навечно определил направление развития венгерского общества и соотношение классовых сил — или диктатура пролетариата, или диктатура буржуазии.

Напрасно консолидируются, напрасно стремятся «начать снова». Рабочий класс, который стоял у власти, изменился. Мелкая буржуазия, считавшая после падения диктатуры, что она пришла к власти, изменилась. Изменилось и крестьянство, которое принимало участие в осуществлении власти и знает, что землю можно получить безвозмездно, более того, что ее можно получить только безвозмездно. На этом фундаменте — на рабочем классе, крестьянстве и даже на городской мелкой буржуазии — нельзя больше уверенно создавать буржуазный общественный строй. С тех пор как пролетариат — ведущий класс всего трудового народа, всех слоев трудящихся — пришел к власти, а затем лишился ее, буржуазный строй в Венгрии можно строить лишь вопреки воле этих слоев.

Можно принять закон «об узаконенных смертных приговорах», можно заключить соглашение между правительством и социал-демократической партией о прекращении взаимных упреков за диктатуру пролетариата и белый террор. Можно вновь и вновь квалифицировать как предательство и наказывать тюрьмой даже упоминание о диктатуре, о 21 марта и о том, что ему предшествовало,— о борьбе за власть! Однако то, что последовало после этого — борьба за создание условий для стро-

ительства социализма,— так изменило общество Венгрии, что его невозможно восстановить в дореволюционном виде, как невозможно восстановить и дореволюционные методы классовой борьбы.

Борьбу можно лишь продолжать! Продолжать борьбу Коммунистической партии Венгрии за власть. Продолжать борьбу, будучи теперь уже обогащенными опытом, за создание условий для социалистического строительства, за новую пролетарскую диктатуру. Тот, кто не продолжает, а вновь начинает борьбу, как предлагает социал-демократия, на самом деле не ведет борьбу, а идет на сговор с врагом, капитулирует перед ним. Но продолжение борьбы не означает, что ее надо вести точно так же, как она была в свое время начата. А это, с другой стороны, не означает, что методы, тактика, средства и формы борьбы во всем должны отличаться от прежней борьбы венгерской партии коммунистов, венгерского пролетариата. Девять лет, прошедшие со времени победоносного 21 марта, были для всех боевых венгерских коммунистов периодом самокритики, острой и беспощадной самокритики, периодом выявления ошибок. Мы вскрыли ошибки пролетарской диктатуры: растворение коммунистической партии в аморфных социал-демократических массах, роковой изъян крестьянской политики — задержку с разделом земли. Мы поняли, что диктатура пролетариата является более длительным переходным периодом между капитализмом и социализмом, чем это думали в свое время. Мы поняли, что социалистическое строительство проходит не в форме «немедленного установления социализма», как раньше думали, а в форме длительной борьбы социалистической экономики под руководством находящегося у власти пролетариата с капиталистическими пережитками. Мы поняли и многое другое из нашей собственной истории, поняли свои ошибки и накопили сокровищницу опыта, имеющую большую ценность с точки зрения грядущих боев пролетариата.

Однако теперь, по прошествии девяти лет, самое время отметить, что самокритика не есть самобичевание, что пролетариат и беднейшее крестьянство могут учиться

не только на ошибках, но и на позитивном опыте диктатуры венгерского рабочего класса.

Только тот превращает самокритику в самобичевание, кто видит не ошибки пролетарской диктатуры, а считает ошибкой саму диктатуру. Самобичеванию пусть предаются те, кто не только считает, что во время взятия власти 21 марта Коммунистическая партия Венгрии совершила ошибки, которые она вследствие давления международного империализма не имела времени исправить, но и что захват власти был историческим заблуждением венгерского пролетариата, что ошибкой было само провозглашение диктатуры. Кто так думает, пусть занимается самобичеванием, пусть открыто или тайно просит у венгерской буржуазии и международной социал-демократии отпущения грехов.

21 марта и предшествовавшие ему полные революционного размаха бои Коммунистической партии Венгрии, свидетельствующие о ее беспредельной находчивости в политике и умении использовать силы масс, являются образцом революционной тактики. Можно учиться не только на ошибках, но и на положительном опыте, заключающемся в том, что Коммунистическая партия Венгрии до захвата власти не упустила ни одного случая, который можно было использовать для усиления борьбы за власть, и не упустила возможности захвата власти. Не только история всего рабочего движения за девять лет, истекшие после 21 марта 1919 г., но и истории отдельных коммунистических партий показывают, что таких партий было не много в Коммунистическом Интернационале и такой тактики мало кто придерживался. Помимо ошибок, которые за истекшие девять лет мы вскрыли острым скальпелем самокритики, необходимо поставить на службу венгерскому и международному пролетариату всю нашу историю. Не только ради исторической правды, а как урок на будущее, чтобы мы и впредь проникали в массы так, как это делала Коммунистическая партия Венгрии, чтобы мы и впредь так поднимали массы, как это делала Коммунистическая партия Венгрии, чтобы мы и впредь не упускали ни одного случая для усиления борьбы масс за власть, как их не упускала Коммунистическая партия Венгрии.

История Коммунистической партии Венгрии не прекратилась во время пролетарской диктатуры. Мы вскоре в период диктатуры заметили свою ошибку, которая уже на первом этапе диктатуры безусловно стала роковой для венгерской пролетарской революции,— растворение Коммунистической партии Венгрии в аморфных массах социал-демократии и вследствие этого непомерное усиление профсоюзной бюрократии, этой самой организованной силы контрреволюции. В одном из номеров «Вёрёш уйшаг», вышедшем в период пролетарской диктатуры, рассказывалось о курсе, который мы предложили в одном из докладов в целях исправления совершенной 21 марта ошибки.

«Итак, необходимо отделить профсоюзы от партийных организаций, нужно создать чисто пролетарскую партию, нужно укрепить ее, сделать более прочной, здоровой и дисциплинированной, чтобы эта пролетарская партия, опираясь на прочную идейную основу, проводила свою политику в административных и хозяйственных органах пролетарской диктатуры. Организации партии должны быть организациями авангарда пролетариата. Организации этой партии должны играть роль принципиального и идейного руководителя во всех организациях рабочего движения и в революционной диктатуре пролетариата, являющейся венцом всего рабочего движения».

Прошло почти девять лет с тех пор, как это выступление прозвучало на II конгрессе Коминтерна, когда в ходе широкой дискуссии началось уточнение роли коммунистической партии (за добрых пять-шесть лет до того, как был провозглашен лозунг большевизации). Внешнее империалистическое давление, война, нагромождение экономических трудностей, недостаточный опыт и нехватка революционных сил не позволили осуществить во время диктатуры план, имевший целью организационно воссоздать Коммунистическую партию Венгрии. Разумеется, никто не питал иллюзий в отношении того, что воссоздание коммунистической партии могло пройти путем «мирной перестройки» социалистическо-коммунистической партии. В принятии 21 марта предложения социал-демократов об объединении партий решающую роль сыграло предположение, что русская Красная Армия уже под Тарнополем и что с русской помощью удастся выбросить из объединенной партии тех лидеров со-

циал-демократии, которые не склонны проводить политику диктатуры в нашем понимании. Осуществлению этого помешали неудачи на фронтах. Кроме того, наступление империализма Антанты положило конец движению, имевшему целью сформировать коммунистическую партию из аморфной массы, которую представляла из себя объединенная социалистическая, а потом социалистическо-коммунистическая партия, а затем свернуть шею профсоюзной бюрократии и захватить руководство профсоюзами. Этот план строился в расчете на поддержку со стороны организованных слоев пролетариата, в расчете на доверие рабочих предприятий, в первую очередь крупных будапештских предприятий (Чепель, вагоностроительный завод Ганц, Альбертфалва). Указанная задача будет выполнена Коммунистической партией Венгрии — этим преследуемым, но никогда не прекращающим борьбы передовым отрядом пролетариата — в последующий период. Необходимо добиться отделения профсоюзов от социал-демократической партии, необходимо завоевать профсоюзы, оторвав их от социал-демократической бюрократии, нужно добиться осуществления коммунистического руководства профсоюзами и всем рабочим движением. Партия должна сделать себя более сильным и более стойким, единственным вожаком масс, чтобы возглавляемый коммунистами рабочий класс мог стать руководителем всех трудовых слоев, в первую очередь беднейшего крестьянства.

В период между двумя Мартами данная задача ложится на Коммунистическую партию Венгрии. Для ее осуществления партия может черпать силы из своего революционного прошлого — не только из ошибок, но и из заслуг и достижений прошлого. Партия может черпать силы из сознания того, что сразу же после своего образования она смогла использовать благоприятную ситуацию и стать во главе масс. Извлекая уроки из ошибок, необходимо внедрять в сознание членов партии, что венгерский пролетариат смог прийти к власти и установить диктатуру только в результате краха основ капиталистического строя, в результате благоприятной международной обстановки, а также того обстоятельства, что социал-демократические вожди, как они сами об этом твердят, не намеревались тогда брать на себя роль Носке и выступать против рабочих масс. Большую роль сыграла

правильная марксистская политика Коммунистической партии Венгрии, ее тактика и ее революционный энтузиазм, который можно сравнить лишь с революционным энтузиазмом партии русских большевиков. Венгерский пролетариат может понять значение роли партии, не только извлекая уроки из ошибок, из событий 21 марта, но также изучая положительный опыт и беспримерные заслуги Коммунистической партии Венгрии, которая благодаря революционной политике, правильному руководству движением масс, марксистской постановке пропаганды и агитации (впервые в истории венгерского рабочего движения) привела трудящихся к власти.

И она вновь придет к власти во главе масс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ БЕЛА ИЛЛЕША «ТИСА ГОРИТ»

3 января 1929 г.

Дорогой товарищ Иллеш [1]!

Прочел Ваш роман о венгерской революции и узнал многих, многих действующих лиц. Нашел среди них тех, кого и теперь, спустя десять лет, приятно вспомнить, и тех, кто и сейчас, во время чтения, вызвал во мне неприятное чувство.

Но больше всего обрадовался я тому, как живо выступает на страницах романа движение масс — стихийное, пламенное, широкое и глубокое движение венгерского пролетариата, десять лет назад сплоченного нашей, тогда еще молодой коммунистической партией в несокрушимую силу и направленного ею на завоевание Советской власти. Читая Вашу книгу, я вновь пережил радость борьбы, муку отчаянной и почти безнадежной схватки, неизмеримую горечь поражения, эмиграции и еще многое-многое, что безраздельно связано со всем этим. Ощутил я и то, что умудренный опытом венгерский рабочий класс вновь беззаветно сражается за победу грядущей революции.

Я очень рад, что Вы написали этот роман.

До сих пор венгерская пролетарская революция слу-

---

[1] *Иллеш Бела* (р. 1895) — видный венгерский писатель, коммунист, лауреат премии имени Кошута, автор ряда художественных произведений о революционном движении в Венгрии, в частности широко известного романа «Тиса горит». Во время Венгерской Советской Республики — член директории города Уйпешта. После свержения пролетарской диктатуры эмигрировал в Вену, а затем в СССР. В годы второй мировой войны являлся офицером Советской Армии.— *Ред.*

жила в большинстве случаев темой для контрреволюционных пасквилей. Недавно я перелистал уйму подобных произведений, поносящих нашу революцию почти на всех европейских языках, забрасывающих ее грязью.

Мало, слишком мало написали пока венгерские коммунисты о нашей революции. Мы поступали неправильно, реагируя на направленные против нас потоки лжи и клеветы так же, как говорил в свое время довольно скептически настроенный венгерский поэт Янош Арань:

Коль знатный шут, несясь в опор,
Меня окатит грязью — вздор,
Утрусь — и все... К чему тут спор!

Мы как-то слишком легко примирились с тем, что удел потерпевшей поражение революции — быть вдвойне оклеветанной. Под тяжестью ударов мы смирились на время даже с тем утверждением, что значение венгерской пролетарской революции состоит в первую очередь в ее негативных уроках. Такая точка зрения проникла к коммунистам от социал-демократов. Венгерская пролетарская революция примечательна не только своими ошибками. Она сверкает и своими достоинствами, своими положительными чертами. Ваш роман вновь привел меня к мысли, что пора покончить с самобичеванием, которому мы предавались десять лет, пора раскрыть для всех, и прежде всего для молодежи, которая почти ничего об этом не знает, истинное значение венгерской пролетарской революции.

Венгерская пролетарская революция не только приняла тяжесть ударов международной контрреволюции, но и оттянула на себя ее силы в тот момент, когда и внешнеполитическое и внутреннее положение Российской Советской Республики было самым тяжелым.

Возникновение Венгерской Советской Республики и боевые действия венгерской Красной Армии помешали французским и румынским войскам осуществить свой план вторжения в Россию через Бессарабию. Надо сказать, что этот план был не только разработан на бумаге, но его начали претворять в жизнь: французскую армию, стоявшую в Салониках, погрузили уже в вагоны, чтобы направить в Румынию.

Нельзя забывать и о том, что во всей Центральной и Западной Европе только у венгерского пролетариата и

молодой, насчитывавшей всего лишь несколько месяцев Коммунистической партии Венгрии хватило смелости и решимости на то, чтобы провозгласить Советскую Республику, превращая каждое выступление рабочего класса в борьбу за власть и при первой же возможности захватив ее в свои руки.

Поэтому поучительны не только ошибки венгерской пролетарской революции, которые мы беспощадно критикуем уже десять лет. Поучительно, что пролетариат одной страны выступил инициатором в революционной борьбе, не ожидая, пока выступят другие, и не побуждая их к этому:

Твои побольше сапоги —
Тебе и первому идти...

В Венгрии всходят посевы новой революции, всходят на той почве, которую вспахали некогда плуги Советской Республики, оросила кровь бойцов Красной Армии и множества наших мучеников. Вы, венгерские пролетарские писатели, горестней всех ощущаете поражение революции и жизнь в эмиграции. Ведь вам трудно воспринимать из такой дали волны мыслей и чувств новой зреющей революции. Но вы, пережившие прежнюю героическую эпоху революции, принявшие участие в революционной борьбе, вы, рассеянные по всему миру и все-таки заложившие основы венгерской пролетарской литературы, более того, содействовавшие даже созданию основ международной пролетарской литературы, своими произведениями становитесь участниками грядущей венгерской революции.

Ваши произведения просачиваются в Венгрию по нелегальным каналам. Я видел один экземпляр романа, буквально зачитанный до дыр в нашем подпольном движении. Его прочло столько людей, что у страниц не осталось полей, да и буквы уже начали стираться от прикосновения множества рук читателей. Потому-то и стоит вам писать, потому-то и должны вы писать про нашу революцию ради нашей революции и ради мировой революции. Венгерские пролетарские писатели до сих пор участвовали в идеологическом руководстве нашей революцией — они обязаны и дальше вести эту работу.

Горячо жму руку.

К 10-й ГОДОВЩИНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ

Статья, опубликованная в журнале «Уй марциуш», III, 1929 г.

I

Нужна была победа Октябрьской революции, чтобы каждый понял значение русской революции 1905 г., чтобы каждый понял, что «без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна» [1].

Историческое значение пролетарской революции в Венгрии мы сможем оценить по-настоящему только тогда, когда в обстановке нового периода международной пролетарской революции будем иметь перед собой перспективу новой Советской Социалистической Республики в Венгрии. И тогда мы будем рассматривать венгерскую революцию 1919 г. как генеральную репетицию в Венгрии победоносной европейской пролетарской революции. Необходимы были не только непоколебимая вера в революцию, но и глубочайшее знание марксистской теории, для того чтобы разглядеть, как это увидел Ленин в кровавой обстановке поражения революции 1905 г., эпохальный результат творческой силы поверженной революции — Советы как конкретную форму диктатуры пролетариата.

Целый ряд особых, специфических черт пролетарской революции в Венгрии ожидает еще новой исторической проверки. Что же касается оценки ее положительного международного значения, то и сейчас, по истечении десяти лет, мы можем привести слова Ленина, произнесенные им спустя два дня после победы пролетарской рево-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 9—10.

люции в Венгрии, 23 марта 1919 г., в речи на VIII съезде РКП(б):

«Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутиной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии, что в особенностях этой демократии, быть может, отражаются, как в кривом зеркале, старые особенности царской России,— если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания...

Если про нас говорили, что мы захватчики; если в конце 1917 года и в начале 1918 года не было других слов у буржуазии и у многих ее сторонников по отношению к нашей революции, кроме как «насилие» и «захват»; если до сих пор раздаются голоса, всю бессмысленность которых мы не раз доказывали, будто бы насилием держится большевистская власть; если такую бессмыслицу можно было повторять раньше,— то теперь пример Венгрии заставляет умолкнуть такие речи...

Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задушена империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу *моральную победу*. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощенную войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата» [1].

Коммунистический Интернационал был основан лишь за две недели до победы пролетарской революции в Венгрии, до провозглашения Венгерской Советской Республики. Всемирно-историческое значение этого акта заключалось именно в том, что Коммунистический Интернацио-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 213—214.

нал начал в международном масштабе претворять в жизнь лозунг Маркса, являвшийся итогом продолжавшегося в течение ряда столетий развития социализма и рабочего движения, лозунг, нашедший свое выражение в понятии пролетарской диктатуры. Первым шагом на пути выполнения Коммунистическим Интернационалом его всемирно-исторической задачи явилось то, что он привел к победе пролетарскую революцию в Венгрии, что была создана Венгерская Советская Социалистическая Республика. Это первое, что и сейчас уже можно сказать о международном значении венгерской пролетарской революции, если смотреть на нее исходя из всемирно-исторической миссии Коммунистического Интернационала.

II

Стратегические и тактические уроки пролетарской революции в Венгрии, которые извлекли из ее ошибок в первую очередь венгерские коммунисты, отнесшиеся к ним с большевистской самокритичностью, и Коммунистический Интернационал, являются общим достоянием не только венгерского, но и всего международного революционного рабочего движения. Эти ошибки объясняются прежде всего тем, что пролетарской революции в Венгрии не предшествовала такая «генеральная репетиция», какой явилась революция 1905 г. для Октябрьской революции. Коммунистическая партия Венгрии была основана за четыре с половиной месяца до победы пролетарской революции и тотчас начала свою борьбу. Она развернула бурную революционную агитацию среди рабочих масс, не лишенных, правда, революционного духа и воли к осуществлению революции, но выросших в реформистской школе и без всяких революционных традиций. Рабочее движение Венгрии вообще было далеко от марксистской теории, и даже вопрос о том, какие силы и какие проблемы могут способствовать продвижению трудящихся масс Венгрии во главе с рабочим классом в сторону революции, в рабочей партии не ставился. Венгерская социал-демократия, действовавшая в стране, которая экономически и политически во многом походила на царскую Россию, никогда не выдвигала вопроса о буржуазно-демократическом революционном преобразова-

нии, а тем более вопроса о социалистической революции, о диктатуре пролетариата. Столь же неизвестным был для нее вопрос о гегемонии рабочего класса в революции. Не имея даже представительства в парламенте, она являлась все-таки партией парламентского кретинизма. Цель, которую социал-демократия ставила перед рабочим классом, сводилась к борьбе за демократические реформы при гегемонии буржуазии.

Вождем в буржуазно-демократической революции 1918 г. была не социал-демократическая партия. После бóльших или меньших колебаний она, в лучшем случае, на словах одобрила последовавшую после военного крушения революцию, для предотвращения которой сделала не только все возможное, но и невозможное, вплоть до принятия ее лидерами министерских портфелей в составе правительства, призванного ликвидировать революционное движение масс. Единственным классом, который революция застала более или менее организованным и который без всякого руководства в союзе с солдатскими и крестьянскими массами сумел свергнуть владычество Габсбургов, был рабочий класс. Военный крах почти полностью похоронил венгерскую буржуазию под развалинами и обломками старой Венгрии. Поражение в войне явилось в полном смысле слова национальным поражением для всех слоев буржуазии и, естественно, для полуфеодальных слоев крупных землевладельцев. В результате военной катастрофы они утратили не только возможность подавления других наций, но — это можно было также предвидеть — значительная часть венгерского населения должна была неминуемо подпасть под чужеземный национальный гнет.

В таких условиях социал-демократическая партия превратилась в якорь спасения для венгерской буржуазии и, более того, даже для представителей остатков феодализма, для крупных земельных собственников, которые еще не вполне достигли капиталистической ступени развития. Бóльшая часть не подготовленного к революции рабочего класса первоначально была склонна примкнуть к ним, продолжая и даже расширяя классовое сотрудничество, характерное для периода военного времени, сотрудничество в форме «революционной демократии». Эта «революционная демократия» защищала не только капиталистическую частную собственность, но —

вследствие своей неразвитости — и пережитки полуфеодальных отношений в стране.

Основание вскоре после начала буржуазной революции Коммунистической партии Венгрии обусловило переход руководства революцией в руки тех рабочих, которые не были склонны спасать владычество венгерской буржуазии и полуфеодальных слоев. Благодаря агитации молодой коммунистической партии лозунги «Советская власть» и «вооруженное восстание» распространились с невероятной быстротой и пустили глубокие корни в широких массах трудящихся. В результате буржуазно-демократической революции и военной катастрофы вооруженные силы государства были и так совершенно дезорганизованы, а коммунисты своей агитационной, организационной деятельностью и вооружением рабочих масс завершили этот процесс.

Единственной защитой для буржуазии могла стать лишь социал-демократическая партия. Но сама социал-демократическая партия уже отнюдь не была единой. Состоявшие в ее рядах массы и даже часть руководящих кадров (те, которые после низвержения пролетарской диктатуры присоединились к коммунистам) колебались и крайне неохотно соглашались поддерживать господство буржуазии. Роковая ошибка, т. е. объединение коммунистической и социал-демократической партий, может быть объяснена отчасти тем, что Коммунистическая партия Венгрии, при всей своей революционности, являлась молодой партией, не имевшей революционных традиций. С другой стороны, она может быть объяснена и тем, что социал-демократическая партия в процессе мировой войны недостаточно дифференцировалась, хотя среди ее рядовых членов и среди руководящих кадров имелось много революционных элементов, полному революционизированию которых, правда, препятствовала в первую очередь «идеология единства».

Когда дело дошло до захвата власти, сама коммунистическая партия в целом, несмотря на опыт, полученный частью ее руководящих кадров в ходе русской революции, не сумела правильно оценить роль партии в революции. Этому способствовало и то, что коммунистическая партия за недолгие месяцы своей деятельности смогла только-только поставить один из самых основных вопросов пролетарской революции в Венгрии — вопрос

о крестьянстве; а о его теоретическом или политическом разрешении еще не могло быть и речи.

Из этих двух обстоятельств проистекают и две основные ошибки венгерской революции: объединение с социал-демократической партией и доктринерский, небольшевистский подход к вопросу о крестьянстве, подход, который лишил пролетарскую революцию и ее передовой класс, пролетариат, важнейшего резерва в революции — крестьянства. Обе эти ошибки были роковыми.

III

Пролетарская революция в Венгрии, помимо указанных ошибок, обнаруживает еще целый ряд особых черт, без конкретного анализа которых остаются непонятными как победа, так и поражение революции. Уже в то время не только для социал-демократов различных европейских стран, но и для разных педантов в рядах коммунистического движения победа нашей революции являлась загадкой, разрешить которую они были не в состоянии. 24 марта 1919 г. Пауль Леви, возглавлявший тогда Коммунистическую партию Германии, в одной из провинциальных коммунистических газет Германии писал о победе пролетарской революции в Венгрии:

«Новая революция в Венгрии, заменившая буржуазную демократию Советским правительством, не является наградой победителю в битве венгерского пролетариата с венгерской буржуазией и венгерским юнкерством. Она не является результатом борьбы пролетариата с буржуазией, борьбы, в которой последняя была побеждена. Это простое следствие того, что венгерская буржуазия — другое слово здесь неприменимо — насквозь прогнила».

Этому «тонко чувствующему» ренегату, извинявшемуся, перед тем как назвать буржуазию «насквозь прогнившей», не приходило в голову, несмотря на непосредственную близость его к венгерской революции, что необходим анализ особых условий и форм этой революции. Между тем конкретные предпосылки победы революции в Венгрии столь явственно отличались от предпосылок победы Октябрьской революции в России, что анализ этого различия был безусловно необходим для руководителя той партии, которая, находясь в непосредственной

близости, должна была оказать поддержку венгерской революции.

Действительно, последним актом победы пролетарской революции в Венгрии не было вооруженное восстание. Однако это ни в коем случае не означает, что завоевание государственной власти в Венгрии не являлось делом рук вооруженного пролетариата. Пролетариат, в первую очередь городской, а отчасти и сельский, имел целый ряд вооруженных схваток с действительно прогнившей и ставшей почти совершенно беззащитной буржуазией. Промышленные рабочие и сельскохозяйственные пролетарии заняли фабрики, заводы, помещичьи имения и вооруженной рукой смели руководителей административного аппарата с занимаемых ими постов. В провинциальных городах и сельских местностях имели место многочисленные вооруженные столкновения с еще действовавшими, хотя и весьма незначительными, вооруженными силами государственной власти.

Однако в большинстве случаев уже не было надобности в применении оружия, поскольку буржуазия могла опираться только на социал-демократию. А последняя не в силах была сыграть роль Носке, ибо из-за недостаточной внутренней дифференциации, на которую мы указывали выше, она не могла держать в руках свои собственные рабочие массы.

Различие в условиях победы пролетарской революции в Венгрии и Октябрьской революции в России состоит вовсе не в том, что в одной из этих стран победа явилась результатом вооруженного восстания, а в другой нет. В обоих случаях, при коренном различии в соотношении классовых сил, победа определялась тем, какой класс держал в своих руках больше оружия. Различие заключалось лишь в том, что в России к началу революции буржуазия располагала большим количеством оружия и могла оказывать более широкое сопротивление, чем в Венгрии. Но общей чертой для обеих революций было то, что внутренняя революционная ситуация счастливо дополнялась благоприятным международным положением стран, ставших ареной революций. Международное положение в период революций было различным, но в обеих странах оно все же одинаково способствовало ослаблению сопротивления буржуазии. Анализ международной и внутренней обстановки этих революций должен

раскрыть и проиллюстрировать особые условия победы венгерской революции.

Ленин указывал, что победа Октябрьской революции в значительной мере облегчалась возможностью связать переход власти в руки Советов с окончанием империалистической войны. В то время как Октябрьская революция стояла лицом к лицу с империалистической войной, пролетарская революция в Венгрии происходила уже в атмосфере тех массовых настроений, которые явились следствием продиктованных империалистами условий мира. Как в России требование о завершении империалистической войны и установлении мира, так и в Венгрии сопротивление империалистическим условиям мира, несмотря на все свое различие, привлекли на сторону пролетарской революции не только пролетарские, но и самые широкие массы. Политика мира в России временно привлекла на сторону большевиков все крестьянство в целом. В Венгрии сопротивление пролетарской революции со стороны буржуазии, в особенности же националистической мелкой буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции и средних слоев крестьянства, ослаблялось тем, что они ожидали от большевиков организации борьбы против продиктованных империалистами условий мира.

Даже на рабочий класс этот важный международный политический фактор оказывал весьма заметное влияние. Основная масса коммунистической партии состояла, разумеется, не из рабочей аристократии. Тем не менее некоторые прослойки рабочей аристократии встали на сторону коммунистической партии, когда пресловутая нота французского подполковника Викса бросила на страну свою тень, как бы предсказывая, что страна будет территориально урезана империалистами. Эти прослойки опасались экономических последствий «территориального кромсания» страны, опасались присоединения венгерских промышленных областей и особенно источников сырья к другим странам.

Коммунистическая партия ни на миг не впадала в «национал-большевистские» настроения. Она всеми силами разоблачала — и вполне успешно — иллюзии вильсонизма и социал-пацифизма II Интернационала и в то же время самым решительным образом выступала не только против империалистического мира, но и против

движения, поддерживаемого социал-демократией и направленного к сохранению «территориальной целостности» прежней Венгрии, к поддержанию режима угнетения венгерской национальностью других народностей. Коммунистическая партия подчеркивала в своей агитации, что она против всякой войны, направленной к ущемлению права народов на самоопределение, и прилагала все усилия для дезорганизации войск, брошенных социал-демократическим военным министром для защиты демаркационной линии против чехословацкой и румынской оккупационных армий.

Ориентация на Антанту оказавшейся у власти части венгерской буржуазии и внезапно возникший социал-пацифизм социал-демократии потерпели поражение в условиях продиктованного империалистами мира. Это обстоятельство временно привело на сторону пролетарской революции все колеблющиеся слои. Так «патриотизм», мелкобуржуазная «верность отечеству» — один из величайших врагов пролетарской революции,— был сметен с дороги пролетарской революции в Венгрии, ибо часть мелкой буржуазии, как и часть рабочей аристократии, увидели в Российской Советской Республике единственную надежду на организацию сопротивления империалистическому миру.

Интересно показать, как Ленин, в противоположность социал-демократическим лидерам, которые задним числом бросали коммунистической партии упрек в «национал-большевизме» (в действительности эти социал-демократы сами то и дело впадали в «национал-большевизм»), и в противоположность педантизму Леви и К°, расценивал эти особые предпосылки победы пролетарской революции в Венгрии. 3 апреля 1919 г. Ленин в своей речи на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета сказал:

«А Венгрия показала пример революции, которая рождается совершенно иначе. Венгрии, несомненно, придется пережить тяжелую борьбу с буржуазией — это неизбежно. Но факт тот, что, когда эти звери, английские и французские империалисты, предвидели в Венгрии революцию, они хотели ее уничтожить, не дать ей родиться. У нас затруднительность положения была в том, что нам приходилось рождать Советскую власть против патриотизма. Пришлось ломать патриотизм, заключать

Брестский мир. Это была самая отчаянная и бешеная кровавая ломка»[1].

Было бы бессмысленным педантизмом, доктринерством, предательством по отношению к революции, если бы Коммунистическая партия Венгрии отказалась от взятия власти в тот момент, когда «ориентация на Восток» и патриотизм значительной части мелкобуржуазных масс, особенно буржуазной интеллигенции, ослабляли сопротивление пролетарской революции, опиравшейся на свои внутренние силы, и когда лидеры социал-демократической партии, идя на поводу у настроений этой мелкой буржуазии, предлагали совместно взять власть. Не чем иным, как клеветой, было утверждение австрийских и венгерских последователей австро-марксизма, будто пролетарская революция в Венгрии являлась не пролетарской революцией, а «национал-большевистским» мелкобуржуазным восстанием против империализма Антанты. Но нельзя отрицать и того, что пролетарская революция в Венгрии в международно-политическом и стратегическом отношениях была поставлена перед тяжелыми, трудно преодолимыми задачами, сразу же после победы столкнувшись лицом к лицу с продиктованными империалистами условиями мира и оказавшись вынужденной начать против них вооруженную борьбу.

В противоположность России, пролетарская революция в Венгрии победила в то время, когда одна из противостоявших друг другу империалистических группировок Антанты и стран Центральной Европы уже была брошена на обе лопатки. Говоря о предпосылках победы русской революции, Ленин подчеркивает, что революция в России продержалась потому, что можно было всемерно использовать борьбу, которая велась между двумя империалистическими разбойничьими группировками, и эти группировки были не в состоянии объединиться для действий против Советской власти. Пролетарская революция в Венгрии после поражения германо-австро-венгерского империализма оказалась в ином положении.

Ленин предвидел опасность, проистекающую из самого факта окончания империалистической войны. Сразу после военного крушения Германии и Австро-Венгрии он сосредоточил свое внимание как раз на этой опасности,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 260—261.

порожденной для пролетарской революции победой империализма Антанты и окончанием мировой войны.

Сложившаяся ситуация сказалась на судьбах пролетарской революции в Венгрии в трех направлениях.

Обессилевшие за войну массы рабочего класса были не в состоянии нести тяготы новой войны, в то время как некоторые слои мелкой буржуазии, подогреваемые своим «патриотизмом», не только желали войны, но и стремились взять в свои руки руководство революционной войной, чтобы превратить ее в войну национальную. Измученные рабочие соседних стран, особенно Германии и Австрии, боялись перспективы новой войны и вместо поддержки пролетарской революции в Венгрии слепо подчинились своим социал-демократическим лидерам — бауэрам и шейдеманам, которые попросту использовали распространившуюся на Запад «большевистскую опасность» — пролетарскую революцию в Венгрии и продвигавшуюся в западном направлении Красную Армию — для вымогательства у стран Антанты.

Рабочие новых «стран-победительниц», особенно Чехословакии и Румынии, были в угаре от национального освобождения и, оказавшись под руководством предательской социал-демократии, доходили до крайностей в поддержке своей отечественной буржуазии. Антанте удалось двинуть против революции в Венгрии вооруженные силы, которые состояли частью из подразделений старой австро-венгерской армии, а частью из армий новой Чехословацкой Республики и Румынии, ранее сражавшихся на стороне центральноевропейских стран против Антанты.

При таких обстоятельствах пролетарская революция в Венгрии с точки зрения международной революционной стратегии могла выполнить лишь одну из своих задач: воспрепятствовать использованию против Советской России армии Антанты, освободившейся в связи с окончанием войны (балканская армия генерала Франше д'Эсперэ). Вторую задачу, задачу укрепления выдвинутых на запад позиций пролетарской революции, она не смогла выполнить уже потому, что вследствие внутреннего, а также международного положения Венгерской Советской Республики как ее внешняя политика, так и руководство военными операциями были неустойчивы.

Самое коренное различие между условиями русской

и венгерской революций заключалось в их разном военно-стратегическом положении. Ленин констатировал, что одной из предпосылок успеха пролетарской революции в России было следующее: вследствие гигантских размеров страны и скверных путей сообщения имелась возможность ведения затяжной гражданской войны. Совершенно иным было положение Венгрии. Еще Энгельс в связи с венгерской революцией 1848—1849 гг. указывал на те трудности, которые стояли перед венгерской революцией из-за незначительности ее территории. А ведь тогда неразвитость средств сообщения помогала венгерской революционной армии, оперативная база которой была по крайней мере в два с половиной раза больше соответствующей оперативной базы венгерской Красной Армии в 1919 г. Теперь же незначительность территории создавала непреодолимые стратегические трудности для пролетарской революции.

Если в 1848—1849 гг. после сдачи Будапешта Кошут имел возможность продолжать войну, то ныне на значительно сократившейся территории Венгрии потеря столицы была равносильна крушению революции как в политическом (здесь было сконцентрировано большинство рабочего класса), так и в военном отношениях (Будапешт являлся центром военной промышленности). Уже в начале революции фронт на севере проходил на расстоянии двух-трех дневных переходов от Будапешта, а на востоке Красная Армия Венгерской Советской Республики при первом же наступлении румын была вынуждена отступить и фронт проходил от столицы на таком же расстоянии. Положение осложнялось тем, что, в противоположность России, война против Советской Венгрии с самого начала велась с помощью регулярных армий. Поэтому, прежде чем революция смогла окончательно ликвидировать офицерскую касту, потребовалось немедленное широкое привлечение в Красную Армию военных специалистов.

Наконец, четвертое и решающее различие сводилось к разнице в положении русского и венгерского крестьянства. Ошибки, допущенные коммунистической партией в крестьянском вопросе, как субъективный фактор, усугублялись еще и тем различием, которое существовало в объективном историческом положении венгерских и русских крестьян. Ленин видел одну из предпосылок победы

пролетарской революции в России в том, что крестьянство было глубоко затронуто буржуазно-демократическим движением и что партия пролетариата имела возможность поднять на щит революционные требования крестьянства, наперекор эсерам, в большинстве своем враждебным большевикам, и немедленно после овладения пролетариатом властью претворить эти требования в жизнь. Бесспорно — и это надо еще и еще раз подчеркнуть,— Советская власть в Венгрии допустила роковую ошибку, «поставив крестьянство перед выбором» в вопросе о том, надо ему провести раздел помещичьей земли или же лучше сохранить крупные сельскохозяйственные предприятия. Одним из источников этой роковой ошибки было стремление обеспечить снабжение городов продовольствием. Другим источником явилось желание перевести непосредственно на социалистические рельсы как капиталистическое, так и полуфеодальное крупное землевладение в соответствии с нацеленной на «немедленный социализм» экономической политикой диктатуры.

С другой стороны, и само объективное положение как раз вследствие дифференциации венгерского крестьянства было иным, чем в России. Вследствие этой дифференциации уже во время буржуазно-демократической революции не все крестьянство в целом встало на сторону революции. Уже на этом этапе революции в земельном вопросе в острой форме проявилась классовая борьба между богатым крестьянством и верхними слоями среднего крестьянства, с одной стороны, и сельскохозяйственным пролетариатом (батраки, поденщики) — с другой. Сельскохозяйственные наемные рабочие не хотели допустить, чтобы крупные поместья, где они зарабатывали себе на хлеб, попали в результате раздела помещичьей земли в руки имущего крестьянства. Отсюда коммунисты сделали неправильный вывод: они не дали земли сельскохозяйственным рабочим, сохранив крупные поместья в виде «производственных кооперативов». На самом деле они представляли собой непомерно укрупненные советские хозяйства. В результате бывший помещичий батрак, несмотря на улучшение жизненных условий, не чувствовал по-настоящему перемены, произведенной революцией, и после революции считал себя «государственным батраком».

Историческое прошлое венгерского крестьянства было

другим, чем у русского крестьянства. Во время революции у венгерского крестьянства не имелось даже своей партии, какой в России была, по характеристике Ленина, партия эсеров. Не имея руководства со стороны коммунистической или какой-либо другой партии, венгерское крестьянство не было охвачено столь широким революционным движением за землю, как крестьянство России в начале 1900-х годов или в 1917 г. Эти обстоятельства также обусловили более тяжелые условия для пролетарской революции в Венгрии после ее победы, чем в России, и притом не только вследствие допущенных субъективных ошибок, но и вследствие объективно сложившейся обстановки.

Все указанные различия поставили пролетарскую революцию в Венгрии при первых же ее победоносных шагах перед колоссальными объективными трудностями. Эти объективные трудности не были непреодолимыми. Взгляд, будто пролетарская революция в Венгрии была заранее обречена на гибель, как утверждают венгерские социал-демократы и утверждали тогдашние «вожди» некоторых западных коммунистических партий (Леви и Рут Фишер в Германии, Штрассер в Австрии), является следствием их пораженческого подхода к вопросу о пролетарской революции на Западе вообще. В международной ситуации того времени, когда в Венгрии победила пролетарская революция, ни в одной стране Советская власть не могла иметь в результате окончания империалистической войны столь благоприятных условий, как пролетарская революция в России непосредственно после ее начала. Но это означало лишь то, что Венгерская Советская Республика гораздо больше нуждалась в немедленной и непосредственной поддержке со стороны международного пролетариата, что она в гораздо меньшей степени, чем Российская Советская Республика, могла утвердиться и продержаться без такой немедленной и непосредственной поддержки.

IV

Внутреннее положение международного рабочего движения отнюдь не благоприятствовало пролетарской революции в Венгрии. Еще менее благоприятно складыва-

лось для нее военное положение Российской Советской Республики.

18 марта 1919 г. оперативная сводка Красной Армии Советской России сообщила о том, что передовые отряды Красной Армии заняли Тарнополь. (Это оказало решающее влияние на настроение как социал-демократов, так и слоев мелкой буржуазии, придерживавшихся «восточной ориентации».) Но уже 10 апреля 1919 г. Ленин в своем письме петроградским рабочим писал:

«Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная...

Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту.

Там солдаты-рабочие подкормятся сами и продовольственными посылками помогут своим семьям. А главное,— там решается судьба революции.

Победив там, *мы кончаем войну,* ибо *из-за границы помощи белым больше не будет.* На юге мы близки к победе. Брать силы с юга нельзя, пока не победим там полностью» [1].

Все это ухудшало военное положение Венгерской Советской Республики, тем более, что перспективы революции в Венгрии мы рассматривали отчасти рассчитывая на помощь Красной Армии Российской Советской Республики, рассчитывая, что обе армии соединятся. Но на этом основывались также надежды мелкой буржуазии и ее нейтралитет, а первоначально даже благожелательный нейтралитет, по отношению к пролетарской революции. Данное обстоятельство сыграло решающую роль и при объединении с социал-демократической партией, ибо мы рассчитывали после соединения с Красной Армией Российской Советской Республики выбросить из Советского правительства Венгрии и из руководства объединенной партии наиболее колеблющиеся социал-демократические элементы. Этот же факт породил первые колебания среди рабочих масс. Их колебания еще более усилились с того момента, когда после крушения Баварской Советской Республики и вследствие поражений русских красных войск на юго-востоке (измена Григорьева), а также про-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 268.

движения вперед войск Петлюры и Деникина надежды на международную помощь с востока и с запада исчезли. За пределами маленькой Советской страны, окруженной империалистическими войсками (с севера — чехословацкими, с востока — румынскими, с юга — югославскими и французскими, с запада — австрийскими), в тылу вражеских войск лишь небольшие коммунистические группы проводили работу, направленную к поддержке Венгерской Советской Республики, работу, едва выходившую за рамки пропагандистской деятельности. Объединение с социал-демократической партией, ошибки, допущенные в крестьянском вопросе, и блокада все больше и больше подготовляли и внутри страны почву для «демократической» контрреволюции.

Ошибки во внутренней политике предопределили недолговечность пролетарской революции, ослабили ее способность к сопротивлению. В результате этого она оказалась не в состоянии продержаться до горячо желанной помощи со стороны международного пролетариата.

Таким образом, пролетарская революция в Венгрии после четырех с половиной месяцев борьбы осталась «генеральной репетицией» новой пролетарской революции, пролетарской революции в Европе. Но и в своем падении она явилась «маяком для пролетариата Центральной Европы», как охарактеризовали ее на II конгрессе Коммунистического Интернационала.

Что бы ни говорили глашатаи «революционного» пораженчества, что бы там ни заявляли социал-демократы и ренегаты коммунизма, пролетариат недаром пролил свою кровь в этой революции. И уже вновь пробиваются ростки на дереве, срубленном белым террором: «Laetius ex trunco florebit» («Из ствола пышно расцветут ветви») — так написали венгерские якобинцы на стенах своей темницы.

УРОКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ

Статья, опубликованная в газете «Правда» 21 марта 1929 г.

I

Перед рабочим классом Центральной Европы встал в 1918 и 1919 гг. вопрос, начертанный огненными буквами: «Хотите ли вы победить?».

Большинство рабочего класса, находившееся под руководством социал-демократии, после некоторого колебания ответило на этот вопрос отрицательно. Венгерский же пролетариат с крестьянской беднотой дали положительный ответ и дерзнули победить.

В Венгрии не было партии, которая могла бы взять на себя руководство буржуазно-демократической революцией. Когда после военной катастрофы вспыхнула революция, свергнувшая господство Габсбургов, венгерская социал-демократия, подобно австрийской и германской, сочла своей единственной задачей не допустить перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ко времени окончания войны единственной организованной силой в Венгрии был рабочий класс; это он плечом к плечу с неорганизованным крестьянством сверг габсбургскую монархию. Паровоз революции мчался вперед, движимый тем противоречием, которое было характерно не только для России, но и для буржуазно-демократической революции в Венгрии: наиболее организованный и целеустремленный класс в Венгрии — рабочий класс — сверг в первый период революции монархию, но отказался от захвата власти, так как его классовое сознание не было достаточно развито и он не был еще настолько организован, чтобы удержать в своих руках захваченную власть.

Вскоре после того, как вспыхнула буржуазная революция, приблизительно за четыре месяца до победы пролетарской революции, была образована Коммунистическая партия Венгрии, и тогда указанное выше противоречие нашло частичное разрешение. Молодая компартия бросила с непреодолимой силой в волнующиеся массы лозунги социалистической революции: разоружение буржуазии, вооружение пролетариата и установление Советской власти. В коммунистическом авангарде пролетариат нашел хотя еще и слабое, но все же организованное руководство.

До победы пролетарской революции агитация компартии не могла, однако, проникнуть в деревню и пустить корни в крестьянских массах. Компартия не имела еще возможности преодолеть социал-демократические традиции в аграрном вопросе; ее кадры были слишком слабы для того, чтобы она могла уловить настроения крестьянства и на основе его требований проводить большевистскую аграрную политику.

Паровоз революции черпал свои движущие силы не только во внутренних противоречиях, но и в международном положении. С запада на Венгрию оказывала давление Антанта, на востоке сиял пример российской революции. Империалисты Антанты сразу почувствовали, что опасность большевизма в Центральной Европе особенно велика в Венгрии. Ввиду этого они всей своей силой обрушились на Венгрию, стремясь воздвигнуть оплот против большевизма путем создания целого ряда новых государств. Значительная часть венгерского народа оказалась под властью других государств. Господствующие классы и социал-демократическая партия Венгрии бросились в объятия Антанты. Социал-демократический военный министр отправил военные материалы еще до конфискации их Антантой польской армии, боровшейся с Советским Союзом. Все это, однако, не смягчило сердец политиков Антанты, и в марте 1919 г. уже было готово решение, согласно которому от старой Венгрии оставалась лишь незначительная ее часть. Кульминационным пунктом этой политики Антанты явилась нота французского подполковника Викса от 20 марта 1919 г. В указанной ноте Антанта требовала немедленной передачи Румынии ряда областей с венгерским населением. Явное банкротство внешней политики правительства оттолкнуло мелкую буржуазию

и рабочую аристократию как от буржуазных партий, так и от социал-демократии.

Все это, однако, было лишь частью того горючего материала, который накопился благодаря создавшемуся международному положению. Победоносная Октябрьская революция поставила перед широкими массами пролетариата вопрос о социализме как о первоочередной задаче. В результате агитации компартии начался захват заводов и фабрик, так называемая «стихийная социализация». Тщетно социал-демократическая партия обещала «законную социализацию». Власть, носительницей которой была в первую очередь социал-демократическая партия, рухнула под стихийным мощным наступлением рабочего класса, лишь отчасти организованного компартией.

В сельских местностях началось крестьянское движение, лишенное в значительной мере коммунистического руководства и лишь отчасти руководившееся военнопленными, вернувшимися из России. Это движение было направлено не только против государственного административного аппарата, но и против крупного землевладения. Еще до установления диктатуры компартия допустила ошибку, предоставив крестьянству выбирать между безотлагательным распределением помещичьей земли и непосредственным превращением крупного землевладения в социалистическое хозяйство. Эта ошибка объяснялась в значительной мере тем обстоятельством, что в сельских местностях, там, где имела место сильная дифференциация крестьянского населения, вспыхнула в вопросе о разделе помещичьей земли острая классовая борьба между сельскохозяйственными рабочими (батраками, поденщиками) и мелкими землевладельцами. Мелкие землевладельцы стояли за раздел помещичьих имений, а оказывавшие на них влияние кулаки высказывались за уплату аграриям возмещения. Сельскохозяйственный же пролетариат, составляющий в Венгрии большинство сельского населения, противился передаче помещичьих земель мелким землевладельцам и настаивал на безвозмездном распределении земли между безземельными крестьянами.

II

У правительства не было никакой вооруженной силы. Несмотря на то что значительная часть лидеров коммунистической партии находилась в заключении, они сумели в условиях распада государственного аппарата руководить из тюрем наступлением пролетариата на правительство буржуазно-демократической революции. Все попытки правительства Каройи нейтрализовать коммунистов или даже привлечь их к участию в правительстве в целях создания единого национального фронта встречали со стороны коммунистов отказ. Хотя часть социал-демократических вождей не прочь была последовать примеру Носке (20 февраля они пытались учинить кровавое побоище коммунистов), она не смогла этого сделать по следующим двум причинам: во-первых, массы — не только рабочие, но и часть мелкой буржуазии,— разочаровавшись в Антанте, стали склоняться к «восточной ориентации», представителей которой они видели в коммунистах, во-вторых, среди руководящих слоев социал-демократической партии находились элементы, которые, хотя и не перешли активно на сторону коммунистов, но все же не позволили своим товарищам по партии последовать примеру Носке и потопить в крови коммунистическое движение.

В создавшихся условиях социал-демократическая партия вынуждена была, учитывая требования масс, договориться с коммунистами. В силу этого соглашения социал-демократия приняла платформу коммунистов, и обе партии объединились для того, чтобы взять государственную власть в свои руки и создать венгерскую социалистическую советскую республику.

Коммунисты совершили роковую ошибку, объединившись с социал-демократами. Одна из причин этой роковой ошибки состояла в том, что компартия была еще очень молода и в оценке роли партии находилась под влиянием синдикалистских традиций. Вторая причина заключалась в том, что компартия строила свою тактику не на основе фактов, а исходя из различных предположений, которые могли и не сбыться. Заключая союз с социал-демократами, коммунисты рассчитывали, что венгерская Красная Армия, которую нужно было еще создать, объединится с красными войсками Российской Со-

ветской Республики, находившимися в то время в нескольких стах километрах от венгерской границы, и что коммунистам удастся впоследствии вытеснить из правительства тех социал-демократов, которые не поддерживают революционную политику. Эта надежда не оправдалась, и роковая ошибка, заключавшаяся в объединении с социал-демократами, стала одной из основных причин падения Советской республики. Последующая попытка исправить эту ошибку — а именно попытка отмежеваться от социал-демократии и восстановить самостоятельность компартии — была сорвана давлением армий Антанты и наступлением румынской армии. Эта роковая ошибка внесла элемент неуверенности в политику венгерского Советского правительства. Ни руководящие, ни исполнительные органы не могли опереться на сплоченный организованный коммунистический авангард, и первый пагубный компромисс повлек за собой все новые и новые компромиссы, которые пришлось заключить в силу разношерстного состава венгерского Советского правительства.

С другой стороны, несомненно, глубоко несправедливо было бы упрекать венгерскую компартию в том, что она вообще взяла власть в свои руки.

Коммунистическая партия в течение четырех месяцев со всей остротой ставила вопрос о власти Советов. Отказаться от власти тогда, когда буржуазия в союзе с социал-демократией неспособна была удержать ее в своих руках, было бы еще более пагубной ошибкой, чем объединение с социал-демократами. Отказ от власти в момент, когда широкие массы рабочих заставили социал-демократических лидеров принять платформу коммунистов и «восстановить единство рабочего класса», означал бы полное падение авторитета компартии. Это, конечно, не является оправданием, но отчасти делает понятным тот факт, что компартия отказалась от своей самостоятельности именно тогда, когда получила возможность захватить власть и когда ее самостоятельное существование являлось основным условием сохранения власти в ее руках. История показала, что революция лишь один раз достигает кульминационного пункта и что, если революционная партия не использует в этот момент создавшейся революционной ситуации, революция неминуемо терпит поражение.

Легенда о «передаче власти» так же лжива, как

лживо обвинение, будто компартия «преждевременно» взяла власть. Получило широкое распространение мнение, что буржуазное правительство, в состав которого входили и социал-демократы, отказалось от власти в пользу коммунистов и президент республики граф Михай Каройи передал власть пролетариату и Советскому правительству. В действительности буржуазные члены правительства, равно как и президент республики, узнали об образовании в Венгрии Советского правительства лишь после того, как оно было создано. Граф Каройи, президент Венгерской республики, вспоминал впоследствии, что коммунисты и социал-демократы подписали в 5 часов дня 21 марта протокол о провозглашении Советской республики, но что социал-демократические министры ни ему, ни буржуазным министрам ничего об этом не сказали. «После всего случившегося,— пишет Каройи,— мне пришлось подать в отставку, и во избежание бесполезного кровопролития — ибо никакой другой организованной силы, кроме социалистической, не было и вся полиция и армия находились под социалистическим и коммунистическим руководством — я подписал заявление о моей отставке и о передаче власти пролетариату, которую он в действительности уже раньше взял и провозгласил... Я не передавал власти пролетариату, так как он уже раньше добился ее благодаря планомерному созданию социалистической армии».

Справедливость утверждения Каройи о том, что он власти не передавал, подтверждается и тем, что он аннулировал свою подпись под заявлением об отставке в ночь на 22 марта еще до того, как это заявление было опубликовано. Не благодаря ему, а благодаря другому участнику этих исторических событий указанное заявление было опубликовано уже после того, как Каройи снял свою подпись. Это было сделано для того, чтобы привести в замешательство врагов пролетарской революции и дезорганизовать те слои, которые еще шли за Каройи.

III

Независимо от того, следовали ли они германскому или австрийскому образцу, социал-демократические партии являлись в побежденных государствах важнейшими

и лучше всего организованными защитниками буржуазии. «Борьба с коммунизмом велась в Советах рабочих депутатов... Советская диктатура стала неосуществимой благодаря тому, что сами Советы отказывались от нее...» — пишет Отто Бауэр и прибавляет со свойственной ему беззастенчивостью: «Борьба с большевизмом была в Австрии не классовой борьбой буржуазии и пролетариата, а борьбой внутри самого рабочего класса».

Действительно, классовая борьба против пролетариата возглавлялась не буржуазными, а социал-демократическими партиями. Особенно сильно было влияние буржуазии на пролетарские массы в Чехословакии и Румынии, т. е. в «странах-победительницах», армии которых не только блокировали Венгрию, как это делала и армия австрийской социал-демократии, но и принимали активное участие в борьбе империалистической Антанты с пролетарской революцией. В этих трудных условиях, когда не получившие землю крестьяне все больше переходили в лагерь контрреволюции, венгерский пролетариат сумел выполнить лишь часть своей интернациональной революционной задачи. В самый опасный момент он отвел удар, который армии Антанты собирались нанести Российской Советской Республике. Другая часть задачи — победа большевизма в Центральной Европе — не смогла быть осуществлена. Внутриполитические ошибки, предательство социал-демократии, слабость коммунистического движения в соседних странах и сила империализма Антанты воспрепятствовали этой победе.

Но венгерская пролетарская революция и теперь является живой, действенной силой не только в Венгрии, но и во всех странах Юго-Восточной Европы. Она показывает пример пролетариату всего мира не только своими поучительными ошибками, но и своей мужественной борьбой. Ныне, спустя десять лет, венгерская компартия, вновь ставшая во главе масс несмотря на все преследования, несмотря на разгул белого террора и на постоянное истребление ее кадров, стоит перед значительно более сложными задачами, чем те, которые стояли перед нею, когда она высоко подняла в Венгрии знамя пролетарской революции и во главе масс повела борьбу за власть. Опыт революционных боев помогает ей найти верный путь для разрешения этих сложнейших задач. Опыт объединения с социал-демократами помог пролета-

риату понять истинную роль социал-демократии. Ошибка, допущенная в крестьянском вопросе, дала пролетариату ценный урок насчет важности крестьянского резерва пролетарской революции. Контрреволюция и тяжелый нелегальный период научили приспосабливать средства и формы борьбы к конкретной обстановке. Традиции пролетарской революции являются для революционной венгерской компартии гарантией того, что приспособление методов и форм борьбы к данным условиям не приведет к потере революционной перспективы. Пролетариат Венгрии и его авангард — коммунистическая партия — усвоили учение ленинизма на опыте собственных боев и ошибок.

ПОСПЕШИЛИ ЛИ МЫ С СОЗДАНИЕМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНГРИИ?

ЗАМЕТКИ В ПРЕДДВЕРИИ 12-й ГОДОВЩИНЫ ОСНОВАНИЯ КПВ

Опубликованы в журнале «Уй марциуш», X—XI, 1930 г.

Двенадцать лет назад в разгоравшемся огне боев венгерского пролетариата родилась Коммунистическая партия Венгрии. В наименовании новой партии еще не указывалось, что она является венгерской секцией Коммунистического Интернационала. Но одной из целей ее борьбы сразу же стало создание всемирной партии международного пролетариата — Коммунистического Интернационала. Таким образом, образование партии явилось решительным разрывом с социал-демократией в национальном и интернациональном масштабах. Взрыв ярости со стороны социал-демократической партии в связи с образованием КПВ нашел, между прочим, свое выражение и в утверждении, что коммунизм, который внедряется в рабочие массы Венгрии «рублевыми товарищами», является «импортным товаром», «чужеземной продукцией» и даже «сезонным товаром».

Революционная ситуация делала образование партии неотложной, настоятельной необходимостью. Оказалось не слишком трудно преодолеть сопротивление товарищей, стремившихся по тактическим соображениям отложить создание партии, и даже тех, кто в соответствии со своими синдикалистскими убеждениями не считал, что для руководства революционной борьбой пролетариата необходима коммунистическая партия. Образование компартии не явилось результатом широкого раскола социал-демократической партии. Не хватило времени — бурные темпы революции не давали такой возможности — для длительного и широкого маневрирования, которое позво-

лило бы основательно подготовить глубокий раскол социал-демократической партии. Инициаторы создания партии понимали, что без коммунистической партии нельзя претворить в жизнь цель, принявшую со времени Октябрьской революции в России международный характер,— Советскую власть и диктатуру пролетариата. Они отдавали себе отчет в том, что без коренного разрыва с социал-демократизмом невозможно повести пролетариат на борьбу за власть, борьбу, которую венгерская социал-демократия хотела ограничить рамками свершившейся без ее содействия и даже вопреки ее воле буржуазной революции.

В то время и после падения пролетарской диктатуры имелось немало людей, да они и теперь наверняка встречаются, которые считают, что КПВ образовалась без надлежащей политической, организационной и даже идеологической подготовки, значит, не имела корней в венгерском рабочем классе, а потому ее образование было поспешным, несвоевременным. Нетрудно показать политическую несостоятельность этого утверждения. Особенность венгерской октябрьской революции состояла в том, что единственную организованную силу представлял собой рабочий класс. Однако единственная партия рабочего класса — социал-демократическая партия не только не была руководителем и организатором революции, но в предреволюционный период являлась даже препятствием для революции. Она стала еще бóльшим препятствием для дальнейшего развития революции, когда рабочие массы и вместе с ними широкие слои крестьянства, не довольствуясь «завоеваниями» революции Каройи, стихийно стремились наступить на горло капиталистического строя своими рваными башмаками и сапогами.

Следовательно, образование компартии было политически — помимо всего прочего — стопроцентной необходимостью, что сразу же нашло свое подтверждение в том бóльшом отклике, который немедленно вызвал в массах выход в свет центрального органа компартии — газеты «Вёрёш уйшаг», а также в целом ряде действительно массовых выступлений, осуществленных под руководством коммунистов. Коммунистическая партия — и это было основной заслугой ее руководства — сразу же пустила широкие корни в массах; она искала массы там, где больше всего протекала их политическая и общественная

жизнь,— на предприятиях. В этом стремлении партийного руководства опереться на рабочих предприятий проявлялось и немало элементов стихийности. Первый временный Устав партии, разработанный ее Центральным Комитетом, еще не порывал полностью с организационными принципами, характерными для социал-демократии, в частности с территориальным принципом построения партийных организаций. Однако в нем уже говорилось о фабрично-заводских группах, или, выражаясь современным языком, о фабрично-заводских ячейках, как одной из основ организационного строения партии. Другие массовые организации — профсоюзы, организации безработных также сразу стали важными очагами агитационной и даже организационной работы коммунистов.

Энтузиазм пролетариата Венгрии, преодолевшего все помехи, чинившиеся плохо организованной властью государства буржуазно-демократической революции, социал-демократической партией, насчитывавшей около миллиона членов, и реформистскими профсоюзами, говорит о маловерии и оппортунизме тех, кто из факта падения диктатуры пролетариата делает вывод, что создание коммунистической партии было опрометчивым шагом, что в ноябре 1918 г. это явилось исторической ошибкой.

Возникает вопрос: если инициаторы образования коммунистической партии в ноябре 1918 г. осознали политическую необходимость создания партии, если партия не то что не имела почвы под ногами, как это утверждают некоторые, а, наоборот, пустила среди трудящихся масс глубокие корни, то как же она могла совершить 21 марта 1919 г. историческую ошибку, ставшую роковой для Венгерской Советской Республики,— пойти на объединение с социал-демократической партией?

Хотя образование партии и означало политический и организационный разрыв с социал-демократией, в молодой коммунистической партии еще чувствовалось влияние социал-демократии, и естественно, оно чувствовалось еще больше в идущих за ней массах, об организационном сплочении которых даже думать было трудно в условиях нарастания революции между ноябрем и мартом. Правда, партия завоевала большой авторитет в массах, но ни большевизм, ни любая форма борьбы против оппорту-

низма в историческом плане вообще не имели корней в рабочем движении Венгрии. Мы в Венгрии не унаследовали от социал-демократии даже того, чем располагали немецкая и французская коммунистические партии, которые в форме традиций Розы Люксембург и Геда получили известное наследство революционного марксизма.

Для венгерских социал-демократов марксизм навечно остался чуждой, западной роскошью. Если же они в силу необходимости приняли отдельные его тезисы в готовом виде, не осмыслив их, то делали это так, как делали пештские еврейские интеллигенты, которые, стремясь показать свою образованность декламировали стихи парижских поэтов-декадентов или позднее футуристов. Революционный марксизм был чуждым для сухого политического руководителя социал-демократической партии Эрнё Гарами; а позднее центрист Кунфи вкупе с группой Яси внес в идеологию венгерской социал-демократии всю «мудрость» «критиков» Маркса. Эрвин Сабо слишком рано сошел с позиций марксизма и, нарядившись в идейную тогу синдикализма, по сути дела капитулировал перед венгерской радикальной буржуазной интеллигенцией по всем вопросам движущих сил развития венгерского общества. Во время войны он окончательно отошел от марксизма и его единственным рецептом борьбы против империализма было: для того чтобы избежать империалистической войны, нужны новые люди.

Тот центризм, который сложился во время и после октябрьской революции, большей частью находил свое выражение в антикоммунистических шатаниях и был лишен всякого революционного марксистского содержания.

Правда, еще до войны в Венгрию проникали отдельные отзвуки идеологической и политической борьбы немецкого левого радикализма (Люксембург, Паннекук, Либкнехт, Радек), что привело к появлению оппозиции в социал-демократии (оппозиционное движение Алпари); но эта оппозиция не могла ни пустить корней в широких массах, ни правильно ответить на основные вопросы, выдвигавшиеся внутриполитическим положением Венгрии. Ничто так не характерно для истории борьбы с оппортунизмом в Венгрии, как то, что циммервальдское движение во время войны не нашло в Венгрии какого-либо организационного оформления. Оно смогло сформироваться лишь после Октябрьской революции, когда еще до

образования КПВ в кружке Эрвина Сабо стали организовываться (Рудаш, Ваго, Корвин и т. д.) и сплачиваться те элементы из среды рабочих, которые играли выдающуюся роль в революционном забастовочном движении во время войны (Мошойго, Клепко и т. д.).

Свою идеологию КПВ заимствовала от русских большевиков. Но, переняв от большевиков эту идеологию, мы сразу же совершили большую ошибку, не сумев отбросить из идеологического дара русского пролетариата и его ведущей партии так называемые «левые» взгляды, которые, как показала дальнейшая эволюция лидера «левых» Бухарина, в действительности являются социал-демократическим наследием. Не случайно именно взгляды «левых коммунистов», перенесенные нами в Венгрию, нашли живой отклик в тех кругах у нас в стране, которые находились под идейным влиянием возглавлявшегося Розой Люксембург левого крыла социал-демократии, а также в тех кругах, которые прошли школу французского синдикализма, привнесенного Эрвином Сабо на венгерскую почву.

Коммунистическая партия, несмотря на определенные сектантские тенденции, смогла объединить все недовольные, революционные элементы. Она применяла тактику, направленную на расширение своего влияния в широких массах, она срослась с массами, но не получила никакого идеологического наследства от венгерской социал-демократии — анализа экономики Венгрии и венгерского общества, анализа движущих сил революции,— которое можно было в какой-либо степени использовать в идеологической работе.

Все это, вместе взятое, исторически объясняет две основные ошибки руководства КПВ: объединение с социал-демократической партией, т. е. непонимание роли партии, а также недооценку роли крестьянства (вторая основная ошибка партийного руководства). Обе ошибки являются характерными для «левого коммунизма» и левой социал-демократии.

Те, кто считает, что создание коммунистической партии было преждевременным, и сегодня ссылаются на то, что КПВ «до сих пор не имеет корней в массах». Пусть им ответит присяжный враг большевизма, стремившийся,

будучи обвинителем чрезвычайного трибунала, отправить на виселицу Матиаса Ракоши, Золтана Ваша, Золтана Санто и других наших товарищей,— бывший прокурор, а ныне член апелляционного суда Агошт Мишколци, который в журнале графа Иштвана Бетлена «Мадьяр семле» № 3(39) за текущий год писал в статье «Огонь в подполье» об итогах процесса над коммунистами следующее:

«Выяснилось, в частности, что большевистская пропаганда в Венгрии усилилась и расширилась. На основании данных процессов можно определенно констатировать, что в настоящее время в Венгрии значительно больше большевиков, находящихся на содержании московского Интернационала или присягнувших его идеям, чем в 1918 г. или в марте 1919 г.— в момент провозглашения пролетарской диктатуры. Установлено, что за истекшие десять лет за границей была издана на венгерском языке целая библиотека книг, журналов, брошюр и листовок, которые в тысячах экземпляров забрасываются на территорию нынешней Венгрии. Выяснилось, что периодические издания и листовки печатаются также в подпольных типографиях, созданных в самой Венгрии, и они распространяются большей частью тайно, но нередко и открыто. Известно, что если вначале большевистская деятельность велась открыто лишь в столице, то теперь большевистская сеть охватывает почти всю территорию страны; большевистское влияние не только усиливается в городах, но проникает и в деревню, распространяясь не только среди промышленных рабочих, но и крестьян. Как установлено, движение Левенте [1] является одним из главных объектов их подрывной работы; в ряде организаций Левенте уже созданы коммунистические ячейки, что представляет собой, учитывая податливость молодых душ, величайшую угрозу духу этих организаций. Получены данные, что коммунистическая партия змеей вползла и в вооруженные силы».

Совпавший с десятой годовщиной КПВ исторический экскурс этого главного поставщика венгерских тюрем о

---

[1] Движение Левенте — милитаризованная молодежная организация фашистского толка, существовавшая при хортистском режиме с 1921 по 1944 г. Занималась главным образом допризывной подготовкой молодежи.— *Ред.*

пути, проделанном КПВ за истекшие 12 лет, и его критические высказывания, касающиеся ее нынешнего положения, точно так же опровергают утверждения об «отсутствии корней», как 1 сентября 1930 г. подтвердило, что КПВ пустила широкие и глубокие корни в массах. Правда, поражение — вследствие собственных ошибок и неблагоприятного международного положения — революции, объединенное яростное наступление белого террора, фашизма и социал-фашизма, совершенные за это время партийным руководством ошибки могли задержать поворот в жизни КПВ — превращение ее в массовую партию, но утверждение об отсутствии корней в массах в такой же мере является оппортунистическим взглядом, как и легенда о преждевременности создания партии является продуктом антиленинского, оппортунистического понимания истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ЛАЙОША КИША «КРАСНЫЙ ГОРОД»

Опубликовано в журнале «Шарло эш Калапач» за сентябрь 1931 г.

Автор этой книги — венгерский рабочий. Он коммунист с того дня, с какого в Венгрии можно было стать коммунистом,— с момента образования коммунистической партии. Раньше Киш был рабочим-наборщиком, да и теперь, когда он пишет книги, которые набирают другие, он остается рабочим. Для нас писатель Лайош Киш, можно сказать, способный писатель, тем более дорог, что он неотделим от рабочего Лайоша Киша. Он происходит из самой гущи венгерского промышленного рабочего класса, который лишь недавно — каких-нибудь 50—60 лет назад — вышел из деревни, причем не столько из среды крестьянства, сколько из рядов сельскохозяйственных рабочих.

Лайош Киш — один из передовых венгерских рабочих-коммунистов. Посеянные при образовании Коммунистической партии Венгрии первые семена нашли благодатную почву среди рабочих. Большинство этих рабочих, подобно прежним подмастерьям-ремесленникам, исходили вдоль и поперек развитые капиталистические страны Европы.

Однако существовало большое различие между странствованиями такого рода рабочих и странствованиями подмастерьев-ремесленников. В своих воспоминаниях Бебель писал, что, отправляясь в странствования, подмастерья-ремесленники прежде всего хотели в промышленно развитых странах или провинциях повысить свою квалификацию. Странствования людей типа Лайоша Киша

были вызваны не только желанием повысить квалификацию. Ими уже руководило стремление расширить свой политический и культурный кругозор, ознакомиться с развитым профсоюзным движением и деятельностью социал-демократических партий.

Вследствие идеологической ограниченности социал-демократической партии в Венгрии молодой рабочий почти не имел возможности приобщиться к марксизму. Чтобы расширить свой кругозор и подвести некоторую марксистскую базу под свои социалистические устремления, приходилось ехать на Запад. Из этих рабочих, изъездивших по нескольку стран Европы, сложилась элита венгерского рабочего движения. Но большинство их в конце концов подпало под влияние германских и австрийских оппортунистов, и, когда во время революции начали воздвигаться баррикады, они оказались по ту сторону баррикад. Небольшая часть оказалась под влиянием французского синдикализма — эти люди составили зерно той незначительной группы, которая в Венгрии противопоставила себя реформизму социал-демократии, искренне считая, что тем самым она встала на позиции пролетарской революционности. Лайош Киш не принадлежал ни к одной, ни к другой группе, он прямо пришел к коммунистической партии.

Я хорошо помню группу, сложившуюся в Будапеште, в так называемой «Народной гостинице», из рабочих, которые нашли себе квартиру в этом общежитии. В умах участников этой группы существовало много путаницы, но было у них и большое желание найти путь к большевизму. Руководствуясь здоровым пролетарским инстинктом, они не только протестовали против предательства социал-демократии, которое после войны и революции 1918 г. стало совершенно очевидным, но часть из них стремилась противопоставить организациям предателей рабочего класса подлинно революционную организацию. В то время, в 1918 г., многие радикально настроенные рабочие не одобряли создание коммунистической партии, протестовали против раскола социал-демократической партии. Лайош Киш ни одного дня не находился под влиянием подобных настроений. Сразу же как началась революция 1918 г. он со своей группой, наводившей ужас на буржуазию этого района, без всяких колебаний присоединился к начавшей борьбу молодой коммунистической партии.

Наиболее интересные главы данной книги — история Вишеградской улицы, той улицы, где в двух расположенных по соседству домах находились Центральный Комитет Коммунистической партии Венгрии и редакция его центрального органа — газеты «Вёрёш уйшаг». Наименование этой улицы за одну-две недели стало нарицательным в политической жизни Венгрии. Именно отсюда появлялся призрак коммунизма, о котором даже во сне с ужасом думала венгерская буржуазия, смертельно напуганная большевизмом.

Бросая ретроспективный взгляд на времена более чем десятилетней давности и рассматривая все под углом зрения богатого опыта большевизма и революционной борьбы, многое сделали бы ныне иначе те, кто отправился с Вишеградской улицы на штурм отягченного феодальными пережитками венгерского буржуазного государства, которое буржуазно-демократическая революция, разразившаяся в 1918 г. вопреки сопротивлению социал-демократии, перекрасила в «Народную республику». Но есть в истории этой Вишеградской улицы и такое, что нельзя сделать лучше даже теперь, располагая богатым большевистским опытом. Я имею в виду революционный энтузиазм, революционный размах, смелость и самоотверженность, все то, что подняло и привело под знамена молодой партии коммунистов такие массы, которые никогда не удавалось поднять на борьбу ни одной коммунистической партии, за исключением русских большевиков.

Волнуется, бурлит Вишеградская улица. Как волны распространяется отсюда звонкая агитация, которая, подобно паровому молоту, вбивает в головы недовольных, стремящихся к борьбе рабочих масс: для завоевания свободы нужны оружие и Советская власть, тот, кто не хочет быть эксплуатируемым и угнетенным, должен следовать русскому примеру. Оружия и Советской власти! — требуют массы, обращаясь к Вишеградской улице. И вот, разлагающееся буржуазное общество в испуге видит, как на Вишеградской улице выдвинули лозунг, потрясший основы буржуазной республики: рабочие, крестьяне-бедняки, плюньте на законы! У вас есть лишь один закон — интересы призванной освободить вас пролетарской революции!

Люди, подобные Лайошу Кишу, явились первыми, кто установил связь между революционным штабом на Ви-

шеградской улице и широкими массами. Они исходили все кварталы вокруг Вишеградской улицы, распространяли листовки, брошюры, партийные газеты, которые во многих сотнях тысяч экземпляров выпускала коммунистическая партия, игнорируя законы буржуазной республики, предусматривавшие, что бумага для агитационных целей могла использоваться лишь с разрешения правительства. Это они организовали «летучую агитацию», это они составили группы, которые действовали в районе каждого завода, на всех вокзалах, в трамваях и других местах. Это они с таким умением, смелостью и изобретательностью разъясняли лозунги партии, тесно увязывая их с повседневными нуждами рабочих, что за какие-нибудь две недели в Будапеште не осталось ни одного рабочего, не знавшего, что такое Вишеградская улица.

Этот роман — произведение не только пролетарского писателя, но и рабочего, который был боевым и передовым участником событий, положенных в основу книги. Никто не смог бы с большей искренностью и простотой описать события, героями которых являются будапештские рабочие массы и среди них сам автор — наборщик, рабочий-коммунист, боец Вишеградской улицы, руководитель коммунистической группы из «Народной гостиницы», секретарь райкома партии V района Будапешта во время диктатуры пролетариата, один из тех, кто до самого конца пролетарской диктатуры боролся на фронтах, а после ее падения прошел через венгерские тюрьмы и пытки палачей Хорти, кто был освобожден — в порядке обмена заключенными — благодаря солидарности Советского Союза, кто трудился на поприще закладки фундамента социалистической экономики в Советском Союзе, а теперь, как пролетарский писатель, пишет о революции для рабочего читателя.

Мы настоятельно рекомендуем это революционное произведение вниманию читателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ЙОЖЕФА ЛЕНДЬЕЛА «ВИШЕГРАДСКАЯ УЛИЦА»

16 января 1932 г.

Книга товарища Йожефа Лендьела[1] не историческое исследование и не роман. Это особый род мемуарной литературы, который он называет историческим репортажем или исторической публицистикой. Мы говорим об особом роде мемуарной литературы потому, что автор из революционных событий, в гуще которых он жил, описывает только то, что сам непосредственно наблюдал.

Возможно, найдутся люди, которые будут критиковать такой вид мемуарной литературы, не признавая за ней достоинств ни художественной литературы, ни публицистической. Однако правомерность книги в первую очередь определяется тем, служит ли она интересам освобождения рабочего класса, интересам революционной работы. С этой точки зрения и оставляя в стороне вопрос о так называемой «литературной ценности» в узком смысле слова, книга Йожефа Лендьела безусловно ценное произведение. Оно ценно тем, что освещает такие интересные факты из венгерского революционного движения и истории Коммунистической партии Венгрии, которые в наши дни уже не очень хорошо помнят даже люди, активно

[1] Лендьел Йожеф (р. 1896) — писатель, журналист, публицист. В период первой мировой войны включился в антивоенное движение. Член Компартии Венгрии со дня ее основания. До августа 1919 г.— сотрудник центрального органа компартии газеты «Вёрёш уйшаг». После падения Венгерской Советской Республики эмигрировал, жил в Германии, затем поселился в Советском Союзе. Одно время являлся редактором журнала венгерских политэмигрантов в СССР «Шарло эш Калапач». После освобождения Венгрии вернулся на родину. Лауреат премии им. Кошута.— *Ред.*

участвовавшие в революционных событиях, описываемых товарищем Йожефом Лендьелом.

Особый интерес с точки зрения сегодняшнего дня представляет все то, что написано Йожефом Лендьелом о предшественниках Коммунистической партии Венгрии, об антимилитаристском движении во время войны, об образовании Коммунистической партии Венгрии и ее борьбе. В настоящее время в связи с письмом товарища Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» каждая коммунистическая партия должна в интересах сохранения идеологической чистоты коммунистических партий и их дальнейшей большевизации критически оценить собственное прошлое, выявить весь шлак, оставшийся от прошлого, от социал-демократических партий. В этой связи данная книга дает целый ряд важных сведений, касающихся истории венгерской революции.

В книге Йожефа Лендьела мало прямой критики, но тем, что в ней искренне, без прикрас, без фальсификации рассказывается о фактах, показываются взгляды активных участников и организаторов революции и их методы действий, автор все же в определенной мере критикует недостатки и ошибки, совершенные нами в ходе подготовки революции и руководства ею.

Коммунистическая партия Венгрии, как показывают пережитые и описанные Йожефом Лендьелом события, имеет три идеологических источника. Первый источник — антимилитаристские, антивоенные, революционно-пацифистские движения во время войны. Указанные движения связаны прежде всего с именем Отто Корвина, но идеологически — главным образом с деятельностью и литературными трудами Эрвина Сабо[1]. Этот идеологический источник не был марксистским. Эрвин Сабо уже в начале 900-х годов отошел от революционного марксизма. Он подпал под влияние французского синдикализма и в полном смысле слова стал мелкобуржуазным революцио-

---

[1] Сабо Эрвин (1877—1918) — один из лидеров оппозиции в социал-демократической партии Венгрии, резко критиковавший оппортунистическую политику ее правого руководства. Видный деятель и теоретик венгерского рабочего движения, развернувший в годы первой мировой войны пацифистскую антимилитаристскую пропаганду. Своей деятельностью способствовал популяризации трудов основоположников научного социализма Маркса и Энгельса. Впоследствии перешел на синдикалистские позиции.— *Ред.*

нером. Мелкобуржуазная революционность уже в предвоенные годы привела его на почву буржуазного радикализма. Хотя он резко критиковал оппортунистическую коррумпированную венгерскую социал-демократию, эта критика в действительности не выходила за рамки политики классового сотрудничества с буржуазией, на основе которой штаб социал-демократической партии заключал пакты, вступал в сговор и торговался с буржуазией. Критика Эрвина Сабо была лишь морализующей, этической критикой коррупции социал-демократической партии. И как бы ни был прав Эрвин Сабо в отношении глубокой коррумпированности социал-демократической партии, эта критика не могла по-марксистски эффективно воздействовать на элементы, подпавшие под его влияние. Рабочие, которые в силу своей революционности протестовали против политики классового сотрудничества и классового предательства социал-демократии, еще до войны начали искать идейное выражение своей стихийной революционности и пришли таким путем к синдикализму Эрвина Сабо. Из этих рабочих и некоторых молодых интеллигентов сложилась во время войны ведущая группа антимилитаристского движения в Венгрии.

Из книги Йожефа Лендьела отчетливо видно, что упомянутая группа во время войны не дошла даже до того, к чему пришел центр Циммервальдского объединения. Их взгляды носили скорее характер революционного пацифизма, чем социалистической революционности. Вместе с тем данная группа, несомненно, осуществила во время войны ряд революционных мероприятий. При этом члены группы руководствовались не идеологией, а революционным инстинктом, обусловленным тесной связью с определенными кругами революционных промышленных рабочих. Можно сказать, что эта группа в некоторой степени вопреки своей идеологии действовала революционно, выступая против империалистической войны, правящего класса, социал-демократической партии Венгрии и реформистских профсоюзов. Особенно это проявилось во время январской и июльской забастовок 1918 г. И все же эта группа почти в полном составе приняла участие в создании Коммунистической партии Венгрии. Бо́льшая часть ее до конца участвовала в борьбе, которая велась в Венгрии в 1918—1919 гг. пролетариатом и беднейшим крестьянством против венгерской буржуазии и меж-

дународного империализма, очень многие из этих деятелей до конца участвовали в боях на стороне диктатуры пролетариата, многие остались в рядах коммунистической партии и после падения пролетарской диктатуры. Иногда вместе с упомянутой группой, а иногда сепаратно вела борьбу левая социал-демократическая группа, бо́льшая часть участников которой в той или иной степени была связана с Эрвином Сабо. Они представляли собой скорее внутреннюю оппозицию в социал-демократической партии. Эта группа не довела дело до полного разрыва, опасаясь преследований со стороны руководства социал-демократической партии, которое применяло против них самые подлые методы. Они были опытнее молодежи, группировавшейся вокруг Отто Корвина, но по характеру своей деятельности отставали от нее.

Общей базой двух групп был великолепный революционный рабочий отряд профуполномоченных. Обе группы осуществляли через них связь с массами. За профуполномоченными шли широкие массы рабочих будапештских и провинциальных предприятий, особенно военных предприятий. Впоследствии профуполномоченные составили большую часть кадров коммунистической партии.

Третьим идеологическим источником Коммунистической партии Венгрии было движение военнопленных, которое началось в России среди миллионной массы рабочих и крестьян под влиянием Февральской буржуазно-демократической революции и усилилось в результате одержанной под руководством ленинской большевистской партии Октябрьской пролетарской революции 1917 г. Массовая база движения военнопленных в России, которое дало венгерскому пролетариату Тибора Самуэли, была несомненно шире, чем массовая база антимилитаристских движений в Венгрии во время войны. Венгерские рабочие и крестьяне впервые почувствовали ветер революции в феврале 1917 г. в России. Этот ветер в октябре 1917 г. превратился в революционный ураган, увлекший за собой сотни тысяч венгерских рабочих и крестьян.

В революционной борьбе того времени мы впервые непосредственно и подробно узнали о единственном после смерти Маркса и Энгельса подлинном революционном марксизме — большевизме. Впервые мы на практике по-

знали, что такое революционное действие, и приняли участие в руководимой марксистско-ленинской партией настоящей, последовательной революционной борьбе. Большие массы венгерских крестьян, находившиеся на территории России, впервые обрели своих революционных руководителей среди венгерских рабочих. В России в наших рядах родилась мысль о необходимости покинуть ставшую оппортунистической и социал-шовинистской, опозоренную классовым предательством социал-демократическую партию и, создав новую партию, обеспечить революционное руководство венгерским рабочим классом и беднейшим крестьянством.

Мы, руководители и борцы зарождавшегося движения, были еще далеки от того, чтобы понять во всей глубине и охватить во всей широте ленинское учение большевистской партии. Те из нас, кто вышел из социал-демократической партии, еще долго носили на себе груз социал-демократизма, от которого освободились главным образом благодаря революционному инстинкту. Многие положения большевистского учения мы освоили лишь поверхностно, оно еще не вошло в нашу плоть и кровь, не стало единственным компасом наших действий. К нашему революционному движению примкнул целый ряд мелкобуржуазных элементов. Они не имели глубоких корней в революционном рабочем классе и сохранили многое из своих прежних взглядов, обусловленных их мелкобуржуазным социальным происхождением. Все мы еще не могли в противоположность русским большевикам разобраться в актуальнейших социальных и экономических вопросах, точно определить движущие силы революции в Венгрии, расстановку классовых сил, а также конкретные задачи революции в стране, где хотя главным социальным противоречием и было противоречие между буржуа и пролетарием, но противоречия между крупными землевладельцами и основными массами крестьян также имели решающее значение для революции.

Отсюда проистекала непоследовательность в революционных действиях, которая нашла выражение главным образом в двух основных ошибках, в значительной мере определивших судьбу венгерской пролетарской революции: по вопросу о роли коммунистической партии и оценки социал-демократии, а также по крестьянскому вопросу.

Мы знали, что без самостоятельного передового отряда рабочего класса, без коммунистической партии невозможно вести успешную борьбу за революционную классовую диктатуру рабочих. Нам было известно и то, что без диктатуры пролетариата нельзя перейти от капитализма к социализму. Поэтому в противовес синдикалистским элементам (которые вообще не хотели организовывать политическую партию), вопреки левым (тогда еще левым без кавычек) социал-демократам, которые после присоединения к нам не хотели порывать с социал-демократической партией, возвратившаяся из России группа военнопленных, с оружием в руках, словом и пером принимавшая участие в русской революции и гражданской войне, настаивала на немедленном создании Коммунистической партии Венгрии. Поэтому в противовес социал-шовинистам, которые уже тогда возглавили преследования и травлю коммунистов, венгерская партия коммунистов решительно бросила в массы лозунги, призывавшие к установлению Советской власти, к вооружению рабочего класса, к вооруженному восстанию.

Но поскольку мы несли на себе груз социал-демократизма, поскольку мы еще не избавились от всех социал-демократических традиций, мы не смогли в решающий момент, когда встал вопрос о захвате власти, правильно оценить роль социал-демократической партии, не отдавали себе отчета в том, что в борьбе за сохранение власти, в борьбе за построение социализма коммунистическая партия нужна не в меньшей степени, чем в борьбе за власть.

Точно так же обстояло дело и с крестьянским вопросом. Коммунистическая партия впервые провозгласила в Венгрии лозунг революционного союза рабочего класса и крестьянства, безусловную необходимость этого союза с точки зрения победы революции. Она провозгласила также, что крестьянство может освободить себя, лишь вступив в союз с пролетариями города и деревни при гегемонии рабочего класса и руководстве коммунистической партии. Так, только так, причем скорее формально, мы тогда понимали учение большевизма о крестьянстве как резерве пролетарской революции.

Но этот большевистский лозунг нам не удалось наполнить соответствующим содержанием. Мы не понимали, что социально-экономическая структура Венгрии, нали-

чие феодальных пережитков создают основу для рабоче-крестьянского союза, но что эту основу можно использовать только в том случае, если пролетарская революция сметет со своего пути феодальные пережитки системы землевладения с ее институтом батраков, осуществит задачи, которые не осуществила и не могла осуществить буржуазно-демократическая революция (так называемая революция Каройи), поскольку господствующим классом этой революции была буржуазия во главе с финансовым капиталом, хотя внешне ее представляли граф Михай Каройи, Оскар Яси, Жигмонд Кунфи и Эрнё Гарами. Мы не понимали, что осуществление этих задач уже само по себе делает невозможным непосредственное превращение крупных землевладений в социалистические хозяйства и требует удовлетворения путем раздела земли векового земельного голода основных масс сельскохозяйственных рабочих и крестьян, в том числе и середняков.

Все это в книге Йожефа Лендьела преподносится не в форме теоретического анализа или исторического исследования. В ней, как правило, не содержится критического разбора указанных вопросов. И все же книга дает весьма интересный материал для понимания совершенных ошибок.

В период войны и революции различные по своему социальному и идеологическому происхождению элементы объединились в одной партии — коммунистической партии пролетариата, которая, не успев еще сформироваться, оказалась во главе борьбы революционного рабочего класса и крестьянства, развернувшейся с большой стихийной силой. Она смогла дать общее направление борьбе, сумела стать страстным агитатором, полным голосом призывавшим к революционному восстанию,— и все это буквально за несколько дней. Ей нельзя также отказать в том, что она стремилась организовать массы. Но чего не удалось добиться коммунистической партии за четыре с половиной месяца, прошедших до захвата власти, так это способности быть последовательно революционным руководителем.

Товарищ Йожеф Лендьел, который работал с нами в редакции центральной партийной газеты «Вёрёш уйшаг» и был близок к центральному руководству партии, а до этого, в период войны, находился в самой гуще антимилитаристского движения, показывает исторические заслуги

и ошибки революционного движения в Венгрии и его ведущей партии — коммунистической партии главным образом через действующих в книге лиц.

Все вышеупомянутое необходимо было рассказать, чтобы читатель мог критически подходить к воспоминаниям, критически оценивать описанные в книге действия и взгляды участвовавших в революции людей. Это нетрудно сделать через 13 лет, имея тринадцатилетний опыт и пройдя тринадцатилетнюю большевистскую школу. Особенно теперь, когда нужно тщательно проанализировать ошибки нашего революционного прошлого, чтобы, преодолев их, реализовать исторические достижения нашей революции в новых больших боях под руководством Коммунистической партии Венгрии за новую победу пролетарской революции в Венгрии.

История революционной партии — независимо от того, знакомятся ли с ней по историческим, или теоретическим исследованиям, или же по наполовину художественным, наполовину мемуарным произведениям, каким, например, является книга товарища Лендьела,— всегда должна оказывать эффективное воздействие на революционных рабочих, поскольку история партии есть важная составная часть идеологии партии. Рабочий класс, учил Ленин, должен до конца пройти полную школу революции. Период, который охвачен в книге, явился большой школой для рабочего класса и беднейшего крестьянства Венгрии. Еще большей школой он был для Коммунистической партии Венгрии. Но ни для рабочего класса, ни для его революционной руководящей партии данный период не оказался полной школой. В этой легко читающейся и насыщенной интересными и характерными эпизодами книге читатель найдет много такого, что сможет использовать при углубленном изучении великих исторических уроков пролетарской революции в Венгрии. Вот почему мы рекомендуем эту книгу благосклонному вниманию всех венгерских рабочих.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТИБОРЕ САМУЭЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ ТИБОРА САМУЭЛИ «БОЕВАЯ ТРЕВОГА»

Опубликовано в 1933 г.

I. Каким был Тибор Самуэли

> «...Диктатура (речь идет о диктатуре пролетариата.— *Ред.*) предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков, их прихвостней. Кто не понял этого, тот не революционер, того надо убрать с поста вождей или советчиков пролетариата» [1].

Это слова Ленина. Они взяты из того письма, которое Тибор Самуэли привез из Москвы, совершив туда сопряженную с опасностями смелую поездку, и которое известно как «Привет венгерским рабочим», посланный Лениным. Среди руководителей венгерской революции не было никого, кто понял бы этот совет лучше, чем Самуэли, непоколебимый революционер, пламенный трибун и твердый как сталь боец пролетарской революции. Он был беспощаден, суров, оперативен и решителен в своих революционных действиях против эксплуататоров-капиталистов и их прихвостней, являясь живым воплощением того, какими должны были быть пролетарская диктатура, применение революционного насилия в Венгрии. Тибор Самуэли был совестью революции, ее боевым глашатаем и разящим мечом. Как при жизни, так и после смерти его люто ненавидела и ненавидит венгерская и международная буржуазия, все враги рабочего класса. Это был революционер, память о котором всегда будет жить и поднимать венгерский пролетариат и его ведущую силу — коммунистическую партию — на борьбу с врагами революции, на классовую борьбу трудящихся против эксплуататоров и угнетателей, призывать их к выполнению своего долга, к чему они и приступили, правда робко и неумело, допустив так много ошибок, в период первой диктатуры пролетариата.

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 385.

Победа или смерть — вот лозунг Тибора Самуэли в дни революции. Он непоколебимо боролся и верил в победу. Неустанно убеждал он массы рабочих верить в свои силы, поднимал их на борьбу за свое освобождение. И, не одержав победы, он, не колеблясь, отдал свою жизнь за освобождение пролетариата. Непоколебимая вера в силу пролетариата — вот где неистощимый источник необычайной революционной энергии Тибора Самуэли. В одном из своих приказов, опубликованных в органе Народного комиссариата по военным делам, в газете «Вёрёш катона»[1], от 30 марта 1919 г., в момент, когда Венгерская Советская Республика, по сути дела, еще не располагала надежными, боеспособными вооруженными силами, Тибор Самуэли, будучи заместителем народного комиссара по военным делам, призывал к революционной борьбе:

«Пролетариат может добиться своего освобождения только своими собственными силами, он может рассчитывать лишь на самого себя. А силы его зависят от уверенности в себе, от революционной сознательности. Эта сознательность должна стать основой революционной дисциплины пролетариата, на которой и будет построена новая, революционная армия пролетариата.

Интересы международного пролетариата призывают под наши знамена всех трудящихся Венгрии. Место каждого — в рядах Красной Армии. Ныне формируется западный форпост священной борьбы пролетариев всего мира. Революционное сознание придает невиданные стойкость и отвагу каждому ее солдату! У него только два пути:

Победить или умереть!

В этой борьбе нам нечего терять, кроме своих цепей, приобретем же мы весь мир!

Свежий весенний ветер развевает наше знамя с этим призывом. Пусть это глубоко западет в сердце каждого пролетария.

Нам ведь действительно нечего терять, кроме своих цепей. Эта борьба потребует героизма и жертв, но она завершится нашей победой.

Наградой за революционную самоотверженность явится освобождение мирового пролетариата!

---

[1] «Красноармеец». — *Ред.*

Вперед, красные солдаты!»

Явно буржуазная пресса и печать, прикрытая социал-демократической маской, изливала на Тибора Самуэли — как при его жизни, так и после смерти — целые потоки лжи и клеветы. Но он стоял на недосягаемой для них высоте, оставаясь кристально чистым вождем революции как при жизни, так и после своей смерти. К нему не пристанет никакая ложь, даже самая мерзкая и гнусная. Враги пытались изобразить его не революционным вождем, который в рабочем классе черпает свои силы и свою революционность, а бунтарем-одиночкой, руководствовавшимся какой-то абстрактной революционной идеей. Непоколебимая вера в открытое Марксом историческое призвание пролетариата, в его революционность придавала Тибору Самуэли несокрушимую революционную силу, и не во имя какой-то абстрактной идеи, не ради нее, а в интересах рабочего класса, как его приемный, но самый преданный сын, он боролся и отдал революции свою жизнь. Память о нем будет служить боевым оружием рабочего класса в нынешних и грядущих освободительных боях.

II. Путь к большевизму

Как и многие другие передовые, выдающиеся борцы за дело рабочего класса, отдавшие за него свою жизнь, Тибор Самуэли тоже не являлся выходцем из рабочей среды. Маркс и Энгельс объяснили в «Коммунистическом манифесте», в силу каких причин к борющемуся за свое освобождение рабочему классу примыкали выходцы из таких классов, интересы которых не тождественны и, больше того, даже диаметрально противоположны интересам пролетариата.

«Наконец,— пишут Маркс и Энгельс,— в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть буржуазии

переходит к пролетариату, именно — часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения»[1].

Тибору Самуэли не понадобилось проделывать длинный путь, чтобы сблизиться с рабочим классом, примкнуть к нему. Родился он 27 декабря 1890 г. в мелкобуржуазной семье в расположенном в Ньиршеге городе Ниредьхазе, основную массу жителей которого составляли словацкие крестьяне, мелкие ремесленники и весьма незначительное число рабочих, главным образом кустарной промышленности. Господствующий класс представляла там узкая прослойка капитализирующихся джентри — отпрысков старинных дворянских венгерских фамилий, новоиспеченные еврейские капиталисты, землевладельцы и хлеботорговцы. В ту пору, когда родился Тибор, отец его служил кладовщиком в одном из хлебных лабазов, получая скромное жалованье. Позднее, в 1907 г., он стал сам торговать зерном. Когда Тибору исполнилось пять лет, родители послали его в школу. По окончании пяти классов начальной школы его записали в евангелическую гимназию Ниредьхазы. Вскоре у темпераментного, правдивого мальчика возник конфликт с некоторыми консервативными преподавателями. Особенно обострились его отношения с преподавателем Циммерманом, который добился исключения Тибора из третьего класса гимназии, так что в следующем году ему пришлось продолжать учебу в другом городишке Ньиршегского края — Надькалло.

Между прочим, спустя многие годы пути-дороги преподавателя Циммермана и Тибора Самуэли снова пересеклись. В самом начале первой мировой войны господин учитель попал в плен. Бывший преподаватель встретился со своим учеником в Сибири. Бывший ученик пропагандировал в то время среди военнопленных идеи «Коммунистического манифеста», а бывший преподаватель в целях противодействия социалистической агитации некогда изгнанного из гимназии ученика ходил по баракам с библией в руках. Узнав о победе «большевистского антихриста» и о том, что Тибор стал большевиком, религиозный фанатик Циммерман окончательно помешался...

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 433—434.

Все же по просьбе отца через год Тибора опять приняли в ниредьхазскую гимназию, в четвертый класс, с тем, однако, условием, чтобы, перейдя в очередной класс, он перевелся в другую школу.

На следующий год Тибор уже учился на первом курсе высшего коммерческого училища в Дьёре. Этот город, являвшийся резиденцией епископа, как раз в то время быстрыми темпами индустриализировался. В растущем промышленном центре активизировалось социалистическое движение, особенно среди рабочих вагоностроительного завода и железнодорожных ремонтных мастерских.

В противовес епископату возникло движение свободомыслящих, опиравшееся на буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию и находившее поддержку в борьбе против клерикальной реакции среди рабочих. Участники движения выступали за «новую Венгрию», за всеобщее избирательное право, причем со свойственной мелкой буржуазии непоследовательностью, объяснявшейся ее классовым положением. В этих кругах много толковали об общественных науках, о социальном прогрессе, упоминали, хотя и в покровительственно-снисходительном тоне, даже о марксизме, квалифицируя его как «догматическую систему». Они «критиковали» Маркса, совершенно не понимая, в чем суть его учения. Одно время венгерская социал-демократическая партия и в Будапеште и в провинции чуть ли не всю политико-просветительную работу среди рабочих отдавала на откуп прослойке интеллигенции, группировавшейся вокруг «Общества социологии» и его журнала «Хусадик сазад»[1]. В этих кругах Тибор впервые услышал о демократии, свободомыслии, социализме.

В коммерческом училище Самуэли прилежно учился, был одним из самых активных слушателей кружка самообразования. К великому ужасу своих преподавателей, он писал стихи, рассказы в социалистическом, вольнодумском, атеистическом духе. Но его социалистические убеждения отнюдь не ограничивались областью литературы. Когда в 1907 г. директор училища избил сына од-

---

[1] «XX век» — общественно-политический журнал буржуазно-радикального направления, выходивший под редакцией одного из его основателей известного публициста Яси Оскара.— *Ред.*

ного рабочего, демонстративно надевшего 15 марта[1] красный галстук, Тибор написал в газету «Непсава» статью против директора. Поскольку скоро начинались экзамены на аттестат зрелости, преподавательский совет решил не исключать его из училища, ограничившись вынесением строгого взыскания.

Окончив коммерческое училище, Тибор Самуэли работал в Будапеште на различных предприятиях и в страховых обществах. Затем он вернулся в родной город Ниредьхазу, где стал заниматься журналистикой, сотрудничая в газете «Сабольч вармеде». Здесь Самуэли вступил в местную организацию социал-демократической партии. Полгода спустя он переехал в Надьварад[2] и устроился там в редакцию одной радикальной газеты, а в 1912 г. стал помощником редактора фиумской газеты «Тенгерпарт».

В 1913 г. Самуэли совершил поездку по странам Европы. Вернувшись в Венгрию, он некоторое время зарабатывал на жизнь в агентстве печати, затем стал сотрудником отдела информации газеты «Непсава». В это же время он исполнял обязанности помощника редактора еженедельника свободомыслящих антиклерикального направления «Утторе», в котором публиковал смелые, хлесткие, острые статьи против церковников. В 1914 г. Самуэли задумал издать сборник этих статей под названием «Страна святой Марии во власти попов», однако война помешала ему осуществить свое намерение. Он имел освобождение от воинской службы, но в декабре 1914 г. за антивоенные высказывания его аннулировали. Самуэли был призван в армию и зачислен в 65-й Ужгородский пехотный полк, формировавшийся в Шалготарьяне. Оттуда Самуэли направили в Лучинец — в школу вольноопределяющихся, где, однако, он вскоре не поладил с офицерами-инструкторами, и его отчислили обратно в полк. В марте 1915 г. с первой же маршевой ротой Самуэли отправили на фронт, где 14 мая того же года он попал в плен.

Тибор Самуэли побывал во многих лагерях для военнопленных. Особенно долго он находился на Урале, в

[1] 15 марта — день годовщины революции и национально-освободительной борьбы венгров 1848—1849 гг. против австрийского гнета.— *Ред.*

[2] Венгерское название г. Орадя (Румыния).— *Ред.*

Соликамском лагере. Во всех лагерях он вел социалистическую, антивоенную агитацию среди военнопленных, призывал рядовых и унтер-офицеров протестовать против злоупотреблений офицеров и фельдфебелей, совершаемых ими прежде всего при распределении благотворительных посылок. Смелого, неукротимого Самуэли ненавидели офицеры. Чем его только не запугивали: и «со всей строгостью судить военным трибуналом», и повесить после войны, и доносили на него царскому лагерному начальству.

Самуэли страстно ненавидел империалистическую войну и с не меньшей страстью — офицеров, зверски издевавшихся над солдатами в казармах и окопах. Эти офицеры сколотили против Тибора Самуэли самую настоящую банду. Однажды ночью они подстерегли и жестоко избили его, сломали два ребра, из-за чего он несколько месяцев пролежал на грязной госпитальной койке.

По излечении Самуэли попал в Надеждинск, на большой уральский военный завод, где работал чертежником. Там ему жилось плохо, и он сбежал, намереваясь перебраться в Америку и устроиться на работу в редакцию социалистической газеты «Элёре». Но на финской границе его схватили и, избив до полусмерти, посадили в штрафной барак лагеря для военнопленных, откуда его освободила только Октябрьская революция в 1917 г.

III. В стране Ленина и пролетарской революции

Пролетарская революция в России ознаменовала собой новую полосу в жизни Тибора Самуэли. В январе 1918 г. он приехал в Москву, где принял участие в организации первых комитетов военнопленных. На одной из самых аристократических улиц — Поварской, названной впоследствии именем убитого белогвардейцами товарища Воровского, руководство московской окружной организации военнопленных заняло особняк князя Лейхтенберга. В то время, в январе 1918 г., руководство этой организации созвало конференцию делегатов лагерей военнопленных, находившихся на территории Московского военного округа. Самуэли принял участие в подго-

товке конференции, на которую приехал и я из Петрограда как представитель редакции газеты «Немзеткёзи социалишта». Эта первая венгерская революционная газета в России предназначалась прежде всего для распространения на фронте, в войсках австро-венгерской армии, а также служила средством агитации среди военнопленных.

В Москве я увиделся с Тибором Самуэли. Мы уже встречались и раньше, в Венгрии. Эта наша встреча состоялась в особняке комитета военнопленных на Поварской улице. Самуэли, так же как и я, был в штатском, уже успев сбросить военный мундир австро-венгерской армии. У него еще болел бок, но, невзирая на недомогание, он ежедневно участвовал в двух-трех заседаниях.

Самуэли рассказал мне о своем намерении уехать в Америку. Я отговаривал его, советуя остаться в Советской России, в Петрограде, перейти к нам в редакцию, остро нуждавшуюся в эффективной помощи грамотного и опытного журналиста-революционера. Он был просто необходим, поскольку помимо редактирования венгерской газеты мне приходилось еще самому писать большую часть статей для газеты «Факел», выходившей на немецком языке (редактор «Факела» товарищ Карл Радек участвовал в то время в мирных переговорах в Брест-Литовске в качестве эксперта). В первый день конференции мне так и не удалось отговорить Самуэли от поездки в Америку. Однако перед самым моим отъездом в Петроград, уже на вокзале, он сообщил мне о решении остаться в Советской России и войти в состав редколлегии газеты «Немзеткёзы социалишта». Но нам так и не удалось осуществить наш план совместной работы, ибо через несколько дней после возвращения в Петроград мне пришлось с небольшим отрядом, сформированным из военнопленных, отправиться на германский фронт, который в связи со срывом мирных переговоров угрожающе приблизился к Петрограду — тогдашней столице Российской Советской Республики. Под Нарвой наш отряд был разбит, а вскоре был подписан Брест-Литовский мирный договор.

Советское правительство переехало в Москву, редакция нашей газеты последовала туда же. Однако в результате вмешательства германского и австро-венгерского правительств газета «Немзеткёзы социалишта»

после заключения Брестского мира прекратила свое существование

В течение одной-двух недель мы готовились к созданию нового агитационного центра, к изданию новой газеты, к формированию из военнопленных интернационалистской армии. Одни военнопленные из числа активистов хотели ограничиться созданием массовой организации для защиты интересов военнопленных. Другие же выдвигали идею создания отдельной социал-демократической партии из военнопленных.

Предполагавшийся Всероссийский съезд военнопленных обещал быть бурным. Среди военнопленных обозначились два основных течения. Одно образовалось из сторонников создания организации, призванной защищать интересы военнопленных. Эту группировку возглавили люди, не желавшие порывать с социал-демократическими партиями. Другой лагерь составила революционная группа коммунистов, рассматривавших массовые организации военнопленных прежде всего как школу коммунизма, как сборные пункты по формированию интернациональных частей Красной Армии. Эта группа хотела также приступить к подготовке кадров для будущих самостоятельных коммунистических партий, которые предполагалось создать на территории австро-венгерской монархии.

Казалось, что на предстоящем съезде перспективы для нас, коммунистов, не особенно благоприятны. Слишком сильным было стремление военнопленных к миру, но еще в большей мере сказывалось влияние иллюзий относительно возможности скорого заключения мира. «Мы хотим домой! Только домой! Мы не возьмемся больше за оружие!» — таково было настроение, царившее в широких массах военнопленных. Но тут немалую услугу оказало нам по собственному недомыслию австро-венгерское правительство его императорского и королевского величества, которое, не без основания страшась революции, саботировало репатриацию военнопленных на родину, больше того, приказало отгонять бежавших в одиночку военнопленных, которым удавалось добраться до проволочных заграждений, тянувшихся вдоль окопов на линии фронта.

Необходимо было действовать решительно и быстро. По договоренности с тогдашним секретарем ЦК РКП(б)

товарищем Свердловым и комиссаром Всероссийского бюро по делам военнопленных товарищем Иваном Ульяновым мы создали группу венгерских коммунистов при ЦК РКП(б). Интерес к нашей организации проявил сам Ленин. Нас, основателей венгерской группы, было четверо: я стал председателем, Эрнё Пор — секретарем и казначеем, Тибор Самуэли в скором времени — комиссаром по военно-организационным делам, а Эндре Руднянскому, ставшему потом ренегатом, было поручено организовать издательство.

В начале апреля мы начали издавать первую коммунистическую газету на венгерском языке — «Социалиш форрадалом». Все основатели венгерской группы, кроме занимавшегося организационными вопросами Эрнё Пора, вошли в редакционную коллегию этой газеты.

Самуэли работал днем и ночью. Организовывал материал, бегал из редакции в типографию и обратно, раздобывал шрифты, разыскивал наборщиков, доставал бумагу. Одновременно он выявлял контрреволюционеров, писал разящие сатирические статьи против социал-демократических вожаков военнопленных, комплектовал отряды интернационалистов, доставал для них продукты, транспорт, оружие, беспощадно боролся с саботажниками, бюрократами и авантюристами.

На съезде военнопленных победу одержало наше направление. Вслед за венгерской группой организовались немецкая, румынская, югославская, чешская, а затем и французская коммунистические группы. Потом они объединились в Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Меня избрали председателем федерации, а одного словацкого товарища, хорошо знавшего русский язык,— секретарем. Этой работе, львиную долю которой выполнял Тибор Самуэли, В. И. Ленин придавал огромное значение. Вот что он говорил на VIII съезде РКП(б):

«Я должен обратить внимание на отчет о деятельности федерации иностранных групп. Эта область работы знакома мне постольку, поскольку я имел возможность бегло просмотреть материалы иностранных групп. Их было вначале 7, теперь 9. Товарищи, живущие в чисто великорусских местностях, не имевшие возможности непосредственно ознакомиться с этими группами и не видавшие отчетов в газетах, благоволят просмотреть выборки из газет, которые я позволю себе не читать

полностью. Я должен сказать, что здесь замечается настоящая основа того, что сделано нами для III Интернационала... Если в короткий срок мы могли так много сделать на съезде коммунистов в Москве (Ленин говорит об учредительном съезде Коммунистического Интернационала.— *Б. К.*), то это благодаря тому, что была выполнена гигантская подготовительная работа Центральным Комитетом нашей партии и организатором съезда тов. Свердловым. Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев, и был организован целый ряд иностранных групп. Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности невидной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии» [1].

Тибор Самуэли формировал интернациональные батальоны, писал статьи, занимался агитационной работой, читал лекции на курсах подготовки агитаторов, куда мы вызвали и его младшего брата — Ласло Самуэли, способного и смелого молодого человека, чью жизнь в 1920 г. оборвали хортистские палачи, повесив его. В июле 1918 г. Тибор Самуэли принимал участие в подавлении эсеровского мятежа в качестве командира роты срочно сформированного батальона военнопленных, с которым мы отбили у контрреволюционеров захваченное ими здание Центрального почтамта в Москве.

Самуэли принимал участие в борьбе с белочехами в районе Казани. Возвратившись оттуда, он лично доложил Ленину о боевых действиях интернациональных частей. Во время этой встречи Ленин долго беседовал с нами о Венгрии, о борьбе там за всеобщее избирательное право, расспрашивал о Тисе, о венгерской социал-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 147—148.

демократической партии и особенно интересовался, готовы ли мы создать свою, самостоятельную коммунистическую партию или собираемся пока оставаться в рядах социал-демократической партии. Самуэли сослался на статьи, опубликованные в «Социалиш форрадалом», в которых мы развернули ожесточенную борьбу против венгерской социал-демократической партии. Ленин одобрил нашу работу, направленную на быстрейшее создание Компартии Венгрии.

В конце сентября 1918 г. нам сообщили из Швейцарии, что как «Социалиш форрадалом», так и наши многочисленные листовки попадают в Венгрию не только через возвращающихся на родину военнопленных, но и через нашего старого испытанного товарища Фаркаша Лебовица, проживавшего в то время в Швейцарии. На статьи «Социалиш форрадалом», в которых подвергалась резкой критике деятельность социал-демократической партии Венгрии, Эрнё Брестовски, публицист газеты «Непсава», находившийся во время войны на излечении в Швейцарии, отвечал в примирительном тоне, видимо, тайно симпатизируя нам. Мы решили, что на статьи Брестовски откликнусь я сам в «Социалиш форрадалом», а Тибор Самуэли поедет в Швейцарию и через Фаркаша Лебовица и Эрнё Брестовски установит контакт с директором будапештской городской библиотеки Эрвином Сабо, который, по нашим сведениям, сочувствовал большевикам. Ядро руководства Компартии Венгрии мы решили создать в Москве, а затем мне предстояло выехать в Венгрию, чтобы на месте создавать партию. Самуэли же будет поддерживать с нами связи через Швейцарию.

Отчетливо помню, что как раз в тот день, когда происходила национализация частных магазинов, я придавал Тибору «западный лоск» в одном из магазинов готового платья на Тверской. На следующий день он, радостный, отправился в Швейцарию. Единственное, что его смущало, так это фасон воротника. В Берлине Самуэли встретился с Либкнехтом, о переговорах с которым написал мне в Москву. Письмо это попало ко мне в руки только после моего возвращения в Москву осенью 1920 г., когда прах Либкнехта уже покоился на берлинском кладбище — к чему приложили свою руку Носке и иже с ним,— а останки Тибора Самуэли — где-то в не-

известном месте, о чем позаботились контрреволюционеры.

В Швейцарии Тибору удалось пробыть недолго. Ее правительство предложило советскому полпредству покинуть пределы страны, а затем выдворило и всех «подозрительных лиц». Тибора выслали в Германию, откуда после множества перипетий в конце ноября или начале декабря он вернулся в Москву. Здесь он написал небольшую брошюрку об октябрьской революции в Венгрии, в которой разъяснял военнопленным истинную суть политики Михая Каройи и венгерской социал-демократической партии.

Самуэли работал в редакции «Социалиш форрадалом» и готовился выехать в Венгрию. Примерно 25 декабря он покинул Москву. Остановившись в Берлине, Самуэли вновь встретился и вел переговоры с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, а 3 января прибыл в Будапешт, где жила и боролась, идя от победы к победе, его партия — Коммунистическая партия Венгрии.

IV. В борьбе за диктатуру пролетариата

Тибор где-то узнал мой адрес и прямо с вокзала неожиданно нагрянул ко мне на квартиру на улице Удьнёк. Его первыми словами были:

— Вы все-таки беспечный человек! Четыре детектива околачиваются возле дома. Вас кто угодно и когда угодно может прихлопнуть в этой квартире. Почему вы не выбрали себе более подходящее жилье, где хватило бы места и для нескольких товарищей из бывших слушателей московских курсов агитаторов?

Тибор был добросердечным, чутким, заботливым товарищем. Он обладал не очень общительной натурой, скорее, иронически насмешливой. Однако, несмотря на это, он неизменно проявлял заботу о каждом человеке. Но вместе с тем он терпеть не мог, чтобы кто-то заботился о нем самом. Спустя несколько дней по соседству с моей квартирой он поселил в каморку в качестве моей «охраны» одного товарища, вернувшегося из России, и снабдил его двумя пистолетами. На следующий день Тибор Самуэли выехал в Ниредьхазу, где 5 января 1919 г. в помещении городского театра должен был со-

стояться его доклад на тему «Империалистическая диктатура или диктатура пролетариата». В Ниредьхазе братья Самуэли создали местную партийную организацию, при активном участии которой была проведена подготовка к созыву многолюдного собрания. Коммунисты склонили на свою сторону артиллерийский полк, большинство корпуса полковых уполномоченных гусарского полка и самую значительную и влиятельную рабочую организацию — групком профсоюза печатников.

В Ниредьхазе против Самуэли подняли разнузданную кампанию травли. По наущению министра внутренних дел правительства Каройи, нынешнего лидера мелкобуржуазной демократической группировки в Венгрии, выступающей под вывеской «партии Кошута», Винце Надя местные власти предприняли акцию с целью устранения Тибора. Бывшие военнопленные офицеры, слышавшие в Советской России об энергичном, суровом революционере Самуэли, с особым озлоблением нападали на Тибора.

И Самуэли пришлось покинуть Ниредьхазу в тот же вечер, когда он приехал. Озверевшее офицерье буквально с ног сбилось, разыскивая его. Они обшарили все поезда, а на следующий день стреляли в его братьев. В связи с этим ниредьхазская прокуратура издала приказ об аресте... отнюдь не офицеров-террористов, а трех братьев Тибора под тем предлогом, будто при содействии Тибора и Ласло Самуэли в Советской России были расстреляны несколько венгерских офицеров. Двое из братьев — один, Золтан Самуэли, был убит впоследствии в Шиофоке, другой, Дьёрдь Самуэли, лишь случайно избежал физической расправы — никогда не бывали даже вблизи границы с Россией.

Спустя несколько дней Тибора Самуэли арестовала полиция «народной республики», контролируемая социал-демократами. В результате принятых компартией решительных мер Самуэли удалось вырвать из рук полиции.

Выйдя из тюрьмы, он направился прямо в Секретариат ЦК компартии, помещавшийся на Вишеградской улице. Мы его кооптировали в состав Центрального Комитета и поручили редактирование центрального органа партии — газеты «Вёрёш уйшаг». Редакция газеты помещалась в доме № 17 на Вишеградской улице,

рядом со зданием Секретариата ЦК. Тибор жил в помещении редакции, став полновластным хозяином газеты. Его основная обязанность состояла в редактировании центрального органа партии.

Товарищ Хайду Пал — один из способных молодых сотрудников редакции, работавший в ней со дня основания газеты,— писал в мартовском номере журнала «Уй марциуш» за 1929 г. о работе Самуэли:

«Газета стала еще лучше, руководство ею осуществлялось более целенаправленно, когда наш незабвенный товарищ Тибор Самуэли вернулся на родину. Наряду с тем, что в ней печатались его превосходные статьи, основной упор он делал прежде всего на публикацию полемических статей, хорошо написанных и обработанных в коммунистическом духе. Самуэли был в высшей степени добросовестным и вместе с тем весьма взыскательным редактором, критически оценивавшим каждую строку и безжалостно отвергавшим все неудачно написанные материалы. Если только ему не приходилось отлучаться на заседания, он целыми днями работал в редакции, где и жил вплоть до волны арестов в феврале 1919 г.»

20 февраля, когда стало ясно, что после нападения демонстрантов на редакцию газеты «Непсава» и вооруженного столкновения по настоянию министров социал-демократов «народное» правительство отдаст приказ об аресте руководителей КПВ, по моему предложению было принято решение о переходе Тибора Самуэли на нелегальное положение, а сам я должен был дождаться своего ареста. Тибор скрепя сердце согласился с этим решением. Когда, скрываясь в Пеште, он 21 февраля прочитал в газетах сообщение о том, будто меня убили полицейские, а вслед за тем опровержение этой версии и подробные сообщения репортеров буржуазных газет о нападении на меня озверевших полицейских, он тайно переслал мне в тюрьму письмо. В нем Тибор горько упрекнул меня за мое предложение, чтобы не он, а я предстал перед судом.

Пока мы сидели в тюрьме, Тибор, скрываясь от ищеек социал-демократической полиции «народного» правительства, ежедневно меняя свое местопребывание, руководил редакцией «Вёрёш уйшаг», нелегальной работой всей партии. В это смутное время он являлся душой

партии, твердой рукой отстранял авантюристов и всякого рода сомнительные элементы, пытавшиеся проникнуть в ряды партии и захватить руководство ею. Не по его вине некоторым из них все же удалось пролезть в ряды компартии. Так обстояло дело до 21 марта 1919 г.— победоносного и вместе с тем рокового дня, когда пролетариат Венгрии во главе с КПВ взял в свои руки государственную власть и когда КПВ совершила под моим руководством роковую ошибку, объединившись с социал-демократической партией Венгрии.

V. Самуэли в период диктатуры пролетариата

Как действовал Самуэли в период диктатуры пролетариата? Речь здесь пойдет не о «рангах», которыми главным образом интересуются мелкобуржуазные и полубуржуазные элементы, стремясь подчеркнуть свою роль в пролетарской революции. Речь пойдет о той исторической роли, которую играл Самуэли в течение четырех с половиной месяцев героической борьбы венгерского пролетариата, выдвинувшегося в первые ряды революционного движения в Европе.

21 марта Самуэли стал заместителем народного комиссара по военным делам. В состав коллегии народного комиссариата, наглядно отражавшей положение, создавшееся в результате объединения двух партий, тогда входили: Йожеф Погань как народный комиссар по военным делам, Тибор Самуэли и Бела Санто в качестве его заместителей.

Йожеф Погань принадлежал к более молодому поколению социал-демократических лидеров и во время войны стоял на самых крайних социал-шовинистических позициях. В ходе октябрьской революции в Венгрии он превратился в «крайне левого», выделяясь своей левизной из всех социал-демократов. Это был напористый человек, несомненно, хорошо знавший историю буржуазных революций. Поэтому, как только началась революция, он тут же напялил на себя одежды, в которые рядилась целая вереница героев буржуазных революций. Он стал председателем Совета солдатских депутатов и в качестве такового упорно домогался портфеля военного министра, ведя борьбу и против офицеров, и

против коммунистов. Он доходил до крайностей в преследовании коммунистов и, несмотря на это, чуть ли не первым прибежал в пересыльную тюрьму, еще до того, как туда прибыли официальные представители социал-демократической партии для ведения переговоров об объединении.

Бела Санто был старым социал-демократическим и профсоюзным деятелем, которым пренебрегали и который находился в оппозиции к руководству социал-демократической партии. Октябрьская революция застала его на посту председателя Союза служащих частных предприятий. Он располагал обширными старыми связями среди функционеров социал-демократической партии и рабочих, был исполнительным, собранным, рассудительным руководителем. Во время октябрьской революции Санто являлся несколько дней военным комендантом Будапешта, но отказался от этого поста, так как не соглашался с проводимой социал-демократической партией политикой классового сотрудничества с буржуазией. Он выступал против разрыва с социал-демократической партией, но без колебаний вступил в коммунистическую партию сразу же, как только она образовалась, и вскоре стал одним из секретарей Центрального Комитета.

Тибор Самуэли не мог работать вместе с Поганем, да и с Санто не сработался. Погань хотел создать армию для себя, а Самуэли — для пролетарской революции. Социал-демократы ненавидели Тибора, который даже самые незначительные практические вопросы ставил остро и принципиально, не допуская никакого примиренчества. Дело создания армии застопорилось. При таком составе коллегии исключалась возможность какого бы то ни было руководства. Рабочие массы открыто требовали отстранить Поганя и, придя в Народный комиссариат по военным делам, чуть было не учинили над ним расправу. В свою очередь удаления Самуэли из Народного комиссариата по военным делам добивались не только социал-демократы. В Совете Народных Комиссаров нашелся даже коммунист, который, желая избавиться от Самуэли, предложил отправить его обратно в Советскую Россию в качестве дипломатического представителя.

Правительственный Совет сместил руководителей Народного комиссариата по военным делам. К руковод-

ству пришла коллегия в составе пяти человек, куда из прежних руководителей Правительственный Совет ввел лишь Бела Санто. Тибор был назначен народным комиссаром просвещения. Кроме того, он ведал пропагандой и оказанием помощи инвалидам, а также жилищным вопросом, выполняя фактически функции народного комиссара социального обеспечения. Дело оказания помощи инвалидам и жилищный вопрос являлись двумя наиболее трудными участками борьбы на внутреннем фронте. Проявление заботы об инвалидах означало в тот момент устранение самых острых последствий войны, так как именно тогда контрреволюция всех оттенков хотела использовать в своих корыстных целях тот факт, что жалобы инвалидов оставались неудовлетворенными. Жилищный вопрос непосредственно в послевоенный период также являлся причиной наиболее массового недовольства.

Во времена правления Каройи правительственным комиссаром по жилищным делам был Шандор Гарбаи, грузный, неповоротливый человек. При нем в жилищные учреждения пробрались буржуазные элементы. Тибор навел в них революционный порядок. На обоих участках Самуэли проделал титаническую работу. Он наладил снабжение инвалидов, вырвал их из-под влияния контрреволюционной агентуры. Что касается жилищного вопроса, то в результате деятельности Самуэли совместно с народным комиссаром внутренних дел Бела Ваго[1] в Будапеште за четыре с половиной месяца пролетарской диктатуры 30 тыс. семей рабочих были переселены в квартиры буржуев. Как лицо, ведающее пропагандой, Самуэли организовал такую первомайскую демонстрацию в Будапеште, которую рабочие столицы помнят до сих пор.

Международная контрреволюция начала империалистическую войну против молодой Советской республики, не имевшей ни организованной армии, ни военного руководства на фронтах.

---

[1] *Ваго Бела* (1881—1939) — активный участник рабочего движения в Венгрии, член компартии со дня ее основания. В период Венгерской Советской Республики — народный комиссар внутренних дел, затем командовал одним из корпусов венгерской Красной Армии.— *Ред.*

Румынские войска двинулись к Тисе, а со стороны Словакии чехословацкие части развернули наступление в направлении Будапешта.

Мы организовали Главное командование венгерской Красной Армии. Главнокомандующим Правительственный Совет назначил Вильмоша Бёма — этого сухого профсоюзного бюрократа, социал-демократа, который по всем военным вопросам шел за начальником генерального штаба Красной Армии, бывшим полковником генерального штаба Аурелом Штромфельдом [1], впрочем, отличным военным специалистом. По политическим же вопросам Бём был рупором Жигмонда Кунфи — самого опасного «прекраснодушного и медоточивого» «демократического» контрреволюционера.

Вместе с социал-демократией в диктатуру пролетариата проникли все отрицательные черты руководителей буржуазной революции: мелкая тщеславность, склонность к интригам, отсутствие самостоятельности, колебания. В Народном комиссариате по военным делам всем вершил бывший полковник генерального штаба Томбор, тоже отличный военный специалист и конкурент Штромфельда в старой армии.

Разногласия двух соперников находили отражение в значительной части разногласий между Главным командованием Красной Армии и Народным комиссариатом по военным делам.

21 апреля Тибор получил назначение на пост председателя чрезвычайных трибуналов прифронтовых районов. 23 апреля им был издан первый приказ. В его компетенцию входили подавление возможных контрреволюционных выступлений в зоне военных действий, обеспечение порядка и дисциплины среди населения и военных частей в прифронтовых районах. 20 апреля главнокомандующий Бём назначил Самуэли также комиссаром будапештской группы войск, в состав которой кроме дислоцировавшихся в Будапеште воинских частей входили отряды интернационалистов (созданные в результате работы, которую Самуэли лично проводил среди за-

[1] *Штромфельд Аурел* (1878—1927) — офицер генерального штаба. Во время Венгерской Советской Республики — начальник генерального штаба Красной Армии. После падения Советской власти в Венгрии был осужден к 3 годам тюремного заключения. В 1923 г. вступил в нелегальную Компартию Венгрии.— *Ред.*

стрявших в Венгрии русских военнопленных), бихарская гвардейская часть и 68-я бригада. Железная воля Тибора Самуэли сразу же дала себя знать как на фронте, так и в тылу. Он быстро навел порядок, став грозой контрреволюции. Тайным центром контрреволюции являлось руководящее ядро социал-демократической партии и часть среднего звена партийных и профсоюзных функционеров.

В этот период против Тибора усилилась травля. На него обрушился поток грязной контрреволюционной клеветы, тайным вдохновителем которой была социал-демократическая и буржуазная интеллигенция. Именно тогда в тех осиных гнездах, в которых вследствие нашей слабости с удобствами устроилась руководящая верхушка социал-демократов, поддерживавшая добрососедские отношения с буржуазными журналистскими кругами и тайные связи с руководящими слоями буржуазии, стали распространять лживые измышления о «кровавом псе». Наша ошибка состояла не столько в том, что мы в достаточной мере не оградили Самуэли от этой клеветы (к тому же Тибор не нуждался в защите), сколько в том, что мы не заметили, как клевета и сплетни, направленные против Тибора, превратились в одно из средств и методов классовой борьбы буржуазии. Этот метод она с не меньшим мастерством применяет в борьбе против коммунистов в течение всего периода после поражения революции.

В конце мая мы договорились, что Тибор поедет в Москву, чтобы проинформировать Ленина и (русских) товарищей о создавшемся положении. Важнейшей целью поездки мы считали обмен взаимной информацией о военном положении. Именно в таком духе и было изложено наше предложение членам Правительственного Совета. Переправка Самуэли была организована Главным командованием Красной Армии.

Тибор хотел совершить намеченную поездку на самолете, преодолеть расстояние в 2000 километров над фронтами, тылами противника, территорией вражеских стран. Пока Тибор готовился к поездке, социал-демократические вожаки распространяли сплетни о том, будто Самуэли намеревается бежать за границу с золотом.

Тибор пришел ко мне в номер гостиницы «Хунгария» и, открыв ящик письменного стола, со смехом сказал:

— Отдайте же мне золото, чтобы было с чем бежать! В доме № 5 на проспекте Андраши (здесь помещался партийный клуб, где во время картежной игры социал-демократическая бюрократия вынашивала контрреволюционные планы) распространяют слухи, будто я собираюсь бежать с золотом в Россию. Эту сплетню распространяют и на Матьяшфёльдском авиационном заводе. Прежде чем сесть в самолет, я подвергну себя личному досмотру членами рабочего совета Матьяшфёльдского завода.

И что вы думаете? Прежде чем отправиться в свой полный опасностей путь, Тибор действительно заставил произвести личный досмотр его вещей.

Самолет, на котором летел Тибор, приземлился на Украине, близ Жмеринки. Добравшись в Киев, Самуэли явился к народному комиссару по военным делам Украинской Советской республики Подвойскому и затем выехал в Москву, к Ленину.

Самуэли вернулся из поездки в Советскую Россию на стареньком самолете и привез послание Ленина. Посадку ему пришлось совершить возле Цегледа, а затем он сразу же поехал в Будапешт на заседание рабочего совета, где отчитался о своей поездке. Пока он выступал, я в соседней комнате переводил на венгерский язык письмо Ленина и поэтому не слышал его выступления.

Вечером он подробно рассказал о своей поездке в Москву. Наша беседа затянулась до утра. Смысл всего сказанного им сводился к тому, что в ближайшее время нечего и думать о возможности соединения с русской Красной Армией на территории Восточной Галиции.

Возможно, что военной демонстрацией против Бессарабии Советское правительство Украины хочет привлечь внимание румын к восточным границам страны, однако военное положение Советской России еще тяжелее, чем наше.

В начале июня забастовка железнодорожников в Задунайщине послужила сигналом к контрреволюционным выступлениям, приобретавшим все более широкий размах. Мы посоветовались с Самуэли, кому из нас выехать на периферию для подавления контрреволюционных мятежей.

— Целесообразнее ехать мне,— заметил я Самуэли,—

а вы, Тибор, останетесь в Будапеште. У меня руки не так связаны, против меня социал-демократы не осмелятся выступить столь резко, как против вас.

Тибор согласился с моим предложением, которое я затем внес на рассмотрение Правительственного Совета. Предложение было отклонено, причем коммунисты тоже возражали против того, чтобы я покинул Будапешт. Был назначен комитет из трех членов во главе с Тибором для руководства подавлением контрреволюции. Мы предложили ввести в комитет коммуниста Ференца Янчика, популярного рабочего-металлиста.

Социал-демократы в качестве третьего члена комитета выдвинули Кароя Вантуша, коммуниста, тяготевшего, однако, к социал-демократам. Все это нисколько не мешало работе Тибора.

После заседания ко мне явились руководители профсоюза железнодорожников, которые привели с собой и Ландлера, и единодушно потребовали, чтобы один из представителей союза железнодорожников (ныне полицейский агент, троцкист) Аладар Вейсхауз, выехал вместе с Самуэли как уполномоченный железнодорожников. Мы проявили некоторую слабость, уступив этому требованию.

Под руководством Тибора контрреволюционные мятежи в Задунайщине и в районе города Калоча были подавлены.

В этой борьбе с контрреволюцией Самуэли показал прекрасные образцы революционной решимости, политической стойкости и личной храбрости! Однажды он ехал на автомашине во главе колонны революционных частей, вместе с ним сидели обычно сопровождавшие его Янош Кёвеш — по приказу Хорти он потом был убит в Шиофоке — и два красноармейца с двумя пулеметами. Неожиданно противник открыл сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Невзирая на это, Самуэли врезался в боевые порядки контрреволюционных мятежников и тем предрешил исход боя.

Из политических выступлений Самуэли в период Советской республики наиболее яркой была его речь, произнесенная на съезде Советов, в которой он возражал против принятия ноты Клемансо и отвода частей венгерской Красной Армии с освобожденной территории Словакии.

Это была краткая, резкая и решительная речь, произнесенная с большим подъемом.

После съезда Советов он уже не являлся членом Советского правительства, но принимал участие в его заседаниях как председатель чрезвычайных трибуналов прифронтовых районов.

В это время враждебная кампания против Самуэли приняла особенно разнузданный характер. В течение нескольких дней он отдыхал в одной сельской усадьбе в Задунайщине, а затем снова возглавил подавление контрреволюционного мятежа в междуречье Дуная — Тисы.

Некий полковник Фехер передал Хаубриху[1] какой-то меморандум о «жестокостях», якобы совершенных при подавлении контрреволюционного выступления в районе Калоча. Среди коммунистов также нашлись люди, поверившие социал-демократам, будто «рабочий класс против террора» и что якобы Самуэли «творит жестокости без всяких оснований».

Тибор оказался мишенью всех нападок против диктатуры пролетариата, которые исходили либо из явно контрреволюционных источников, маскировавшихся с помощью социал-демократов, либо попросту являлись следствием шатаний колеблющихся элементов.

В этот период Самуэли явился одним из инициаторов движения — к сожалению, запоздалого,— которое мы совместно с некоторыми товарищами развернули в целях воссоздания коммунистической партии.

В конце июля мне сообщили по телефону, что в Дьёре вспыхнул контрреволюционный мятеж. Я позвонил Тибору, и он сразу же выехал в Дьёр. Однако, убедившись, что «контрреволюция» представляла собой всего лишь демонстрацию женщин-домохозяек,— вернулся в Будапешт.

Накануне поражения Венгерской Советской Республики, на совещании, состоявшемся в ночь на 1 августа, Самуэли выдвинул предложение, чтобы Советское правительство или предприняло попытку мобилизовать рабочих Будапешта, или отступило за Дунай. Но 1 авгу-

[1] *Хаубрих Йожеф* (1883—1939) — правый социал-демократ. Во время Венгерской Советской Республики — народный комиссар торговли, затем — нарком по военным делам и военный комендант Будапешта.— *Ред.*

ста наше правительство ушло в отставку. Ко мне на квартиру пришел Самуэли, и мы договорились, что он выедет за пределы страны на автомобиле. Самуэли хорошо знал задунайский край Венгрии и австрийскую границу. В Шаванюкуте, возле австрийской границы, имелись люди, считавшиеся заслуживающими доверия, которые контрабандой провозили военное снаряжение из Австрии. С их помощью Самуэли намеревался нелегально перейти границу, с тем чтобы пробраться затем в Советскую Россию и привезти печальную весть о падении Венгерской Советской Республики.

1 августа Самуэли выехал из Будапешта на автомашине. По пути он завернул в один из задунайских городов попрощаться с женой — Йолан Силади.

2 августа на рассвете, миновав Шаванюкут, он, согласно официальному австрийскому сообщению, якобы заблудился в приграничном лесу и был задержан австрийскими жандармами. Когда его доставили в караульное помещение, он выхватил носовой платок, в который был завернут револьвер, и выстрелил себе в голову. По пути в Винер-Нейштадтскую больницу он якобы скончался. Вот что писала после его смерти и австрийская социал-демократическая и христианско-социалистическая правительственная печать. Эту же версию распространяла австрийская социал-демократическая партия, лидеры которой Реннер и Элдерш заранее, еще 1 августа, заявили, что Тибору Самуэли не будет предоставлено право убежища в Австрии. Его не хотели допустить на территорию Австрии, как некоторых из нас, которым австрийские социал-демократические государственные деятели предоставили возможность наслаждаться «правом убежища для политических преступников» за решеткой.

Я долго не исключал возможности того, что Тибор в отчаянии, вызванном поражением Венгерской Советской Республики, оказавшись в руках жандармов, мог покончить жизнь самоубийством, но все же не был полностью уверен в этой версии. Мне всегда представлялось более вероятным, что Тибор был убит жандармами австрийской правящей социал-демократии. Один из сопровождавших его рассказывал позднее, что председатель директориума рабочего совета Шаванюкута, социал-демократ, хвастался тем, что известил австрийскую жандар-

мерию о бегстве Тибора и что, когда тот перешел австрийскую границу, жандармы уже поджидали его.

Существует и третья версия о его гибели, согласно которой Самуэли был убит якобы одним из тех венгерских белогвардейцев — а именно старшим лейтенантом Дьюлаи,— которые еще в период Венгерской Советской Республики стали служить в австрийской пограничной жандармерии и, пользуясь покровительством Отто Бауэра и Реннера, развернули на территории Австрии подготовку к выступлению против венгерской пролетарской революции.

Но что бы там ни было, в лице Тибора Самуэли революционный пролетариат потерял стойкого, неустрашимого революционного вождя, каких было не много в истории пролетарской революции и имена которых пролетариат никогда не забудет.

VI. Против двух лживых утверждений

Эти воспоминания пишет не историк, а сподвижник Тибора Самуэли, его боевой товарищ, боровшийся вместе с ним сперва в ходе русской, затем венгерской революции и вместе с ним заложивший в этих боях основы революционной партии венгерского пролетариата — Коммунистической партии Венгрии. Их пишет его соратник, продолжающий борьбу в боевых рядах венгерского и международного пролетариата в то время, когда уже нет в строю лучшего, благороднейшего друга, несгибаемого героя революции Тибора Самуэли. Я не стал бы выступать в его защиту, если бы память о нем оскверняли одни лишь борзописцы из буржуазной и социал-демократической прессы. Как это ни странно, но даже в кругу коммунистов раздаются голоса о том, будто Самуэли «совершал жестокости». Встречаются отдельные «коммунисты»-интеллигенты, которые правильно утверждают, что «осуществить чистые цели можно лишь чистыми средствами», и в то же время думают, что революционный террор пролетариата, олицетворением которого в Венгрии был Тибор Самуэли, нельзя, дескать, считать таким «чистым средством».

Я не стал бы писать и о политических отношениях между Тибором и мною, если бы отдельные «коммуни-

сты»-интеллигенты на протяжении более чем десятилетия не распространяли публицистическую стряпню буржуазных и социал-демократических писак и историков о том, будто между мной и Тибором «постоянно возникали политические разногласия» и будто Тибор как до, так и во время диктатуры пролетариата был «в оппозиции».

Эта легенда столь же лжива, как и гнусное измышление о «жестокости» Тибора, распространявшееся и поныне распространяемое прекраснодушными интеллигентиками.

VII. Борьба Самуэли с контрреволюцией

Тибор был воплощением революционного террора в глазах не только буржуазии, но и рабочего класса.

Подобное мнение получило широкое распространение в Венгрии еще до установления диктатуры пролетариата в связи с тем, что прокурор «народного» правительства возбудил против него судебное дело по обвинению в расстреле венгерских военнопленных офицеров. Это «обвинение» не имело под собой никакой почвы. За период с начала русской революции до нашего возвращения в Венгрию мне известен лишь единственный случай расстрела одного военнопленного — гусарского капрала, который по заданию датской миссии по делам военнопленных проник в одну из частей интернационалистов Красной Армии как агент австро-венгерской разведки.

Революционный террор в Венгрии, к сожалению, не носил организованного характера, к тому же при его проведении был допущен ряд ошибок. Особый следственный отдел по политическим делам Народного комиссариата внутренних дел, которым руководил Отто Корвин, работал далеко не так четко и оперативно, как ЧК в Советской России. Мы в отличие от русских большевиков не располагали опытными кадрами, закаленными в горниле двух революций, воспитанными в условиях длительной подпольной работы, в постоянной борьбе с полицией и охранкой и успешно прошедшими полный курс ленинской школы. Мы сами, кто в Советской России не случайно оказался в рядах большевистской партии — передовых борцов революции, в ту пору учились лишь в начальных классах ленинской школы. Среди коммунистов

в Венгрии тоже встречались люди, которые чурались террора как средства революционной борьбы. Социал-демократы в ответ на любую насильственную меру поднимали истошный вой. В то же время, однако, когда дело касалось их собственной шкуры, даже тогда, когда им ничто не угрожало, они охотно прибегали к услугам «террористов» для охраны собственной персоны. И в первую очередь это относится к таким деятелям, как Вильмош Бём, Якаб Велтнер и Жигмонд Кунфи.

Помимо всего прочего, репрессивные меры в Венгрии проводились не в том направлении, в каком их нужно было бы проводить в первую очередь. Мы репрессировали не притаившихся в тени вдохновителей и организаторов контрреволюции, а только непосредственных исполнителей, выступавших с открытым забралом на линии огня. На I съезде Советов это проявилось особенно отчетливо, ибо мы обнаруживали контрреволюционные листовки в самом зале съезда. После съезда Тибор Самуэли с горечью заметил мне:

— Впредь нельзя приговаривать к смертной казни ни одного крестьянина. Не те творят контрреволюцию, кто открыто выступает против нас, а клика Кунфи и Велтнера.

Венгерская контрреволюция в период диктатуры пролетариата была «демократической» контрреволюцией. Она выродилась в фашизм только после падения пролетарской диктатуры. Контрреволюционное правительство в Сегеде, графы-реакционеры, собравшиеся в Вене, и их окружение, в том числе Хорти, Бетлен и Гёмбёш,— все выдавали себя за «демократов» или заигрывали с «национальной» социал-демократией. Все они в своих расчетах уповали на социал-демократическую партию, надеясь с ее помощью осуществить все свои контрреволюционные замыслы.

Венгерские феодальные магнаты и буржуа оказались трусливее самых жалких трусов. Миклош Хорти сбежал из Венгрии после того, как мы отвергли его услуги, с предложением которых он обратился «с глубоким уважением к товарищу народному комиссару», т. е. ко мне. Покорнейшую просьбу эрцгерцога Иосифа я по сей день храню у себя. Сила этих господ заключалась в пособничестве им со стороны социал-демократии, являвшейся проводником их влияния на рабочий класс, на дикта-

туру пролетариата. Первейшей заботой социал-демократических вождей была «взаимная перестраховка» на случай падения Советской власти. Каждый имел своего еврея-банкира или магната, которого он прикрывал собой.

Тибор Самуэли с помощью многих достойных, смелых революционеров — рабочих-коммунистов, насколько это было возможно, выправлял в сфере применения революционного насилия то, что под предлогом «мягкого применения» диктатуры и в целях саботажа революционных мероприятий творили социал-демократические лидеры. Он мужественно принял на себя огонь всей той лютой ненависти, которую питали классовые враги к организатору и руководителю революционного террора. Он вполне сознательно как бы стремился к тому, чтобы всю ненависть буржуазии и социал-демократии обратить против себя. Когда после подавления июньского контрреволюционного мятежа я выступил на заседании Центрального исполнительного комитета Советов с речью против социал-демократических поборников «мягкого применения» диктатуры, Тибор после моего выступления остановил меня и с укоризной сказал:

— Зачем вам понадобилось выступать с подобной речью? Если вам еще кое-как удается объединять правительство, то столь резкое выступление лишь затруднит в дальнейшем выполнение этой задачи. Вы же народный комиссар иностранных дел, и подобные выступления лишь дискредитируют вас за границей, как они уже дискредитировали меня. Было бы разумнее предоставить мне выступить с такой речью.

Ничто не было так чуждо Тибору, как жестокость. Вильмош Бём, этот бездарный профсоюзный бюрократ, уже с самого начала диктатуры пролетариата особенно рьяно усердствовал в распространении злостных вымыслов о Самуэли. В своей книге, написанной после падения Венгерской Советской Республики, он поистине нагромоздил целую гору лживых измышлений о Самуэли и коммунистах. Он пишет, например: «Будучи человеком болезненным, Самуэли имел склонность к человеконенавистничеству». Или: «...заменяющий социалистическую теорию изуверский фанатизм порождал в нем беспощадность, которую он проявлял по отношению ко всем тем, кто противился ему».

В утверждениях о «болезненности» и «человеконенавистничестве» Самуэли нет ни грана правды. Тибор обладал превосходным здоровьем, никогда не жаловался на свои легкие, сердце, желудок, отличался выносливостью и завидной работоспособностью, неиссякаемой энергией и умением мобилизовать все свои силы. Он перенес все трудности и испытания, выпавшие на долю военнопленных рядового состава, а это было отнюдь не легко. Его худощавая стройная фигура, строгие черты лица, опрятная внешность вызывали у всех симпатии к нему. Будучи в общении с людьми немногословным, он в тесном кругу друзей был жизнерадостным, приветливым человеком. С исключительным терпением и вниманием выслушивал Самуэли возражения собеседника, но с классовым врагом он, разумеется, не полемизировал, а с разящей силой сокрушал его при каждом удобном случае. Он не принадлежал к числу «старейших марксистов», но тем не менее хорошо знал основные труды Маркса и Энгельса, читал многие произведения Ленина, обладал широкими познаниями в области международной политики, основательно изучал историю Венгрии. Как марксист, он по уровню знаний был на целую голову выше руководящей верхушки социал-демократической партии. Социал-демократы утверждали, будто до войны Самуэли не имел никакого отношения к социал-демократической партии, к газете «Непсава». И вот мы теперь публикуем фотокопию выданного полицией удостоверения, подтверждающего, что Тибор был сотрудником «Непсава».

Самуэли являлся до фанатизма преданным борцом революции, но его фанатизм отнюдь не был слепым. Его фанатичная вера в революцию, в пролетариат сочеталась с солидными познаниями в области теории научного социализма, с превосходным революционным политическим чутьем и прозорливостью.

Давайте сравним искаженную картину, нарисованную Вильмошем Бёмом и основанную на клеветнических измышлениях, с подлинным образом Самуэли, каким его видел рабочий, токарь, который сражался в особом отряде Тибора и которого Миклош Хорти приказал повесить.

Воспроизводимые ниже записки Арпада Керекеша — это исповедь чистого сердца, написанная в тюремной ка-

мере, куда его бросили после жестоких пыток. Детективы заставляли его дать показания против Тибора и, ничего не добившись, потребовали затем собственноручно написать «Воспоминания» о Тиборе Самуэли. Мы приводим подлинный текст записок. Они написаны венгерским рабочим, которого буржуазия лишила возможности овладеть как следует правописанием родного языка и стать грамотным человеком.

«Докладываю, что Тибора Самуэли знал с 3 апреля 1919 г., когда мне выпала честь познакомиться с ним как с народным комиссаром и председателем чрезвычайного трибунала в отряде особого назначения, при котором я служил до 1 августа 1919 г., до того самого дня, когда я в связи с подавлением коммунизма угодил в тюрьму. Как я убедился на своем опыте за те три коротких месяца, у Тибора Самуэли среди многих хороших качеств было только одно плохое, именуемое беспощадностью к тем, кто нарушал общественные законы коммуны, и тут он не оказывал протекции никому, никому не давал спуску — ни свату, ни брату, особливо нам, кто служил под его началом. Он дал такой строжайший приказ: кто допустит беззаконие, самоуправство или присвоит что-нибудь, будет тут же на месте расстрелян. И мы побаивались его. Если он уж что пообещал, то всегда настоит на своем, потому, как он порешил, так оно и должно было быть.

Он был суров и непреклонен, имел крутой нрав, действовал решительно, быстро, решения принимал молниеносно. Ставя задачу или отдавая какое-нибудь приказание, он ничего не упускал из виду, и эта предусмотрительность производила на всех огромное впечатление. Эти качества, которые я считаю его положительной стороной, сочетались у него с порывами ожесточенного сердца, и оно в эти минуты выводило его из равновесия и одерживало верх над головой. Вот почему он так беспощадно и сурово судил тех, кто нарушал законы коммуны.

Нужно отметить еще одно: этот человек, стремившийся держать в узде свое сердце, не только хорошо умел отдавать приказания, но и обладал достойными похвалы решительностью, бесстрашием перед лицом врага и где бы то ни было.

Он сам никогда не брал в рот хмельного и стро-

жайше запрещал другим употреблять спиртные напитки. Я не видел, чтобы он пил что-нибудь другое, кроме чистой воды или малинового сока. Приведу в доказательство такой факт: в июле он выезжал в район Шиофока проверить, как организован летний отдых детей. Я сопровождал его. Мы зашли поужинать в закусочную «Пляж». Разговаривая с кем-то, он говорил своему собеседнику, что кафе, рестораны и прочие подобные заведения не посещает, спиртного не пьет, в карты играть не умеет, предпочитая употреблять свободное время на чтение газет. Я все это говорю к тому, что, как мне известно, кто-то пустил слух, будто он пьяница и поэтому-то, дескать, и судит так жестоко.

Скажу еще о его мужественной суровости. Прилетел он, например, на самолете из России и привез оттуда 200 килограммов авторезины. Мы находились тогда в Цегледе, и я видел, как он, как ни в чем не бывало, поздоровался, выйдя из самолета, с младшим братом, словно приехал не из далека, а из близлежащего села Шорокшара.

Будапешт, 16 сентября 1919 г.»

Таким видел Тибора рабочий-металлист, не ставший, подобно Вильмошу Бёму, ни профсоюзным бюрократом, ни предателем своего класса и революции.

VIII. Наши политические взаимоотношения с Тибором

Теперь несколько слов об измышлениях насчет политических взаимоотношений между Тибором и мною. Этот вопрос имеет сугубо политический, а отнюдь не личный характер.

Какова была политическая позиция Тибора в борьбе, предшествовавшей установлению диктатуры пролетариата в Венгрии?

Он придерживался точно таких же взглядов, как и я, они ни на йоту не расходились ни в определении характера и лозунгов революции, ни по тактическим вопросам повседневной борьбы. Между нами установились самые тесные отношения дружественного сотрудничества уже в период русской революции. Мы сотрудничали, делая каждый свое дело в общей совместной ра-

боте, причем распределение функций между нами сложилось в ходе повседневной борьбы, без каких бы то ни было официальных решений.

Тибор был идеальным товарищем в работе, надежным боевым соратником. Свое мнение он высказывал без обиняков, прямо и решительно, едко высмеивал проявления политической трусости и малодушия вообще. Особенно непримирим он был к авантюристам, страстно бичевал их еще в Советской России, а еще больше — в Венгрии как до установления диктатуры пролетариата, так и в дни существования Венгерской Советской Республики. Самуэли преследовал их упорнее и решительнее, чем я сам. И был прав.

В рамках нашего сотрудничества основные политические документы движения еще в период совместной борьбы в Советской России, как правило, готовил я, намечая также в общих чертах план организационных мероприятий. Тибор же самостоятельно разрабатывал все детали организационной работы, нередко внося в процессе составления плана претворения в жизнь наших совместных решений существенные коррективы. Причем и в Советской России, и в Венгрии за Тибором оставалось как основное поле деятельности редакционная работа, а за мной — массовая работа.

В основных ошибках, допущенных в период диктатуры пролетариата, повинен, прежде всего, конечно, я сам. Эти ошибки подверг критическому обсуждению Коммунистический Интернационал. Я и сам неоднократно и подробно писал о своих ошибках в других работах и осудил их со всей суровостью в духе боевой большевистской самокритики. Эта критика и самокритика служили и служат отправным пунктом в деятельности нашей партии в послереволюционный период.

Какой же точки зрения придерживался Тибор Самуэли в двух главных вопросах, где были допущены роковые ошибки,— в вопросе объединения коммунистической партии с социал-демократической партией и в вопросе об аграрной политике правительства Венгерской Советской Республики?

Документами, подтверждающими точку зрения Самуэли по этим вопросам, я не располагаю, да их и вообще не существует. Я могу писать о его взглядах, основываясь лишь на личных беседах с ним, не имея даже

возможности опираться на его публичные выступления.

К объединению с социал-демократами Тибор отнесся без всякого энтузиазма, даже с недовольством, но примирился с ним, как с «неизбежным злом». Когда я говорил ему, как и многим другим коммунистам, в первые дни после установления диктатуры пролетариата, что «где-то допущена ошибка, уж очень гладко все прошло», он вполне разделял мои опасения. Но так же, как и я, он рассчитывал, что мы вскоре сможем соединиться с приближающейся русской Красной Армией (18 марта 1919 г. один красный бронепоезд прорвался в Тарнополь, а из Прикарпатья все время поступали сведения о нарастающем гуле артиллерийской канонады со стороны Галиции) и что общая граница с Советской Россией явится для нас не только военной, но и политической поддержкой в борьбе против социал-демократов. Вред объединения с социал-демократами усиливался еще тем, что мы не воспользовались одержанной над социал-демократической партией победой для быстрейшего вытеснения ее лидеров, а также тем, что мы исходили в своей политике не из реальных фактов, а лишь из предположений. Это была ошибочная, не марксистско-ленинская тактика.

Тибор в меньшей мере, чем я, склонен был верить в то, что под давлением масс удастся удержать социал-демократических лидеров на стороне диктатуры пролетариата. Я же, вместо того чтобы по-настоящему мобилизовать массы, занимался подчас убеждением отдельных социал-демократических лидеров, пытался, поступая наивно и неверно, превратить их в наших единомышленников. Я делал так, вместо того чтобы противопоставить их колебаниям прямое давление на них широких масс.

Эта роковая ошибка усугублялась тем, что на воззрения самих коммунистов о роли партии, и особенно о значении диктатуры пролетариата, давил тяжелый груз социал-демократических представлений. Некоторые коммунисты придерживались той точки зрения, что объединение с социал-демократами означает восстановление полного единства рабочего класса и что после завоевания власти отпадает надобность в революционной рабочей партии. Глашатаем этой концепции был философ-идеалист Дьёрдь Лукач, вступительную статью которого к сборнику «Документы единства» я прочел только спустя несколько лет после падения диктатуры пролета-

риата. Тем не менее я уже выступал против этой концепции, доказывая ее несостоятельность в своих докладах, предварительно согласованных с Тибором, о взаимоотношениях между партией, рабочими советами и профсоюзами.

Что касается значения диктатуры пролетариата, то мы оба придерживались неправильного, ошибочного взгляда, будто переходный период между капитализмом и социализмом, этап пролетарской диктатуры будет весьма непродолжительным, и мы, дескать, сможем сразу перейти к социализму. Эта ошибочная концепция, которую можно определить как концепцию «немедленного социализма», была на руку социал-демократам, стремившимся как можно быстрее избавиться от пролетарской диктатуры. Опыт социалистического строительства в Советском Союзе со всей очевидностью доказывает, что социал-демократическая и левоуклонистская концепция «немедленного социализма» глубоко порочна и вредна.

Мы оба с Самуэли в равной мере разделяли эту неправильную концепцию, которая, естественно, сказалась и на нашей оценке роли партии.

Мы придерживались также одинаковой точки зрения и по крестьянскому вопросу. Корни ошибок аграрной политики диктатуры пролетариата в Венгрии и недопонимания значения феодальных пережитков, как я писал и в других своих работах, коренятся в установках КПВ, принятых еще до победы диктатуры, а также в статьях по земельному вопросу, публиковавшихся в газете «Социалиш форрадалом», которая выходила в Советской России. И Тибор и я возомнили, будто «наша аграрная политика дальновиднее, чем у русских большевиков», ибо мы не станем дробить крупные землевладения и делить их между крестьянами, а «сразу же введем на них крупное социалистическое производство», опираясь при этом на сельскохозяйственных рабочих, вместо того чтобы превратить их во «врагов» пролетариата, «сделав частными собственниками земли».

Ныне уже всем — во всяком случае подавляющему большинству — ясна ошибочность этой установки, помешавшей привлечь на сторону пролетарской революции основные массы крестьянства путем наделения их землей и ослабившей притягательную силу революции в

Венгрии в глазах трудового крестьянства Балканских стран и Чехословакии. В этой ошибке наши люксембургианские левоуклонистские взгляды также смыкались с точкой зрения социал-демократов, пытавшихся особенно в Задунайщине — еще до провозглашения диктатуры пролетариата — «спасти крупное землевладение» от раздела земли путем организации сельскохозяйственных «производственных кооперативов», к чему стремилось крестьянство.

Социал-демократическим лидерам Тибор доверял куда меньше, чем я. И был прав. В то же время он, видя все отрицательные стороны объединения, все же пришел к выводу, что отход социал-демократической партии от диктатуры пролетариата при сложившихся тогда международных условиях, и особенно при тогдашнем военном положении, неминуемо вызовет ее падение. Это действительно было бы неизбежным, главным образом потому, что значительная часть лидеров левого крыла социал-демократической партии, примкнувших после падения Советской власти к коммунистической партии, не менее враждебно, чем центристы и правые социал-демократы, относилась к нам, коммунистам. Они любой ценой стремились сохранить свои связи с центром и правым крылом социал-демократической партии, надеясь таким образом удержать свои позиции.

В этой обстановке Тибор энергично пресекал поползновения тех, кто хотел организовать путч против Советского правительства и одним ударом устранить поголовно всю руководящую верхушку бывшей социал-демократической партии. Выражением этих устремлений явилась «акция» I района Будапешта, имевшая своей целью арест членов Советского правительства и замену его «более радикальным». Что это за радикализм, видно хотя бы из того, что бывшего бургомистра Будапешта, лидера буржуазной так называемой гражданской радикальной партии, примыкавшего к ее умеренному крылу, Ференца Харера намеревались сделать центральной фигурой нового Советского правительства (меня путчисты из I района хотели оставить в правительстве).

Не менее резко Самуэли обрушивался и на трусливых демагогов, горланивших о том, что «мы до тех пор не пойдем на фронт сражаться против внешнего империалистического врага, пока не покончим с внутренним

врагом». Контрреволюционную диверсию, организованную группой авантюристов и имевшую целью перебросить войска с фронта на Тисе в Будапешт и тем самым открыть путь для румынской армии под тем предлогом, что «надо кончать с буржуазией в Будапеште» и сформировать новое правительство, мы сорвали в самом зародыше вдвоем с Тибором, ликвидировали в самом здании парламента, получив от Отто Корвина и Ференца Янчика сведения о готовившемся заговоре.

Вместе с Тибором мы развернули — к сожалению, уже слишком поздно — опирающееся на массы и базирующееся на фабрики и заводы движение, направленное на воссоздание коммунистической партии. После партийного съезда, на котором дело чуть было не дошло до открытого разрыва с социал-демократами, мы вовлекли в наше движение целый ряд таких профсоюзных деятелей, фабрично-заводских главных профуполномоченных, которые, как, например, Ференц Баяки[1], выступили против верхушки партийно-профсоюзной бюрократии на съезде объединенной партии. После нескольких конфиденциальных совещаний совместно с фабрично-заводскими профуполномоченными в Чепеле, на вагоностроительном заводе «Ганц» и на других предприятиях я предложил Тибору взять на себя редактирование «Вёрёш уйшаг» и сделать ее такой газетой, какой она была до установления диктатуры пролетариата. Тибор отказался возглавить редакцию «Вёрёш уйшаг», предложив создать новую газету — «Коммунист», которая должна была выходить ежедневно, в полдень. Осуществить издание новой газеты нам уже не удалось: диктатура пролетариата потерпела поражение.

Серьезное политическое разногласие возникло между нами лишь однажды — по вопросу о том, продолжать ли контрнаступление в Словакии или же отвести красные части из Словакии на демаркационную линию, намеченную Антантой еще в период пребывания у власти правительства Каройи, в пределах которой и образовалась Венгерская Советская Республика.

---

[1] *Баяки Ференц* — рабочий-металлист, один из руководителей Всевенгерского профсоюза рабочих металлистов. Во время Советской Венгрии — заместитель наркома общественного производства. После падения Советской власти в Венгрии был приговорен к пожизненной каторге. Прибыл в СССР в 1921 г. по обмену.— *Ред.*

Я полагал, что военная обстановка, которую Штромфельд обрисовал в ставке (Штромфельд утром настаивал в ставке на принятии ультиматума Клемансо [1], а вечером, на совещании в Будапеште, высказался за его отклонение), требует одного, а именно принять ноту Клемансо.

К принятию такого решения меня побуждали и другие обстоятельства. Красная Армия все больше оказывалась в руках старого офицерства, а к подготовке своих собственных кадров красных командиров мы еще только-только приступили. Вследствие нехватки надежных, испытанных партийных кадров, а также того, что Бём систематически вытеснял коммунистов с руководящих постов в армии, в ней не было подходящих политических уполномоченных. Мало было комиссаров, способных на деле контролировать действия командиров из бывших кадровых офицеров и руководить ими. В армии возникло «трехцветное» движение, выразившееся в том, что офицеры — в особенности в 3-м корпусе, пользуясь покровительством самого командования корпусом,— стали открыто прикалывать к фуражкам национальную трехцветную кокарду. (На одном из последующих совещаний в ставке с участием командиров корпусов и ведущих политкомиссаров командование 3-м корпусом внесло предложение в целях удовлетворения «национального чувства» офицерского корпуса и привлечения его на нашу сторону окаймить красное знамя трехцветной национальной лентой. Выступая несколько раз с резкими возражениями против этого предложения, я чуть было не остался в меньшинстве в споре с теми, кто ратовал за принятие этого предложения.)

Я исходил из тех соображений, что нам нужно добиться мира и получить передышку наподобие Брест-Литовского мира, а тем временем привести в порядок свои внутренние дела, покончить в основном с контрре-

---

[1] От имени Антанты Клемансо 9 июня 1919 г. направил Советскому правительству Венгрии ноту, в которой требовал, чтобы венгерская Красная Армия, победоносно наступавшая и теснившая чешские буржуазные войска, была отведена с освобожденной ею территории. Взамен этого Клемансо обещал, что в последующем занятые румынскими войсками территории будут освобождены, но не давал никаких гарантий. Этот вопрос и стал предметом обсуждения на съезде Советов.— *Ред.*

волюцией и в особенности укрепить армию, дождаться улучшения военного положения Советской России и новых побед мировой революции на Западе.

Эту мою точку зрения поддерживали как социал-демократы, так и коммунисты. Но особенно рьяно отстаивал ее Жигмонд Кунфи, выступивший с гнусной пораженческой речью, в которой он открыто попытался разоружить венгерский пролетариат. Мне было крайне неприятно очутиться в одной компании с этими пацифистскими защитниками моего предложения — явными застрельщиками контрреволюции, расчищавшими ей путь.

Против моего предложения выступили Йожеф Погань, Карой Пейер и другие социал-демократы. Красной нитью через все их выступления проходил откровенный или более или менее завуалированный социал-шовинизм, стремление придать националистическому лозунгу «Нет, нет, никогда!»[1] революционную окраску.

Тибор Самуэли тоже выступил против моего предложения, но отнюдь не по тем причинам, что социал-демократы. Суть аргументов, приведенных им в краткой речи, произнесенной с большим подъемом на съезде Советов, сводилась к следующему:

«Если бы мы сейчас отказались от продолжения этой борьбы, хотя бы даже временно, это означало бы, что мы отказываемся от самого принципа такой борьбы, цель которой — освобождение всех угнетенных и эксплуатируемых во всем мире. (Возгласы: «Правильно! Правильно!» Бурные аплодисменты.)... С того самого момента, как у нас в стране утвердилась диктатура пролетариата, мы должны были отдавать себе отчет в том, что мировая война не должна окончиться миром, выгодным капиталистам, что империалистическую войну необходимо превратить в гражданскую войну угнетенных всего мира против своих эксплуататоров и угнетателей.

И вот теперь, когда мы обсуждаем вопрос, не заключить ли нам мир с империалистами Антанты, не возвратить ли им добровольно территории, освобожденные

[1] После поражения в первой мировой войне реваншистские буржуазные и помещичьи круги Венгрии широко использовали движение венгерских националистов — ирредентистов, выступавших под лозунгом «Нет, нет, никогда!». Этот лозунг выражал отказ реваншистов примириться с изменением границ «великой Венгрии».— *Ред.*

венгерской пролетарской Красной Армией, положившей конец эксплуатации и капиталистическому порабощению, когда мы прикидываем, не отдать ли нам без борьбы эти территории, чтобы на них опять были восстановлены прежние рабство и эксплуатация, я считаю своим долгом предупредить вас, уважаемые товарищи, что было бы серьезной ошибкой полагать, будто можно заключить мир с зарубежными империалистами в то самое время, когда мы намереваемся вести борьбу с собственными капиталистами внутри страны. (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Я думаю, все мы согласимся с тем, что наша цель, наша задача состоит в ликвидации капитализма, в беспощадном, непримиримом подавлении буржуазии. Осуществить эту задачу внутри страны, уважаемые товарищи, вряд ли возможно, если идти на уступки иностранным капиталистам».

Я не разделял подобную аргументацию, помня, что точно такие же доводы приводили бухаринцы, «левые коммунисты», выступавшие против политики Ленина, против заключения Брестского мира. В Советской России Ленин в свое время мастерски разбил эти «аргументы». Несомненно, сейчас бы и сам Тибор не стал отстаивать эту свою точку зрения.

Однако Самуэли в противоположность мне справедливо настаивал на том, что надо потребовать от Антанты соответствующих гарантий и что неправильно еще до начала переговоров не только приостанавливать боевые операции, но также оттянуть наши войска с фронта на демаркационную линию. Основная ошибка нашей внешней политики в данном вопросе состояла в том, что мы не ответили на маневр Клемансо контрманевром, не стремились выиграть время путем переговоров и даже не попытались вынудить Клемансо согласиться на переговоры, а выполнили его требование без всяких гарантий с его стороны и при этом не учли должным образом возможность деморализации частей Красной Армии в результате отступления.

В своем заключительном слове я ответил Тибору излишне резко, поставив его на одну доску с теми социал-демократами, с которыми у него не было ничего общего, кроме того, что он, как и они, возражал против моего предложения. Я квалифицировал его позицию как левое

пораженчество. Тон моего ответа на его выступление был тем более неуместен и несправедлив, что мое предложение в первую очередь поддержали именно социал-демократы.

Но мой ответ, столь же неуместный, как и несправедливый, не мог отдалить Тибора от меня. Он остался для меня тем же самоотверженным, искренним и добрым другом, каким был в совместной революционной борьбе. Он и впредь каждодневно наведывался ко мне, и мы вдвоем обсуждали наиболее важные вопросы. Когда я высказал ему свои возражения против того, чтобы мы начали военные действия на румынском фронте, если только французские и румынские войска не бросят снова против Советской России, он полностью одобрил мою позицию. Но большинство руководства не одобрило моей точки зрения, и в результате наступление на румынском фронте было начато. В ходе упомянутой беседы Тибор заметил:

— Я до сих пор убежден в правильности своей точки зрения по поводу ноты Клемансо и вывода наших войск из Словакии. Однако теперь уже не о том речь. Необходимо сделать надлежащие выводы из решения, принятого большинством. Вместо того чтобы развертывать новые военные операции, нужно бы осуществить план, изложенный вами в связи с принятием ноты Клемансо.

Такая честная позиция Тибора не только свидетельствовала о его дисциплинированности, но и показывала подлинные черты его характера, свободного от проявлений индивидуализма и тщеславия.

Самуэли был гордым человеком и знал себе цену. «Он с гордыней»,— говорили о таких гордых людях в Ниршегском крае, вот именно гордых, но не спесивых, не заносчивых себялюбцах. Его политическая чистоплотность и горделивое чувство собственного достоинства отпугивали от него на протяжении всей его жизни авантюристов, которые хотели бы привлечь его на свою сторону и сделать своим знаменем. Эти авантюристы своими безответственными разглагольствованиями облегчили задачу злостных клеветников, подкапывавшихся под него — человека действия и кипучей энергии, а после его гибели, когда он уже не может дать им отпор, они норовят низвести до своего уровня борца, который был их самым непримиримым врагом.

В настоящем сборнике, составленном нами при содействии брата Тибора — Дьёрдя Самуэли, публикуется часть обнаруженных трудов Тибора Самуэли. Издание этой книги явится скромной данью памяти Тибора, которую мы давно обязаны были воздать ему. Труды Самуэли далеко не полно отражают богатство натуры, подлинный цельный облик этого революционера. Революционная публицистика составляла лишь незначительную часть многогранной деятельности этой выдающейся личности, содержание которой состояло преимущественно в революционной борьбе, в организации целеустремленных действий, проникнутых духом марксизма. И все же ознакомление с данными трудами поможет читателю создать некоторое представление о Самуэли, ибо они дышат непреклонностью, несокрушимой силой, непоколебимой решимостью и талантом, которыми пронизаны все революционные действия Тибора.

Эти работы, являющиеся источником животворной силы, побуждавшей к революционным действиям в двух революциях, в двух советских республиках, звучали как сигнал боевой тревоги не только в прошлом. Они и ныне воспринимаются как боевой призыв к революционной борьбе и будут звать к грядущим революционным битвам.

Пусть непоколебимая вера Тибора Самуэли в революционную созидательную силу рабочего класса, его уверенность в неизбежной победе революции, его ненависть к классовым врагам и их социал-демократическим прислужникам, пусть его твердость и непреклонность в революционных действиях пронизывают сознание каждого борца за дело пролетарской революции в Венгрии и каждого члена ее передового отряда — КПВ.

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА В ВЕНГРИИ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К 15-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ВЕНГРИИ

Брошюра. 1934 г.

15 лет назад, 21 марта 1919 г., в Венгрии при своеобразных обстоятельствах победила пролетарская революция. Своеобразие установления Венгерской Советской Социалистической Республики состояло в том, что переход государственной власти в руки пролетариата произошел не в результате вооруженного восстания. На своеобразные формы взятия власти в Венгрии не раз указывал Ленин в своих произведениях и речах. Уже 23 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б) Ленин подчеркнул эти особенности. Он говорил:

«Мы уверены, что *это будет последнее тяжелое полугодие.* Нас особенно укрепляет в этой уверенности то известие, которое на днях мы сообщили съезду,— известие о победе пролетарской революции в Венгрии... Буржуазное правительство, видя, что союзные державы хотят провести свои войска через Венгрию, видя, что на Венгрию падает опять неслыханная тяжесть новой войны,— буржуазно-соглашательское правительство само подало в отставку, само вошло в переговоры с коммунистами, венгерскими товарищами, находившимися в тюрьмах, и само признало, что нет иного выхода, кроме как передача власти трудящемуся народу» [1].

Ленину была абсолютно чужда точка зрения, на которую встали Пауль Леви, возглавлявший тогда Коммунистическую партию Германии, и многие другие, считавшие, что венгерский пролетариат не должен был использовать крах господства буржуазии для взятия власти в

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 213—214.

свои руки. Напротив, Ленин неоднократно высказывался о том, что победа пролетариата в Венгрии, принявшая такие специфические формы, означает не только победу Советской власти вообще, но и нашу «моральную победу».

К этой мысли Ленин возвращается и в своей речи 3 апреля 1919 г. Он подчеркивает, что особые условия возникновения пролетарской диктатуры в Венгрии лишь подтверждают, «что есть только одна власть в мире, которая способна руководить народами в тяжелую минуту,— это власть Советов. Вот почему венгерская революция тем, что она совершенно иначе родилась, чем наша, покажет всему миру то, что по отношению к России было скрыто: именно, что большевизм связан с новой пролетарской, рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента» [1].

Своеобразие и особенности начала венгерской пролетарской революции породили после ее разгрома в 1919 г. у многих, даже у коммунистов, мнение, будто 21 марта власть сама, как спелый плод, упала в руки коммунистической партии, в руки пролетариата. Этот взгляд с чрезвычайным усердием распространялся II Интернационалом, особенно австрийской и германской социал-демократией. Эти социал-демократические партии пытались убедить рабочий класс, будто победа венгерской пролетарской революции, провозглашение Венгерской Советской Социалистической Республики были не чем иным, как простой «случайностью», маневром венгерской буржуазии в противовес империализму Антанты и большой исторической ошибкой венгерской социал-демократии. Подобный взгляд мы встречаем подчас и в коммунистических кругах. Вместо того чтобы вскрыть ошибки Коммунистической партии Венгрии в пролетарской революции во время и после взятия власти, эти товарищи изображают саму пролетарскую революцию в Венгрии одной сплошной ошибкой. Такая постановка вопроса вызвана попыткой оклеветать героическую революционную борьбу, которую Коммунистическая партия Венгрии вела накануне 21 марта 1919 г. за Советскую власть, против венгерской буржуазии, против венгерской социал-демократии и против мирового империализма.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 261.

Коммунистическая партия Венгрии и вопрос о власти

Совершенно естественно, что, когда в Венгрии была провозглашена Советская Социалистическая Республика, для всех на первый план выдвинулись особые международные предпосылки венгерской революции, а также объединение коммунистической и социал-демократической партий. Они и явились наиболее своеобразными особенностями установления Советской власти в Венгрии.

Когда империалистические державы Антанты через подполковника Викса, главу французской военной миссии, вручили известный ультиматум буржуазно-демократическому правительству с требованием отказа от большей части территории Венгрии, они фактически припёрли венгерскую буржуазию к стене, заставив ее отказаться от власти над более чем 10-миллионным населением Венгрии, от крупнейших рынков сбыта и главных источников сырья для венгерской промышленности, т. е. от своих ключевых политических и экономических позиций. Этот ультиматум, за которым стояла балканская армия Антанты (200—220 тыс. солдат под командованием генерала Франше д'Эсперэ, со штаб-квартирой в Белграде), военные силы Чехословакии, Югославии, Румынии, был фактически требованием к венгерской буржуазии вообще отказаться от власти.

Но господству венгерской буржуазии угрожала не только внешняя опасность — ультиматум Антанты. Против власти буржуазии, расшатанной военным крахом, не имевшей сколько-нибудь прочной вооруженной опоры, в значительной степени утратившей свою массовую базу, внутри страны под руководством Коммунистической партии Венгрии боролись широкие пролетарские массы в союзе с еще более широкими массами крестьян.

Коммунистическая партия Венгрии, созданная нами примерно за четыре месяца до взятия власти, 20 ноября 1918 г., с первого же дня своей деятельности так ясно и остро поставила вопрос о Советской власти и вооруженном восстании против буржуазного государства, как ни одна коммунистическая партия, кроме РКП(б). В повседневной агитации Коммунистическая партия Венгрии выдвигала лозунги разоружения буржуазии и подготовки вооруженного восстания.

Партия не только провозглашала, но и повседневно организовывала вооружение пролетариата. Центральный Комитет Коммунистической партии Венгрии, расположенный на Вишеградской улице, был не только штабом широко развернувшейся массовой работы по вооружению пролетариата, но и сам напоминал подчас вооруженный лагерь. У буржуазии не было ни одного военного формирования, ни одной вооруженной организации, будь то армия, народная милиция и т. д., где бы коммунистическая партия не имела своих людей, а во многих случаях и решающего влияния. Партийное руководство и партийные организации использовали все возможности для приобретения оружия. Демобилизованным солдатам был дан лозунг не сдавать свое оружие в казармы. Из вооружения армии Макензена, возвращавшейся с Балкан в Германию через Венгрию, коммунистическая партия забрала не менее 35 тыс. винтовок. (Это оружие мы сдали Народному комиссариату по военным делам только тогда, когда началась империалистическая интервенция против Советской Венгрии.)

Коммунистическая партия проводила не просто антимилитаристскую агитацию в казармах и вооруженных формированиях буржуазно-демократического правительства. В противовес пацифистской агитации социал-демократов и радикалов, один из носителей которой, военный министр правительства Каройи, провозгласил лозунг «Не хочу больше видеть солдат!», Коммунистическая партия Венгрии выдвинула лозунг «Сохранить оружие и использовать его для борьбы за власть пролетариата!». Целью агитационной и организаторской работы коммунистической партии было привлечение солдат на сторону революции, завоевание для дела революции всех военных формирований государства, исключая полицию. Начиная с военного министерства и кончая воинскими частями, охранявшими демаркационную линию, коммунистическая партия всюду имела свои агитационные пункты, всюду держала связь с солдатами. Во многих случаях эти связи не приняли четкой организационной формы, но тем не менее свидетельствовали о том, что коммунистическая партия не только агитацией влияла на военные силы, но и руководила значительными солдатскими массами на многих, часто решающих участках.

Коммунистическая партия, не колеблясь, решительно

отвергала все предложения, от кого бы они ни исходили, ввести вместо немедленного установления Советской власти какую-нибудь переходную форму правления. С момента основания коммунистической партии лидеры буржуазно-демократической революции со всех сторон осаждали ее своими предложениями, стремясь путем компромисса достичь временного решения, «модус вивенди» в борьбе с внешним врагом. На предложение президента республики Михая Каройи, сделанное через его посредников, о возможности передачи коммунистам военного министерства во временном демократическо-республиканском правительстве коммунисты ответили резким отказом.

Когда два виднейших представителя социал-демократической партии — Жигмонд Кунфи и Якаб Велтнер предложили нам прекратить «дезорганизующую» работу по крайней мере в войсках, расположенных вдоль демаркационной линии, против румынских и чехословацких империалистов, мы ответили, что можем вести с ними переговоры только по одному-единственному вопросу, а именно о таком преобразовании рабочих советов, при котором последние перестали бы являться органами расширенного представительства социал-демократической партии и реформистских профсоюзов, а были бы переизбраны на самих предприятиях. В таких советах мы смогли бы вести борьбу за большинство рабочего класса, не подчиняясь, однако, в вопросе о власти решениям даже рабочих советов.

Представители коммунистической партии в рабочих советах, возглавляемые товарищем Бела Ваго, по указанию Центрального Комитета категорически отклоняли также все попытки образования так называемого «рабочего правительства» и «чисто социал-демократического правительства». Эти попытки предпринимались левыми социал-демократами, которые рассчитывали использовать тягу рабочего класса к Советской власти в своих интересах. И этим попыткам мы противопоставили наши предложения, требовавшие незамедлительного установления Советской власти.

Коммунистическая партия, борясь за Советскую власть, не позволила стеснить себя какими бы то ни было рамками буржуазной законности, как новой, так и старой. Коммунистическая партия не свернула свою

борьбу за власть и тогда, когда Антанта с согласия буржуазно-демократического правительства и его социал-демократических членов перебросила воинские части спаги с Балкан в Будапешт. Напротив, она тотчас же развернула небезуспешную агитацию в этих частях.

Со дня основания коммунистической партии и до взятия власти проходили, все учащаясь, вооруженные столкновения с органами буржуазной власти. Начиная с 12 декабря 1918 г., когда будапештский гарнизон с оружием в руках вышел на улицу и заставил уйти в отставку военного министра временного правительства (в этом выступлении участвовали и левые социал-демократические руководители Совета солдатских депутатов), не было, пожалуй, ни одного дня, когда бы печать не оповещала о кровавых столкновениях революционных солдат с вооруженными отрядами правительственных сил, особенно с полицией. Не только в Будапеште, но и в провинции коммунисты организовывали многочисленные военные бунты. 25 декабря 1918 г. революционно настроенные гусары в Кечкемете захватили казармы и разоружили офицеров. 26 декабря в Будапеште произошли кровавые столкновения между рабочими и вооруженными силами правительства. Имелись убитые и раненые. 31 декабря в двух крупнейших казармах Будапешта вновь произошли кровавые стычки между частями, находившимися под влиянием коммунистов, и частями, верными правительству. Эти столкновения сопровождались вооруженными демонстрациями солдат против социал-демократов.

В январе 1919 г. в Будапеште под руководством коммунистов начались массовые демонстрации против буржуазной печати, разгром редакций и издательств буржуазных газет. Одновременно на крупнейших фабриках и заводах Будапешта и в провинции началось насильственное удаление директоров и главных акционеров с предприятий, а во многих случаях и захват предприятий. В центре Северного угольного бассейна, в Шалготарьяне, во время вооруженного восстания было убито 16 человек и свыше 90 ранено. Вскоре после этого в Сарваше, одном из аграрных центров провинции, произошли уличные бои между силами правительства и сельскохозяйственными рабочими, в результате которых 10 человек было убито и больше 40 ранено.

Во второй половине января 1919 г. продолжались и

учащались вооруженные столкновения в Будапеште и провинции. В казармах начинают оказывать вооруженное сопротивление приказу военного министра, которым предписывалось разоружение находящихся под коммунистическим влиянием солдат, преимущественно молодых. После кровавых стычек солдаты-коммунисты сумели отстоять свое оружие.

Одна за другой следуют вооруженные демонстрации демобилизованных солдат, инвалидов, унтер-офицеров. Коммунистическая партия с удвоенной энергией подготовляет организацию вооруженных сил против буржуазно-демократического правительства и против начавшейся монархической контрреволюции крупных помещиков.

Наряду с лозунгом захвата заводов и фабрик коммунистическая партия бросает в массы лозунг захвата жилых домов, сдающихся в аренду. В феврале начинается захват крупных поместий сельскохозяйственными рабочими, часто под руководством коммунистических организаций промышленных центров провинции.

21 февраля вооруженные массы демонстрируют перед зданием Центрального Комитета и центрального органа социал-демократической партии. В боях 7 человек убито, около 100 ранено (большей частью полицейские и национальные гвардейцы). В марте в целом ряде мест начинается разоружение полиции и верных правительству воинских частей. Правительство оказывается бессильным против организаций демобилизованных солдат, охвативших вскоре сотни тысяч человек, и против организаций безработных. Примерно к тому же времени, к началу марта, приходит конец засилью предпринимателей на фабриках и заводах. На крупнейших из них начинают распоряжаться фабрично-заводские комитеты, избранные и действовавшие не на «законном» основании, а по праву революции.

В то самое время, когда в так называемой ноте Викса Антанта потребовала от венгерского правительства отказа от власти над большей частью территории Венгрии, социал-демократ Вильмош Бём в своем дневнике так характеризовал настроение рабочих 18—20 марта:

«*18 марта.* От имени (но без ведома) рабочих Чепельского завода[1] были созваны фабрично-заводские проф-

[1] Самый крупный в то время завод в Венгрии, насчитывавший 40 тыс. рабочих.— *Ред.*

уполномоченные, постановившие 28 марта с оружием в руках освободить заключенных коммунистов. Корпус уполномоченных коммунистических солдат присоединяется к решению.

19 марта. Безработные устраивают в будапештских казармах собрание. Оттуда многотысячная масса идет в крепость. К социал-демократическому министру Дюле Пейдлю направляется делегация и требует выплаты 500 крон в качестве немедленного единовременного пособия безработным и, кроме того, особых продуктовых карточек, по которым безработные должны получать за счет государства 50% скидки. Они потребовали покрытия государством задолженности по квартплате и немедленной социализации земли и средств производства. Делегацию возглавлял коммунист. На протяжении нескольких часов они стояли перед министерством социального обеспечения, заявляя, что не уйдут до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования.

Массы разошлись лишь после того, как Пейдль обещал внести требования безработных на рассмотрение совета министров. Он пригласил делегацию явиться вечером в здание совета министров для получения ответа.

20 марта. В Будапеште наиболее дисциплинированная до сих пор (с социалистической точки зрения) и самая надежная категория рабочих — печатники — по вопросу заработной платы объявила против воли своих руководителей всеобщую стачку. Старое руководство, в течение десятков лет удовлетворявшее рабочих, снято. Они избрали новое руководство стачкой, в котором коммунистам принадлежит решающая роль. Часть бастующих хочет насильственным путем помешать выходу социал-демократической газеты, безоговорочно выполнявшей все требования рабочих. По городу, охваченному волнением, из-за отсутствия газет разносятся самые фантастические слухи, доводящие возбуждение до крайней степени.

Вручена нота подполковника Викса».

Из этих кратких записей видно, что Коммунистическая партия Венгрии не только без всяких колебаний держала решительный, твердый, прямой курс на вооруженное восстание, на вооруженное подавление и уничтожение власти буржуазии, на пролетарскую диктатуру, но и осуществляла этот курс на деле в повседневной сво-

ей работе, в борьбе за власть. Коммунистическая партия не только держала свое оружие на складе, но и применяла его постоянно в классовой борьбе за власть!

Деятельность партийного руководства не прекращалась ни на минуту, даже после ареста большинства руководителей партии 21 февраля 1919 г. В течение нескольких дней работу возглавляли оставшиеся на свободе члены Центрального Комитета. Но вскоре из тюрьмы мы наладили руководство рабочими и беднейшими крестьянами. Это руководство было настолько успешным, что, несмотря на погром, устроенный социал-демократией еще 21 февраля при участии 200 тыс. настроенных против коммунистов демонстрантов, влияние коммунистической партии на массы росло с каждым днем.

Конечно, это влияние на массы было далеко не достаточно оформлено организационно. За четыре месяца, прошедшие между основанием коммунистической партии и установлением Советской власти, нельзя было полностью организационно закрепить такое гигантское, бурно растущее влияние на массы, даже если бы мы располагали численно бóльшими и более развитыми большевистскими кадрами, чем те, которые мы имели. Но благодаря правильной политической и организационной линии партии удалось даже за такой короткий срок распространить свое политическое влияние на широчайшие массы, по крайней мере в Будапеште и в промышленных центрах провинции. Этим мы были обязаны прежде всего Коммунистической партии Венгрии, которая с момента основания ясно понимала, что она сможет добиться влияния на рабочий класс лишь в том случае, если развернет свою агитационную и организационную работу в первую очередь на крупных предприятиях и в профсоюзах. И действительно, фабрично-заводская и профсоюзная деятельность коммунистической партии выразилась не только в резолюциях, но и в практических мероприятиях.

Территориальные организации в Коммунистической партии Венгрии играли самую ничтожную роль. Центр тяжести агитационной и организационной работы был перенесен в фабрично-заводские организации (тогда мы еще не называли их ячейками). Не проходило дня, не было ни одного сколько-нибудь значительного события, когда бы вся гвардия агитаторов коммунистической партии не воспользовалась случаем и не явилась на важней-

шие фабрики и заводы, чтобы призвать рабочих к борьбе. Так называемые «летучие агитационные отряды» проникали даже на те предприятия, где у нас не было никаких связей. Они появлялись у фабричных ворот и по окончании работы устраивали «летучие митинги». За четыре месяца революционной борьбы, истекшие со дня основания партии до установления пролетарской диктатуры, не было ни одного массового выступления рабочего класса, требования которого не были бы сформулированы коммунистами, которое не возглавили бы коммунистические группы. Партия придавала огромное значение частичным требованиям и сумела связать бои за частичные требования с лозунгом борьбы за власть.

С момента основания коммунистическая партия стремилась закрепить свое влияние в профсоюзах. Ни профбюрократии, ни властям не удалось изгнать ее из профсоюзов. Только невероятным упорством партия сумела помешать профбюрократии расколоть профсоюзы путем вытеснения из них коммунистов и революционных рабочих. Большинство партийного руководства беспощадно боролось против предложений меньшинства, которое, ссылаясь на пример спартаковцев, хотело бойкотировать профсоюзы.

В то время как за вооруженными рабочими и солдатами стояли широкие массы рабочих и бедных крестьян, венгерская буржуазия, массовой опорой которой оставалась, по существу, одна только социал-демократия, очутилась между двух огней: под перекрестным огнем ультиматума Антанты, с одной стороны, и борющегося за власть рабочего класса — с другой.

Соотношение классовых сил в Венгрии к началу пролетарской революции

Накануне пролетарской революции началась подготовка контрреволюции, возглавленная крупными помещиками и буржуазией. Контрреволюция готовилась главным образом под антикоммунистическими лозунгами, но отчасти уже была направлена и против социал-демократии. Помещики и крупная буржуазия в результате военного краха потерпели политическое, экономическое и организационное банкротство. Они утратили бо́ль-

шую часть социальных связей с теми мелкобуржуазными и крестьянскими слоями, которые раньше составляли их массовую базу.

Как только началась буржуазно-демократическая революция, в партии, руководившей буржуазной революцией, в партии Каройи, объединились почти все группировки господствовавших классов старой Венгрии. Эти группировки не имели сколько-нибудь определенной ориентации и опоры в массах. Угроза установления Советской власти, как и колебания правительства Каройи и бессилие Национального совета, этого символа власти, вскоре вызвали дифференциацию в партии Каройи. Одна группа старых политических деятелей — граф Иштван Бетлен, граф Тивадар Батьяни и Мартон Ловаси — попыталась создать сборный пункт с целью консолидации контрреволюционных сил помещиков и крупной буржуазии. Они хотели как можно скорее привести страну к созыву Учредительного собрания и тем самым преградить путь дальнейшему развитию революции. Часть офицерства во главе с нынешним премьер-министром Венгрии Дюлой Гёмбёшем примкнула к этой группе. Они стремились «монополизировать» распространявшийся всеми буржуазными партиями и социал-демократами лозунг о «территориальной неприкосновенности великой Венгрии». Высшее духовенство, ведущая сила клерикальной реакции, тоже поспешило им на помощь.

Контрреволюционные крупные помещики и крупная буржуазия приступили к созданию массовых организаций. Они попытались основать собственную организацию «Пробуждающиеся венгры», которая позднее, после свержения пролетарской диктатуры, сыграла большую роль. Она состояла преимущественно из бежавших с территорий оккупированных войсками Антанты чиновной интеллигенции, студенчества и отчасти мелкой буржуазии.

Коммунистическая партия своевременно поняла значение контрреволюционного наступления. Социал-демократия же в целом, засевшие в министерствах члены социал-демократической партии, так же как все социал-демократическое руководство, пытались преуменьшить в глазах масс значение этого контрреволюционного движения, хотя оно и было направлено не только против коммунистов, но и против «перегибов демократии». Под руководством коммунистической партии широкие слои

членов социал-демократической партии приняли участие в борьбе против контрреволюционных организаций и сделали невозможным всякое их массовое выступление в столице и в промышленных центрах.

Мелкая буржуазия тоже оказалась дезорганизованной, когда вспыхнула буржуазно-демократическая революция. Старый лидер демократической партии Вильмош Важони еще во время войны дезорганизовал мелкую буржуазию своей экстремистской политикой поддержки войны до конца и поддержкой габсбургской династии. Доктринерская, чуждая действительности, политически неопытная группировка мелкобуржуазной интеллигенции во главе с министром Оскаром Яси попыталась организовать мелкую буржуазию города в радикальную партию. Между партией Каройи, радикалами и социал-демократами началась борьба за влияние на мелкую буржуазию, особенно на служащих и чиновников. В этой борьбе победа в столице досталась социал-демократам, в провинции же одержала верх партия Каройи. Партия же радикалов распалась и вынуждена была пойти на самороспуск накануне победы диктатуры пролетариата.

Партия Каройи стала сборным пунктом богатых и средних слоев крестьянства. К ней вынуждена была присоединиться и значительная часть бюрократии, не питавшая, однако, никакого доверия к партии Каройи. Большая часть интеллигенции, приписывавшая «потерю» 20-миллионной Венгрии графу Каройи, уже поэтому не могла стать надежной опорой его партии. Недоверие интеллигенции к этой партии возрастало из-за того, что она считала ее бессильной. Интеллигенция не видела никакой силы ни внутри этой партии, ни за нею, не верила в ее способность постоять за целостность Венгрии против Чехословакии, Югославии, Румынии и Италии, с одной стороны, дать отпор рабочему классу и защитить капитализм — с другой.

В борьбе против коммунистической партии контрреволюция возлагала особые надежды на социал-демократию. Широкие массы мелкой буржуазии, чиновничество и даже офицерство устремились в социал-демократическую партию. Низшие и средние чины полиции и жандармерии также состояли в социал-демократической партии. Таким путем они пытались спасти себя от накопившегося за годы войны народного гнева и последствий

возмездия масс. Социал-демократия была совершенно ослаблена внутренней борьбой в своих собственных организациях между силами революции и контрреволюции.

Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, беднейшие крестьяне даже внутри социал-демократических партийных организаций продолжали вести классовую борьбу против тех буржуазных и «демократических» элементов, которые наводнили социал-демократическую партию и на которые опиралось социал-демократическое партийное руководство. Это обстоятельство значительно ослабило социал-демократическую партию и профбюрократию.

Правда, «левые» социал-демократы предпринимали против коммунистов все возможное и даже невозможное, участвовали в погромах и травле коммунистов, но в те бурные дни они объективно во многом способствовали тому, что социал-демократическое руководство в силу своей внутренней дезорганизации утратило влияние на массы.

Лидеры «левой» социал-демократии под нажимом масс были вынуждены объявить, что социал-демократическая партия разгонит Национальное собрание, если социал-демократы не получат в нем большинства. Это, с одной стороны, отпугнуло буржуазию, а с другой — дало коммунистической партии оружие для агитации против Национального собрания и за Советскую власть. В тот период «левая» социал-демократия и центристы объективно способствовали революционному движению, ибо в ряде случаев против своей воли ослабляли контрреволюцию и тормозили ее деятельность.

Венгерская буржуазия в то время еще не сумела наладить интернациональных связей для поддержки своей контрреволюции. И в международном плане только социал-демократия оставалась единственной надежной опорой венгерской контрреволюции, стремившейся к «территориальной неприкосновенности» Венгрии, чтобы иметь возможность по-прежнему жестоко угнетать трудящиеся массы национальных меньшинств: румын, словаков, сербов, хорватов и т. д. На международной конференции, целью которой было воссоздание II Интернационала, венгерские социал-демократы пытались побудить своих собратьев из стран одержавшей победу Антанты «лучше относиться к Венгрии».

Австрийская социал-демократия оказывала большую поддержку венгерским контрреволюционерам не только после победы пролетарской революции, но и до этого и предоставила им в Вене широкое право убежища. Но австрийские социал-демократы тогда были заняты подавлением попыток рабочего класса в своей стране совершить пролетарскую революцию. Германская буржуазия видела в венгерской буржуазии только вероломного союзника. Буржуазия Антанты вовсе не была склонна вознаградить графа Каройи за его симпатии к Антанте во время войны и с самого начала отказала ему во всякой поддержке. С буржуазией же соседних стран (Румынии, Чехословакии, Югославии) венгерская буржуазия вела ожесточенную борьбу.

Большинство промышленного пролетариата под руководством коммунистической партии хотело покончить с капитализмом, стремилось к непосредственному переходу к социализму. Сельскохозяйственные рабочие и батраки крупных поместий приступили к захвату латифундий, на раздел которых никак не могло решиться правительство Каройи. Крестьяне — обладатели карликовых хозяйств, бедняки, середняки и даже значительная часть кулаков — враждебно относились к крупным помещикам.

Буржуазный государственный аппарат был совершенно дезорганизован. В целом ряде провинциальных центров рабочие отстранили комиссаров временного правительства, выбросили на улицу чиновников и образовали директориумы — органы власти на местах. Национальный совет прекратил свое призрачное существование. Реорганизация военных сил по образцу австрийской социал-демократии, в форме «профсоюзной армии», была сорвана агитацией и массовыми выступлениями, организованными коммунистической партией. Полиция, жандармерия и другие особые вооруженные формирования еще колебались между буржуазно-помещичьей контрреволюцией и страхом перед коммунистами, но уже не представляли собой никакой серьезной опоры для правительства.

Таким было положение, когда венгерская буржуазия оказалась перед выбором: либо уйти в отставку, отказаться от власти в пользу Антанты и ее наемников — чехословацкой, югославской и румынской буржуазии, либо

же передать власть рабочему классу. Социал-демократия, как главная социальная опора буржуазии, была поставлена перед той же дилеммой, что и все другие партии буржуазии.

Этот вынужденный выбор происходил при таких обстоятельствах, о которых Жигмонд Кунфи, один из наиболее видных и опаснейших членов социал-демократического руководства, говорил:

«Правительство фактически уже прекратило свое существование, а социал-демократия была поставлена перед выбором: либо сыграть роль Носке, либо же капитулировать перед коммунистами».

Венгерская социал-демократия не взяла на себя роль Носке по отношению к коммунистической партии и революционным рабочим просто потому, что в сложившихся условиях ей не хватало для этого сил. Не хватало именно организованной вооруженной силы, а не моральной или политической смелости для того, чтобы выполнить роль Носке. И поэтому, когда буржуазия была поставлена перед вопросом о сдаче власти, социал-демократия тоже была вынуждена подписаться под коммунистической платформой, на которой стояла уже не одна только молодая коммунистическая партия, но также широкие массы рабочего класса и значительная часть вооруженных сил. За коммунистами стояли вооруженные силы, выступающие за Советскую власть. Буржуазия же в этих условиях была теснима еще и с другой стороны — со стороны империализма Антанты.

Венгерская буржуазия, поверженный столп побежденной среднеевропейской империалистической группы, попыталась было переориентироваться на империализм Антанты, чтобы снова поднять голову. Но ответом на эту попытку была нота Викса: раздел Венгрии, захват подавляющей части сферы влияния венгерской буржуазии. На ноту Викса венгерская буржуазия захотела было ответить «ориентацией на Восток», но уже не могла осуществить этого как господствующий класс. Ей не хватало сил. Она была зажата между наступающим империализмом Антанты и развертывающейся пролетарской революцией.

Ответом социал-демократической партии на ноту Викса было принятие платформы Коммунистической партии Венгрии, что одновременно означало и принятие Советской власти как основы новой власти. Венгерская

социал-демократия осуществила этот поворот, тоже находясь между двух огней: под нажимом империализма Антанты, с одной стороны, и под натиском революционного движения членов своей же партии и профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов,— с другой.

Вот причины того, что пролетариат Венгрии завоевал власть без вооруженного восстания и установил Венгерскую Советскую Социалистическую Республику. Но он завоевал ее хотя и без вооруженного восстания, но не без оружия и не без вооруженных боев. Буржуазия вовсе не преподнесла власть в дар рабочему классу. Она была вынуждена отойти от власти, когда у нее не осталось никаких средств вести борьбу за власть.

Почему мы не сумели воспользоваться нашей победой

Коммунистическая партия Венгрии не совершила опаснейшей ошибки: не отпрянула испуганно на самом пороге власти. Было бы доктринерством и глупостью в сложившейся тогда международной и внутриполитической обстановке ответить на предложение социал-демократии, принявшей программу коммунистов и давшей таким образом возможность захвата власти, что мы лучше подождем, пока можно будет с оружием в руках ворваться в открытые двери к власти. Такого рода поведение, рекомендованное нам некоторыми руководителями немецких «спартаковцев», как накануне рассматриваемых событий, так и впоследствии не оказало бы никакой помощи пришедшему к власти венгерскому пролетариату, а только скомпрометировало бы Коммунистическую партию Венгрии в глазах масс.

Но в то же время руководители Коммунистической партии Венгрии, и в первую очередь я лично, совершили ошибку, приняв в значительной мере за чистую монету декларацию социал демократических лидеров, на словах признавших платформу коммунистов, диктатуру пролетариата и Советскую власть. Нет сомнения, что падение Советской власти в Венгрии было вызвано не только субъективными ошибками коммунистической партии и ее руководителей, но и соотношением классовых сил вовне и внутри страны. Однако не подлежит сомнению, что со-

отношение классовых сил внутри страны, а отчасти даже и в международном масштабе можно было бы изменить в пользу венгерского пролетариата и его революции, в пользу Венгерской Советской Республики, если бы мы не совершили ошибки, которая состояла в объединении с социал-демократией и, как следствие этого, в отказе от самостоятельности коммунистической партии.

Указанное обстоятельство лишило диктатуру пролетариата в Венгрии организованного, руководящего авангарда. Роковая историческая ошибка внесла колебания в самое осуществление власти, колебания, которые в дальнейшем ходе боев неизбежно должны были охватить и трудящиеся массы. Примерно через год после свержения диктатуры пролетариата в Венгрии на эту ошибку указывал Ленин в следующих знаменательных словах:

«Ряд статей в «Красном знамени» («Die Rote Fahne», Вена), Центральном органе австрийской коммунистической партии, вскрыл одну из главных причин этой гибели: измену «социалистов», которые на словах перешли на сторону Бела Куна и объявили себя коммунистами, на деле же не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата, а колебались, малодушничали, забегали к буржуазии, частью прямо саботировали пролетарскую революцию и предавали ее. Окружающие венгерскую Советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т. е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской Советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей.

Нет сомнения, что часть венгерских социалистов *искренне* перешли на сторону Бела Куна и объявили себя *искренне* коммунистами. Но суть дела от этого нисколько не меняется: «искренне» объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики (— только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) — колеблется и малодушничает,— подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 131.

Руководители Коммунистической партии Венгрии (в первую очередь та часть их, которая перед основанием партии прошла по крайней мере первую ступень школы большевизма в Советской России), не колеблясь, стали на позицию создания самостоятельной коммунистической партии и порвали как с правыми социал-демократами, так и с центристами. В этом отношении мы еще во время войны определенно отличались от люксембургианцев, которые не могли понять необходимости разрыва с социал-демократией. Но когда мы на практике, в условиях новой ситуации встали перед задачей осуществления нашей принципиально правильной точки зрения, то оказались не в состоянии последовательно, по-марксистски, по-ленински проводить эту большевистскую политику в противовес предложению социал-демократии об объединении обеих партий.

Коммунистическая партия и ее руководство состояли из крайне разнородных элементов. Часть из них с радостью пошла на объединение с социал-демократами, поскольку и раньше выступала против основания коммунистической партии, надеясь, что им удастся «улучшить» изнутри социал-демократию, или же считая, что основание самостоятельной коммунистической партии преждевременно. Другая часть исходила из различных синдикалистских «соображений», придерживаясь того мнения, что в коммунистической партии отпадет надобность, как только будет установлено единство пролетариата в рамках Советов. Нашлись и такие, которые впоследствии осуждали объединение, но прежде всего на том основании, что якобы при данных обстоятельствах не надо было брать власть.

Практически же мы, и в первую очередь я лично, принимая предложение социал-демократов об объединении, исходили из того неверного, немарксистского тактического предположения, что объединение с уже продвигавшимися в Восточную Галицию частями русской Красной Армии (18 марта по радио было сообщено, что передовой отряд русской Красной Армии занял Тарнополь) даст возможность устранить наиболее ненадежных социал-демократических лидеров, не ушедших при объединении обеих партий, как это сделали крайне правые. Подобная тактика была немарксистской, неленинской потому, что строилась не на реальных возможностях, а на предполо-

жениях, которые могли осуществиться, но могли и не осуществиться, как оно и случилось на деле. Во всяком случае в факте объединения с социал-демократией сказались политические колебания молодой, не вооруженной необходимым политическим опытом, принципиально и теоретически недостаточно твердой гвардии коммунистических руководителей. Эти шатания были прежде всего следствием того, что руководство не продумало до конца и не поняло истинной роли центризма.

И другие наши ошибки, прежде всего ошибка в аграрном вопросе, способствовали тому, что Венгерская Советская Республика не смогла продержаться и дать отпор превосходящим военным силам, брошенным на нее империалистами Антанты. Однако решающая ошибка, не позволившая нам изменить соотношение классовых сил в пользу венгерского пролетариата как в международной, так и во внутренней борьбе против контрреволюции, состояла в том, что мы не использовали нашей победы над социал-демократией, выразившейся в том, что мы отвоевали у нее массы, заставили ее капитулировать и принять коммунистическую платформу и требование об установлении Советской власти. Внутри объединенной партии, внутри Советского правительства все четыре с половиной месяца его существования, не прекращаясь ни на минуту, шла непрерывная борьба. Коммунисты, руководители коммунистической партии, внесли свою бо́льшую или меньшую долю в эту борьбу против социал-демократических лидеров. Но лидеры крайне левого крыла социал-демократии, за очень немногим исключением (здесь прежде всего надо упомянуть товарища Евгения Варгу), продолжали и во время Советской власти играть свою прежнюю роль. Они стали главным препятствием, помешавшим коммунистам изолировать наиболее колеблющихся, наиболее враждебных социал-демократических лидеров. Кое-кто из них, как свидетельствуют мемуары социал-демократических лидеров, участвовал и в заговорах, ставивших своей целью насильственное удаление коммунистов из правительства. Когда ко времени созыва съезда объединенной партии дело дошло почти до разрыва между коммунистами и социал-демократами, именно эти левые элементы предали коммунистов и стали на сторону «единства», а фактически на сторону правых социал-демократов. Хотя мы и не были в плену

у социал-демократии и не рассматривали это «единство» как истинное, все же у нас, коммунистов, существовали иллюзии, что нам удастся ликвидировать колебания центристов путем убеждения и перетянуть их на свою сторону.

Мы приступили, хотя и с опозданием, к развертыванию движения за нелегальное сплочение сторонников коммунистической партии и создание широкой сети кадров новой коммунистической партии. В данной работе нас поддерживали не только наиболее влиятельные старые коммунисты, но и целый ряд рабочих руководителей, принявших только после 21 марта коммунистическую платформу. Эту многообещавшую попытку не удалось осуществить только из-за падения пролетарской диктатуры.

Неумение использовать победу над социал-демократией, непонимание роли социал-демократии и были основной причиной, которая при сложившемся тогда международном соотношении классовых сил привела все же после четырех с половиной месяцев к падению Венгерской Советской Республики.

Уроки, которые дала борьба венгерских пролетариев мировому пролетариату, состоят прежде всего в оценке руководящей роли коммунистической партии и в разоблачении исторической миссии социал-демократии. Ленин и Коммунистический Интернационал сделали эти уроки общим достоянием всего мирового пролетариата.

Эти уроки хранит в памяти и учитывает в своей борьбе Коммунистическая партия Венгрии. Наученная опытом, она после длительной борьбы, после ликвидации пагубных фракционных раздоров все глубже пускает свои корни, все шире распространяет влияние в массах венгерского пролетариата. Наша партия, партия со славным прошлым, боевым настоящим и блестящим будущим вновь идет во главе венгерских трудящихся.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к венгерскому изданию 3

ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ВЛАСТЬ

Советы рабочих в Венгрии. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 26 января 1918 г.* 33

Новый очаг заразы. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 26 апреля 1918 г.* 37

Чего хотят коммунисты? *Брошюра, написанная в мае 1918 г.* 40

Предисловие 40

Введение 41

I. Рабочий класс на перепутье 45

II. Насилие в ответ на насилие 52

III. Путь к социализму 56

IV. Так кто же такие коммунисты? 65

Кому принадлежит земля? *Статья, опубликованная в газете «Социальная революция». Май 1918 г.* 68

Революционные волны в Австрии. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 8 июня 1918 г.* 75

Родовые муки революции. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 27 июня 1918 г.* 79

Ленин. Предисловие к книге В. И. Ленина «Путь борьбы». *Конец июня 1918 г.* 82

Жизнь Ленина 83

Ленин и большевизм 86

Кто платит за войну? *Статья, опубликованная в сборнике «Революционные труды» № 4 за 1918 г.* 89

Революция в Венгрии. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 4 июля 1918 г.* 96

Что такое Советская Республика? *Брошюра, 1918 г.* 100
Совет рабочих депутатов несет освобождение 101
Кому Советская Республика предоставляет права? . . 104
Механизм Советской Республики 105
Хорошо бы, не правда ли? 108
Цена власти — борьба... 109

А все-таки мы будем бороться! *Статья, опубликованная в газете «Правда» 4 августа 1918 г.* 110

Свершилось! *Статья, опубликованная в газете «Социальная революция» 23 октября 1918 г.* 112

Подготовка к созданию Коммунистической партии Венгрии 117
Отрывок из речи, произнесенной на совещании *25 октября 1918 г.* 117
Речь на учредительной партийной конференции *4 ноября 1918 г.* 118

Письмо к В. И. Ленину *5 января 1919 г.* 121

Письмо к Игнацу Богару *11 марта 1919 г.* 123

ПРОЛЕТАРСКАЯ ВЛАСТЬ В ВЕНГРИИ

Приветствие Русскому Советскому Правительству. *Опубликовано в газете «Правда» 23 марта 1919 г.* 135

Венгрия — вторая советская республика. Речь на совещании уполномоченных коммунистической партии. *Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 23 марта 1919 г.* 136

Партийное единство. Письмо к товарищам. *Опубликовано в газете «Непсава» 27 марта 1919 г.* 138

Коммунизм восторжествует и за пределами Венгрии. Интервью корреспонденту газеты «Фатерланд». *Опубликовано в газете «Правда» 2 апреля 1919 г.* 142

У рабочих уже есть родина. Интервью с американскими журналистами. *Опубликовано в газете «Правда» 3 апреля 1919* г. 144

Венгерская Советская Республика выступает за мир со своими соседями. Беседа с будапештским корреспондентом «Нойес винер журнал». *Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 3 апреля 1919 г.* 146

Решительно покончить! *Статья, опубликованная в газете «Вёрёш уйшаг» 3 апреля 1919 г.* 147

Диктатура — власть пролетариата. *Статья, опубликованная в газете «Непсава» 4 апреля 1919 г.* 149

О внешней политике Советской Республики. Заявление будапештскому корреспонденту «Гамбургер фремденблатт». *Опубликовано в газете «Непсава» 5 апреля 1919 г.* 152

За пролетарское братство! Речь на митинге татабаньских шахтеров *13 апреля 1919 г.* 155

Речь на заседании Будапештского центрального революционного совета рабочих и солдатских депутатов *19 апреля 1919 г.* 157

Письмо В. И. Ленину *22 апреля 1919 г.* 161

Речь на смотре фабрично-заводских рабочих батальонов *23 апреля 1919 г.* 164
Речь на заседании Будапештского центрального революционного совета рабочих и солдатских депутатов *2 мая 1919 г.* 165
О рабочих полках. Заявление для газеты «Вёрёш уйшаг» *10 мая 1919 г.* 172
О контрреволюционных правительствах. Заявление для газеты «Абенд». *Опубликовано в газете «Непсава» 18 мая 1919 г.* 174
Да здравствуют сила и единство! *Статья, опубликованная в газете «Непсава» 23 мая 1919 г.* 176
Речь на заседании Будапештского центрального революционного совета рабочих и солдатских депутатов *24 мая 1919 г.* 178
Речь на заседании Будапештского центрального революционного совета рабочих и солдатских депутатов *31 мая 1919 г.* 185
Выступление на всевенгерском съезде земледельцев *1 июня 1919 г.* 190
Речь в городском театре на торжественном заседании Будапештского центрального революционного совета рабочих и солдатских депутатов *7 июня 1919 г.* 192
Речь на торжествах по случаю освобождения Кошице *10 июня 1919 г.* 203
Доклад и заключительное слово о программе партии на всевенгерской партийной конференции, состоявшейся *12—13 июня 1919 г.*
Доклад 205
Заключительное слово 217
Приветственная речь на Всевенгерском Съезде Советов *14 июня 1919 г.* 221
Доклад о внешней политике Советской Республики на Всевенгерском Съезде Советов *19 июня 1919 г.* 226
Речь на съезде молодых рабочих *20 июня 1919 г.* 246
Послание Ленину *21 июня 1919 г.* 248
Речь на заседании Центрального федеративного исполнительного комитета *25 июня 1919 г.* 249
Диктатура пролетариата — демократия. Речь на митинге рабочих г. Мишкольца. *Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 8 июля 1919 г.* 253
Революция и контрреволюция. Речь в казармах имени Энгельса *6 июля 1919 г.* 256
Речь на заседании Центрального федеративного исполнительного комитета *15 июля 1919 г.* 259
Речь при вручении знамени 31-му полку. *Опубликована в газете «Вёрёш уйшаг» 30 июля 1919 г.* 265

УРОКИ

Революционное прошлое. *Декабрь 1919 г.* 269

Беседа с Бела Куном *21 декабря 1919 г.* 270

Карлштейн . . . . . —

Желтые социалисты 272

Дипломаты Антанты 273

Социализм и сельское хозяйство 274

Красный и белый террор 275

Мировая революция 276

От революции к революции. *Брошюра. 1920 г.* 278

I. От революции к революции . . . . . —

II. С новыми силами — на классовую борьбу 288

III. Организация на принципиальной основе и единство действий 297

IV. Тактика коммунистов 308

V. Какой должна быть коммунистическая организация 316

VI. Оценка положения 322

Послесловие 328

Марксистская теория — революционная практика. *Статья, опубликованная в журнале «Коммунизмуш» № 1—2, 1920 г.* 336

Несколько замечаний для благожелателей. Послесловие к брошюре «Что говорит III Интернационал о пролетарской революции в Венгрии». *Опубликовано в 1920 г.* . . 341

Роль партий в установлении диктатуры. *Статья, опубликованная в газете «Вёрёш уйшаг» 27 июня 1920 г.* . . . 376

Открываются двери тюрем. *Статья, опубликованная в газете «Вёрёш уйшаг» 15 января 1921 г.* 386

Как открываются двери тюрем? *Опубликовано в газете «Пролетар» 30 сентября 1921 г.* 389

Беспомощность социал-демократов 390

Реалистическая политика русской пролетарской диктатуры 391

Не только за народных комиссаров! 392

Чему молодежь должна научиться на примере венгерской пролетарской революции? *Статья, помещенная в сборнике «В стране виселиц», 1924 г.* 395

Советская Венгрия — союзница СССР. К 5-й годовщине Венгерской Советской Республики. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 21 марта 1924 г.* 406

Изучать крестьянина! Заметки по крестьянскому вопросу для промышленных рабочих. *Опубликованы в журнале «Уй марциуш», IX, 1925 г.* 412

Рабоче-крестьянский союз на первом и втором этапах венгерской революции 413

Предисловие к сборнику «Ленин и диктатура пролетариата в Венгрии». *1927 г.* 420

Письмо командованию Красной Армии. *Опубликовано в журнале «Уй марциуш», X—XI, 1927 г.* 422

Через девять лет. Размышления над газетой «Вёрёш уйшаг». *Опубликованы в журнале «Уй марциуш», III, 1928 г.* 425

Предисловие к книге Бела Иллеша «Тиса горит» *3 января 1929 г.* 432

К 10-й годовщине пролетарской революции в Венгрии. *Статья, опубликованная в журнале «Уй марциуш», III, 1929 г.* 435

Уроки пролетарской революции в Венгрии. *Статья, опубликованная в газете «Правда» 21 марта 1929 г.* 451

Поспешили ли мы с созданием Коммунистической партии Венгрии? Заметки в преддверии 12-й годовщины основания КПВ. *Опубликованы в журнале «Уй марциуш», X—XI, 1930 г.* 459

Предисловие к книге Лайоша Киша «Красный город». *Опубликовано в журнале «Шарло эш Калапач» за сентябрь 1931 г.* 466

Предисловие к книге Йожефа Лендьела «Вишеградская улица» *16 января 1932 г.* 470

Воспоминания о Тиборе Самуэли. Предисловие к книге Тибора Самуэли «Боевая тревога». *Опубликовано в 1933 г.* . . 478

I. Каким был Тибор Самуэли . . . . . —

II. Путь к большевизму 480

III. В стране Ленина и пролетарской революции . . 484

IV. В борьбе за диктатуру пролетариата 490

V. Самуэли в период диктатуры пролетариата . . . 493

VI. Против двух лживых утверждений 502

VII. Борьба Самуэли с контрреволюцией 503

VIII. Наши политические взаимоотношения с Тибором 508

Почему потерпела в Венгрии пролетарская революция. К 15-летию Советской Социалистической Республики в Венгрии. *Брошюра. 1934 г.* 519

Коммунистическая партия Венгрии и вопрос о власти 521

Соотношение классовых сил в Венгрии к началу пролетарской революции 528

Почему мы не сумели воспользоваться нашей победой 534

Перевод с венгерского
Б. Гейгера, К. Иванова, Н. Сикачева,
Б. Шевыкина

Редактор *Ю. Егоров*

Художник *Н. Симагин*
Технический редактор *О. Семенова*

Сдано в набор 10 сентября 1965 г. Подписано в печать 29 декабря 1965 г.
Учетно-изд. л. 26,70. Цена 95 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва. Краснопролетарская 16. Зак. 3492.